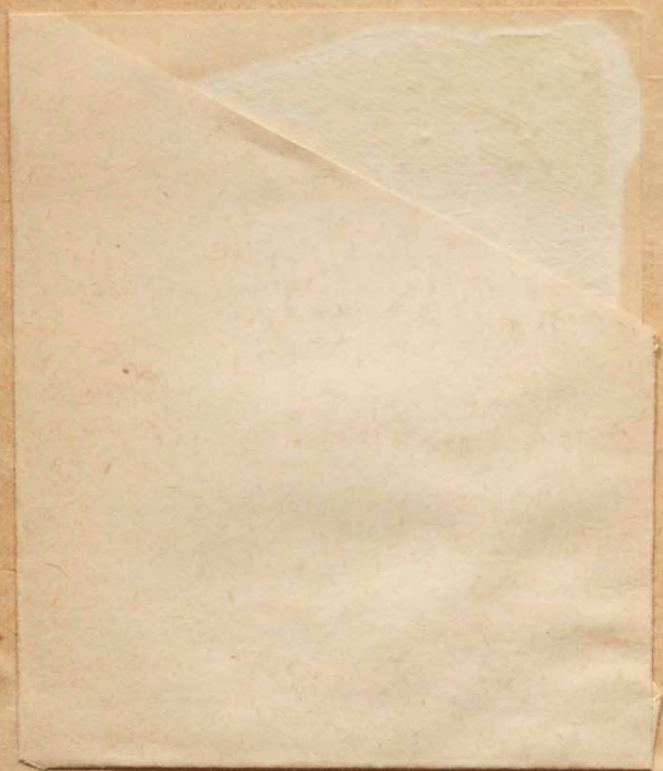

$P_{\delta} \frac{10}{628}$

was q^e

Р- 10
628

Н. А. Лейкинъ.

ПОДЪ ЮЖНЫМИ
НЕБЕСАМИ.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОЪЗДКИ
супруговъ,
Николая Ивановича и Глафиры Семеновны
ИВАНОВЫХЪ,
въ Біарицъ и Мадридъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». 2-я Рождественская ул., д. № 7.
1899.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Москва, Саратовъ, Одесса и Харьковъ). Н. П. Карбасникова (С.-Петербургъ, Москва, Варшава), Насл. Бр. Салаевыхъ (Москва) и у всѣхъ другихъ книгопродавцевъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продаются слѣдующія книги:

Н. А. ЛЕЙКИНА.

- ◆ **НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ**, юмористическіе очерки подгородной деревенской жизни. Изд. 2-е. 451 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ **ВОСКРЕСНЫЕ ОХОТНИКИ**, юморист. рассказы о похожденияхъ столичныхъ, подгородн. охотниковъ. Изд. 3-е. 335 стр. Ц. 1 р.
- ◆ **ЗАДУШЕВНЫЯ ПИСЬМА**, юмористическіе рассказы. Изд. 2-е. 274 стр. Цѣна 1 р.
- ◆ **ТАМЪ И СЯМЪ**. Рассказы. Изд. 2-е. 326 стр. Ц. 1 р.
- ◆ **СТРАНСТВУЮЩАЯ ТРУППА**, романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. 452 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ **НЕ ВЪ МАСТЬ**, романъ. Изд. 2-е. 239 стр. Ц. 75 к.
- ◆ **ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРОКЪ**. Юмористическое описаніе путешествія супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ черезъ Славянскія земли въ Константинополь. Изд. 4-е. 584 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ **ГДѢ АПЕЛЬСИНЫ ЗРѢЮТЪ**. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ по Ривьерѣ и Италіи. Изд. 10-е. 488 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ **НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ**. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. Изданіе 15-е. 526 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ **НА ЗАРАБОТКАХЪ**, романъ. Изд. 2-е. 406 стр. Цѣна 1 р. 20 к.
- ◆ **АКТЕРЫ-ЛЮБИТЕЛИ**, рассказы. 3-е изд. 274 стр. Ц. 1 р.
- ◆ **ГОЛУВЧИКИ**, сборн. юмористич. рассказовъ съ 53 рисунками художн. А. И. Лебедева. 176 стр. Цѣна 2 р.
- ◆ **ВЪ ЦАРСТВѢ ГЛИНЫ И ОГНЯ**, романъ. 210 стр. Цѣна 1 р.
- ◆ **ВЪ ОЖИДАНИИ НАСЛѢДСТВА, ИЛИ СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ КОСТИ БЕРЕЖКОВА**, романъ. 472 стр. Цѣна 2 р.
- ◆ **САТИРЪ И НИМФА. ИЛИ ПОХОЖДЕНІЯ ТРИФОНА ИВАНОВИЧА И АКУЛИНЫ СТЕПАНОВНЫ**, романъ. 453 стр. Ц. 2 р.
- ◆ **СТУКИНЪ И ХРУСТАЛЬНИКОВЪ**, романъ изъ жизни баварскихъ дѣятелей. 342 стр. Цѣна 2 р.

Р 628

Н. А. Лейкинъ.

ПОДЪ ЮЖНЫМИ
НЕБЕСАМИ.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОѢЗДКИ
супруговъ,

Николая Ивановича и Глафиры Семеновны
ИВАНОВЫХЪ,

въ Біарицъ и Мадридъ.

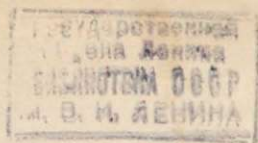
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». 2-я Рождественская ул., д. № 7.

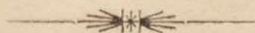
1899.

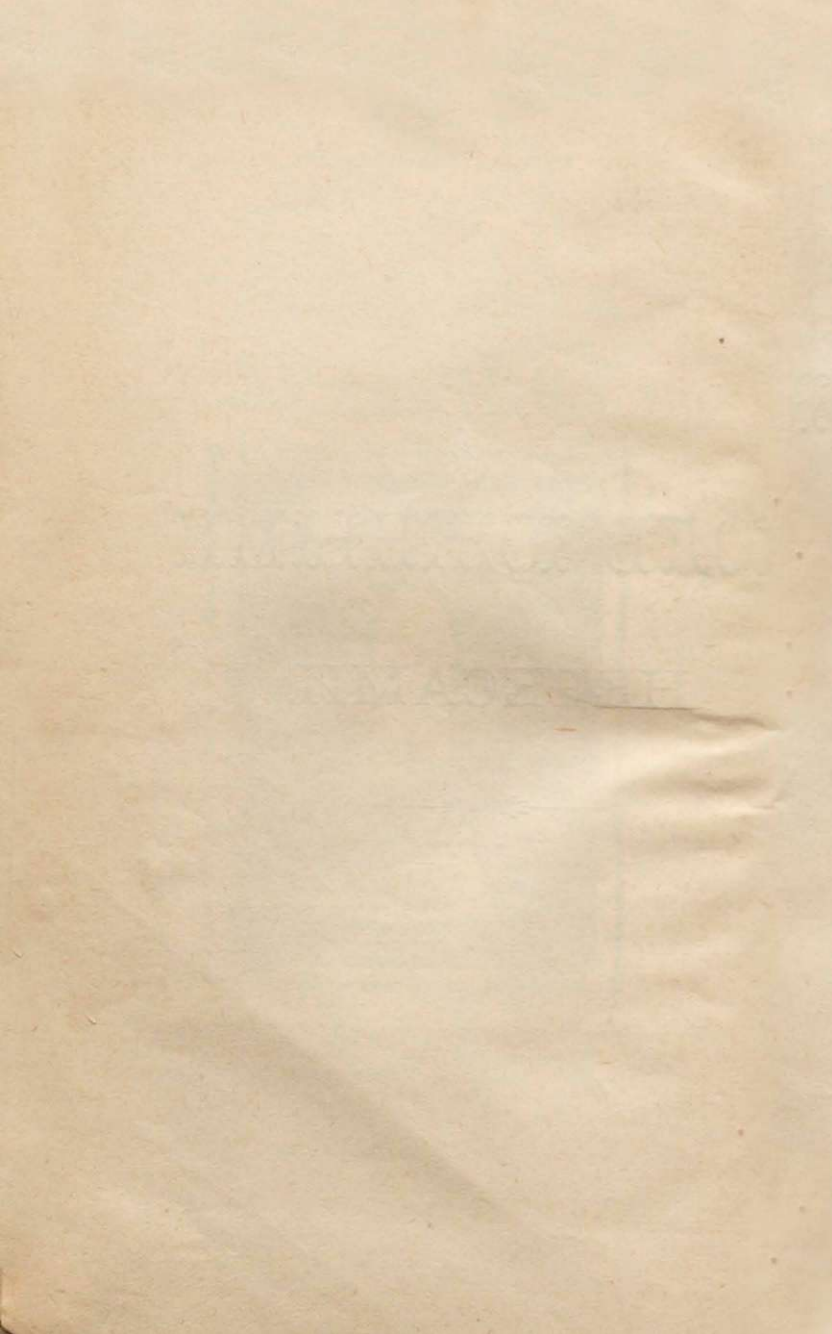

68843 - 48

ПОДЪ КОЖНЫМИ
НЕБЕСАМИ.

К Н И Г А И М Е Е Т

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1955 г.
32						к 79		7

627/16 — 250 тыс

826

9/2

ПОДЪ ЮЖНЫМИ НЕБЕСАМИ.

I.

СТОЯЛА теплая ясная осень, но по ночамъ температура воздуха значительно понижалась. Каштановыя деревья и бѣлыя акаціи на парижскихъ бульварахъ давно уже пожелтѣли и обсыпали тротуары желтымъ скоробившимся листомъ. Стоялъ конецъ сентября по новому стилю. Былъ девятый часъ утра. Каретка общества „Урбенъ“ съ кучеромъ въ бѣлой лакированной шляпѣ, выѣхавъ на улицы Ришелье въ Парижѣ, давно уже тащилъ къ самому отдаленному отъ парижскаго центра железнодорожному вокзалу—къ вокзалу Орлеанской железной дороги. Рядомъ съ кучеромъ стоялъ большой дорожный сундукъ, залѣпленный самыми разными цвѣтными бумажными ярлыками съ именами городовъ и гостинницъ. Въ кареткѣ саквояжей, баульчиковъ, картонокъ со шляпами и сумки съ двумя подушками, завернутыми въ бумагу, сидѣли русскіе путешественники супруги Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна Ивановы. Николай Ивановичъ курилъ, выпуская изо рта гу-

стыя струи дыма. Глафира Семеновна морщилась и попрекала мужа.

— На минуту не можешь обойтись безъ соски,— говорила она и кашлянула.— Учись у французовъ. Они курятъ только послѣ ѣды, а вѣдь ты какъ засосешь спозаранка, да такъ до ночи и тянешь. Всѣ глаза мнѣ задымилъ... И въ носъ, и въ ротъ... Брось...

— Да ужъ докурилъ. Двѣ-три затяжки только... — спокойно отвѣчалъ мужъ.

— Брось, тебѣ говорятъ! Ты видишь, мнѣ першитъ. Она вырвала изъ руки мужа папироску и выкинула за окно кареты.

Карета переѣхала уже два моста и тащилась по набережной.

— Удивительное дѣло: сколько разъ мы ѣздили за границу и ни разу не были въ Біаррицѣ,— сказала супругъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да вѣдь ты-же...—опять набросилась на него Глафира Семеновна.— Всякій разъ я говорила тебѣ, что у меня ревматизмъ въ плечѣ и колѣнкѣ, что мнѣ нужны морскія купанья, но ты не внимаешь. Еще когда мы были на послѣдней Парижской выставкѣ, я у тебя просилась съѣздить покупаться въ Трувиль...

— Въ первый разъ слышу.

— Ты все въ первый разъ слышишь, что до жены касается. У тебя уши ужъ такъ устроены. А между тѣмъ, въ Парижѣ на выставкѣ я даже купила себѣ тогда купальный костюмъ.

— Ты купила себѣ, насколько мнѣ помнится, красную шерстяную фуфайку и красные панталоны.

— Такъ вѣдь это-то купальный костюмъ и былъ. И такъ зря, ни за что тогда съѣла у меня въ Петербургѣ мошь этотъ костюмъ.

— Ну, матушка, если въ такомъ костюмѣ, какой ты купила тогда въ Парижѣ, купаться дамѣ при всей публикѣ, то мое почтеніе! Совсѣмъ на акробатическій манеръ...

— Молчите. Что вы понимаете!

— Понимаю, что срамъ...

— Но если это принято и дамы купаются въ костюмахъ, которые еще срамнѣе, такъ неужели же мнѣ отставать? Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Впрочемъ, вѣдь на купальные костюмы мода, какъ и на все другое. И я, какъ пріѣду въ Біаррицъ, сейчасъ-же куплю себѣ тамъ самый модный купальный костюмъ.

— Только ужъ, прошу тебя, поскромнѣе.

— Не ваше дѣло. Какой въ модѣ, такой и куплю.

— Декольты-то этой самой поменьше.

— Мнѣ нечего утаивать. У меня все хорошо, все въ порядкѣ. А если такъ принято...

— Но вѣдь ты дама хорошаго купеческаго круга, а не какая-нибудь, съ позволенія сказать...

— Если есть чѣмъ похвастать, то отчего-же не похвастать и дамѣ изъ хорошаго купеческаго круга? Вѣдь если-бы дама тайкомъ отъ мужа, а тутъ... Рѣшительно ничего не вижу предосудительнаго. Но главное, на морскихъ купаньяхъ это принято,—

закончила Глафира Семеновна тономъ, не допускающимъ возраженія и умолкла.

Умолкъ и Николай Ивановичъ. Онъ видѣлъ, что жена ужъ начинаетъ его поддразнивать, и зналъ по опыту, что чѣмъ больше онъ будетъ ей возражать, тѣмъ сильнѣе она закуситъ свои удила и будетъ его поддразнивать. Это состояніе супруги онъ обыкновенно называлъ: „закусить удила“.

Карета подъѣхала къ самому вокзалу Орлеанской желѣзной дороги, закоптѣлому и грязному на видъ, и остановилась у подъѣзда. Къ каретѣ подскочили носильщики въ синихъ блузахъ съ нумерами на форменныхъ фуражкахъ и стали вынимать изъ кареты багажъ.

— Директъ а Біаррицъ,—сказалъ Николай Ивановичъ носильщику, вылѣзая изъ кареты съ пачкой зонтиковъ и тростей. — Е шерше вагонъ авекъ корридоръ...

— Вуй, вуй. Непремѣнно вагонъ перваго класса съ корридоромъ, въ которомъ была-бы уборная,—прибавила въ свою очередь и Глафира Семеновна тоже на ломаномъ французскомъ языкѣ и пояснила по-русски:—А то эти французскія купе каретками съ двумя дверями и безъ уборной—чистое наказаніе. Вѣдь болѣе полусутоеъ ѣхать. Ни поправиться, ни рукъ вымыть, ни...—улыбнулась она, не договоривъ, и, кивнувъ носильщику, опять перешла на французскій языкъ:—Если будетъ для насъ купе съ корридоромъ—получите хорошо за услугу.

Носильщикъ, захвативъ изъ кареты мелкія вещи,

пошелъ въ вокзалъ за телѣжкой для крупнаго багажа. Глафира Семеновна, опасаясь за свои новыя шляпки въ картонкахъ, только что купленныя въ Парижѣ, побѣжала, слегка переваливаясь съ ноги на ногу, за носильщикомъ и кричала ему, мѣшая русскія слова съ французскими:

— Экуте... Же ву при картонки поосторожиѣе! Се сонъ ле шапо... Не опракидывать ихъ... Ту ба... Ву компрене?—спрашивала она, опередивъ носильщика.

Но тотъ, полагая, что его подозрѣваютъ, чтобы онъ не скрылся съ вещами, указалъ на свой номеръ на фуражкѣ и отвѣчалъ по-французски:

— Номеръ шестьдесятъ девять, мадамъ... Будьте покойны.

Супруги Ивановы, какъ и всѣ русскіе за границей, пріѣхали къ поѣзду еще задолго до его отправленія. Даже билетная касса была еще заперта. Они были на вокзалѣ первыми пассажирами. Глафира Семеновна, какъ всегда, и за это набросилась на мужа.

— Ну, вотъ, цѣлый часъ ждать поѣзда. Даже билеты купить нельзя. Ходи и слоняйся, пока откроютъ кассу. А все ты! — восклицала она. — „Скорѣй, Глаша! Торопись, Глаша! Не копайся, Глаша!“

— Такъ что за бѣда, что рано пріѣхали?—отвѣчалъ мужъ. — Опоздать непріятно, а пріѣхать раньше отлично. Хорошія мѣста себѣ займемъ въ вагонѣ съ корридормъ. Ты знаешь, мѣста-то въ вагонѣ

съ уборной берутъ чуть не штурмомъ. Наконецъ, взявши билеты, пока не впускаютъ еще въ поѣздъ, можно пройти въ ресторанъ.

— Нѣтъ, насчетъ ресторана-то ты ужъ оставь. Кофе мы пили въ гостинницѣ, а глотать вино съ ранняго утра я тебѣ не позволю.

— Не пить сейчасъ, но захватить съ собой въ вагонъ бутылочку не мѣшаетъ. Вѣдь это поѣздъ экспрессъ... Летить, какъ молнія... Нигдѣ на станціяхъ не останавливается. Начнется жажда...

— Вздоръ. Съ нами пойдетъ ресторанъ въ поѣздѣ.

— Какой-же на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ ресторанъ! Вѣдь это не пѣмечина съ поѣздомъ гармоніями.

Носильщикъ, между тѣмъ, уложивъ весь ручной багажъ супруговъ на телѣжку, тыкалъ пальцемъ въ тюкъ съ подушками, высовывающимися изъ пледовъ и, улыбаясь, спрашивалъ:

— Les russes?

— Рюссъ, рюссъ...—кинула ему Глафира Семеновна, тоже улыбнувшись, и сказала мужу:—По подушкамъ узналъ.

— Brave nation!—похвалилъ носильщикъ русскихъ и прищелкнулъ языкомъ.

Кассиръ отворилъ кассу, и Николай Ивановичъ бросился къ его окошечку за билетомъ.

II.

НЕ прошло и десяти минутъ, какъ супруги Ивановы сидѣли уже въ купѣ вагона перваго класса съ корридоромъ и уборной — единственномъ вагонѣ съ корридоромъ во всемъ поѣздѣ.

— Отвоевали себѣ мѣстечки въ удобномъ вагончикѣ! — радостно и торжественно говорила Глафира Семеновна, располагаясь въ купѣ съ своими вещами.

— Да хорошо еще, что такой вагонъ въ поѣздѣ-то нашелся, а то иногда во французскихъ поѣздахъ съ корридоромъ-то и не бываетъ, — тоже торжествуяще отвѣчалъ Николай Ивановичъ и на радостяхъ далъ носильщику цѣлый франкъ. — На, получай и моли Бога о здравіи раба Божьяго Николая, — сказалъ онъ ему по-русски, но, ощутивъ въ карманѣ мѣдяки, сунулъ носильщику и ихъ, прибавивъ: — Вотъ тебѣ и еще ребятишкамъ на молочишко три французскіе пятака. Съ Богомъ... Мерси... — привѣтливо махнулъ онъ ему рукой.

— *Bon voyage, monsieur...* — раскланялся съ нимъ носильщикъ, улыбаясь во всю ширину своего рта по поводу такой особенной щедрости.

Мадамъ Иванова была такъ рада удачному занятію мѣстъ, что даже перестала придирается къ мужу, но не особенно довѣряя себѣ въ томъ, что

Подъ южними небесами.

вагонъ ихъ съ уборной, тотчасъ-же пошла убѣдиться въ этомъ.

— Все въ порядкѣ...—любезно подмигнула она мужу.—Раскладывай поскорѣй вещи-то по сидѣньямъ.

Николай Ивановичъ сталъ раскладывать вещи.

— Почти еще полчаса до отхода поѣзда,—говорилъ онъ, взглянувъ на станціонные часы.—За что люблю французовъ? За то, что у нихъ на конечныхъ пунктахъ, какъ и у насъ въ Россіи, заранѣе въ вагоны забираются можно. Вѣдь вотъ поѣзду еще полчаса стоять, а мы ужъ сидимъ. Можно и въ окошечко посмотрѣть, публику покритиковать, водицы содовой выпить, газетку купить. Однимъ словомъ, безъ спѣшки, съ прохладцей... А ну-ка, попробуй это въ Берлинѣ! Тамъ на станціи Фридрихштрассе примчится не вѣдь откуда поѣздъ и трехъ минутъ не стоитъ. Всѣ бросаются въ поѣздъ, какъ на пожаръ... вагоны берутъ чуть не штурмомъ. Не успѣешь даже разглядѣть, куда садишься. Носильщикъ зря бросаетъ въ вагонъ вещи. Некогда пересчитать ихъ. На-силу успѣешь сунуть ему никелевые пфенниги за труды—фю ю-ю—и помчался поѣздъ. А здѣсь, куда проще. Нѣтъ, французы намъ куда ближе нѣмцевъ!..

Николай Ивановичъ выглянулъ въ окошко и купилъ у разнозчика газету „Фигаро“.

— Зачѣмъ ты это? Вѣдь читать ты не будешь,—замѣтила ему жена.

— А можетъ быть кое-что прочту и пойму,—

отвѣчалъ онъ. — Во-первыхъ, въ „Фигаро“ всегда картинка есть. Картинку посмотрѣть можно. Наконецъ, о прїѣзжихъ. Кто изъ русскихъ въ Парижъ прїѣхалъ. Это-то ужъ я всегда понять могу... Да и вообще прїятно въ путешествіи быть съ газеткой.

Онъ надѣлъ пенснэ, развернулъ газету и сталъ смотрѣть въ нее, но тотчасъ-же отложилъ въ сторону.

— Пойду-ка я въ буфетъ... Какъ ты хочешь, а бутылочку винца надо съ собой захватить,—сказалъ онъ женѣ.

— Не зачѣмъ,—строго остановила его та. — Ты уйдешь изъ вагона, а здѣсь увидать, что я одна и сейчасъ-же займутъ мѣста въ купѣ.

— Однако, душечка, вѣдь это экспрессъ... Поѣздъ полетитъ безъ остановки. Насъ жажда замучить можетъ. Вѣдь и тебѣ не мѣшаетъ глоточекъ винца сдѣлать.

— О мнѣ прошу не заботиться... А ваше пьянство за границей мнѣ уже надоѣло. Стоитъ только вспомнить Турцію, гдѣ мы съ тобой были въ прошломъ году, такъ и то меня въ дрожь бросаетъ. Ужъ, кажется, турки и народъ-то такой, которымъ вино закономъ запрещено, но ухитрился-же ты...

— Позволь... Но какое-же тутъ пьянство, если я одну бутылку вина-ординера?

— Сиди... Отъ жажды у меня яблоки съ собой есть.

И мужъ повиновался. Онъ вышелъ въ корри-

доръ и сталъ смотрѣть въ окошко. Прошли дама съ мужчиной. Мужчина былъ въ усахъ, въ свѣтломъ пальто и фетровой сѣрой шляпѣ. Пальто сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ, и было далеко не первой свѣжести. Они говорили по-русски.

„Навѣрное военный, — подумалъ про мужчину Николай Ивановичъ. — Не умѣютъ военные за границей статское платье носить“.

Догадка его подтвердилась. Мужчина говорилъ дамѣ:

— Представь себѣ, мнѣ все кажется, что я гдѣ-нибудь свою пашку забылъ. Хвачусь за бедро, нѣтъ пашки и даже сердце екнуло. Удивительная сила привычки.

Николай Ивановичъ обернулся къ женѣ и сказалъ:

— Съ нами въ поѣздѣ русскіе ѣдутъ: мужчины и дама.

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Я думаю, даже не одинъ русскій мужчина съ дамой, а навѣрное цѣлый десятокъ, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Теперь въ Біаррицѣ начало русскаго сезона. Въдь потому-то я тебя туда и везу. Туда русскіе всегда наѣзжаютъ на сентябрь мѣсяцъ и живутъ до половины октября. Я читала объ этомъ.

Черезъ минуту и въ концѣ корридора послышалась русская рѣчь. Кто-то плевался и произнесъ:

— Чортъ знаетъ, какія здѣсь во Франціи папиросы дѣлаютъ! Словно онѣ не табакомъ, а мочалой набиты. Мочалой набиты, да еще керосиномъ

политы. Право. Не то керосиномъ, не то кошкой пахнуть.

— Глаша! И въ нашемъ вагонѣ русскіе сидятъ,— снова заглянулъ въ купѣ къ женѣ Николай Ивановичъ.

— Ну, вотъ видишь. Я-же говорила тебѣ... Мадамъ Кургузова говорила мнѣ въ Петербургѣ, что теперь Біаррицъ переполненъ русскими.

— Но все-таки въ поѣздѣ не много пассажировъ. Развѣ на пути садиться будутъ, замѣтилъ супругъ, сѣлъ на свое мѣсто, досталъ изъ саквояжа путеводитель Ашетта и развернулъ карту южной Франціи.

— Конечно-же, по пути будутъ садиться,— продолжалъ онъ, смотря въ карту.— По пути будетъ много большихъ городовъ. Вотъ Орлеанъ... Это гдѣ Орлеанская-то дѣва была. Помнишь Орлеанскую дѣву? Мы пьесу такую видѣли.

— Еще-бы не помнить. Еще въ первомъ актѣ ты чуть не заснулъ въ театрѣ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ужъ и заснулъ! Скажешь тоже...—пробормоталъ Николай Ивановичъ.

— Однако, храпѣть началъ. Съ ногъ срѣзаль... Дѣйствительно, эта Орлеанская дѣва что-то ужъ очень много ныла. Монологи длинные, предлинные... Но какъ-же спать-то!

— Да не спалъ я... Брось... Бордо будетъ по дорогѣ...—разсказывалъ Николай Ивановичъ.—Это откуда къ намъ бордосское вино идетъ. Бордо...

Бордо—большой городъ во Франціи. Я читалъ про него. Торговый городъ. Виномъ торгуютъ. Вотъ-бы намъ гдѣ остановиться и посмотреть.

— И думать не смѣй! Съ какой стати? Поѣхали въ Біаррицъ, такъ прямо въ Біаррицъ и поѣдемъ.

— Всемирный винный городъ. При громадной рѣкѣ городъ... У насъ билеты проѣздные дѣйствительны на пять дней. Остановились-бы, такъ, по крайности, настоящаго бордо попробовали.

— А я вотъ винныхъ-то этихъ городовъ и боюсь, когда съ тобой путешествую. Бордо... Пожалуйста ты эту Борду выкинь изъ головы.

— Да вѣдь я ежели говорю, то говорю для самообразования. Путешествіе — это самообразование... — доказывалъ Николай Ивановичъ.

Часы по парижскому времени показывали девять часовъ тридцать пять минутъ. Кондукторъ провозгласилъ приглашеніе садиться въ вагоны и сталъ захлопывать дверцы вагоновъ, запирая ихъ на задвижки. Раздался свистокъ оберъ-кондуктора. Ему откликнулся паровозъ, и поѣздъ тронулся.

Глафира Семеновна перекрестилась.

— Давнишняя моя мечта исполняется. Я ѣду въ Біаррицъ на морскія купанья.

Ш.

Поѣздъ-экспрессъ, постепенно ускоряя-ходъ, вышелъ изъ предѣловъ Парижа, и неся во всю, мелькая мимо полустанокъ, около которыхъ ютились красивые дачные домики парижанъ, огороженные каменными заборами. Съ высоты поѣзда за заборами виднѣлись садики съ фруктовыми деревьями и другими насажденіями, огородики съ овощами. Попадались фермы съ скученными хозяйственными постройками, пасущіяся на миниатюрныхъ лужкахъ коровы и козы, привязанныя на веревкахъ за рога къ деревьямъ, фермерскіе работники, работающіе въ синихъ блузахъ и колпакахъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ, заслыша несшійся на всѣхъ парахъ поѣздъ, переставали работать, втыкали заступы въ землю и, уперевъ руки въ бока, тупо смотрѣли на мелькающіе мимо нихъ вагоны. Изъ придорожныхъ канавъ вылетали утки, испуганныя шумомъ. Погода стояла прекрасная, солнечная, а потому чуть-ли не въ каждомъ домишкѣ сушили бѣлье. Бѣлье сушилось на протянутыхъ веревкахъ, на оголенныхъ отъ листьевъ фруктовыхъ деревьяхъ, на балконахъ и иногда даже на черепичныхъ крышахъ. Николай Ивановичъ смотрѣлъ, въ окно и воскликнулъ:

— Да что они по командѣ всѣ выстирались что-ли! Въ каждомъ домишкѣ стирка.

Вскорѣ, однако, однообразные, хоть и ласкающіе взоры, виды пріѣлись. Николай Ивановичъ пересталъ смотрѣть въ окно и, вооружившись пенснэ, снова сталъ разсматривать карту Франціи, приложенную къ путеводителю. Смотрѣлъ онъ въ карту долго. Тряска вагона мѣшала ему читать мелкія надписи городовъ. Но вдругъ лицо его прояснилось, и онъ произнесъ:

— Мимо какихъ знаменитыхъ городовъ-то мы поѣдемъ!

— Мимо какихъ?—задала вопросъ Глафира Семеновна, отъ нечего дѣлать кушавшая шоколадныя лепешки изъ коробки.

— Да мимо Бордо, мимо Ньюи, Медока... Всѣ они тутъ. Навѣрное и Шато-Марго тутъ, и Сазъ-Жюльентъ...

— А чѣмъ они знамениты эти города?..

— Богъ мой! Чѣмъ они знамениты... Да неужели ты не знаешь?.. А еще въ хорошемъ пансіонѣ училась. Ньюи, Медокъ, Марго, Лафитъ — это все винные города.

— Какіе?

— Винные... Гдѣ вино дѣлаютъ.

— Тыфу ты! А я думала, и не вѣдь чѣмъ знамениты! Да развѣ дѣвицъ въ пансіонѣ про винные города учать? Я думаю, и у мальчиковъ-то эти города изъ географіи ихъ вычеркиваютъ.

— Нѣтъ, у насъ учили. Про всѣ хмельные города учили. Я и по сейчасъ помню, гдѣ Хересъ въ Испанской землѣ лежитъ. У меня въ картѣ, когда

я учился, онъ былъ даже красными чернилами обведенъ.

— Хвастайся! Хвастайся! Развѣ это хорошо?— сказала мужу Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ продолжалъ разглядывать карту.

— Бордо, Ньюи, Медокъ... Когда еще въ другой разъ будемъ въ этихъ краяхъ—неизвѣстно. А теперь ѣдемъ почти что мимо — и вдругъ не захать!

— Опять? И изъ головы выброшь, и думать объ этомъ не смѣй!

— Да я такъ, я ничего... А только, согласись сама, быть у самаго источника винодѣлія и не испробовать на мѣстѣ — непростительно. Ты женщина молодая, любознательная.

— Пожалуйста, не заговаривайте мнѣ зубы!— строго сказала жена. — Ѣдемъ мы въ Біаррицъ и никуда я не сверну до Біаррица... а тѣмъ болѣе въ хмельные города.

— Батюшки! И Коньякъ тутъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ, ткнувъ пальцемъ въ карту. — Глаша! Коньякъ! Вотъ онъ, не доѣзжая Бордо, вправо отъ желѣзной дороги лежитъ. Знаменитый Коньякъ, вылечившій столько лицъ во время холеры... Коньякъ... Скажи на милость... Ты, душечка, и сама имъ, кажется, лечилась столько разъ отъ живота?—обратился онъ къ женѣ.

— Оставь ты меня пожалуйста въ покоѣ! Не под-

говаривайся. Никуда я не сверну. Выбралъ самый хмельный городъ и хочетъ туда свернуть...

— Допустимъ, что онъ очень хмельной... но вѣдь я не ради пьянства хотѣлъ-бы въ немъ побывать и посмотрѣть, какъ вино дѣлаютъ, а прямо для самообразованія...

— Знаю я твое самообразование!

— Для культуры... И главное, какъ близко отъ желѣзной дороги этотъ самый Коньякъ. Чуть-чуть въ сторону... Сама-же ты стоишь за культуру и прогрессъ...

— Никуда мы не свернемъ съ дороги...—отрѣзала Глафира Семеновна.

— Да хорошо, хорошо... Слышу я... Но ты посмотри, Глаша, какъ это близко отъ желѣзной дороги.

Николай Ивановичъ протянулъ женѣ книгу съ картой, но та вышибла у него книгу изъ рукъ. Онъ крикнулъ и сталъ поднимать съ пола книгу.

Въ это время отворилась дверь купе и на порогѣ остановился молодой человѣкъ въ коричневомъ пиджакѣ съ позументомъ на воротникѣ, съ карандашомъ за ухомъ и въ фуражкѣ съ надписью по-французски: ресторанъ. Онъ говорилъ что-то по-французски. Изъ рѣчи его супруги поняли только два слова: дежене и дине.

— Какъ!? Съ нами ѣдетъ ресторанъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ, оживившись. — Глаша! Ресторанъ! Вотъ это сюрпризъ.

— Я говорила тебѣ, что есть ресторанъ,—кинула ему супруга.

— Ме команъ донкъ ресторанъ? — обратился было къ гарсону по-французски Николай Ивановичъ, но тутъ-же сбился, не находя французскихъ словъ для дальнѣйшей рѣчи. — Глаша, спроси у него, — команъ донкъ ресторанъ въ поѣздѣ, если поѣздъ безъ гармоніи? Какъ-же въ вагонъ-ресторанъ-то попасть изъ нашего вагона, если прохода нѣтъ?

Начала спрашивать ресторанный гарсона Глафира Семеновна по-французски и тоже сбилась. Гарсонъ между тѣмъ соваль билеты на завтракъ и разъяснялъ по-французски, на какихъ станціяхъ и въ какіе часы супруги могутъ выйти изъ своего вагона во время остановки поѣзда и пересѣсть въ вагонъ-ресторанъ. Билеты были краснаго цвѣта и голубые, такъ какъ всѣхъ желающихъ завтракать ресторанъ могъ накормить не сразу, а въ двѣ смѣны.

— Дежене? — спросила гарсона Глафира Семеновна и сказала мужу: — Что-жъ, возьмемъ два билета на завтракъ. Вѣдь ужъ если онъ предлагаетъ билеты, то какъ нибудь перетащить насъ изъ нашего вагона въ вагонъ-ресторанъ.

— Непремѣнно возьмемъ. Нельзя-же не пивши, не ѣвши цѣлыя сутки въ поѣздѣ мчаться. Погибнешь...—радостно отвѣчалъ супругъ.—Но какіе-же билеты взять: красные или голубые?

— Да ужъ бери, какіе дороже, чтобы кошатиной не накормили. Кель при?—задала гарсону вопросъ Глафира Семеновна, указывая на голубой билетъ.

— Quatre francs, madame...—отвѣчалъ тотъ.—
Mais vous payez après.

— Четыре франка за голубой билетъ,—пояснила она мужу.—А платить потомъ.

— А красный билетъ почему? Ружъ, биле ружъ комбянь?—спросилъ Николай Ивановичъ гарсона, тыкая въ красный билетъ.

— La même prix, monsieur,—и гарсонъ опять заговорилъ что-то по-французски.

— И красные, и голубые билеты одной цѣны,—перевела мужу Глафира Семеновна.

Значеніе разнаго цвѣта билетовъ супруги не поняли.

— Странно... Зачѣмъ-же тогда дѣлать разнаго цвѣта билеты, если они одной цѣны...—произнесъ Николай Ивановичъ и спросилъ жену:—Такъ какого-же цвѣта брать билеты? По красному или по голубому будемъ завтракать?

— Да ужъ бери красные на счастье, — былъ отвѣтъ со стороны супруги.

Николай Ивановичъ взялъ два красные билета. Гарсонъ поклонился и исчезъ, захлопнувъ дверь купэ.

IV.

Въ полдень на какой-то станціи, не доѣзжая до Орлеана, была остановка. Кондукторы прокричали, что поѣздъ стоитъ столько-то минутъ. По корридору вагона шли пассажиры, направляясь къ выходу. Изъ слова „déjeuner“, нѣсколько разъ произнесеннаго въ ихъ французской рѣчи, супруги Ивановы поняли, что пассажиры направляются въ вагонъ-ресторанъ завтракать. Всполошились и они. Глафира Семеновна захватила свой сакъ, въ которомъ у нея находились туалетныя принадлежности и брилліанты, и тоже начала выходить изъ вагона. Супругъ ея слѣдовалъ за ней.

— Скорѣй, скорѣй, — торопила она его. — Иначе поѣздъ тронется, и мы не успѣемъ въ вагонъ-ресторанъ войти. Да брось ты закуривать панироску-то! Вѣдь за ѣдой не будешь курить.

Выскочивъ на платформу, они побѣжали въ вагонъ-ресторанъ, находившійся во главѣ поѣзда, и лишь только вскочили на тормазъ вагона-ресторана, какъ кондукторы начали уже захлопывать купэ — и поѣздъ тронулся.

Супруги испуганно переглянулись.

— Что это? Боже мой... Поѣздъ-то ужъ поѣхалъ. Глаша, какъ-же мы потомъ попадемъ къ себѣ въ

купэ?—испуганно спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— А ужъ это придется сдѣлать при слѣдующей остановкѣ, — пояснилъ русскій, стоящій впереди ихъ пожилой коренастый мужчина въ дорожной легкой шапочкѣ.

— Ахъ, вы русскій?—улыбнулся Николай Ивановичъ.—Очень пріятно встрѣтиться на чужбинѣ съ своимъ соотечественникомъ. Ивановъ изъ Петербурга. А вотъ жена моя Глафира Семеновна.

— Полковникъ... изъ Петербурга, — пробормоталъ свою фамилію пожилой и коренастый мужчина, которую однако Николай Ивановичъ не успѣлъ разслышать, поклонился Глафирѣ Семеновнѣ и продолжалъ:— Въ этомъ поѣздѣ много русскихъ ѣдетъ.

— Да, мы слышали въ Парижѣ, на станціи, какъ разговаривали по-русски.

— Позвольте, полковникъ, — начала Глафира Семеновна.—Вотъ мы теперь въ ресторанѣ... Но какъ же нашъ багажъ-то ручной въ купэ? Никто его не тронетъ?

— Кто-же можетъ тронуть, сударыня, если теперь поѣздъ въ ходу? А при слѣдующей остановкѣ вы ужъ сядете въ ваше купэ.

— Да, да, Глаша... Объ этомъ беспокоиться нечего. Да и что-же у насъ тамъ осталось? Подушки да пледы, — сказалъ Глафирѣ Семеновнѣ мужъ.

— А шляпки мои ты ни во что не считаешь? У меня тамъ четыре шляпки. Непріятно будетъ,

если даже ихъ начнутъ только вынимать и раз-
сматривать.

— Кто-же будетъ ихъ разсматривать? Никто не
рѣшится. У тебя вездѣ на коробкахъ написана по-
русски твоя фамилія. А здѣсь, во Франціи, ты сама
знаешь, „вивъ ля Русси“... Къ русскимъ всѣ съ
большимъ уваженіемъ. Вы въ Біаррицъ изволите
ѣхать, полковникъ?—спросилъ Николай Ивановичъ
пожилого господина.

— Да вѣдь туда теперь направлено русское палом-
ничество. Ну, и мы за другими потянулись. Тамъ
теперь русский сезонъ.

— И мы въ Біаррицъ. Женѣ нужно полечиться
морскими купаньями.

Разговоръ этотъ происходилъ на тормазѣ вагона,
такъ какъ публика, скопившаяся въ вагонѣ-ресто-
ранѣ, еще не успѣла за столики и войти туда
было пока невозможно.

У входа въ ресторанъ метрдотель, съ галуномъ
на воротникѣ жакета и съ карандашомъ за ухомъ,
спрашивалъ билеты на завтракъ.

Полковникъ, въ круглой дорожной шапочкѣ, далъ
билетъ метрдотелю и проскользнулъ въ ресторанъ,
но когда супруги Ивановы подали свои билеты
метрдотелю, тотъ не принялъ билеты и супруговъ
Ивановыхъ въ ресторанъ не впускалъ, заговоривъ
что-то по-французски.

— Ме команъ донкъ?... Дежене... Ну вулонъ
дежене... Вуаля биле...—возмутился Николай Ива-

новичъ.—Глаша! Что-же это такое!? Навязали билеты и потомъ съ ними не пускаютъ!

— Почемъ-же я-то знаю? Требуй, чтобы впустили,—отвѣчала Глафира Семеновна.—Экуте... Пуркуа ву не лесе па? Вуалья ле биле,—обратилась она къ метрдотелю.

Опять объясненіе на французскомъ языкѣ, почему супруговъ не пускаютъ въ ресторанъ, но изъ этого объясненія они опять ничего не поняли и только видѣли, что ихъ въ ресторанъ не пускаютъ.

— Билеты на завтракъ были двухъ сортовъ и, очевидно, двухъ цѣнъ,—сказала Глафира Семеновна мужу.—Ты, по своему сквалыжничеству, взялъ тѣ, которые подешевле, а теперь дежене за дорогую плату, и вотъ насъ не пускаютъ.

— Да нѣтъ-же, душечка... Вѣдь мы объ этомъ спрашивали.

— Однако, видишь-же, что насъ не пускаютъ. Должно быть, гарсонъ, который приходилъ къ намъ въ купэ, навралъ намъ. Ахъ, и вѣчно ты все перепутаешь! Вотъ розиня-то! Ничего тебѣ нельзя поручить! Ну, что мы теперь дѣлать будемъ? Вѣдь это скандалъ! Ну, куда мы теперь?—набросилась Глафира Семеновна на мужа.—Не стоять-же намъ здѣсь, на тормазѣ... А въ купэ къ себѣ попасть нельзя. Вѣдь это ужасъ, что такое! Да что-же ты стоишь, глаза-то выпучивъ!? Вѣдь ты мужъ, ты долженъ заступиться за жену! Требуй, чтобы насъ впустили въ ресторанъ! Ну, приплати ему къ на-

шему красному билету... Скажи ему, что мы вдвое заплатимъ. Но нельзя-же намъ здѣсь стоять!

Николай Ивановичъ растерялся.

— Ахъ, душечка... Если-бы я могъ все это сказать по-французски... Но вѣдь ты сама знаешь, что я плохо...—пробормоталъ онъ.—Все, что я могу,—это дать ему въ ухо.

— Дуракъ! Въ ухо... Но вѣдь потомъ самъ сядешь за ухо-то въ тюрьму!—воскликнула она, и сама съ пѣной у рта набросилась на метрдотеля:—Бу деве лесе... Не имѣете права не впускать! Се билле ружъ, доне муа билле бле... Прене анкоръ и доне... Мы вдвое заплатимъ. Ну сомъ рюссъ... Прене дубль... Николай Ивановичъ, дай ему золотой... Покажи ему золотой...

Разсвирѣпѣлъ и Николай Ивановичъ.

— Да что съ нимъ разговаривать! Входи въ ресторанъ, да и дѣлу конецъ!—закричалъ онъ и сильнымъ движеніемъ отпихнулъ метрдотеля, протискалъ въ ресторанъ Глафиру Семеновну, ворвался самъ и продолжалъ вопить:

— Протоколъ! Сію минуту протоколъ! Гдѣ жандармъ? У жандармъ? Онъ, навѣрное, заступится за насъ. Мы русскіе... Дружественная держава... Нельзя такъ оскорблять дружественную націю, чтобъ заставлятъ ее стоять на тормазѣ, не впускать въ рестораны! Папье и плюмъ!.. Протоколъ Давай перо и бумагу!..

Онъ искалъ стола, гдѣ-бы присѣсть для составленія протокола, но всѣ столы были заняты. За

Подъ южными небесами.

ними сидѣли начавшіе уже завтракать пассажиры и въ недоумѣніи смотрѣли на кричавшаго и размахивающаго руками Николая Ивановича.

Къ Николаю Ивановичу подскочилъ полковникъ въ дорожной шапочкѣ, тоже ужъ было усѣвшійся за столикъ для завтрака.

— Милѣйшій соотечественникъ! Что такое случилось? Что произошло?—спрашивалъ онъ.

— Ахъ, отлично, что вы здѣсь. Будьте свидѣтелемъ. Я хочу составить протоколъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.— Папье, плюмъ и анкръ... Гарсонъ, плюмъ!

— Да что случилось-то?

— Вообразите, мы взяли билеты на завтракъ, вышли изъ своего купэ, и вотъ эта гладкобритая морда съ карандашомъ за ухомъ не впускаетъ насъ въ ресторанъ. Я ему показываю билеты при входѣ, а онъ не впускаетъ. Васъ впустилъ, а меня не впускаетъ и бормочетъ какую-то ерунду, которую я не понимаю. Жена ему говоритъ, что мы вдвойнѣ заплатимъ, если наши билеты дешевле... дубль... а онъ, мерзавецъ, загораживаетъ намъ дорогу. Видитъ, что я съ дамой, и не уважаетъ даже даму... Не уважаетъ, что мы русскіе... И вотъ я хочу составить протоколъ, чтобы передать его на слѣдующей станціи начальнику станціи. Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое!—развелъ Николай Ивановичъ руками и хлопнулъ себя по бедрамъ.

— Позвольте, позвольте... Да вы мнѣ покажите прежде ваши билеты,—сказалъ ему полковникъ.

— Да вотъ они...

Полковникъ посмотрѣлъ на билеты, прочелъ на нихъ надпись и проговорилъ:

— Ну, вотъ видите... Ваши билеты на второй чередъ завтрака, а теперь завтракаютъ тѣ, которые пожелали завтракать въ первый чередъ. Теперь завтракаютъ по голубымъ билетамъ, а у васъ красные. Вашъ чередъ по краснымъ билетамъ завтракать при слѣдующей остановкѣ, въ Орлеанѣ, когда мы въ Орлеанъ приѣдемъ. Вы рано вышли изъ купе.

Николай Ивановичъ сталъ приходить въ себя.

— Глаша! Слышишь?—сказалъ онъ женѣ.

— Слышу. Но какое-же онъ имѣетъ право заставлять насъ стоять на тормазѣ!—откликнулась Глафира Семеновна.—Не впускать въ ресторанъ!

— Конечно, вы правы, мадамъ, но вѣдь и въ ресторанѣ помѣститься негдѣ. Вы видите, всѣ столы заняты,—сказалъ полковникъ.

— Однако, впусти въ ресторанъ и не заставляй стоять на тормазѣ. Вѣдь вотъ мы все-таки вошли въ него и стоимъ,—проговорилъ Николай Ивановичъ, все болѣе и болѣе успокаивавшійся.—Такъ составлять протоколъ, Глаша?—спросилъ онъ жену.

— Брось.

За столами супругамъ Ивановымъ не было мѣста, но имъ все-таки въ проходѣ между столовъ поставили два складныхъ стула, на которые они и усѣлись въ ожиданіи своей очереди для завтрака.

V.

СУПРУГАМЪ Ивановымъ пришлось приступить къ завтраку только въ Орлеанѣ, около двухъ часовъ дня, когда поѣздъ, остановившійся на Орлеанской станціи, позволилъ пассажирамъ, завтракавшимъ въ первую очередь, удалиться изъ вагона-ресторана въ свои купэ. Быстро заняли они первый освободившійся столикъ со скатертью, залитою виномъ, съ стоявшими еще на немъ тарелками, на которыхъ лежала кожа отъ фруктовъ и огрызки бѣлаго хлѣба. Хотя гарсоны все это тотчасъ-же сняли и накрыли столъ чистой скатертью, поставивъ на нее чистые приборы, Николай Ивановичъ былъ хмуръ и ворчалъ на порядки вагона-ресторана.

— Въ два часа завтракъ... Гдѣ это видано, чтобы въ два часа завтракать! Вѣдь это ужъ не завтракъ, а обѣдъ,—говорилъ онъ, тыкая вилкой въ тонкій ломтокъ колбасы, поданной имъ на закуску, хотѣлъ переправить его себѣ въ ротъ, но сейчасъ отъ сильнаго толчка несшагося на всѣхъ парахъ экспресса, ткнулъ себѣ вилкой въ щеку и уронилъ подъ столъ кусокъ колбасы.

Онъ понесъ себѣ въ ротъ второй кусокъ колбасы и тутъ-же ткнулъ себя вилкой въ верхнюю губу, до того была сильна тряска. Кусокъ колбасы свалился ему за жилетъ.

— Словно криворотый...—замѣтила ему Глафира Семеновна.

— Да тутъ, матушка, при этой цивилизаціи, гдѣ поѣздъ вскачь мчится по шестидесяти верстѣ въ часъ, никакой ротъ не спасетъ. Въ глазъ вилкой можно себѣ угодить, а не только въ щеку или въ губу. Ну, цивилизація! Окривѣть изъ-за неяможно.

Николай Ивановичъ съ сердцемъ откинулъ вилку и положилъ себѣ въ ротъ послѣдній оставшійся кусочекъ колбасы прямо рукой.

— И что-бы имъ въ Орлеанѣ-то остановиться на полчаса для завтрака, по крайности люди поѣли-бы по-человѣчески, — продолжалъ онъ. — А съ ножа если ѣсть, то того и гляди, что ротъ себѣ до ушей прорѣжешь.

— Это оттого, что ты сердишься, — опять замѣтила жена.

— Да какъ-же не сердиться-то, милая? Заставили выйти изъ купе для завтрака въ двѣнадцать часовъ, а кормятъ въ два. Да еще въ ресторанъ-то не пускаютъ. Стой на дыбахъ два часа на тормазѣ. Хорошо, что я возмутился и силой въ вагонъ влѣзъ. Нѣтъ, это не французы. Французы этого съ русскими не сдѣлали-бы. Вѣдь этотъ ресторанъ-то принадлежитъ американскому обществу спальныхъ вагоновъ, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Но вѣдь гарсоны-то французы.

— То былъ не гарсонъ, что насъ не впускалъ, то былъ метрдотель, а у него рожа какъ есть американская, только говорилъ-то онъ по-французски.

Подали яичницу. Приходилось опять ѣсть вилок-кой, но Николай Иванович сунулъ вилку въ руку гарсону и сказалъ:

— Ложку... Кюльеръ... Тащи сюда кюльеръ... Апорте... Фуршетъ не годится... Заколотся можно съ фуршетъ... Ву компрене?

Гарсонъ улыбулся и подалъ двѣ ложки.

— Ёшь и ты, Глашенька, ложкой. А то долго-ли до грѣха?—сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Словно въ сумасшедшемъ домѣ...—пробормотала супруга, однако послушалась мужа.

Ложками супруги ѣли и два мясныхъ блюда, и ломтики сыру, поданные вмѣсто десерта.

Завтракъ кончился. Николай Ивановичъ успѣлъ выпить бутылку вина и развеселился. За кофе метрдотель, тотъ самый, который не впускалъ ихъ въ вагонъ, подалъ имъ счетъ. Николай Ивановичъ пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Америкенъ? Янки?

Послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ.

— Врешь! Америкенъ. По рожѣ вижу, что американецъ!—погрозилъ ему пальцемъ Николай Ивановичъ.—Не французская, братъ, у тебя фizioномія.

— Je suis suisse...

— Швейцарецъ,—пояснила Глафира Семеновна.

— Ну, вотъ это такъ. Это пожалуй!..—кивнулъ ему Николай Ивановичъ.—Всемирной лакейской націи, поставляющей также и швейцаровъ и гувернеровъ на весь свѣтъ. Это еще почище амери-

канца. Нехорошо, братъ, нехорошо. Швейцарская нація, коли ужъ пошла въ услуженіе ко всей Европѣ, то должна себя держать учтиво съ гостями. Иль не ѳо па комса, какъ давеча.

Метрдотель слушалъ и не понималъ, что ему говорятъ. Съ подавнаго ему супругами золотого онъ сдалъ сдачи и насыпалъ на тарелку множество мелочи.

— Что-жъ, давать ему на чай за его невѣжество или не давать?—обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.—По настоящему не слѣдуетъ давать. Вишь, рожа-то у него!

— Да рожа-то у него не злобная,—откликнулась супруга.—А мы дѣйствительно, немножко и сами виноваты, что, не спросясь брода, сунулись въ воду... Можетъ быть, у нихъ и въ самомъ дѣлѣ порядки, чтобы не пускать, если въ поѣздѣ такая цивилизація, что онъ бѣжить съ рестораномъ.

— Ну, я дамъ. Русскій человѣкъ зла не помнить,—рѣшилъ Николай Ивановичъ и, протянувъ метрдотелю двѣ полуфранковыя монеты, прибавилъ: — Вотъ тебѣ, швейцарская морда, на чай. Только на будущее время держи себя съ русскими въ аккуратѣ.

Метрдотель поклонился и поблагодарилъ.

— Зачѣмъ-же ты ругаешься-то, Николай? —замѣтила мужу Глафира Семеновна. — Нехорошо.

— Вѣдь онъ все равно ничего не понимаетъ. А мнѣ за свои деньги отчего-же не поругать?—былъ отвѣтъ.

— Тутъ русскіе есть въ столовой. Они могутъ услышать и осудить.

Часу въ четвертомъ поѣздъ остановился на какой-то станціи на три минуты и можно было перейти изъ вагона-ресторана въ купэ. Супруги опрометью бросились изъ него занимать свои мѣста. Когда они достигли своего купэ, то увидѣли, что у нихъ въ купэ сидитъ пассажиръ съ подстриженной а ля Генрихъ IV бородкой, весь обложенный французскими газетами. Пассажиръ оказался французомъ. Читая газету, онъ курилъ, и когда Глафира Семеновна вошла въ купэ, обратился къ ней съ вопросомъ на французскомъ языкѣ, не потревожитъ-ли ее его куреніе.

— Если вамъ непріятенъ табачный дымъ, то я сейчасъ брошу сигару,—прибавилъ онъ.

Она поморщилась, но просила его курить.

Николай Ивановичъ тотчасъ-же воскликнулъ:

— Вотъ видишь, видишь! Французъ сейчасъ скажется. У него совсѣмъ другое обращеніе. У нихъ все на учтивости. Развѣ можетъ онъ быть такимъ невѣжей, какъ давишняя швейцарская морда, заставлявшая насъ стоять на тормазѣ! Ме комплиманъ, монсье... Вивъ ля Франсъ... Ну—рюссь...—ткнулъ онъ себя пальцемъ въ грудь и поклонился французу.

Французъ тоже приподнялъ свою дорожную испанскую фуражку.

— Зачѣмъ ты это? Съ какой стати разшаркиваться!—сказала мужу Глафира Семеновна.

— Ничего, матушка. Масломъ кашу не испортишь. А ему за учтивость учтивость.

Поѣздъ продолжалъ стоять. Вошелъ кондукторъ, попросилъ билеты и, увидавъ, что супруги ѣдутъ въ Біаррицъ, сообщилъ, что въ Бордо имъ надо пересаживаться въ другой вагонъ. Фраза „шанже ля вуатюръ“ была хорошо извѣстна Николаю Ивановичу и онъ воскликнулъ:

— Команъ шанже ля вуатюръ? А намъ сказали, что ту директъ... Команъ?

— Команъ шанже? Сеть вагонъ е пуръ Біаррицъ...—возмутилась въ свою очередь Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, мадамъ, въ Бордо въ шесть часовъ вечера вы должны перемѣнить поѣздъ,—опять сказалъ ей кондукторъ по-французски, поклонился и исчезъ изъ купэ.

— Боже мой! Это опять пересаживаться! Какъ я не терплю этой пересадки!—вырвалось у Глафиры Семеновны.

VI.

Въ 6 часовъ вечера были въ Бордо. Поѣздъ вошелъ подъ роскошный, но плохо освѣщенный навѣсъ изъ стекла и желѣза. Пассажирамъ, ѣдущимъ въ Біаррицъ, пришлось пересаживаться въ другой вагонъ. Супруги Ивановы всполошились. Явился носильщикъ въ синей

блузѣ. Глафира Семеновна сама сняла съ сѣтки свои картонки со шляпами.

— Какъ ты хочешь, а эти двѣ картонки я не могу поручить носильщику,—говорила она мужу.— Неси ты самъ...

Николай Ивановичъ сдѣлалъ недовольное лицо.

— Но это-же, душечка...—началъ было онъ.

— Неси, неси. Вотъ эта шляпка стоитъ восемьдесятъ три франка. Больше четырехъ золотыхъ я за нее заплатила въ Парижѣ. А носильщикъ потащитъ ее какъ-нибудь бокомъ—и что изъ нея будетъ! Неси

И мужъ очутился съ двумя картонками въ рукахъ.

— Біаррицъ... Вагонъ авекъ корридоръ, же ву при...—скомандовала Глафира Семеновна носильщику и торопила его.

— Будьте покойны, мадамъ... Времени много вамъ. Здѣсь вы будете сорокъ минутъ стоять,—отвѣчалъ ей старичекъ носильщикъ и поплелся, какъ черепаха.

Поѣздъ въ Біаррицъ былъ уже готовъ, но стоялъ на противоположной сторонѣ вокзала, на другомъ пути. Это былъ поѣздъ Южной дороги. Въ немъ уже сидѣли пассажиры.

— Вагонъ авекъ корридоръ, авекъ туалеть,—напоминала носильщику Глафира Семеновна, но въ поѣздѣ не было ни одного вагона съ корридоромъ. Всѣ вагоны были стараго французскаго образца съ купэ, у которыхъ двери отворялись съ

двухъ сторонъ. — Варвары!—сказала она. — Вотъ вамъ и французы! Вотъ вамъ и цивилизованная нація, а не можетъ понять, что вагоны безъ уборной быть не могутъ.

Пришлось садиться въ тѣсноватое купѣ, гдѣ уже сидѣла пожилая дама, горбоносая, въ усахъ и съ маленькой мохнатой собаченкой въ рукахъ. Собаченка ворчала и лаяла на супруговъ, когда они садились.

— Пріятное сосѣдство, нечего сказать...—ворчала Глафира Семеновна и крикнула на мужа:— Тихе ты съ картонками-то! Вѣдь въ нихъ не рѣпа.

Николай Ивановичъ промолчалъ и сталъ располагаться у окошка. Черезъ минуту онъ взглянулъ на часы и проговорилъ:

— Полчаса еще намъ здѣсь въ Бордо стоять. Бордо... Такой счастливый случай, что мы въ знаменитомъ винномъ городѣ Бордо... Пойду-ка я въ буфетъ, да захвачу съ собой бутылочку настоящаго бордосскаго вина.

— Сиди! Пьяница! Только и думаетъ объ винѣ!—огрызнулась на него супруга.

Она была раздражена, что въ поѣздѣ нѣтъ вагона съ корридоромъ, и продолжала:

— Нѣтъ, въ дѣлѣ удобствъ для публики въ вагонахъ, мы, русскіе, куда опередили французовъ! У насъ въ первомъ классѣ, куда-бы ты ни ѣхалъ, такъ тебѣ вездѣ уборная, отличный умывальникъ, зеркало, и все что угодно.

— За то здѣсь рестораны въ поѣздахъ... — попробоваль замѣтить супругъ.

— Тебѣ только-бы одни рестораны. Вотъ нена-сытная-то утроба... Пить, пить и пить. Какъ ты не лопнешь, я удивляюсь!

Николай Ивановичъ пожалъ плечами и, показавъ глазами на усатую сосѣдку, тихо пробормоталъ:

— Душечка, удержиись, хоть при постороннихъ то! Неловко.

— Все равно, эта собачница ничего не понимаетъ.

— Однако, она можетъ по тону догадаться, что ты ругаешься.

— Не учите меня! Болванъ!

Мужъ умолкъ, но черезъ пять минутъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ со вздохомъ:

— Однако, здѣсь мы могли-бы отлично пообѣдать въ ресторанѣ. Богъ знаетъ, когда еще потомъ поѣздъ остановится, а теперь уже седьмой часъ.

— Вотъ прорва-то! — воскликнула супруга. — Да неужели ты ѣсть еще хочешь? Вѣдь ты въ три часа только позавтракалъ. Вѣдь тебѣ для чего ресторанъ нуженъ? Только для того, чтобы винища налопаться.

— Не ради винища... Что мнѣ винище? А я гляжу впередъ. Теперь ѣсть не хочется, такъ въ девять-то часовъ вечера какъ захочется! А поѣздъ летитъ, какъ птица, и остановки нѣтъ.

— Не умрешь отъ голоду. Вотъ гарсонъ булки съ ветчиной продаетъ,—кивнула Глафира Семеновна въ открытое окно на протягивающаго свой лотокъ буфетнаго мальчика.—Купи и запасись.

— Да, надо будетъ взять что-нибудь,—сказалъ Николай Ивановичъ, выглянуль въ окошко и купилъ четыре маленькія булочки съ ветчиной и сыромъ.

— Куда ты такую уйму булокъ взялъ?—опять крикнула ему супруга.

— Я и для тебя, душечка, одну штучку...

— Не стану я ѣсть. У меня не два желудка. Это только ты ненасытный. Впрочемъ, у него виноградъ есть. Купи мнѣ у него винограду тарелочку и бутылку содовой воды.

— Вотъ тебѣ виноградъ, вотъ тебѣ содовая вода.

Глафира Семеновна стала утихать.

— Тамъ у него, кажется, груши есть? Возьми мнѣ штуки три грушъ.

Куплены и груши.

— Прихвати еще коробочку шоколаду. У него шоколадъ есть.

Купленъ и шоколадъ. Глафира Семеновна обложилась купленнымъ десертомъ и принялась упивать виноградъ. Николай Ивановичъ съ аппетитомъ ѣлъ булку съ ветчиной. Поѣздъ тронулся. Собаченка на рукахъ у усатой дамы залаяла. Дама дернула ее за ухо. Собака завизжала.

— Хорошій покой намъ будетъ въ дорогѣ отъ

этой собаки,—проговорила Глафира Семеновна.— То лаетъ, то визжитъ, подлая. Вѣдь такъ она, пожалуй, соснуть не дастъ. Да и хозяйка-то собачья своими усами и носомъ испугать можетъ, если на нее взглянешь спросонья. Совсѣмъ вѣдьма.

Николай Ивановичъ, видя, что къ супругѣ его нѣсколько вернулось расположеніе духа, съ сожалѣніемъ говорилъ:

— Бордо, Бордо... Какой мы случай-то хорошій опустили! Были въ Бордо и не выпили настоящего бордо. Похвастаться-бы потомъ въ Петербургѣ можно было, что вотъ такъ и такъ, въ самомъ бордосскомъ виноградникѣ пилъ бордо.

— И такъ похвастаться можешь. Никто проверять не будетъ,—отвѣчала супруга.

— Но еще Бордо—Богъ съ нимъ! А что въ Коньякъ мы не заѣхали, такъ просто обидно!—продолжалъ онъ.—Вѣкъ себѣ не прощу. И вѣдь какъ близко были! Чуть-чуть не доѣзжая Бордо въ сторону... А все ты, Глаша!

— Да, я... И радуюсь этому...

— Есть чему радоваться! Это была-бы наша гордость, если-бы мы побывали въ Коньякѣ. Оттуда-бы я могъ написать письмо Рукогрѣву. Пусть-бы онъ затылокъ себѣ расчесалъ отъ зависти. Виномъ человѣкъ иностраннымъ торгуетъ, а самъ ни въ одномъ винномъ городѣ не бывалъ. А мы вотъ и не торгуемъ виномъ, да были. Даже въ Коньякѣ были! Шикъ-то какой! И написалъ-бы я ему письмо изъ Коньяка такъ: „Коньякъ, такого-

то сентября. И сообщаю тебѣ, любезный Гаврила Осиповичъ, что мы остановились въ Коньякѣ, сидимъ въ коньяковскомъ виноградникѣ и смакуемъ настоящій коньякъ финь шампань“. Каково?—подмигнулъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Брось. Надоѣлъ, — оборвала его супруга взглянула на даму съ усами и проговорила:—И неужели эта вѣдьма усатая поѣдетъ съ нами вплоть до Біаррица?!

Молчавшая до сего времени усатая дама вспыхнула, сердито повела бровями и отвѣтила на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Ошибаетесь, милая моя! Я не вѣдьма, а вдова статскаго совѣтника и кавалера! Да-съ.

VII.

ВЫСЛУШАВЪ эти слова, произнесенныя усатой дамой, Глафира Семеновна покраснѣла до ушей и мгновенно уподобилась Лотовой женѣ, превратившейся въ соляной столбъ. Разница была только та, что Лотова жена окаменѣла стоя, а мадамъ Иванова застыла сидя. Она во все глаза смотрѣла на мужа, но глаза ея были безъ выраженія. Самъ Николай Ивановичъ не совсѣмъ растерялся и могъ даже вымолвить послѣ нѣкоторой паузы:

— Вотъ такъ штука! А вы, мадамъ, зачѣмъ-же

притворились французенкой?—задалъ онъ вопросъ усатой дамѣ, но не смотря на нее, а устремивъ взоръ въ темное пространство въ окошкѣ.

— Никѣмъ я, милостивый государь, не притворялась, а сидѣла и молчала,—отвѣчала усатая дама.

— Молчали, слушали, какъ мы съ женой перебраниваемся, и не подали голоса—вотъ за это и поплатились,—произнесъ онъ опять, нѣсколько помолчавъ.—А мы не виноваты. Мы приняли васъ за французенку.

— Еще смѣете оправдываться! Невѣжа! Кругомъ виновать и оправдывается! — продолжала усатая дама.—И вы неvěжа, и ваша супруга неvěжа!

— Вотъ и сквитались. Очень радъ, что вы насъ обругали.

— Нѣтъ, этого мало для такихъ нахаловъ.

— Ну, обругайте насъ еще. Обругайте, сколько нужно—вотъ и будемъ квитъ.

— Я женщина воспитанная и на это не способна.

Она отвернувшись, прилегла головой къ спинкѣ вагона и ужъ больше не выговорила ни слова.

Глафира Семеновна стала приходить въ себя. Она тяжело вздохнула и покрутила головой. Черезъ минуту она вынула носовой платокъ, отерла влажный лобъ и взглянула на мужа. На глазахъ ея показались слезы, до того ей было досадно на себя. Мужъ подмигнулъ ей и развелъ руками. Затѣмъ она попробовала улыбнуться, но улыбки не вышло. Она кивнула головой на отвернувшуюся отъ нихъ усатую даму и опять тяжело вздохнула. Николай Ивано-

вичъ махнулъ женѣ рукой: „дескать, брось“. Они разговаривали жестами, глазами. Собаченка, лежавшая на колѣняхъ усатой дамы, видя, что Николай Ивановичъ машетъ руками, опять зарычала. Усатая дама, не оборачиваясь, слегка ударила ее по спинѣ.

— Вотъ дьявольская-то собаченка!—прошепталъ Николай Ивановичъ, наклоняясь къ женѣ.

Та ничего не отвѣчала, но достала изъ саквояжа флаконъ со спиртомъ и понюхала спиртъ. Очевидно, она волновалась.

— Успокойся... Все уладилось...—опять шепнулъ мужъ, наклоняясь къ ней и кивая на усатую даму.— Спать,—прибавилъ онъ.

— Какъ обманулись! Въ какой переплетъ попали!—прошептала наконецъ и Глафира Семеновна.

— Еще смирна она. Другая-бы какъ заголосила,—отвѣчалъ супругъ шопотомъ и опять махнулъ рукой.

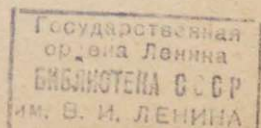
Махнула рукой и супруга, нѣсколько повеселѣвъ, и принялась ѣсть грушу себѣ въ утѣшеніе.

Покончивъ съ парой грушъ, она стала дремать и, наконецъ, улеглась на диванъ, поджавъ ноги. Клевалъ носомъ и Николай Ивановичъ. Вскорѣ они заснули.

.....

Когда супруги Ивановы проснулись, поѣздъ стоялъ. Дверь ихъ купэ со стороны, гдѣ сидѣла усатая дама, была растворена, но ни самой дамы, ни ея собаки не было. Не было и ея вещей въ сѣткахъ. Шелъ дождь. Завывалъ вѣтеръ. По платформѣ бѣгали кондукторы и кричали:

Подъ южными небесами.

— Bayonne! Bayonne!

— Что это? ужъ не пріѣхали-ли мы въ Біаррицъ?— спрашивалъ жену Николай Ивановичъ, протирая глаза.

— А почему-же я-то знаю? Надо спросить,— отвѣчала та.

Но спрашивать не пришлось. Въ ихъ вагонъ вскочилъ оберъ-кондукторъ въ плащѣ съ башлыкомъ, спросилъ у нихъ билеты, отобралъ ихъ и сообщилъ, что черезъ пятнадцать минутъ будетъ Біаррицъ.

— Ну, слава Богу! — пробормотала Глафира Семеновна.— Скоро будемъ на мѣстѣ. Но какова погода!—прибавила она, кивнувъ на окно, за которымъ шумѣлъ дождь.

— Каторжная—отвѣчалъ мужъ.

— А усатая вѣдьма провалилась?

— На какой-то станціи исчезла, но на какой, я не знаю, я спалъ.

— Да и я спала. И какъ это мы не могли понять, что эта усатая морда русская!

— Да вѣдь она притворилась французенкой. Даже собаченкѣ своей сказала по-французски: „кушъ“.

— Съ собаками всегда по-французски говорятъ.

Глафира Семеновна суетилась и прибирала свои вещи, связывала ремнями подушку, завернутую въ пледъ.

Поѣздъ опять тронулся. Николай Ивановичъ опять вспомнилъ о Коньякѣ.

— Ахъ, Коньякъ, Коньякъ!—вздыхалъ онъ.— Какой городъ-то мы мимо проѣхали! О Бордо и Ньюи я не жалѣю, что мы въ нихъ не заѣхали, но о городѣ Коньякъ..

— Молчи пожалуйста. И безъ Коньяка нарвались и вляпались, а ужъ возвращались-бы изъ Коньяка, такъ что-же-бы это было!

— Да вѣдь ты-же назвала, а не я, эту усатую мадамъ вѣдьмой. А какъ меня-то ты при ней ругала! Вспомнилъ онъ.—И дуракъ-то я, и болванъ.

— Ты этого стоишь.

Въ окнѣ сверкнула молнія и сейчасъ-же загремѣлъ громъ.

— Гроза... — сказалъ Николай Ивановичъ.—Въ такую грозу пріѣдемъ въ незнакомый городъ...

Супруга раздѣляла его тревогу.

— Да, да... — поддакнула она. — Есть ли еще крытые экипажи? Если нѣтъ, то какъ я съ своими шляпками въ легонькихъ картонкахъ?.. Пробьетъ насквозь и шляпки превратитъ въ кисель. Слышишь... Если на станціи нѣтъ каретъ, то я со станціи ни ногой, покуда дождь не перестанетъ.

— Навѣрное есть. Навѣрное есть и омнибусы съ проводниками изъ гостинницъ. Такой модный городъ, да чтобъ не быть! Но вотъ вопросъ: въ какой гостинницѣ мы остановимся? Мы никакой гостинницы не знаемъ.

— А скажемъ извозчику наугадъ. Навѣрное ужъ есть въ городѣ Готель де-Франсъ. Вотъ въ

Готель де-Франсъ и остановимся,—рѣшила Глафира Семеновна.

— Ну, въ Готель де-Франсъ, такъ въ Готель де-Франсъ,—согласился Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна прибралась съ вещами и усѣлась.

— Говорять, здѣсь испанская земля начинается, хоть и принадлежит эта земля французамъ,—начала она. — Мнѣ Марья Ивановна сказывала. Въ гостинницахъ лакеи и горничныя испанцы и испанки. Извозчики испанцы.

— Вотъ посмотримъ на испаночекъ,—проговорилъ мужъ, осклабясь. — До сихъ поръ видѣлъ испаночекъ только въ увеселительныхъ садахъ на сценѣ, а тутъ вблизи, бокъ о бокъ..

— А ты ужъ и радъ? У тебя ужъ и черти въ глазахъ забѣгали!—вскинулась на него супруга.

Николай Ивановичъ опѣшилъ.

— Душечка, да вѣдь я на твои-же слова...—пробормоталъ онъ.

— То-то на мои слова! смотри у меня!

Поѣздъ убавлялъ ходъ и наконецъ остановился на плохо освѣщенной станціи.

— Біаррицъ! Біаррицъ!—кричали кондукторы.

Дверь купе отворилась. Вбѣжалъ носильщикъ въ синей блузѣ и заговорилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Что онъ говорилъ, супруги не понимали.

— Испанецъ,—сказала Глафира Семеновна мужу про носильщика.—Слышишь, какъ онъ говорить-то?

И меня синьорой называетъ.—Вуатюръ пуръ ну... Готель де-Франсъ,—объявила она носильщику.

Супруги вышли изъ купэ и поплелись за носильщикомъ.

У станціи стояли и кареты, и омнибусы. Нашлась и Готель де-Франсъ, супруги не обманулись. Былъ на станціи и проводникъ изъ Готель де-Франсъ. Онъ усадилъ супруговъ въ шестимѣстный омнибусъ, поставилъ около Глафиры Семеновны ея картонки со шляпками и побѣждалъ съ багажной квитанціей за сундукомъ супруговъ.

А дождь такъ и лилъ, такъ и хлесталъ въ стекла оконъ омнибуса. По временамъ завывалъ вѣтеръ, сверкала молнія и гремѣлъ громъ. Была буря. Омнибусъ, въ ожиданіи багажа, стоялъ около плохо освѣщеннаго однимъ газовымъ фонаремъ станціоннаго подъѣзда. Площадь передъ станціей была вовсе не освѣщена и чернѣлось совсѣмъ темное пространство. На подъѣздѣ переругивались носильщики на непонятномъ языкѣ, который супруги принимали за испанскій, но который былъ на самомъ дѣлѣ мѣстный языкъ басковъ. Все было хмуро, непривѣтливо. Николай Ивановичъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— По парижскому времени четверть одиннадцатаго. Достанемъ-ли еще чегонибудь поѣсть-то въ гостинницѣ? Ёсть какъ волкъ хочу, — прибавилъ онъ. — Двѣ порціи румштека подавай — и то проглочу!

— Ужъ и поѣсть! Хоть-бы кофе или чаю съ мо-

локомъ и булками дали—и то хорошо!—откликнулась супруга.

Но вотъ сундукъ принесенъ и взваленъ на крышу омнибуса, проводникъ вскочилъ на козлы и лошади помчались по совершенно темному пространству. Ни направо, ни налѣво не было фонарей. Глафира Семеновна была въ тревогѣ.

— Ужъ туда-ли насъ везутъ-то?—говорила она.— Въ гостинницу-ли? Смотри, какая темнота...

— А то куда-же?—спросилъ супругъ.

— Да кто-же ихъ знаетъ! Можетъ быть, въ какое нибудь воровское гнѣздо, въ какой нибудь вертепъ. Ты видалъ проводника-то изъ гостинницы? Рожа у него самая разбойничья, самая подозрительная.

— Однако, у него на шапкѣ надпись: Готель де-Франсъ.

— Да вѣдь можно и перерядиться, чтобы ограбить. Что меня смущаетъ—это темнота.

— Полно... Что ты... Развѣ это возможно?—успокаивалъ супругъ Глафиру Семеновну, а между тѣмъ ужъ и самъ чувствовалъ, что у него холодные мурашки забѣгали по спинѣ.

— Главное то, что мы въ каретѣ одни. Никто съ нами въ эту гостинницу не ѣдетъ, а пріѣхали въ Біаррицъ много,—продолжала супруга.

— Не думаю я, чтобы здѣсь продѣлывали такія штуки. Европейское модное купальное мѣсто.

— Да, модное, но здѣсь испанская земля начинается, а испанцы, ты я думаю самъ читалъ.. ножъ

у нихъ на первомъ планѣ... ножъ... разбойничество...

Николай Ивановичъ чувствовалъ, что блѣднѣетъ. Онъ выглянулъ въ открытое дверное окно омнибуса и затѣмъ произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Въ самомъ дѣлѣ по лѣсу ѣдемъ. Стволы деревьевъ направо, стволы деревьевъ налево и никакого жилья по дорогѣ. Не вынуть-ли револьверъ? Онъ у меня въ саквояжѣ,—сказалъ онъ женѣ.

— Да вѣдь онъ у тебя не заряженъ.

— Можно зарядить сейчасъ. Патроны то у тебя... Ахъ, патроны-то вѣдь въ багажномъ сундукѣ, а сундукъ на крышѣ омнибуса!

— Ну, вотъ ты всегда такъ!—набросилась на мужа Глафира Семеновна.—Стоитъ возить съ собой револьверъ, если онъ не заряженъ! А вотъ начнутъ на насъ нападать—намъ и защищаться нечѣмъ.

— Да вѣдь никто не знаетъ, что не заряженъ. Все-таки имъ можно напугать, Я выну его.

И Николай Ивановичъ сталъ отворять саквояжъ.

— Постой... Погоди... Фонари появились... Улица... Мы выѣхали изъ лѣса...—остановила мужа Глафира Семеновна.

Дѣйствительно, выѣхали изъ лѣса. Ёхали улицей съ мелькавшими кое-гдѣ газовыми фонарями. То тамъ, то сямъ попадались постройки. На одной изъ нихъ виднѣлась даже вывѣска: Hôtel de Bayonne. Наконецъ, постройки пошли ужъ вплотную.

— Ну, слава Богу, городъ... здѣсь, если что случится, такъ и караулъ закричать можно. Услышать... — сказала Глафира Семеновна и перекрестилась.

Николай Ивановичъ тоже ободрился и тотчасъ же сталъ упрекать жену:

— Какая ты, однако, трусиха... Это ужасъ, что такое!

— Да вѣдь и ты то-же самое...

— Я? Я ни въ одномъ глазѣ...

— Однако, за револьверомъ полѣзь.

— Это чтобъ тебя успокоить.

А дождь такъ и лилъ, вѣтеръ такъ и завывалъ, гремя желѣзными выѣсками.

Омнибусъ остановился передъ желѣзной рѣшеткой, за которой виднѣлся двухъэтажный домъ съ освѣщенной фонаремъ выѣской „Hôtel de France“, висѣвшей надъ входной дверью. Изъ двери выбѣжалъ мужчина съ непокрытой головой и съ распущеннымъ зонтикомъ, отворилъ дверцы омнибуса и, протянувъ руку Глафирѣ Семеновнѣ, помогъ ей выдти и подъ зонтикомъ проводилъ ее до входа.

Сзади ее перебѣжалъ и Николай Ивановичъ.

Супруга стояла въ швейцарской и говорила:

— Коробки со шляпками... Бога ради, коробки со шляпками чтобъ не замочило! Ле картонъ авекъ де шапо... ля плюи... жеву при, авекъ парашлюи... Николай Иванычъ, бери зонтики и бѣги въ карету за коробками.

VIII.

КОМНАТА въ гостинницѣ осмoтpѣна супру-
гами. Цѣна сообщена. Ихъ сопровождалъ
хозяинъ французъ, тотъ самый, который вы-
скочилъ изъ гостинницы съ зонтикомъ къ
Глафирѣ Семеновнѣ.

— Дорого...—сказалъ Николай Ивановичъ въ от-
вѣтъ на объявленную цѣну.—Се шеръ... Больше
шеръ, чѣмъ въ Парижѣ. А Паря дешевле...

Онъ хотѣлъ было торговаться, но Глафира Семе-
новна перебила его.

— Брось... Біаррицъ вѣдь самое дорогое, самое
модное мѣсто,—сказала она.—Здѣсь само собой
дороже Парижа.

— Модное-то модное, но почему знать, можетъ
быть мы не въ центрѣ города, а въ какомъ нибудь
захолустѣ? Да и вѣрно, что въ захолустѣ, судя
по той пустынной дорогѣ, по которой мы ѣхали.

— А если это въ захолустѣ, то ночь перено-
чуемъ, а завтра и переѣдемъ. Вѣдь завтра утромъ
пойдемъ смотрѣть городъ и увидимъ, въ захолустѣ
это или въ центрѣ.

Пока они разговаривали по-русски, французъ-
хозяинъ хлопалъ глазами.

— Если вы возьмете у насъ полный пансіонъ,
то, разумѣется, вамъ обойдется дешевле,—прогово-
рилъ онъ по-французски.

Глафира Семеновна перевела мужу.

— Какой тут пансіонъ!—воскликнулъ тотъ.—
Надо прежде испытать завтра—чѣмъ и какъ здѣсь
кормятъ, а потомъ ужъ уговариваться о пансіонѣ.
Нонъ, нонъ, пансіонъ демень, завтра пансіонъ,—
далъ онъ отвѣтъ хозяину.— А апрезанъ — доне ну
дю тэ... тэ руссь... русскій чай и манже, манже
побольше. Глаша! Ты лучше меня говоришь. Скажи
ему, чтобъ подали намъ чаю, молока, кипятку къ
чаю и поѣсть чего нибудь.

Начала ломать французскій языкъ Глафира Се-
меновна. Хозяинъ понялъ и объяснилъ, что ѣды
теперь онъ никакой не можетъ дать, кромѣ хлѣба,
масла и яицъ, такъ какъ кухня уже заперта. Она
перевела мужу.

— Ну, чортъ его дери, пусть дастъ къ чаю
хоть хлѣба съ масломъ и яйца.

Хозяинъ ушелъ. Въ комнату начали вносить
картонки, саквояжи, баульчики, подушки. Явилась
въ комнату молоденькая заспанная горничная въ
черномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ и стала приго-
товлять постели и умывальникъ. Глафира Семе-
новна раздѣвалась, снимала съ себя корсажъ и
надѣвала ночную кофточку. Николай Ивановичъ
сердился и говорилъ:

— И какъ это они здѣсь за-границей свою
кухню вездѣ берегутъ! Кухня и поваръ словно
какая-то святыня. Еще нѣтъ одиннадцати часовъ,
а ужъ и кухня закрыта, и ничего достать поѣсть
горячаго нельзя. Мы, русскіе, на этотъ счетъ куда

отъ иностранцевъ впередъ ушли! У насъ въ Петербургѣ, да и вообще въ Россіи, въ какую хочешь захолустную гостинницу пріѣзжай ночью до полуночи, то тебѣ ужъ всегда чего-нибудь горячаго поѣсть подадутъ, а холоднаго—ветчины, телятины, ростбифа, такъ и подъ утро дадутъ. Разбудятъ повара и дадутъ. А здѣсь, въ хорошей гостинницѣ только въ одиннадцатомъ часу и ужъ отказъ: кухня заперта, его превосходительства господина повара на мѣстѣ нѣтъ.

— Ну, что дѣлать, въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ,—откликнулась умывавшаяся супруга.—Такіе ужъ здѣсь порядки.

— Да пойми ты: я ѣсть хочу, ѣсть, я путешественникъ и пріѣхалъ подъ защиту гостинницы. Гостинница должна быть для меня домомъ, какъ это у насъ въ Россіи и есть. Вѣдь это гостинница, а не ресторанъ. А я въ ней и холодной ѣды себѣ вечеромъ достать не могу,—доказывалъ Николай Ивановичъ.

Дѣвушка принесла въ номеръ чай, сервированный на мельхіорѣ, двѣ булочки, два листочка масла, но лицъ не было.

— Пуркуа безъ ефъ? Яйца нужно! Ефъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.

Но горничная заговорила что-то на непонятномъ для супруговъ языкѣ.

— Испанка, должно быть,—сказала Глафира Семеновна.—Эспаньоль?—спросила она дѣвушку.

— Non, madame... Basque...— дала отвѣтъ горничная.

— Баска она.

— Что-же она про яйца говорить?

— Ничего понять не могла я. Да брось. У меня въ корзинкѣ два хлѣбца съ ветчиной есть, которые ты купилъ въ Бордо—вотъ и съѣшь ихъ.

— Ахъ, Бордо, Бордо! Вотъ видишь, какъ Бордо намъ помогъ, а ты не хотѣла въ этотъ городъ заѣхать!—проговорилъ Николай Ивановичъ.— Ну, баска, уходи, проваливай,—махнулъ онъ рукой оставившейся горничной и смотрѣвшей на него недоумѣвающими глазами.—Да никакъ она и кипятку къ чаю не подала?—взглянулъ онъ на подносъ съ чаемъ.

— Подать-то подала, но меньше чайной ложки, въ маленькомъ молочникѣ,—отвѣчала жена и покачала головой:—Не могутъ они научиться, какъ русскіе чай пить любятъ, а еще имѣютъ здѣсь въ Біаррицѣ такъ называемый русскій сезонъ.

— Да, да,—подхватилъ Николай Ивановичъ.—Къ англичанамъ принаравливаются, англичанамъ и чай готовятъ по-англійски, и англійскіе сандвичи дѣлаютъ, пуддинги англійскіе въ табльдотахъ подаютъ, хотя эти пуддинги нѣчто не ѣсть за столомъ, кромѣ англичанъ, а для русскихъ—ничего. А русскихъ теперь за-границей не меньше, чѣмъ англичанъ, да и денегъ они тратятъ больше. Черти! закоснѣлые черти!—выбрался онъ и принялся ѣсть хлѣбцы съ ветчиной, купленные въ Бордо,

запивая ихъ англійскимъ скипяченнымъ и доведеннымъ до цвѣта ваксы чаемъ.

Хлѣбцы съ ветчиной опять навѣяли ему воспоминаніе о Бордо и о другихъ винныхъ городахъ, мимо которыхъ онъ проѣхалъ, и онъ снова принялся вздыхать, что не побывали въ нихъ.

— Ахъ, Бордо, Бордо! Но о Бордѣ я не жалѣю. Но вотъ за городъ Коньякъ — никогда я себѣ не прощу...

— Да ужъ слышали, слышали. Я думаю, что пора и бросить. Надоѣлъ,—оборвала его супруга.

— Эдакій знаменитый винный городъ...

— Брось, тебѣ говорить, иначе я погашу свѣчи и лягу спать.

— Хорошо, я замолчу. Но я удивляюсь твоей нелюбознательности. Женщина ты просвѣщенная объѣздила всю Европу, а тутъ въ Коньякѣ, который лежалъ намъ по пути, имѣли мы возможность испробовать у самаго источника...

Глафира Семеновна задула одну изъ свѣчей.

— Не замолчишь, такъ я и вторую загашу,—сказала она.

— Какая настойчивость! Какая нетерпѣливость! — пожалъ плечами мужъ и зажегъ погашенную свѣчку.

— Надоѣлъ... Понимаешь ты, надоѣлъ! Все одно и то-же, все одно и то-же... Коньякъ, Коньякъ...

— А ты хочешь, чтобы я говорили только объ

однѣхъ твоихъ шляпкахъ, купленныхъ тобой въ Парижѣ?...

— Какъ это глупо!

Глафира Семеновна, кушавшая въ это время грушу, разсердилась, оставила грушу недоѣденною и начала ложиться спать.

Николай Ивановичъ умолкъ. Онъ поѣлъ, зѣвалъ и сталъ тоже приготовляться ко сну, снимая съ себя пиджакъ и жилетъ.

На дворѣ по прежнему ревѣла буря, вѣтеръ завывалъ въ каменной трубѣ, а дождь такъ и хлесталъ въ окна, заставляя вздрагивать деревянные ставни, которыми они были прикрыты.

— Погода-то петербургская, нужды нѣтъ, что мы въ Біаррицѣ, на югѣ Франціи,—сказалъ онъ.

— Не забудь запереть дверь на ключъ, да убери свой бумажникъ и паспортъ подъ подушку,—командовала ему супруга.

— Ну, вотъ... Вѣдь мы въ гостинницѣ. Неужели ужъ въ гостинницѣ-то?..—проговорилъ супругъ.

— А кто ее знаетъ, какая это гостинница! Приѣхали ночью, не видали ни людей, ни обстановки. Да наконецъ, давеча самъ-же ты говорилъ, что, можетъ быть, эта гостинница находится гдѣ-нибудь на окраинѣ города, въ захолустѣ. Сундукъ давеча внесъ къ намъ въ комнату совсѣмъ подозрительный человѣкъ, черный какъ жукъ, и смотритъ изподлобья.

— Хорошо. Вотъ этого совѣта послушаюсь.

Николай Ивановичъ положилъ подъ подушку

часы, бумажникъ и сталъ влѣзать на французскую высокую кровать, поставивъ около себя, на ночномъ столикѣ, зажженную свѣчку.

Въ трубѣ опять завывало отъ новаго порыва вѣтра.

— Холодно, холодно здѣсь на югѣ,—пробормоталъ онъ, укрываясь по французскому обычаю периной.—Какъ мы завтра въ море-то купаться полѣземъ? Поди, и вода-то теперь отъ такого вѣтра холодная, такая-же какъ у насъ въ Петербургѣ.

— Ну, вотъ... Вѣдь здѣсь купаются въ костюмахъ, а костюмы эти шерстяные. Въ костюмахъ не будетъ такъ ужъ очень холодно. Все-таки въ одеждѣ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

Черезъ пять минутъ супруги спали.

IX.

НОЧЬЮ утихла буря, пересталъ дождь и на утро, когда Николай Ивановичъ проснулся, онъ увидѣлъ, что въ окна ихъ комнаты свѣтитъ яркое южное солнце. Онъ проснулся первый и принялся будить жену. Глафира Семеновна проснулась, потянулась на постели и сказала:

— Всю ночь спились испанскіе разбойники. Въ чулкахъ, въ башмакахъ, въ курткахъ, расшитыхъ золотомъ и съ ножами въ рукахъ. Все будто-бы

нападали на насъ. А мы въ лѣсу и ѣдемъ въ каретѣ. Но я почему-то не пугалась. Да и не страшные они были, а даже очень красивые. Нападаютъ будто на насъ и трубятъ въ рога.

— Это вѣтеръ всю ночь завывалъ, а тебѣ приснилось, что въ рога трубятъ,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— А одинъ будто бы съ головой, повязанной краснымъ платкомъ... Точь въ точь, какъ мы видѣли въ оперѣ.. А одинъ изъ нихъ ворвался въ карету, схватилъ меня на руки и понесъ будто-бы въ лѣсъ.

Николай Ивановичъ покрутилъ головой.

— И всегда тебѣ мужчины снятся, которые тебя на рукахъ таскаютъ,—проговорилъ онъ: — Но я молчу. А приснись мнѣ испанки, такъ ты-бы ужъ сейчасъ набросилась на меня отъ ревности, хотя-бы я ни одной изъ нихъ на рукахъ и не таскалъ.

— Полно врать-то! Когда-же это я за сонъ?.. На дворѣ, кажется, хорошая погода?—спросила она.

— Прелестная Солнце свѣтитъ во всю...

Онъ отворилъ окно и сквозь пожелтѣвшую уже листву платана увидалъ голубое небо, а между двумя домами виднѣлся кусокъ морской синевы. Не взирая на восемь часовъ утра, уличная жизнь уже началась. Сновалъ народъ по тротуару, проѣзжали извозчики въ пиджакахъ, красныхъ галстукахъ и въ испанскихъ фуражкахъ безъ козырьковъ съ тульями, надвинутыми на лобъ. Везли каменный уголь въ телѣгахъ, запряженной парой рыжихъ

быковъ съ косматыми гривами между роговъ, тащился сѣрый осель съ двумя корзинками, перекинутыми черезъ спину, въ которыхъ былъ до краевъ наложенъ виноградъ. Щелкали бичи, бѣжали въ школу мальчики съ связками книгъ, пронзительно свистя въ свистульки или напѣвая какіе-то разудалые мотивы. Въ домахъ черезъ улицу были уже отворены магазины. Николай Ивановичъ увидалъ газетную лавку, кондитерскую съ распахнутыми настежь дверями и наконецъ вывѣску „Hôtel de l'Europe“.

— Знаешь, Глаша, вѣдь мы хоть и на удачу пріѣхали въ эту гостинницу, а остановились въ центрѣ города, да и море отъ насъ въ ста шагахъ. Вонъ я вижу его,—проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Да что ты!—воскликнула Глафира Семеновна и тотчасъ же, воспрянувъ изъ постели, принялась одѣваться. — Неужели видно море?

— Да вотъ одѣнешься и подойдешь къ окну, такъ и сама увидишь.

— А купающихся видно? Вѣдь тутъ такъ прямо на виду у всѣхъ, безъ всякихъ купаленъ и купаются мужчины и женщины. Миѣ Марья Ивановна рассказывала. Она два раза ѣздила сюда.

— Нѣтъ, купающихся - то не видать. Да вѣдь рано еще.

Глафира Семеновна торопилась одѣваться. Она накинула на юбку утреннюю кофточку и подскочила къ окошку.

Подъ южными небесами.

— Быки-то, быки-то какіе съ косматыми головами! Я никогда не видала такихъ. Шиньоны у нихъ, — указывала она на пару воловъ, тащущихъ громадную телѣгу со строевымъ лѣсомъ. Смотри-ка, даже собака телѣжку съ цвѣтной капустой и артишоками везетъ. Бѣдный пестъ! А кухарка сзади телѣжки подъ краснымъ зонтикомъ идетъ. Должно быть, что это кухарка... Вотъ за этого несчастнаго пса я уже нахлестала-бы эту кухарку. Вези сама телѣжку, а не мучь бѣдную собаку. Смотри, собака даже языкъ выставила. Нѣтъ здѣсь общества покровительства животнымъ, что-ли?

Но Николай Ивановичъ ничего не отвѣтилъ на вопросъ и самъ воскликнулъ:

— Боже мой! Михаилъ Алексѣичъ Потрашовъ на той сторонѣ идетъ!

— Какой такой Михаилъ Алексѣичъ?

— Да докторъ одинъ русскій... Я знаю его по Москвѣ. Когда ѣзжу въ Москву изъ Петербурга, такъ встрѣчаюсь съ нимъ въ тамошнемъ купеческомъ клубѣ. Вотъ, значить, здѣсь и русскіе доктора есть.

— Еще-бы не быть! Я говорила тебѣ, что теперь здѣсь русскій сезонъ,—отвѣчала супруга.

— И еще, и еще русскій!—снова воскликнулъ мужъ.—Вотъ Валерьянъ Семенычъ Оглотковъ, переваливаясь съ ноги на ногу, плетется. Это ужъ нашъ петербургскій. Онъ лѣсникъ. Лѣсомъ и бутовой плитой онъ торгуетъ. Смотри-ка, въ бѣлой фланелевой парочкѣ, бѣлыхъ сапогахъ и въ голу-

бомъ галстукѣ. А фуражка-то, фуражка-то какая мазурническая на головѣ! У насъ въ Петербургѣ солиднякомъ ходить, а здѣсь, смотри-ка, какимъ шуткомъ гороховымъ вырядился! Батюшки! Да у него и перчатки бѣлыя, и роза въ петлицѣ воткнута! Вотъ ужъ не къ рылу-то этой рыжей бородѣ англичанина изъ себя разыгрывать,—прибавилъ Николай Ивановичъ и сказалъ женѣ:—Однако, давай поскорѣй пить кофей, одѣнемся, да и пойдемъ на берегъ моря. Всѣ внизъ къ морю спускаются. Туда и докторъ Потрашовъ пошелъ, туда и Оглотковъ направился.

Онъ позвонилъ и приказалъ явившейся на звонокъ горничной, чтобы подали кофе.

— Женская прислуга здѣсь, должно быть,—проговорилъ онъ.—Люблю женскую прислугу въ гостинницѣ и терпѣть немогу этихъ чопорныхъ фрачниковъ лакеевъ съ воротничками, упирающимися въ бритый подбородокъ. Рожа, какъ у актера, и надменная, пренадменная. То-ли дѣло молоденькая, миловидная горничная, кокетливо и опрятно одѣтая! Въ чепчикѣ, въ фартукѣ... Люблю!

— Еще-бы тебѣ не любить горничныхъ! Ты волокита извѣстный...—пробормотала жена.

— Ну, вотъ видишь, видишь —подхватилъ супругъ. Я сказалъ тебѣ давеча, когда ты мнѣ рассказывала твой сонъ объ испанцахъ... Чуть я что—сейчасъ и ревность, сейчасъ и упреки. А я вѣдь, небось, не попрекнулъ тебя испанцами-разбойниками.

— Такъ вѣдь я, дуракъ ты эдакій, испанцевъ

видѣла во снѣ, а ты на яву восторгаешься горничными и говоришь врасосъ объ нихъ. Свѣженькая, молоденькая, въ чепчикѣ, въ передничкѣ...—передразнила Глафира Семеновна мужа.

Горничная внесла подносъ съ кофе, булками и масломъ, остановилась и, улыбаясь, заговорила что-то на ломаномъ французскомъ языкѣ. Глафира Семеновна раза два переспрашивала ее и, наконецъ, перевела мужу:

— Хозяйка здѣшной гостиницы хочетъ насъ видѣть, чтобы переговорить съ нами о пансіонѣ.

— Опять пансіонъ!? — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Какой тутъ пансіонъ, если мы только вчера ночью приѣхали! Надо сначала испробовать, чѣмъ и какъ она насъ кормить будетъ. Апре, апре авекъ пансіонъ!—махнулъ онъ горничной.

Супруги наскоро пили кофе. Глафира Семеновна прихлебывала его изъ чашки, отходила отъ стола и рылась въ своемъ дорожномъ сундукѣ, выбирая себѣ костюмъ.

— Не знаю, во что и одѣться. Кто ихъ знаетъ, какъ здѣсь ходятъ!

— Да выгляни въ окошко. Дамъ много проходить,—кивнулъ мужъ на улицу.

— Но вѣдь тутъ обыкновенная улица, а мы пойдемъ на морской берегъ. Мнѣ Марья Ивановна рассказывала, что на морскомъ берегу гулянье, всегда гулянье.

— Ну, такъ и одѣвайся, какъ на гулянье.

— Давеча, когда я смотрѣла въ окошко, дамы все больше въ свѣтлыхъ платьяхъ проходили.

— Вотъ въ свѣтлое платье и одѣвайся. Вѣдь у тебя есть.

— Хорошо, я одѣнусь въ свѣтлое. Но большой вопросъ въ шляпкѣ. Что здѣсь теперь: осень или лѣто? По нашему осень, но вѣдь здѣсь югъ, Біаррицъ, морское купанье. Если здѣсь теперь считается осень, то я надѣла-бы большую шляпу съ высокими перьями, которую я купила въ Парижѣ, какъ осеннюю. Она мнѣ изъ всѣхъ моихъ шляпъ больше идетъ къ лицу. Но если здѣсь теперь считается лѣто, то у меня есть прекрасная волосяная шляпа съ цвѣтами... Какъ ты думаешь?—обратилась Глафира Семеновна къ супругу.

— Ничего я, матушка, объ этомъ не думаю. Это не по моей части,—отвѣчалъ тотъ, смотря въ окно.

— Ахъ, такъ ты думаешь только объ однихъ молоденькихъ горничныхъ въ передничкахъ и чепчиккахъ?—уязвила она его.

— Лѣто здѣсь, лѣто... Надо одѣваться по лѣтнему. Купальный сезонъ, такъ значить лѣто.

— Однако, онъ называется осенній сезонъ.

— Ну, и одѣвайся, какъ знаешь.

Глафира Семеновна одѣвалась долго. Только къ десяти часамъ она была готова, пришилила къ горлу брошку съ крупными брилліантами и надѣла на руку дорогой брилліантовый браслетъ. Наконецъ, супруги стали спускаться съ лѣстницы.

Въ швейцарской съ ними низко-пренизко раскладываясь хозяинъ, приблизился къ нимъ и заговорилъ по-французски. Въ рѣчи его супруги опять слышали слово „пансіонъ“, произнесенное нѣсколько разъ.

— Дался имъ этотъ пансіонъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ по-русски и тутъ-же прибавилъ по-французски: — Апре, апре, монсье!.. Нужно манже, а апре парле де пансіонъ.

Супруги вышли на улицу.

Х.

ДЛАФИРА Семеновна прочитала на углу дома, что улица, на которую они вышли, называется улицей Меріи, и тотчасъ сообщила о томъ мужу, — прибавивъ:

— Мерія у нихъ — это все равно, что наша городская дума.

— Знаю я. Что ты мнѣ рассказываешь! — отвѣчалъ супругъ и спросилъ: — Ну, куда-жъ идти: направо или направо?

— Да ужъ пойдемъ къ морю. Вѣдь мы для моря и пріѣхали. Вонъ море виднѣется, — указала она проулокъ, спускающійся къ куску синей дали.

Они стали переходить улицу Меріи, засаженную около тротуаровъ платанами, и увидали, что дома ея сплошь переполнены магазинами съ зер-

кальными стеклами въ окнахъ. Въ проулкѣ, ведущемъ къ морю, направо и налѣво были также магазины съ выставками на окнахъ. Въ открытыя двери магазиновъ виднѣлись приказчики въ капуляхъ и съ закрученными усами, перетянутыя въ рюмочку разряженныя продавальщицы. Супруги остановились передъ окномъ магазина, гдѣ за стекломъ были вывѣшены шерстяные купальные костюмы.

— А вотъ они купальные-то костюмы!—воскликнула Глафира Семеновна.—Посмотри, какая прелесть этотъ голубой костюмъ. Голубой съ бѣлымъ, обратилась она къ мужу.—Мнѣ, какъ блондинкѣ, онъ будетъ къ лицу. Вотъ его я себѣ сегодня и куплю.

Изъ магазина тотчасъ-же выскочилъ молодой приказчикъ съ карандашомъ за ухомъ и съ черными усами щеткой и, поклонившись, произнесъ по-французски:

— По случаю конца сезона всѣ вещи продаются съ уступкой двадцати двухъ процентовъ, мадамъ. Неудобно-ли будетъ зайти и посмотрѣть?

— Уй, уй... Ну заривронъ апре,—кивнула ему Глафира Семеновна.

А супругъ ея замѣтилъ:

— Замѣчаешь, здѣсь тоже на апраксинскій манеръ зазываютъ.

Но вотъ передъ ними открылось необозримое синее пространство. Они подошли къ террасѣ, обрывающейся прямо къ морю и огороженной же-

лѣзной рѣшеткой съ кустарными насажденіями, тщательно подстриженными въ линію. Это былъ маленькій заливъ, иhalbъ виднѣлся также крутой берегъ съ очертаніями вдали голубовато-сѣрыхъ и фіолетовыхъ горъ, подернутыхъ легкимъ туманомъ. Направо, тоже на берегу высились пятиэтажныя строенія гостинницъ, нѣсколькими террасами спускающіяся къ водѣ. Далѣе по берегу виднѣлся маякъ. Супруги взглянули внизъ и увидали, что у самой воды на пескѣ, на который устремлялись бѣлыя пѣнистыя морскія волны, какъ муравьи копошились дѣти съ няньками и гувернантками, а выше, на тротуарѣ набережной пестрыми вереницами тянулась гуляющая публика.

— Какая прелесть!—невольно вырвалось у Глафиры Семеновны. — Смотри, вонъ вдали парусъ виднѣется,—указала она мужу.

— Хорошо-то хорошо, но, по моему, въ Ниццѣ на Жете Променадъ лучше, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Надо спуститься внизъ.

— Но какъ?

— Вотъhalbъ дорога внизъ идетъ.

И супруги начали спускаться къ водѣ по крутой дорогѣ, идущей извилинами и внизу развѣтвляющейся на нѣсколько тропинокъ. Они взглянули назадъ и увидали, что за ними остались десятки крупныхъ построекъ съ громадными вывѣсками гостинницъ.

— Гранъ Готель, Готель д'Англетьеръ, Готель де-Казино... — прочелъ Николай Ивановичъ и при-

бавиль: — Все гостинницы. Вонъ еще готель...
Еще...

— Да вѣдь и въ Ниццѣ, главнымъ образомъ, все гостинницы,—отвѣчала супруга.

Но вотъ и набережная со спусками на песчаный берегъ. Слышенъ шумъ набѣгающихъ на песокъ волнъ, увѣчанныхъ бѣлыми пѣнистыми гребнями и разсыпающихся въ мелкіе брызги.

— Смотри-ка, смотри-ка, ребятишки-то почти всѣ голоногіе,—указала мужу Глафира Семеновна. — Какіе нарядные и голоногіе.

— Да вѣдь это же нарочно. Это не потому, чтобы у нихъ не было сапоговъ или изъ экономіи. Это новая система закала здоровья,—отвѣчалъ супругъ.

Глафира Семеновна обидѣлась.

— Неужели-же ты думаешь, что я дура, что я не понимаю?—сказала она.—А я только такъ тебѣ указываю. Въ Германіи есть лечебница, гдѣ и взрослыхъ, даже стариковъ и старухъ заставляютъ босикомъ и съ непокрытой головой подъ дождемъ, по мокрой травѣ и по лужамъ бѣгать. И въ этомъ заключается леченіе. Я читала. И самое модное леченіе.

— Слыхалъ и я. Теперь чѣмъ глупѣе леченіе, тѣмъ моднѣе.

— А собакъ-то, собакъ-то сколько!—дивилась супруга. — Людей-то, однако, покуда я не вижу купающихся.

Супруги двинулись по набережной. Гуляющихъ

было довольно много. Почти всѣ мужчины были въ сѣрыхъ фетровыхъ шляпахъ или въ триковыхъ испанскихъ фуражкахъ. Преобладали свѣтлые костюмы. Мужчинъ было больше, чѣмъ женщинъ.

— Однако, я не вижу здѣсь особенныхъ нарядовъ на женщинахъ, — замѣтила Глафира Семеновна.—Говорили: „Біарриць, Біарриць! Вотъ гдѣ моды-то! Вотъ гдѣ наряды-то!“ А тутъ, между прочимъ, есть дамы въ платьяхъ чуть не отъ плиты...

Нѣкоторые мужчины и дамы изъ идущей супругамъ на встрѣчу публики осматривали ихъ съ ногъ до головы и, наконецъ, въ догонку супругамъ послышалось русское слово „новенькіе“.

То тамъ, то сямъ среди публики, въ особенности среди голоногихъ ребятишекъ, роющихся въ песокъ, бѣгали мальчишки-поваренки въ бѣлыхъ передникахъ, курткахъ и беретахъ съ корзинками въ рукахъ и продавали широкое и конфекты, не взирая на раннюю пору отлично раскупающіеся. На тротуарѣ, спинами къ морю, сидѣли на складныхъ стульяхъ слѣпые нищіе, очень прилично одѣтые и потрясали большими раковинами съ положенными въ нихъ мѣдяками. Вотъ слѣпой пѣвецъ, сидящій за фисъ-гармоніей, аккомпанирующій себѣ и распѣвающій изъ „Риголетто“.

— Кого я вижу! Здравствуйте!—раздалось русское восклицаніе, и пожилой коренастый человѣкъ въ сѣрой шляпѣ, въ свѣтлой сѣрой пиджачной

парочкѣ и бѣлыхъ парусинныхъ башмакахъ растопырилъ передъ Николаемъ Ивановичемъ руки.

— Здравствуйте, докторъ...—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Какими судьбами?

— Вчера пріѣхали изъ Парижа, пріѣхали покупаться въ морскихъ волнахъ. Вотъ позвольте познакомить васъ съ моей женой. Докторъ Потрашовъ изъ Москвы. Супруга моя Глафира Семеновна. У ней не совсѣмъ въ порядкѣ нервы и по временамъ мигрень, такъ хочетъ покупаться.

Рукопожатіе.

— Прекрасное дѣло, прекрасное дѣло,—проговорилъ докторъ Потрашовъ. — Здѣсь положительно можно укрѣпить свои силы. Даже и не купаясь можно укрѣпить, только прогуливаясь вотъ здѣсь по Плажу и вдыхая въ себя этотъ влажный и соленый морской воздухъ.

— Да неужели онъ соленый?—удивился Николай Ивановичъ.

— А вы вотъ попробуйте и лизните вашу бороду. Не бойтесь, не бойтесь. Возьмите ее въ руку и закусите зубами.

Николай Ивановичъ исполнилъ требуемое.

— Ну, что?—спрашивалъ его докторъ Потрашовъ.

— Дѣйствительно, волосъ совсѣмъ соленый.

— Ну, вотъ видите. А между тѣмъ, вѣдь вы вашу бороду, я думаю, не смачивали соленой водой. Здѣсь въ воздухѣ соль.

— Да что вы! Глафира Семеновна, слышишь? Вѣдь эдакъ мы съ тобой, проживъ здѣсь въ Біаррицѣ недѣли двѣ, въ селенокъ превратиться можемъ.

Супруга посмотрѣла на мужа и глазами какъ-бы сказала: „какъ это глупо“.

— А вы здѣсь, докторъ, уже давно?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Съ недѣлю уже мотаюсь. Я пріѣхалъ сюда съ однимъ больнымъ московскимъ фабрикантомъ. За большія деньги пріѣхалъ,—прибавилъ докторъ.—Фабрикантъ этотъ, впрочемъ, не боленъ, а просто блажить. Ну, да мнѣ-то что за дѣло! Я самъ отдохну и надышусь морскимъ воздухомъ. Вы гуляете?—задалъ онъ вопросъ супругамъ.

— Да, только что вышли и обзрѣваемъ.

— Ну, давайте ходить.

Докторъ присоединился къ супругамъ Ивановымъ и они медленнымъ шагомъ двинулись по набережной, называемой здѣсь и русскими Плажемъ.

XI.

Скажите, докторъ, отчего-же мы не видимъ никого купающихся?—спросила Глафира Семеновна Потрашова.

— Рано еще. Здѣсь принято это дѣлать передъ завтракомъ, приблизительно за полчаса передъ завтракомъ. Вотъ въ началѣ двѣнадцатаго

часа и начнутъ... А теперь модницы наши еще дома и одѣваются.

— Здѣсь купаются? Съ этого берега?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Здѣсь, здѣсь... Вотъ направо въ этомъ зданіи подъ арками находятся кабинеты для раздѣванья. Вотъ это женскіе кабины, какъ ихъ здѣсь называютъ, а дальше мужскіе,—разсказывалъ Потрашовъ.—Тамъ въ кабинахъ раздѣнутся, одѣнутся въ купальные костюмы, а затѣмъ выходятъ и идутъ въ воду. Женщины въ большинствѣ купаются всегда съ бенъерами, то-есть съ купальщиками, которые ихъ вводятъ въ воду и держатъ за руки. Здѣсь въ Біаррицѣ прибой великъ и нужно быть очень сильнымъ, чтобъ волны не сбили съ ногъ. Вотъ бенъеры стоятъ. Они уже ожидаютъ своихъ кліентовъ. Посмотрите, какіе геркулесы!

Дѣйствительно, на галлерей кабиновъ вытянулись въ шеренгу семь или восемь бравыхъ, загорѣлыхъ молодцовъ, по большей части въ усахъ, въ ухарски надѣтыхъ на бекренъ шляпахъ, изъ подъ которыхъ выбились пряди черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ. Только одинъ изъ нихъ былъ старикъ съ сѣдыми усами и бородой, но старикъ мощный, крѣпкій, статный. Всѣ бенъеры были босые, голоногіе, въ черныхъ суконныхъ штанахъ до коленъ и въ черныхъ виксатиновыхъ или кожаныхъ курткахъ, безъ рубахъ. Въ распахнутыя отъ горла куртки виднѣлась загорѣлая волосатая грудь. Бенъеры стояли и рисовались своей статностью и

красотой передъ гуляющей по Плажу публикой. Они то подбоченивались, то выставляли правую или лѣвую ногу впередъ, стрѣляли, какъ говорится, глазами и ухарски крутили усь. Проходившія дамы почти всѣ косились въ ихъ сторону, а нѣкоторые изъ дамъ такъ буквально любовались ими и, останавливаясь, пожирали глазами.

— Красавцы.. —замѣтила Глафіра Семеновна, взглянувъ на шеренгу бенъеровъ.

— Еще-бы,—откликнулся докторъ.—Есть дамы, которыя влюбляются въ нихъ, какъ кошки. Рассказываютъ, что третьяго года одна* пріѣзжая русская вдова увезла одного такого молодца съ собой въ Москву. Онъ обобралъ ее, разумѣется, вернулся сюда и теперь въ Санъ-Жанъ держитъ гостиницу. Санъ-Жанъ это въ десяти верстахъ отсюда и считается тоже купальнымъ мѣстомъ,—прибавилъ докторъ.

— Совсѣмъ красавцы...—повторила Глафіра Семеновна.

Николая Ивановича покорило и въ отместку женѣ онъ сказалъ:

— А мнѣ, докторъ, покажите потомъ здѣшнихъ хорошенькихъ жевщицъ. Я слышалъ, что здѣшняя мѣстность славится ими.

— Вздоръ. Ихъ нѣтъ или очень мало,—отвѣчалъ докторъ.—Ну, да вотъ доживете до воскресенья, такъ сами увидите. Надо вамъ сказать, что по воскресеньямъ, послѣ завтрака, здѣсь на Плажѣ публика мѣняется. Всѣ пріѣзжіе отправляются по

трамваю въ Байону. Это верстъ восемь отсюда. Тамъ они сидятъ на площади въ кофейняхъ, пьютъ шоколадъ и слушаютъ военную музыку, которая играетъ на площади каждое воскресенье. А сюда, на Плажъ, приходятъ погулять здѣшнія горожанки, дамочки и дѣвушки изъ сосѣднихъ деревень, такъ какъ въ будни онѣ всѣ заняты, а по воскресеньямъ свободны. Наплывъ такой, что вотъ здѣсь на Плажѣ бываетъ тѣсно. И исключительно почти дамы и дѣвушки, такъ какъ мѣстные мужчины по воскресеньямъ собираются гдѣ-нибудь отдѣльно для своей излюбленной игры въ мячъ. Эта игра въ мячъ какая-то особенная, и здѣсь вся мѣстность упражняется въ эту игру по воскресеньямъ.

— Посмотримъ въ воскресенье, поглядимъ...— сказалъ Николай Ивановичъ.

Теперь супруга въ свою очередь гнѣвно стрѣльнула въ него глазами, но ничего не сказала.

Докторъ Потрашовъ продолжалъ:

— Я былъ-съ... Два воскресенья уже былъ здѣсь. Женщинами запруженъ весь Плажъ... Кажись, цвѣтникъ ужъ огромный, а между тѣмъ, представьте себѣ, я едва-едва встрѣтилъ два-три личика истиннѣ красивыхъ. Такъ себѣ, свѣженькихъ и недурненькихъ много. Но красавицъ—ни Боже мой! А вѣдь, между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь стоитъ молва, что здѣсь много красавицъ. Вотъ въ Санъ-Себастьяно... Это ужъ переѣзжая испанскую границу, но очень недалеко отсюда... Вотъ Санъ-Себастьяно—тамъ, говорятъ, красивыхъ женщинъ

много. Но тамъ ужъ испанки. А здѣсь простыя женщины—баски, баски...

— Съѣздимъ и въ Себастьяно... — проговорилъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеповна снова стрѣльнула въ мужа гнѣвно глазами.

— Съѣздимъ, съѣздимъ... — отвѣчалъ докторъ. — Я самъ еще не бывалъ тамъ и охотно составлю вамъ компанію. Эту прогулку можно въ одинъ день сдѣлать. Рано утромъ туда поѣдемъ и ночью вернемся. Эта прогулка бываетъ всегда преддверіемъ для путешествія по всей Испаніи. Такъ всѣ дѣлаютъ. Съѣздить въ Санъ-Себастьяно, разлакомятся, а по окончаніи купальнаго сезона въ Біаррицѣ катаются ужъ прямо въ Мадридъ, а затѣмъ и дальше.

Докторъ умолкъ. На Плажѣ дѣлалось все многолюднѣе и многолюднѣе. Появились гуляющіе съ ящиками для моментальныхъ фотографій. Они держали ихъ на груди, перекинутыми на ремняхъ черезъ шею.

— Сейчасъ купаться начнутъ, — прервалъ молчаніе докторъ. — А вотъ эти фотографы-любители начнутъ снимать съ нихъ фотографіи. Здѣсь этотъ спортъ чрезвычайно распространенъ. Кромѣ купающихся снимаютъ, что попало: плачущихъ ребятъ, дерущихся собакъ. Тутъ какъ-то поссорился одинъ изъ пріѣзжихъ русскихъ съ своей птитель-фамъ, съ которой познакомился здѣсь въ Казино. И поссорился-то въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ-то въ кустахъ на скамейкѣ. Она замахнулась на него зонтикомъ и сшибла съ него шляпу. Имъ казалось, что никого

ни вокругъ, ни около ихъ не было, а между тѣмъ съ нихъ сняли фотографію и теперь она ходитъ здѣсь по рукамъ.

— Да что вы!—удивился Николай Ивановичъ. — Глаша, слышишь?—отнесся онъ къ женѣ.

— Вѣрно, вѣрно...—подтвердилъ докторъ. —Я самъ видѣлъ. Этотъ пріѣзжій мой знакомый. Фотографія удивительно схожая. Поразительно удачно вышло. Здѣсь фотографическій спортъ до того распространенъ,—продолжалъ онъ:—до того распространенъ, особенно между пріѣзжими англичанами, что во многихъ гостинницахъ есть уже темныя комнаты для проявленія фотографій. Этими темными комнатами заманиваютъ къ себѣ въ гостинницу путешественниковъ, раскидывая и развѣшивая объявленія по станціямъ желѣзныхъ дорогъ.

Глафира Семеновна слушала и сказала:

— Послѣ этого, что вы рассказываете, здѣсь не безопасно купаться.

— Отчего?—спросилъ докторъ.

— Да вдругъ снимутъ фотографію.

— Такъ что-же? Здѣсь даже добиваются этого многія дамы. Нарочно одѣваются въ шикарные купальные костюмы, распускаютъ себѣ волосы а ля русалка, купаются съ привязными косами, въ ожерельяхъ, въ браслетахъ. Тутъ одна купается въ браслетахъ не только на рукахъ, но даже и на ногахъ. Ну, да вы сейчасъ сами увидите.

— Тогда, если такъ, я не стану купаться здѣсь...

Помилуйте... что это такое! — проговорила Глафира Семеновна.

— Да на первыхъ порахъ я вамъ даже не совѣтую купаться прямо въ морѣ. Вамъ прежде нужно привыкнуть и къ соленой водѣ, и къ температурѣ. Вы прежде возьмите двѣ - три теплыхъ ванны въ закрытомъ помѣщеніи. Здѣсь всѣ такъ дѣлають. Возьмите первую въ двадцать восемь градусовъ и понижайте температуру. А потомъ и въ открытое море идите, — давалъ совѣты докторъ. — Готово! Начали купаться. Смотрите. Вонъ бѣжитъ барынька въ купальномъ костюмѣ, а за ней гонится беньеръ, — указалъ онъ.

По песку, выскочивъ изъ галлерей, дѣйствительно стремилась купальщица въ плащѣ изъ мохнатой бумажной матеріи. Достигнувъ воды, она сбросила съ себя плащъ на песокъ, сдѣлала нѣсколько позъ, очутившись въ нарядномъ купальномъ костюмѣ, плотно прилегавшемъ къ ея тѣлу и обрисовывавшемъ всѣ ея формы, подала руку бравому беньеру и пошла въ воду. Налетѣвшая пѣнистая волна тотчасъ-же покрыла ихъ съ головами.

ХП.

ДАВИДЯ купающуюся женщину, гуляющіе тотчасъ-же начали сосредоточиваться противъ самаго мѣста купанья. Направились туда-же и супруги Ивановы. На галлерей женскихъ купальныхъ кабиновъ публика тотчасъ

же начала занимать стулья, отдающіеся по десяти сантимовъ за посидѣнье.

— И мы можемъ присѣсть,—сказалъ супругамъ докторъ Потрашовъ.—Что стоять-то и жариться на солнцѣ! А стулья въ тѣни.

Супруги сѣли.

Изъ воротъ кабиновъ вышли уже двѣ купальщицы. Одна въ плащѣ—пожилая, толстая, краснолицая, въ чепчикѣ съ красной отдѣлкой, другая безъ плаща и безъ чепца—молоденькая брюнетка въ туго обтянутомъ по тѣлу розовомъ купальномъ костюмѣ. На нихъ тотчасъ-же направились лорнеты и бинокли. Сзади супруговъ Ивановыхъ кто-то спрашивалъ по-французски:

— Кто это такія? Вы не знаете?

— Это жена и дочь одного разбогатѣвшаго на шоколадѣ кондитера,—былъ отвѣтъ.—Онѣ изъ Ліона. Я забылъ ихъ фамилію. Дочкѣ ищутъ богатаго жениха—вотъ маменька и привезла ее сюда на показъ. Маменька напоминаетъ совсѣмъ гипопотама, но дочка недурна. Говорятъ, что ее нынче лѣтомъ только что взяли изъ монастыря.

Купальщицы сбѣжали по каменнымъ ступенямъ съ набережной на песокъ. За ними шелъ голоногій беньеръ въ курткѣ съ короткими рукавами. Они сдѣлали шаговъ тридцать по песку, лавируя между играющими ребятишками. Маменька шепнула что-то дочкѣ. Та остановилась, подняла ногу и стала поправлять парусинный башмакъ, привязанный къ ногѣ переплетомъ изъ черныхъ лентъ, доходящимъ

до колѣни. Сдѣлано это было граціозно. Вышла красивая поза.

— Видите, сама барышня останавливается, сама напрашивается, чтобы съ нея сняли фотографію,— сказалъ докторъ супругамъ, кивая на дѣвушку.

И точно, рядомъ съ супругами тотчасъ-же щелкнула пружинка ящичка моментальной фотографіи, находившагося въ рукахъ сѣдаго англичанина, облеченнаго въ палевую крупными клѣтками фланель. Снявъ фотографію и опустивъ висѣвшій на ремнѣ черезъ плечо фотографическій ящичекъ, онъ быстро всталъ съ своего стула, направился къ самому краю набережной, разставилъ длинныя ноги съ завернутыми у щиколокъ панталонами и сталъ направлять на удаляющихся къ водѣ маменьку и дочку большой морской бинокль, висѣвшій у него до сего времени на ремнѣ, перекинутомъ черезъ плечо.

Вотъ и еще купальщица, полная, красивая женщина лѣтъ подъ тридцать. Эта шла медленно, закутанная въ полосатый бѣлый съ краснымъ плащъ и имѣла на головѣ повитый тоже изъ бѣлаго съ краснымъ тюрбанъ.

— Вотъ и наша русская,—проговорилъ докторъ.

— Кто такая?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Она изъ Москвы. Происхожденія купеческаго. Дочь не то крупнаго бакалейщика, не то дровяника. Вышла замужъ за полковника, но съ мужемъ не живетъ. Она каждый вечеръ играетъ здѣсь въ Казино въ лошадки. Игра такая здѣсь есть, въ

родѣ рулетки. Играетъ въ лошадки и проигралась уже изрядно.

— Какъ фамилія?

— Статинская, Ховинская, Сатинская—вотъ такъ какъ-то. Забылъ. Пріѣхала сюда съ компаньонкой.

Мадамъ Статинская или Ховинская шла медленно и два раза кивнула встрѣчнымъ знакомымъ мужчинамъ. Вотъ она и на пескѣ. Остановилась около какого-то бѣлокураго ребенка, одѣтаго матросомъ, приласкала его и пошла дальше. Вотъ она у самой воды. У ногъ ея разбилась громадная волна и обдала ее брызгами. Купальщица, не торопясь, скинула съ себя плащъ и передала его сопровождавшему ее беньеру. Тотъ принялъ плащъ и въ свою очередь передалъ его караулящей плащи женщинѣ въ полосатой тиковой юбкѣ, затѣмъ подаль руку купальщицѣ и они побѣжали на встрѣчу волнамъ.

Еще купальщица, еще и еще...

— А эта блондинка кто такая?—задала вопросъ доктору Глафира Семеновна.

— Генеральша-съ... Мужъ ея генераль и тоже здѣсь, но на Плажъ онъ рѣдко ходитъ, а предпочитаетъ стрѣлять въ здѣшнемъ тирѣ голубей. Она здѣсь всегда съ племянникомъ, прикомандированнымъ къ какому-то губернатору для ничегонедѣланія.

— Русская?

— Самая, что ни на есть... Изъ Петербурга... Занимается живописью. Послѣ завтрака вы ее всегда можете встрѣтить противъ La roche de Vierge на

складномъ стулѣ съ палитрой и кистями передъ начатою картинкой...

— Сколько здѣсь русскихъ!—удивленно проговорила Глафира Семеновна.

— Русский сезонъ теперь,—отвѣчалъ докторъ.— Теперь въ Біаррицѣ пріѣзжихъ русскихъ больше всѣхъ національностей. Стали, правда, наѣзжать англичане, но англійскій сезонъ еще не начался. Англійскій сезонъ начнется съ конца октября. Русскіе уѣдутъ и начнется англійскій сезонъ. А теперь сплошь русскіе. Русская рѣчь такъ и звенитъ на Плажѣ. Да вотъ даже сзади насъ разговариваютъ по-русски,—шепнулъ докторъ, наклонившись къ Глафирѣ Семеновнѣ.

И дѣйствительно, сзади супруговъ Ивановыхъ разговаривали по-русски. Двое мужчинъ—одинъ въ сѣрой фетровой шляпѣ, а другой въ испанской фуражкѣ съ дномъ, нависшимъ на лобъ, смотрѣли на удалявшуюся къ водѣ генеральшу и обсуждали статьи ея тѣлосложенія.

— Что вы, помилуйте... Вотъ ужъ кого не нахожу-то хорошо сложенной!—говорилъ усачъ въ шляпѣ.—Это пристрастіе съ вашей стороны къ ней и больше ничего. Что вы у ней хорошаго находите? Скажите. Бедра у ней плоскія, талія необычайно низка...

— Но бюстъ, бюстъ,—перебивалъ его бородачъ въ испанской фуражкѣ.

— Полноте... и бюстъ ничего не стоитъ. Во-первыхъ, она ожирѣла... Я два раза стоялъ на

пескъ у самыхъ волнъ и видѣлъ, какъ она выходила изъ воды, накидывая на себя пеньюаръ, но, право, ничего, кромѣ икръ, не находилъ хорошаго.

— А! за икры вы сами стоите. Но развѣ этого мало?—вскрикивалъ бородачъ въ испанской фуражкѣ.—Наконецъ, лицо, шея...

— По моему, ужъ губернаторша-то куда статнѣе, нужды нѣтъ, что она некрасива лицомъ.

Глафира Семеновна слушала и удивлялась.

— Что они говорятъ! Боже мой, что они говорятъ!—прошптала Глафира Семеновна, обратясь къ мужу и доктору, и покрутила головой.—Разбирать По частямъ женщину, какъ лошадь!...

— Здѣсь это заурядъ...—тихо отвѣчалъ ей докторъ.—Сюда за этимъ пріѣзжаютъ. Здѣсь всѣ такъ.

А сзади Глафиры Семеновны уже слышалось:

— Во-первыхъ, у этой гречанки гусиная шея, во-вторыхъ, у ней лошадиное лицо. Да я не понимаю, кто это и выдумалъ, что гречанки могутъ быть статны. Вотъ итальянки—тѣ наоборотъ.

— Нѣтъ, я, кажется, ни за что не рѣшусь здѣсь купаться,—проговорила Глафира Семеновна.—Ужъ одно, что нужно пройти мимо тысячи глазъ... Мимо сотни биноклей...

— Совсѣмъ, какъ сквозь строй... — поддакнулъ Николай Ивановичъ.

— А всѣ эти пересуды!.. У кого гусиная шея, у кого бычьи ноги.

— Мода.. что вы подѣлаете!—сказалъ докторъ.—

Но вѣдь здѣсь есть мѣста, гдѣ вы можете купаться такъ, что на васъ никто и не взглянетъ. Около Port des Pêcheurs, напримѣръ. Тамъ можно купаться даже безъ бенъеровъ, потому, что тамъ бухточка и даже безъ прибоа волнъ. Плавать даже можно, тогда какъ здѣсь вѣдь никакой пловецъ не проплыветъ. Но тамъ, въ этой спокойной бухточкѣ, почти никто не купается.

— Сраму хотятъ,— закончилъ Николай Ивановичъ.

— Именно сраму... Вѣдь это ужасъ что такое!— прибавила Глафира Семеновна.

Купальщицы начали выскакивать изъ кабиновъ все чаще и чаще. Бенъеры были всѣ разобраны. Свободнымъ стоялъ только одинъ бенъерь—коренастый старичекъ съ сѣдой бородой клиномъ. Глафира Семеновна тотчасъ-же это замѣтила и сказала:

— Смотрите, старичка-то бенъера никто не беретъ. Молодые бенъеры разобраны, а онъ безъ дѣла.

— Никто, никто. Онъ совсѣмъ безъ дамской практики. Вотъ развѣ дѣтей приведутъ купать, такъ его возьмутъ—отвѣчалъ докторъ. — Помилуйте, зачѣмъ старика брать, если есть статные молодые красавцы! Здѣсь поклоненіе пластикъ.

А купальщицы все прибывали и прибывали. Нѣкоторыя выскакивали изъ отдѣленія кабиновъ на Плажъ, какъ кафешантанныя пѣвицы на сцену къ

рампѣ, припрыгивали и бѣжали на встрѣчу волнамъ.

Степенно шли бородатые и усатые мужчины къ водѣ. Эти были, по большей части, безъ плащей и всѣ безъ головныхъ уборовъ и безъ купальной обуви. Нѣкоторые докуривали на ходу окурки папирозъ и сигаръ. Они шли туда-же, гдѣ купались и женщины, по дорогѣ останавливались, давали дорогу вышедшимъ уже изъ воды женщинамъ, направлявшимся въ кабины одѣваться. На мужчинъ публика какъ-то мало обращала вниманія. Объ нихъ совсѣмъ и не разговаривали, хотя кое-кто изъ сидѣвшихъ на галлерей дамъ и направлялъ на нихъ бинокли. Впрочемъ, когда показался одинъ красивый прихрамывающій усачъ въ черномъ фланелевомъ купальномъ костюмѣ, одна дама, влѣво отъ Глафиры Семеновны, сказала своей собесѣдницѣ по-французски:

— Это испанскій капитанъ. Онъ недавно дрался на дуэли изъ-за какой-то наѣздницы, былъ раненъ и вотъ теперь хромаетъ. Смотрите, какой красавецъ!

Слышалъ или не слышалъ испанскій капитанъ эти слова, но остановился и сейчасъ-же началъ позировать и крутилъ свой черный усъ.

Вышла изъ воды какая-то черноглазая купальщица съ красивыми глазами и распушенной черной косой. Она переходила набережную и направлялась въ кабины одѣваться, ловко и кокетливо отбрасывая рукой назадъ пряди своихъ волосъ

Двое мужчинъ, очевидно ожидавшіе ея выхода изъ воды, посторонились и зааплодировали ей. Она поклонилась, весело улыбаясь, и побѣжала одѣваться.

— Да это купанье совсѣмъ что-то въ родѣ сцены, въ родѣ представленія! Здѣсь даже и аплодируютъ купальщицамъ, какъ актрисамъ!—воскликнула Глафира Семеновна.

— Зрѣлище...—отвѣчалъ докторъ.—И, согласитесь сами, зрѣлище очень занимательное.

XIII.

ЦАСОВАЯ стрѣлка на зданіи городского Казино, выходящаго своимъ фасадомъ на Плажъ, гдѣ сидѣли супруги и гдѣ въ настоящее время было сосредоточено все общество Біаррица, перешла уже цифру двѣнадцать. Головы и туловища купающихся, виднѣющіяся среди обдающихъ ихъ волнъ, начали рѣдѣть. Женщины спѣшили выходить изъ воды и одѣваться къ завтраку. Въ воду вбѣгали теперь только запоздавшіе мужчины, чтобъ наскоро окунуться передъ завтракомъ въ морскую пѣну. Въ водѣ долго они не засиживались и тотчасъ-же выходили вонъ. Въ выходящихъ на Плажъ отеляхъ слышались звонки, призывающіе обитателей ихъ къ завтраку. Докторъ

Потрашовъ сталъ раскланиваться съ супругами Ивановыми.

— Пора идти червяка морить, — проговорилъ онъ. — Мой больной патронъ, я думаю, уже вернулся изъ теплыхъ ваннъ и ожидаетъ меня за самоваромъ.

— Какъ, у васъ есть самоваръ? — удивился Николай Ивановичъ.

— Съ собой привезли. Настоящій тульскій. Это мой патронъ, фабрикантъ... И боченокъ квасу ведеръ въ пять съ нами сюда пріѣхалъ изъ Москвы.

— Да что вы! — воскликнула Глафира Семеновна.

— Вѣрно, мадамъ... — улыбнулся докторъ. — Это опять-таки мой патронъ... Онъ не можетъ безъ квасу... И если-бы вы знали, чего ему стоитъ сохранить этотъ боченокъ съ квасомъ во льду! Здѣсь ледъ чуть не на вѣсъ золота. Ну, да и то сказать, у денегъ глазъ нѣтъ.

— Блажитъ вашъ паціентъ, блажитъ, какъ женщина, — сказала Глафира Семеновна. — И самоваръ, и квасъ.

— А что за блажь самоваръ? — возразилъ супругъ. — Про квасъ я скажу, что это лишнее, ну, а что касается до самовара, то не худо-бы и намъ его съ собой захватывать изъ Россіи и возить въ путешествіи. Маленькій самоваръ. Мѣсто онъ немного-бы занялъ въ багажѣ, а имѣть его пріятно. Вѣдь вотъ для меня, на примѣръ: какое это лишеніе во время всего заграничнаго путешествія не

пить чая, завареннаго по-русски, а тянуть англійское прокипяченное варево изъ чая, напоминающее запаренные вѣники своимъ запахомъ, густое, какъ вакса. Фу!

— Да вы и здѣсь можете себѣ маленькій самоваръ купить за двадцать франковъ,—сообщилъ докторъ.

— Неужели есть? Неужели здѣсь продаются русскіе самовары?—удивленно спросилъ Николай Ивановичъ.

— Даже два изъ нихъ на окнахъ выставлены въ магазинѣ русскихъ издѣлій.

— Да развѣ есть такой магазинъ здѣсь?

— Есть. Вы гдѣ остановились?

— Въ Готель де-Франсъ.

— Ну, такъ это около васъ. Спуститесь только въ улицу за мерію и вы увидите этотъ магазинъ. Тамъ увидите наши нижегородскія лукошки, лукутинскіе ящички и портсигары съ изображеніемъ на нихъ троекъ, мчащихся во весь опоръ, и мужиковъ, наигрывающихъ на балалайкѣ. Увидите долбленные изъ осины табуреты съ красной и желтой поливой, увидите наши русскіе уполовники изъ дерева.

— Глаша! слышишь? Непремѣнно надо будетъ зайти въ этотъ магазинъ,—отнесся супругъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— И знаете, для какого употребленія служатъ здѣсь эти деревянные русскіе уполовники?—продолжалъ докторъ.

— Нѣтъ.

— А вотъ взгляните на дѣтей на пескѣ. Эгими уполовниками играютъ дѣти. Они замѣняютъ имъ лопаточки. Да вотъ-вотъ... смотрите...

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна взглянули на двухъ проходившихъ подъ конвоемъ бонны хорошенькихъ и нарядно одѣтыхъ ребятишекъ и увидѣли въ ихъ рукахъ по уполовнику. Николай Ивановичъ пожалъ плечами и произнесъ:

— Думали-ли наши русскіе кустари, что ихъ произведенія найдутъ себѣ такое примѣненіе!

— До свиданія!—еще разъ поклонился докторъ супругамъ.—Надѣюсь, что передъ обѣдомъ здѣсь на Плажѣ опять увидимся?

— Всенепремѣнно. Пойдемъ осматривать городъ послѣ завтрака, а потомъ сюда.

— Городъ нечего осматривать. Біаррицъ состоитъ почти изъ одной улицы и прилегающихъ къ ней маленькихъ проулковъ, совсѣмъ коротенькихъ и спускающихся къ морю.

Докторъ поклонился и тронулся въ путь.

Счастливецъ!—кивнулъ ему Николай Ивановичъ —Черезъ часъ будете сидѣть за самоваромъ и вспоминать нашу матушку Россію.

— Больше-съ...—отвѣтилъ докторъ,—снова останавливаясь.—Сегодня за обѣдомъ у моего патрона поваръ будетъ угощать насъ ботвиньей съ тюрбо, изъ нашего кваса.

— Да вѣдь здѣшніе французскіе повара не умѣютъ, я думаю, приготовить ботвинью.

— А зачѣмъ намъ поваръ французъ? Мой патронъ-фабрикантъ привезъ съ собой изъ Москвы русскаго кухоннаго мужика, который и ботвинью дѣлаетъ, и дутые пироги печетъ. Сбираемся даже блины съ икрой ѣсть, но забыли захватить съ собой изъ Москвы блинныя сковородки, а здѣсь не можемъ такихъ розыскать по посуднымъ лавкамъ. Впрочемъ, у моего патрона деньги шальные, онъ ихъ не жалѣетъ, и сковородки собирается заказать на чугунно-литейномъ заводѣ.

Послѣднія слова докторъ досказалъ уже на ходу и ускорилъ свой шагъ.

— Каковъ магнатъ-то!—обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.—Русскій самоваръ, квасъ и даже кухоннаго мужика съ собой изъ Москвы привезъ. Да, фабриканты теперь сила! Говорятъ, какой-то московскій фабрикантъ себѣ свой собственный парадный вагонъ построилъ и ужъ разѣзжаетъ въ немъ по Россіи, прицѣпляя его къ курьерскимъ, поѣздамъ, платя дорогамъ по соглашенію. Ну что-жь,—сказалъ онъ:—надо и намъ идти адмиральскій часъ справить.

— Это что-же такое? На счетъ водки и коньяку?—воскликнула Глафира Семеновна.—Не дамъ я тебѣ здѣсь, въ Біаррицѣ, пить крѣпкихъ напитковъ. Вѣдь ты пріѣхалъ сюда, чтобы убавить свою толщину.

— Да вовсе не на счетъ водки, а надо позавтракать.

— А, это другое дѣло. Ёсть мнѣ давно хочется. Но куда мы пойдемъ завтракать?

— Да пойдемъ къ себѣ въ „Готель де-Франсъ“. Вѣдь тамъ предлагаютъ намъ пансіонъ. Посмотримъ, какъ и чѣмъ кормятъ и, если хорошо, то можно торговаться и на счетъ пансіона.

— Только чтобы они не мудрили на счетъ кушанья,—отвѣчала супруга.—Самыя простыя блюда,—я и буду довольна. А какъ начнутъ давать змѣиной породы рыбъ, омаровъ, улитокъ, голубей—ну, я и не могу.

— А ты имъ поясни. „Пуръ муа, молъ, сельманъ супъ, бифштексъ, пуле, — то-есть курицу, и глянсъ или компотъ“.

— Я и курицу не люблю.

— Ну яичницу.

— И яичницу не люблю.

— Ну, макароны съ сыромъ.

— Что-же макароны! Макароны—тѣсто.

— Ну дичь: куропатки, дупеля.

— Ёсть не могу.

— Тогда что-же тебѣ? Я ужъ и не знаю.

— Рябчики—это я ѣмъ.

— Ну рябчиковъ здѣсь на вѣсъ золота не достанешь.

— Окрошки, ботвиньи поѣла-бы, но только ботвиньи съ лососиной.

— Тогда ужъ постарайся познакомиться съ фабрикантомъ доктора Потрацова и пусть онъ тебя товиньей угоститъ.

— Да вѣдь докторъ сейчасъ сказалъ, что у фабриканта ботвинья съ тюрбо, а я тюрбо въ ротъ не беру.

Разговаривая такимъ манеромъ, супруги поднимались по крутому берегу и направлялись къ своей гостинницѣ.

XIV.

Супруги Ивановы возвращались домой. Хозяинъ гостинницы ждалъ уже ихъ. Онъ распахнулъ передъ ними дверь, низко имъ поклонился, улыбаясь, и опять заговорилъ о пансіонѣ. Услыша слово „пансіонъ“, Николай Ивановичъ даже плюнулъ.

— Да дайте прежде поѣсть-то! — воскликнулъ онъ. — Дайте посмотрѣть, чѣмъ вы кормите! Глаша, переведи ему, — обратился онъ къ женѣ.

— Апре, апре, мосье. Иль фо дежене, иль фо вуаръ... е апре, — сказала хозяину Глафира Семеновна.

Тотъ поклонился еще разъ и повелъ супруговъ въ „саль а манже“, то-есть въ столовую.

— Если къ столу будутъ выходить англичане во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, — ни за что не останусь здѣсь жить съ пансіономъ, — сказалъ супругъ. — А то придешь въ пиджакѣ къ столу, и смотришь.

Н. А. Лейкинъ.

— Полно тебѣ. Не такая здѣсь гостинница. Это ужъ сейчасъ видно. Самъ хозяинъ здѣсь и за швейцара, и за кого угодно, — отвѣчала супруга. — А вотъ надо испытать, чѣмъ кормятъ.

И точно, въ столовой уже завтракали человѣкъ десять за маленькими столиками, по двое и по трое, но никто парадными костюмами не отличался. Столовая была небольшая, блескомъ зеркалъ не отличалась и прислуга, служившая у столиковъ, была смѣшанная: кушанья подавали двѣ горничныя въ черныхъ платьяхъ и лакей, хотя и во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, но имѣвшій такой видъ, что онъ больше привыкъ къ синей блузѣ и къ пиджаку.

— Видишь, — сказала мужу Глафира Семеновна. — Даже табльдота нѣтъ, завтракаютъ отдѣльно за маленькими столиками и служатъ вмѣстѣ съ лакеемъ горничныя. Радъ?

— Еще-бы. Главное, мнѣ ужъ то пріятно, что онъ безъ капуля на лбу и безъ карандаша за ухомъ. Я про лакея...

— Косматый даже. Какой тутъ капуль! И имѣетъ видъ, что онъ скорѣй столяръ или слесарь.

— Этого-то намъ и нужно. На нашего трактирнаго шестерку смахиваетъ — и довольно.

Супруги сѣли за столикъ, на которомъ было два прибора и двѣ бутылки вина, — красное и бѣлое. Столовая была въ первомъ этажѣ, столикъ стоялъ у окна и, сидя за нимъ, можно было видѣть все, что происходитъ на улицѣ. Николай Ивановичъ попробовалъ вина и сказалъ:

Подъ южными небесами.

— Бѣлое вино псиной припахиваетъ, но красное пить можно.

— По мнѣ хоть-бы оба собакой припахивали, такъ еще лучше,—отвѣчала супруга.

Подали меню на разрисованной карточкѣ съ изображеніемъ гномовъ, тащущихъ блюда, переполненные явствами. Глафира Семеновна стала разсматривать его и читала.

— Первое горъ девръ,—закуска, второе омлетъ,—яичница, третье бифштексъ. Ну, это еще ѣсть можно. А вотъ затѣмъ я ужъ и не разберу, какое это блюдо. Ну, да его можно и не ѣсть. Съ меня довольно. Вотъ еще сыръ имѣется и фрюи,—фрукты. Вино даромъ.

— Фрукты здѣсь должны быть хороши. Вѣдь въ фруктовое царство пріѣхали,—замѣтилъ Николай Ивановичъ, прихлебывая изъ стакана красное вино.

— А ты ужъ, голубчикъ, полбутылки вина успѣлъ выпить!?—воскликнула супруга.—Ловко!

— Ну, и что-жъ изъ этого? Сама-же ты прочла, что вино даромъ.

— Однако, ты еще кусочкомъ ѣды не успѣлъ окрупениться.

Подали штукъ шесть креветокъ, по кружечку масла толщиной въ листъ бумаги и четыре тоненькихъ ломоточка колбасы.

— На трехъ тарелкахъ, а ѣсть нечего,—сказалъ супругъ.

— Тарелками-то заграницей только и берутъ

Это тебѣ должно быть извѣстно. Не въ первый разъ ужъ путешествуешь,—отвѣчала супруга, придвинула ему тарелочку съ креветками и прибавила:— Этихъ гадовъ ты можешь всѣхъ съѣсть, мнѣ не надо.

— Да вѣдь это тѣ-же раки.

— Раки красные бываютъ, а это какіе-то розовые съ бѣлымъ.

— Такіе маленькіе, что не знаешь, что въ нихъ и ѣсть.

— Ышь, ѣшь. Самъ-же ты хвастался, что за границей надо ѣсть что-нибудь особенное, мѣстное, чего у насъ нѣтъ.

— Не люблю я такую ѣду, которую надо въ микроскопъ разсматривать. Ужъ ѣсть, такъ ѣсть. А тутъ не знаешь, какъ и скорлупу съ нихъ снять.

Появилась яичница. Николай Ивановичъ наложилъ себѣ на тарелку половину того, что подали, и проговорилъ:

— Спасибо, что хоть яичницей-то по количеству не обидѣли.

— Ты ужъ, кажется, бутылку краснаго-то вина прикончилъ?—удивилась супруга.

— Да вѣдь пить, душечка, хочется. А только гдѣ-же прикончилъ? Въ бутылкѣ еще осталось.

Явился бифштексъ, но кусочки его были такъ малы, что Николай Ивановичъ надѣлъ на носъ пенснэ и сказалъ:

— Боюсь, что безъ пенснэ вмѣсто куска въ пустое мѣсто вилкой попаду.

— Мнѣ довольно,—отвѣчала супруга.—Ты забываешь, что вѣдь это не обѣдъ, а только завтракъ.

— Однако, матушка, мы сегодня по Плажу какъ скаковыя лошади бѣгали, осматривая мѣстность.

— Да вѣдь еще тебѣ будетъ какое-то неизвѣстное блюдо. Можешь и мою порцію съѣсть.

Подали неизвѣстное блюдо. Это было что-то мясное, темное, съ маленькими позвоночными костями, подъ темнымъ почти чернымъ соусомъ и заключавшееся въ металлическомъ сотейникѣ. Глафира Семеновна сдѣлала гримасу и отодвинула отъ себя сотейникъ къ мужу. Тотъ взялъ вилку, поковырялъ ею въ сотейникѣ, потомъ понюхалъ приставшій къ вилкѣ соусъ и сказалъ:

— Какой-бы это такой звѣрь былъ зажаренъ?

— Ёшь, ёшь,—понукала его супруга.—Самъ-же ты хвастался, что за границей любишь ѣсть мѣстныя блюда, чтобъ испытать ихъ вкусъ.

— Вѣрно. Но я прежде долженъ знать, что я пробую, а тутъ я не знаю,—проговорилъ супругъ.—Кескесе? — спросилъ онъ горничную, указывая ей на сотейникъ съ ёдой.

Та назвала кушанье.

— Глаша, что она сказала? Ты поняла, какое это кушанье?—обратился онъ къ супругѣ.

— Ничего не поняла,—отвѣчала та и опять заговорила:—Ёшь, ёшь, пробуй. . Въ Петербургѣ вѣдь ты хвастался пріятелямъ, что въ Марсели лягушку ѣлъ.

— Пробоваль. Это вѣрно, но тогда я зналъ, что

передо мной лягушка. А это чортъ знаетъ что такое! Что это не лягушка—это сейчасъ видно. Вотъ эти позвонки, напимѣрь... Смотри, у лягушки развѣ могутъ быть такіе позвонки! Видишь?

Николай Ивановичъ выудилъ кусокъ кости на вилкѣ. Глафира Семеновна брезгливо отвернулася.

— Ну, вотъ! Стану я на всякую мерзость смотрѣть!—проговорила она.

— Здѣсь, во Франціи, кроликовъ ѣдятъ. Не кроликъ-ли это? Какъ кроликъ по-французски?

— А почему-же я-то знаю!

— Да вѣдь это самое обыкновенное слово и даже съѣдобное. Сама-же хвасталась, что всѣ съѣдобныя слова знаешь.

— У насъ въ Петербургѣ слово кроликъ не съѣдобное слово, а я всѣмъ словамъ въ петербургскомъ пансіонѣ училась.

— А то можетъ быть заяцъ? Зайчину и въ Петербургѣ ѣдятъ. Какъ заяцъ по-французски?

— Знала, но забыла. Ты будешь ѣсть или не будешь?—спросила мужа Глафира Семеновна.—А то сидишь надъ сотейникомъ и только бобы разводишь.

— Если-бы зналъ, что это такое—попробовалъ-бы.

Горничная давно уже стояла у стола, смотрѣла на супруговъ, недотрагивающихся до блюда, и недоумѣвала, оставить его на столѣ или убирать.

— Кеске се?—снова задалъ ей вопросъ Николай Ивановичъ.—Кель анималь?

— Le lièvre, monsieur...—былъ отвѣтъ.

— Гмъ... Са? Воля са? Такой звѣрь?

Николай Ивановичъ сложилъ изъ пальцевъ рукъ зайца съ ушками и лапками и пошевелилъ пальцами.

— Oui, oui monsieur...—утвердительно кивнула горничная, разсмѣявшись.

— Заяцъ!—торжествующе воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Ну, зайца я не буду ѣсть, я знаю его вкусъ.

И онъ отодвинулъ отъ себя сотейникъ, кивнулъ горничной, чтобъ та убирала его.

— Соте изъ зайца очень вкусное кушанье, монсье. Напрасно вы его не кушаете,—сказала горничная, прибирая блюдо.

Услыша отъ нея разъ сказанное французское слово „льевръ“, Глафира Семеновна сама воскликнула:

— Льевръ, льевръ! Теперь я вспомнила, что льевръ—заяцъ! Насъ учили.

— Ну, вотъ видишь...

Николай Ивановичъ налилъ себѣ въ стаканъ остатки вина и выпилъ его, какъ-бы вознаграждая себя за трудъ разгадыванія кушанья.

Супруга взглянула на пустую бутылку и покачала головой.

Подали сыръ и фрукты.

XV.

ЛИШЬ только супруги вышли послѣ завтрака изъ столовой и стали подниматься къ себѣ въ комнату во второй этажъ, какъ ихъ догнала горничная и сообщила имъ, что съ ними желаетъ говорить „мадамъ ля пропріетеръ“, то-есть хозяйка гостинницы.

— Что такое у ней стряслось?—воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Неужели опять пансіонъ?

Но хозяйка стояла уже тутъ. Это была пожилая женщина въ кружевномъ фаншонѣ на головѣ, съ крендельками черныхъ съ просѣдью волосъ на вискахъ. Она присѣдала передъ супругами, спрашивала, какъ имъ понравился завтракъ, и супруги опять слышали въ ея рѣчи слово „пансіонъ“.

— Тыфу ты пропасть! Вотъ надоѣли-то съ этимъ пансіономъ!—проговорилъ Николай Ивановичъ, разводя руками. — Оголодали они здѣсь, что-ли! Глаша, скажи ты ей, что прежде нужно прожить хоть день одинъ, пообѣдать — и ужъ потомъ разговаривать о пансіонѣ, — обратился онъ къ женѣ.

— Апре, мадамъ, апре. Иль фо дине... иль фо вуаръ. Апре дине, — сказала ей Глафира Семеновна.

— Bon, madame... Merci, madame... — поклонилась француженка и стала спускаться по лѣстницѣ.

— Переодѣнусь въ другое платье попроще... — сказала Глафира Семеновна, входя къ себѣ въ ком-

нату.— Не передъ кѣмъ здѣсь щеголять. Я думала, здѣсь всѣ по послѣдней модѣ въ шелка разодѣты, а здѣшнія дамы въ самыхъ простыхъ платьяхъ разгуливаютъ. И шляпку эту съ высокими перьями не одѣну. Еще вѣтромъ, пожалуй, сдуетъ въ море. Давеча ее у меня на головѣ какъ парусъ качало.

Супруга начала переодѣваться. Супругъ сѣлъ въ кресло и задремалъ. Вскорѣ послышалось его всхрапываніе.

— Николай Ивановичъ! Да ты никакъ спишь? — воскликнула Глафира Семеновна.

Она уже прикалывала къ косѣ другую шляпку, низенькую съ бантами изъ разноцвѣтнаго бархата и кусочкомъ золотой парчи, наброшенномъ съ боку.

Супругъ очнулся.

— Стоило немножко... -- проговорилъ онъ. — Но я готовъ... Идти куда-нибудь, что-ли?

— Да само собой. Не для того мы сюда пріѣхали, чтобы спать. Надо идти городъ осматривать. Я ужъ переодѣлась. Надѣвай шляпу и пойдемъ.

Позѣвывая и покрякивая, супругъ поднялся съ кресла. Ему сильно хотѣлось спать, но онъ повиновался.

Супруги вышли изъ гостиницы и пошли по улицѣ, останавливаясь у оконъ магазиновъ, гдѣ за стеклами были размѣщены разные шелковые и кружевные товары. Были и магазины съ бездѣлушками, съ мѣстными „сувенирами“ въ видѣ видовъ Біар-

рица, изображенныхъ на раковинахъ, на вѣерахъ, на тамбуринахъ.

— Вотъ этихъ бездѣлушекъ надо непременно купить, чтобы потомъ похвастаться въ Петербургѣ,— сказала супруга. — Смотри, какая прелесть вѣера, и всего только полтора франка. Вочъ и цѣна выставлена. Потомъ надо купить... Чѣмъ славится Біарриць?—спросила она мужа.

— Да почему-же мнѣ-то знать?—отвѣчалъ супругъ. — Если ужъ ты не знаешь, то я и давно.

— Вотъ надо узнать у доктора, чѣмъ Біарриць славится, и тоже купить для воспоминанія.

— Купимъ,—проговорилъ супругъ, отошелъ отъ окна и носъ съ носомъ столкнулся съ рыжебородымъ человѣкомъ въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ и сѣрой шляпѣ, воскликнувъ: — Валерьянъ Семеновичъ!

Это былъ тотъ самый петербургскій купецъ-лѣсникъ Оглотковъ, котораго онъ уже видѣлъ сегодня утромъ изъ окна своей гостиницы. Оглотковъ остановился и проговорилъ:

— Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется. Какими судьбами здѣсь?

— Приѣхали изъ Петербурга сюда себя показать и людей посмотришь.

— Вотъ и мы то-же самое. Когда вы приѣхали?

— Вчера. Вотъ позвольте васъ познакомить съ моей супругой: Глафира Семеновна, мосье Оглотковъ.

Рукопожатіе.

— И я здѣсь съ супругой,—сказала Оглотковъ.— Но мы здѣсь уже больше двухъ недѣль мотаемся и черезъ недѣльку собираемся уѣзжать.

— Гдѣ-же жена-то?

— Утромъ купалась, послѣ завтрака раскисла и теперь дома въ дезабилье отдыхаетъ. А я бѣгу теперь голубей стрѣлять.

— То-есть какъ это голубей стрѣлять?—удивился Николай Ивановичъ.

— А здѣсь у насъ уже такая англійская затѣя. Голубей стрѣляемъ. Пари держимъ,—отвѣчалъ Оглотковъ и погладилъ рыжую бороду.

— Да вы-то развѣ англичанинъ? Вѣдь вы, кажется, ярославскаго происхожденія-то.

— Да, нашъ папашенька, дѣйствительно, славянинъ съ береговъ Волги, но мы-то ужъ здѣсь живемъ совсѣмъ по-англійски. Впрочемъ, въ нашемъ обществѣ не одни англичане. У насъ князь Халюстинъ, графъ Жолкевичъ, генераль Топтыгинъ... Есть даже принцъ нѣмецкій... Вотъ ужъ фамилію-то я его не могу выговорить... Гау-Гау-Альтъ... Вотъ такъ что-то... Фамилія какая-то трехэтажная... Ну, и много другой аристократіи. У насъ все аристократы.

— Такъ... Стало быть, здѣсь въ аристократы записался?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Нельзя. У насъ общество такое... Мы оставились въ такой гостинницѣ... У насъ и обѣдъ даже не въ семь часовъ, а въ восемь, и выходимъ мы къ столу во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Передъ обѣдомъ у насъ „файфъ оклокъ“, — рассказывалъ Оглотковъ.

— Это что-же такое? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Переодѣваемся въ смокингъ и пьемъ чай. Намъ въ это время дѣлаютъ визиты.

— Фю-фю-фю!..

— Что-же тутъ свистѣть-то? Вечеромъ мы въ Казино. Тамъ у насъ иногда концерты, иногда игра. Въ баккара все больше играемъ. Дамы въ лошадки...

— Это, стало быть, какъ въ Ниццѣ... такое-же Казино?

— Вотъ, вотъ... Вы еще не записались членами? Совѣтую записаться, — сказалъ Оглотковъ.

— Это куда? Чтобы во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ обѣдать? Благодарю покорно, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Я радъ радехонекъ, что нашелъ такую гостинницу, гдѣ этого не водится.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я говорю про Казино. Въ Казино записаться членомъ. Вы и ваша супруга. Вотъ тамъ и будемъ встрѣчаться. Тамъ познакомимъ и нашихъ женъ другъ съ другомъ.

— Ахъ, въ Казино-то записаться! Пожалуй... Впрочемъ, вѣдь можно и такъ ходить, гостями.

— Дороже... И опять-же шикъ не тотъ. Тону такого нѣтъ. А мы если, стало быть, теперича члены съ супругой, то входимъ туда, какъ хозяева... Иногда по два, по три раза въ день ходимъ. Вотъ, напримѣръ, сегодня... Сегодня у насъ тамъ въ три съ половиной часа дня концертъ клас-

сической музыки. Исполнена будетъ ораторія... Вотъ ужъ какая ораторія, я забылъ, а только ораторія... Жена знаетъ. Приходите.

— Да вѣдь это я знаю...—сказалъ Николай Ивановичъ.—Это вѣдь на скрипичахъ душу вытягивать начнутъ.

Оглотковъ пожалъ плечами.

— Правильно... что говорить!—произнесъ онъ.— Но зато модно... На аристократическій манеръ... Все здѣшнее высшее общество тамъ увидите. Однѣхъ княгинь разныхъ будетъ штукъ пять-шесть.

— Нѣтъ, ужъ мы лучше вечеромъ придемъ. Придемъ въ лошадки поиграть.

— Конечно же, лучше вечеромъ, — поддакнула мужу Глафира Семеновна.

— Мы съ женой и вечеромъ будемъ. Вотъ тамъ, мадамъ, я васъ и познакомлю съ своей супругой. А теперь до пріятнаго...—раскланялся Оглотковъ— Побѣгу голубей стрѣлять. И такъ ужъ опоздалъ.

Онъ пожалъ руки супругамъ и ускореннымъ шагомъ пошелъ по тротуару, помахивая тростью съ серебрянымъ набалдашникомъ въ видѣ шара.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, кивнулъ и сказалъ супругѣ:

— Каковъ англійскій аристократъ! А еще года три тому назадъ, когда его отецъ-покойникъ былъ живъ, такъ за обѣдомъ всѣ они изъ одной чашки щи хлебали, а за фракъ-то тятенька выволочку-бы далъ, если-бы во фракъ его увидѣлъ.

— Цивилизація...—отвѣчала Глафира Семеновна.

XVI.

ОСТАВШИЕСЬ на улицѣ одни, супруги почувствовали какое-то сиротство. Они взглянули другъ на друга и Николай Ивановичъ спросилъ жену:

— Куда-жъ мы теперь?..

— Да пойдёмъ дальше по этой улицѣ. Докторъ Потрашовъ давеча говорилъ, что и весь Біаррицъ-то состоитъ изъ одной улицы.

Они шагъ за шагомъ и останавливаясь у оконъ магазиновъ, кондитерскихъ и парикмахерскихъ прошли всю улицу Меріи и продолженіе ея — улицу Мазагранъ, свернули въ рынокъ, гдѣ продавались съѣстные припасы, побывали на почтѣ, находящейся противъ рынка, и уперлись въ берегъ моря, гдѣ уже кончалась улица Мазагранъ. Передъ ними была бухточка Портъ Вье съ зданіемъ теплыхъ ваннъ у самой воды. Здѣсь они спустились къ водѣ. Въ тихой бухточкѣ со стеклянной синей поверхностью, совершенно безъ всякаго прибора, купались двое мужчинъ. Никто на нихъ не смотрѣлъ, да и никого на берегу не было. Только старуха прислужница изъ теплыхъ ваннъ развѣшивала для просушки купальное бѣлье на веревку.

— Вотъ оно, скромное-то купальное мѣсто, про которое говорилъ докторъ Потрашовъ, — замѣтилъ Николай Ивановичъ. — Сюда купаться завтра и приду.

— А ты слышалъ, что намъ нужно прежде приучить себя къ морской водѣ теплыми ваннами, — отвѣчала супруга.

Супруги свернули направо и пошли по хорошо обдѣланной камнемъ набережной, висящей надъ моремъ. У берега виднѣлись скалы самой причудливой формы, выставившіяся изъ воды и обливаемые наскაკивающими на нихъ пѣнистыми волнами. Вотъ *Rocher de la Vierge*, дальше другихъ скалъ выдававшаяся въ море островкомъ и соединенная со скалистымъ берегомъ мостикомъ. На вершинѣ скалы стояла статуя Дѣвы Маріи и къ ней вела высѣченная въ камнѣ лѣстница съ перилами.

— Надо зайти посмотрѣть, — сказалъ Николай Ивановичъ, и они стали перебираться на скалу.

Видъ со скалы на городъ былъ восхитительный. Глафира Семеновна, запасаяся биноклемъ, тотчасъ-же стала любоваться видомъ. Вокругъ плескались волны. Насмотрѣвшись на городъ, расположенный по берегу террасами, стали смотрѣть въ необозримую даль океана. Николай Ивановичъ тотчасъ-же произнесъ:

— Вотъ откуда-бы хорошо написать письмо въ Петербургъ свояку Петру Васильевичу, чтобы похвастаться передъ нимъ. „Стоя на скалѣ въ Атлантическомъ океанѣ, привѣтствуемъ тебя и Марью Семеновну! Вокругъ насъ бушуютъ дикія волны и надъ нашими головами слышенъ злобщій крикъ чаекъ“...

— Ну, довольно, довольно... — прервала его

импровизацію супруга. — Чаекъ-то какъ разъ и нѣтъ.

— Нѣтъ, я все-таки ужъ вечеромъ дома напишу. „Вдали виднѣется парусъ погибающаго въ волнахъ судна. Киты, чуя добычу, играютъ въ не-обозримомъ пространствѣ“... — продолжалъ онъ импровизовать. — „Глафира Семеновна, ухватившись за меня“...

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, меня-то хоть не пугай...—перебила супруга.

— Отчего? Пущай... Тебя вѣдь теперь вся родня считаетъ за всемірную путешественницу. Пусть знаютъ, что ты на скалѣ въ Атлантическомъ океанѣ стояла.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я прошу тебя... Черезъ это только зависть и потомъ ссоры...

Глафира Семеновна продолжала наводить бинокль на берегъ.

— Вонъ докторъ идетъ... Докторъ! Докторъ!—замахала она ему зонтикомъ.

Докторъ остановился на берегу, и супруги перешли къ нему со скалы.

— Приѣхала какая-то красавица испанка изъ Санъ-Себастьяно и завтра будетъ купаться. Я сейчасъ былъ въ Казино, такъ тамъ только и говорятъ объ этомъ,—сообщилъ докторъ.—Запасайтесь завтра биноклями, когда выйдете передъ завтракомъ на Плажъ.

— Всенепремѣнно...—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Супруга грозно сверкнула въ его сторону глазами.

— Гуляете?—спросилъ докторъ.

— Да, осматриваемъ здѣшнія достопримѣчательности,—сказали супруги.

— Достопримѣчательностей-то здѣсь только нѣтъ. Развѣ вотъ... Видите вы этотъ замокъ?—указалъ докторъ.—Онъ называется Вилла Менье...

— Ну, и что-же въ немъ достопримѣчательнаго?

— Онъ построенъ изъ шоколада.

— Какъ изъ шоколада. Да что вы говорите! Какъ-же онъ не растаетъ отъ дождей?—удивилась Глафира Семеновна.—Я видѣла на выставкѣ столъ изъ шоколада, статую, но чтобъ домъ...

— Докторъ шутить, а ты и повѣрила,—улыбнулся супругъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прямо изъ шоколада, изъ шоколадныхъ плитокъ, проданныхъ фабрикой Менье. Это замокъ шоколаднаго фабриканта Менье... Когда вы ѣхали сюда въ Біаррицъ по желѣзной дорогѣ, видѣли вы тысячи синихъ вывѣсокъ съ фирмой Менье, прибитыхъ на станціяхъ, полустанкахъ и всѣхъ попадающихся по пути строеній? На синемъ бѣлыми буквами.

— Ахъ, да, да... ужась сколько!

— Вотъ эти-то объявленія и рекламы и помогли выстроить такой великолѣпный домикъ.

— Ну, я теперь понимаю. Замокъ выстроенъ на деньги, нажитыя на шоколадѣ!—проговорила Глафира Семеновна.

Докторъ улыбнулся.

— Здѣсь есть замокъ американскаго милліонера, замокъ королевы сербской, но шоколадникъ и ихъ перехвасталъ по роскоши своего замка. Смотрите, какой садъ, какой цвѣтникъ...

Они подошли къ самому замку и остановились передъ рѣшеткой сада, съ лужайкой, идущей въ гору и изукрашенной коврами клумбами цвѣтовъ.

— А вѣдь когда-то, говорятъ, бѣгалъ въ бѣлой курткѣ съ ящикомъ за плечами и продавалъ шоколадныя плитки въ разноску,—разсказывалъ докторъ про владѣльца замка.—Теперь-же крупный акціонеръ той желѣзной дороги, по которой вы пріѣхали.

— Ну, этимъ насъ не удивишь,—сказалъ Николай Ивановичъ.—У насъ въ Москвѣ есть достаточно милліонеровъ, бывшихъ когда-то корабельниками.

Они миновали Port des Pêcheurs—бухточку съ моломъ, гдѣ пристають съ своими лодками рыбаки. Тутъ-же на молѣ сидѣли, свѣсивъ ноги, и рыболовы-любители съ длиннѣйшими удочками. Тутъ была смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній. Удили босоногіе мальчишки въ рваныхъ курткахъ и замасленныхъ фуражкахъ блиномъ, удили элегантные англичане въ клѣтчатыхъ пиджакахъ и бѣлыхъ шляпахъ съ двумя козырьками—на лобъ и на затылокъ, щеголяя изящными удочками. Сидѣли французы-блузники изъ мастеровыхъ, солидные, сосредоточенные буржуа съ черепаховыми и золотыми пенсне на носу, дѣти въ матросскихъ костюмахъ,

Подъ южными небесами.

въ сопровожденіи гувернантокъ, стоявшихъ сзади ихъ, какой-то сѣдой старикъ, все чертыхавшійся по-нѣмецки на рыбу, которая то и дѣло срывала у него съ крючка наживку изъ тѣльца улитки два баска въ соломенныхъ шляпахъ съ широчайшими полями, прикрѣпленныхъ къ подбородкамъ, безъ жилетовъ, въ панталонахъ, держащихся на одной подтяжкѣ. Былъ и нашъ бородатый русакъ въ сѣромъ пиджакѣ, національность котораго сейчасъ-же можно было узнать по поплеыванію на крючекъ при прикрѣпленіи къ нему наживки.

Сзади уходящихъ стояла глазѣющая публика. Остановились посмотреть на рыбную ловлю и супруги, сопровождаемые докторомъ.

XVII.

РЫБА ловилась плохо, какъ и всегда у удильщиковъ, сидящихъ въ компаніи. Попадалась, по большей части, мелкая, серебрящаяся макрель и изрѣдка та крупноголовая, тоже чешуйчатая рыба, которую французы называютъ „волкомъ“ (loup). Удильщики тотчасъ-же отцѣпляли рыбу отъ крючковъ и бросали ее каждый въ свою корзинку. Наибольшая удача была для баска въ широкополой шляпѣ и съ давно небритой бородой, которая засѣла густой щетиной на его щекахъ и

подбородкѣ. На баска взирали все съ завистью. Но вотъ пришелъ католическій священникъ въ черномъ подрясникѣ и круглой шляпѣ. Онъ былъ съ удочками, корзинкой съ крышкой и жестянкой съ наживками. Баскъ и сидѣвшій съ нимъ рядомъ мальчикъ въ шляпѣ съ надорванными въ нѣсколькихъ мѣстахъ полями тотчасъ-же раздвинулись и дали священнику мѣсто. Тотъ сѣлъ на молъ, свѣсивъ къ водѣ длинныя ноги, обутыя въ башмаки съ серебряными пряжками, и только что закинулъ удочку, какъ тотчасъ-же вытащилъ довольно крупную рыбу.

— Тыфу ты пропасть! Попамъ вездѣ счастье!— воскликнулъ по-русски бородачъ въ сѣрой парочкѣ, плевавшій на крючекъ. — Только пришелъ, какъ ужъ и съ рыбой.

Священникъ торжествуя спряталъ рыбу въ корзинку и, только что закинулъ свою удочку еще разъ, какъ у него снова клюнуло.

— Опять? Ну, поповское счастье!—продолжалъ по-русски бородачъ въ сѣрой парочкѣ.

Супруги переглянулись другъ съ другомъ и Николай Ивановичъ шепнулъ:

— Землякъ-то нашъ какъ сердится!

Священникъ медленно вытягивалъ изъ воды лесу. На этотъ разъ показалась не рыба, а какой-то темнубурый комокъ, съ перваго раза казавшійся похожимъ на гигантскую жужелицу, какъ-бы обмотанную потемнѣвшими водорослями. Эти водо-

росли шевелились, вытягивались и извивались. Удившіе и смотрѣвшая публика захохотали.

— Что это такое? — спросилъ доктора Николай Ивановичъ.

— Каракатица. Здѣсь ихъ много.

Глафира Семеновна, замѣтивъ извивающіеся, выходящіе изъ головы каракатицы щупальцы, пронзительно воскликнула: „ахъ, змѣи!“ — отскочила отъ уходящихъ и опрометью бросилась бѣжать по набережной. Супругъ и докторъ Потрашовъ побѣжали за ней.

— Что съ вами? Что съ вами? — кричалъ ей докторъ.

— Она змѣй видѣть не можетъ. Съ ней дѣлаются даже какія-то конвульсивныя содроганія, — отвѣчалъ супругъ.

— Да это вовсе не змѣи, это каракатица, чернильная рыба.

— Она даже угрей и налимовъ боится.

Николай Ивановичъ и докторъ побѣжали къ Глафирѣ Семеновнѣ. Она уже сидѣла на скамейкѣ и, слезливо моргая глазами, смотрѣла въ морскую даль.

— Чего вы испугались? Это вовсе не змѣи. Это каракатица, самое невинное животное, — проговорилъ докторъ, садясь съ ней рядомъ.

— Но вѣдь я видѣла, какъ что-то извивалось... Фи!

— Ноги каракатицы или, лучше сказать, щупальцы. Вотъ они и извивались. Это животное го-

ловоногое, какъ его называютъ,—разсказывалъ докторъ.—Самое безобидное животное, никогда ни на кого не нападающее, кромѣ мелкой рыбешки, ракушекъ и креветокъ. Вотъ какому-нибудь зубастому морскому хищнику каракатица непріятна. Спасаясь отъ него, она тотчасъ выпустить изъ себя вонючую, черную, какъ чернило, жидкость, и хищникъ, ошеломленный вонью и темнотой воды, останавливаетъ свое преслѣдованіе, а каракатица въ это время спасается. Отъ способности испускать изъ себя черную жидкость, ее иные и зовутъ чернильной рыбой.

Докторъ Потрашовъ приготовился прочесть цѣлую лекцію о каракатицѣ, но Николай Ивановичъ его перебилъ:

— Вотъ и отлично. Теперь по крайности будемъ знать, какая такая эта самая каракатица. А то у насъ каракатица въ родѣ ругательнаго слова. Самъ говоришь иногда про кого-нибудь: „ахъ, ты каракатица!“ А что такое каракатица, до сихъ поръ не зналъ.

Глафира Семеновна улыбнулась.

— Одну нашу знакомую мы все зовемъ каракатицей,—отвѣчала она, взглянула на мужа и прибавила:—Целагею Дмитріевну. Она такая смѣшная, на коротенькихъ ножкахъ и ротъ до ушей.

Они поднялись со скамейки и пошли по Плажу. Глафира Семеновна успокоилась и спрашивала Потрашова:

— Гдѣ-бы намъ, докторъ, начать завтра утромъ брать теплыя ванны?

— Да вотъ...—и докторъ указалъ на двухъэтажное строеніе, пріютившееся внизу, подъ самой набережной около воды.—Только зачѣмъ вамъ брать теплыя? Возьмите тепловатыя.

— Будто это не все равно?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Тепловатыя прохладнѣе теплыхъ. Здѣсь градусники децимальной системы—ну, возьмите двадцать шесть градусовъ, двадцать пять.

— Тутъ мужскія и женскія ванны?—спросила Глафира Семеновна.

— Здѣсь полъ вообще не раздѣляется. Вы видите, и въ открытомъ-то морѣ купаются мужчины и женщины вмѣстѣ.

— Нужно впередъ записаться, или можно и такъ?

— Прямо приходите и закажите себѣ ванны. Вамъ отведутъ одинъ кабинетъ, а мужу вашему другой. Ванна стоитъ франкъ и двадцать пять сантимовъ. Впрочемъ, въ верхнемъ этажѣ, кажется, обстановка получше и стоитъ полтора франка.

— Вотъ въ полтора франка и пойдемъ.

— Тамъ есть консультація врача и стоитъ это два франка, но зачѣмъ вамъ консультація? Да и врачъ-то этотъ, кажется, сомнительный.

— Ну, что тутъ! Поконсультируемся. Важная вещь два франка! Два франка я, два франка она—

четыре франка! Ужъ пріѣхали на морскія купанья, такъ надо все испытать. Пускай наживаются.

Часы показывали еще только около трехъ. На Плажѣ не было особеннаго многолюдія. Только ребятишки усѣивали своими пестрыми костюмами песокъ у воды и дѣлали берегъ похожимъ на цвѣтникъ. Пестроту прибавляли няньки и мамки-кормилицы, одѣтыя въ національные костюмы разныхъ департаментовъ Франціи и обвѣшенные яркими разноцвѣтными лентами. Былъ морской приливъ, песчаная полоса берега у воды сгузилась, а потому дѣтскія толпы были теперь тѣснѣе, чѣмъ утромъ. Слѣпые пѣвцы надсажались, распѣвая аріи и аккомпанируя себѣ на мандолинахъ. Былъ и скрипачъ, выводившій смычкомъ убійственныя ноты, былъ даже кларнетистъ. Сидѣли и такъ слѣпые нищіе, сидѣли на стульяхъ и побрякивали раковинами съ положенными въ нихъ мѣдными монетами, приглашая гуляющихъ къ пожертвованію. У нѣкоторыхъ слѣпыхъ на груди были прикрѣплены докторскія свидѣтельства въ рамкахъ, объясняющія, что собирающій подаяніе дѣйствительно слѣпъ, и даже объясняющія, вслѣдствіе какихъ причинъ онъ ослѣпъ. Одни слѣпые нищіе были съ провожатыми женщинами или мальчиками, у другихъ были собаки, пуделя, привязанные къ ножкамъ стульевъ. Бросалось въ глаза, что всѣ эти нищіе были прилично и даже франтовато одѣты.

— Сколько слѣпыхъ-то!—вырвалось у Глафиры

Семеновны и она сунула одному изъ нихъ пол-франка.

— И хорошо здѣсь собираютъ,—отвѣчалъ докторъ.—Въ особенности щедро имъ русскіе подаютъ. Здѣшніе нищіе откровенны. Я разговаривалъ съ ними, и они говорятъ, что времени лучшаго, какъ русскій сезонъ, для нихъ нѣтъ. Вы вотъ будете въ воскресенье въ русской церкви у обѣдни, такъ посмотрите, сколько тамъ на паперти нищихъ стоитъ! Я пришелъ въ первый разъ туда и подумалъ, что я на русское кладбище попалъ. Да вотъ вамъ мальчикъ при этомъ слѣпомъ старикѣ. Я думалъ, что онъ старику внукомъ приходится и, разговаривая съ мальчикомъ, называлъ старика его дѣдушкой—граньперъ. Мальчикъ улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ: „нѣтъ, онъ мнѣ не дѣдушка, онъ мой хозяинъ, а я его domestikъ—слуга“. Ахъ, такъ ты и жалованье получаешь?—спросилъ я его шутя. „Да, онъ мнѣ платитъ франкъ въ день и даетъ мнѣ два завтрака и обѣдъ“. И мальчикъ сказалъ мнѣ правду. А вотъ и еще сортъ нищенства,—указалъ докторъ на проходящаго старика.—Продавецъ.

Старикъ несъ ящичекъ, перекинутый на ремнѣ черезъ шею. Въ ящикѣ лежало нѣсколько карандашей, шпильки, двѣ пачки конвертовъ и почтовая бумага.

— Да вѣдь и у насъ есть такіе нищіе,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ-съ... Посмотрите ему на спину.

На спинѣ старика висѣла дощечка и на дощечкѣ крупными буквами было написано:

„Grand-père Isidor Court, né à 1804“.

— „Дѣдушка Сидоръ Куръ, родился въ тысяча восемьсотъ четвертомъ году“, — перевелъ докторъ и спросилъ супругов: — Есть у насъ на Руси что-нибудь подобное?

XVIII.

ПЕРЕДЪ обѣдомъ, въ пятомъ часу, Плажъ сталъ оживляться. Показались дамы, утреннія купальщицы, значительно ужъ подпудренные и подкрашенные и въ сопровожденіи маленькихъ собаченокъ. И какихъ-какихъ собакъ тутъ только не было! Мохнатыя и гладкія, съ обрѣзанными ушами и съ стоячими ушами, съ хвостомъ, стоящимъ палкой кверху, голымъ и съ кисточкой на концѣ, и съ хвостомъ пушистымъ, опущеннымъ книзу, какъ у барана. Всѣ собаки исключительно были маленькія, ни къ какой извѣстной породѣ не принадлежали и отличались только своимъ курьезнымъ видомъ, показывающимъ, что онѣ побывали въ рукахъ парикмахера, который и придалъ имъ этотъ видъ. Нѣкоторыя собаки были въ попонкахъ, хотя вовсе не было холодно, нѣкоторыя съ бубенчиками на ожерелкахъ, а одна чер-

ленькая такъ даже въ бѣломъ кружевномъ воротничкѣ. Глафира Семеновна увидала ее и разсмѣялась.

— Смотрите, смотрите, какая франтиха идетъ! Даже въ гипюровыхъ кружевахъ...—сказала она.

— Здѣсь собаки цѣнятся не по породѣ, а по ихъ безобразію,—замѣтилъ докторъ. — Курьезными собаками часто обращаютъ на себя вниманіе и нарочно для этой цѣли водятъ ихъ съ собой...

— Полноте.

— Увѣряю васъ. Здѣсь прогуливалась дней пять-шесть тому назадъ одна парижская дама „изъ легкихъ“, нарочно пріѣзжавшая сюда въ Біаррицъ.

— А развѣ есть здѣсь такія?—быстро спросилъ Николай Ивановичъ.

— И сколько!—отвѣчалъ докторъ.—Да вотъ, если вы сегодня вечеромъ будете въ Казино, такъ увидите ихъ. Онѣ являются туда часовъ въ одиннадцать и тамъ у нихъ происходитъ что-то въ родѣ биржи. Такъ вотъ эта дама... Она теперь, кажется, уѣхала обратно въ Парижъ... Такъ вотъ эта дама гуляла здѣсь по Плажу съ бѣленькой собачкой, у которой ушки, мордочка, переднія лапы и хвостъ были окрашены въ розовый цвѣтъ. Хозяйка, одѣваясь на прогулку, сама притиралась карминомъ и тѣмъ-же карминомъ мазала и собаченку. Даму эту такъ и звали: „мамзель съ розовой собачкой“. Цѣль была достигнута. По курьезной собаченкѣ ее знали всѣ. Потомъ...

— Позвольте... — остановила доктора Глафира Семеновна.—Вы говорите, что эти дамы устроили

гржу въ Казино. А одинъ нашъ русскій знакомый часа два тому назадъ рассказывалъ, что въ Казино собирается только цвѣтъ здѣшной аристократіи.

— Да, но эта аристократія дольше одиннадцати часовъ тамъ не остается, а съ одиннадцати начинаются свободные нравы. Ну, да вы вечеромъ увидите. А! Вотъ и мой патронъ вылѣзъ изъ своей берлоги на Плажъ...—сказалъ докторъ.

— Московскій фабрикантъ? — спросили супруги Ивановы.

— Да, да... Максимъ Дорофѣичъ Плеткинъ. Вотъ и его два прихлебателя съ нимъ: одинъ въ качествѣ шута, а другой въ качествѣ льстеца. Шута и льстеца съ собой на свой счетъ привезъ. „Не могу, говорить, быть въ одиночествѣ, нужна компанія“.

Показалась колоссальнаго роста жирная фигура въ гороховаго цвѣта пальто нараспашку и въ московскаго образца картузъ съ бѣлымъ чехломъ. Фигура шагала ногами какъ полѣнныями, опираясь на палку, и колыхала животомъ. Широкое красное лицо фигуры, обрамленное жиденькой полусѣдой бородкой, улыбалось во всю ширину. Справа его щель черноусый съ помятымъ лицомъ пожилой мужчина въ кургузомъ сѣромъ пиджакѣ и малиновомъ галстукѣ и что-то нашептывалъ; слѣва шагаль толстенный коротенький, тоже уже не первой молодости человекъ на кривыхъ ножкахъ, съ маленькими бачками на прыщавомъ лицѣ. Онъ былъ въ испанской фуражкѣ и на плечахъ его была наки-

нута бурая, сильно потертая пальто-крылатка, которой за границей всегда узнають русских. Ротенькій человекъ тоже шевелилъ губами, что-то рассказывая.

— Который-же льстецъ и который шутъ? — поинтересовался Николай Ивановичъ.

— Шутъ въ крылаткѣ. Это актеръ, провинціальный комикъ, — отвѣчалъ докторъ. — А на обязанности усача лежитъ только славить патрона. Вези нашъ Максимъ Дорофѣичъ сюда въ Біаррицъ и одну изъ своихъ дамъ сердца, но по дорогѣ поссорился съ ней и изъ Смоленска прогналъ ее обратно въ Москву.

Плеткинъ и его компанія поравнялись съ супругами и докторомъ.

— Прогуливаетесь?—встрѣтилъ Плеткина докторъ вопросомъ:—Ну, вотъ это и хорошо. А то сидѣть и киснуть у себя дома вамъ просто на погибель. Дышите скорѣй морскимъ-то воздухомъ, дышите да ужъ не присаживайтесь на стулья-то, а гуляйте.

— Ладно,—проговорилъ Плеткинъ съ одышкой и махнулъ ему рукой.

— Максимъ Дорофѣичъ сейчасъ обыгралъ меня на кругломъ бильярдѣ въ кафе,—сообщилъ доктору льстецъ.

— Нарочно поддался, такъ какъ-же не обыграть,—пробормоталъ Плеткинъ и отдулся.

— Нѣтъ, вѣдь на кругломъ бильярдѣ я не мастакъ играть,—оправдывался льстецъ.

— И бильярдъ хорошо для моціона,—сказалъ

докторъ: — Но морской воздухъ куда лучше. Двигайтесь, двигайтесь. Хорошенько двигайтесь теперь.

— Сейчас шаръ полетитъ. Максимъ Дорофѣичъ заказалъ итальянцу воздушный шаръ пустить, — сообщилъ доктору шутъ.

— Ну, что-жъ, посмотримъ и мы на шаръ. Не стойте, не стойте на одномъ мѣстѣ. Двигайтесь. Господа, не давайте садиться Максиму Дорофѣичу, — обратился докторъ къ шуту и льстецу и кивнулъ Плеткину, прибавивъ: — А я къ вамъ сейчасъ вернусь.

Плеткинъ и его спутники зашагали.

— Какой это такой шаръ онъ заказалъ? — спросилъ доктора Николай Ивановичъ.

— Большой бумажный шаръ, наполняемый грѣтымъ воздухомъ. Тутъ на Плажѣ каждый день передъ обѣдомъ появляется бродячій итальянецъ-фокусникъ. Онъ и фокусы ручные желающимъ показываетъ, онъ и шары пускаетъ. Чтобы пустить шаръ, онъ беретъ пять франковъ. Иногда эти пять франковъ подносятъ итальянцу гуляющіе по Плажу вскладчину, а иногда этотъ шаръ заказываетъ кто-нибудь одинъ изъ щедрыхъ. Вотъ сегодня нашъ Плеткинъ и заказалъ шаръ, — пояснилъ докторъ и сталъ откланиваться супругамъ Ивановымъ, чтобы идти къ Плеткину. — Надѣюсь, вечеромъ встрѣтимся въ Казино? — спросилъ онъ.

— Да ужъ надо, надо побывать, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Посмотримъ, что за Казино такой.

— Интереснаго мало, кто въ бакарра не играетъ, но всѣ бывають.

Докторъ поклонился, и супруги Ивановы разстались съ нимъ.

Вскорѣ супруги увидали въ концѣ Плажа около воротъ во дворѣ Готель де-Пале большой красный шаръ, возвышающійся надъ толпой окружающихъ его ребятишекъ. Они подошли къ толпѣ и увидали посреди ея жиденькаго человѣчка съ клинистой бородкой, въ клѣтчатыхъ брюкахъ и замасленномъ бархатномъ пиджакѣ. Бормоча что-то безъ умолку на ломаномъ французскомъ языкѣ, онъ жегъ подъ бумажнымъ шаромъ губку, пропитанную керосиномъ. Шаръ наполнялся горячимъ воздухомъ, разбухалъ и увеличивался въ своемъ объемѣ. Но вотъ шаръ наполнился. Итальянецъ привязалъ къ нему два флага изъ бумаги—русскій и французскій и перерѣзалъ нитки, которыми онъ былъ привязанъ къ большой гирѣ, лежавшей на землѣ. Шаръ взвился и полетѣлъ въ голубое небесное пространство. Ребятишки зааплодировали и закричали ура. На Плажѣ остановились и взрослые гуляющіе и, задравъ головы кверху, смотрѣли на шаръ, кажущійся все меньше и меньше. Смотрѣли и супруги Ивановы, слѣдя за шаромъ.

— *Quelque chose pour le balonieur, madame!*— раздалось надъ самымъ ухомъ Глафиры Семеновны.

Она обернулась. Передъ ней стоялъ итальянецъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ и держалъ створку большой раковины, приглашая къ пожертвованію. Не удовольствовавшись пятью франками, данными ему

Плеткинымъ, онъ собиралъ и доброхотную лепту съ зрителей.

Николай Ивановичъ далъ полъ-франка.

— Однако, не пора-ли намъ къ обѣду? — сказалъ онъ супругѣ. — Скучно здѣсь.

— Что ты! — воскликнула та. Еще только пять часовъ, а здѣсь обѣдаютъ въ семь.

Но тутъ опять подошелъ къ нимъ докторъ Потрашовъ.

— Ну, вотъ и шаръ видѣли, — проговорилъ онъ. — Не надоѣло вамъ еще на Плажъ?

— Да вотъ мужу ужъ надоѣло, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да, сегодня здѣсь скучновато, потому что въ Казино теперь концертъ классической музыки и половина публики тамъ. Подождемъ полчася и я васъ поведу къ Миремону.

— Что это за Миремонъ? — задалъ доктору вопросъ Николай Ивановичъ.

— Здѣшній знаменитый кондитеръ на улицѣ Мазагранъ. Въ шестомъ часу у него въ кондитерской собирается все здѣшнее высшее общество пить шоколадъ и кушать сладкіе пирожки.

— Это передъ обѣдомъ-то? Да вѣдь аппетитъ испортишь.

— Совершенно вѣрно, но у здѣшней аристократіи вошло это какъ-то въ обычай... — пожалъ плечами докторъ. — Ну, можете не кушать тамъ, а только купить десятокъ пирожковъ, унести ихъ

домой, а посмотрѣть-то вамъ общество надо, чтобы познакомиться съ здѣшной жизнью.

— Надо, надо... — подтвердила Глафира Семеновна. — Ведите насъ, докторъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Мой патронъ тоже туда собирается пройти.

Докторъ пошелъ рядомъ съ супругами.

XIX.

ПО правую и по лѣвую сторону улицы Мазагранъ, противъ кондитерской Миремонъ, выстроились парные экипажи. Въ нихъ пріѣхали въ кондитерскую люди біаррицкаго высшаго круга. Кучера, по мѣстной модѣ, въ лакированныхъ черныхъ шляпахъ, въ черныхъ курткахъ съ позументами нараспашку и въ красныхъ жилетахъ покуривали на козлахъ папиросы. Противъ кондитерской на тротуарѣ стояли зѣваки и смотрѣли въ распахнутую настежь дверь на сидѣвшую за столиками публику. Супругамъ Ивановымъ и доктору Потрашову, подошедшимъ къ кондитерской, пришлось проталкиваться сквозь толпу, чтобъ попасть въ кондитерскую. Въ кондитерской, представляющей изъ себя всего одну большую комнату, всѣ столики были заняты. Проголодавшіеся передъ обѣдомъ посѣтители съ какимъ-то остервенѣніемъ пожирали

сладкіе пирожки. Передъ многими были чашки съ шоколадомъ. Нѣкоторые, которымъ не хватило мѣста, ѣли пирожки стоя, прислонившись къ прилавку и держа блюдечко съ пирожками въ рукахъ. Большинство явилось сюда съ концерта классической музыки, бывшемъ въ Казино. Нѣкоторыя дамы были еще подъ впечатлѣніемъ выслушанныхъ музыкальных пьесъ и въ разговорѣ другъ съ дружкой закатывали подъ лобъ глаза и восклицали:

— C'est délicieux! C'est fameux!

Супруги быстро окинули взорами помѣщеніе. Прежде всего имъ бросилась въ глаза нѣсколько сгорбленная тщедушная старушка вся въ черномъ, съ митеньками на рукахъ, съ желтымъ лицомъ и вострымъ носомъ. Передъ ней стояла тарелка съ пирожками, но сама она ихъ не ѣла, а ломая ложечкой по кусочку, скармливала тремъ, самого разнообразнаго вида, маленькимъ собаченкамъ, помѣщавшимся на колѣняхъ у ея приживалки тощей, пожилой дамы съ помятымъ лицомъ, въ помятой накидкѣ. Приживалка, сидѣвшая около того-же стола, при этомъ блаженно улыбалась и говорила по-русски:

— Теперь для Тото кусочекъ... Теперь для Муму кусочекъ... Теперь для Лоло... Что это? Лоло-то ужъ не кушаетъ?.. Отвернулся?

— Сытъ, должно быть, — отвѣчала старушка. — О, Лоло не жаденъ и всегда первый отстаеъ отъ всякаго угощенія! Милый... — наклонилась она къ

собаченкѣ, при чемъ та, улучивъ моментъ, лизнула ее въ носъ.

— Тогда передайте, ваше сіятельство, Тотошкѣ.

— Тотошкѣ я съ яичнымъ кремомъ кусочекъ дамъ. Онъ съ кремомъ любитъ. Послушай... Не хочетъ-ли Лоло-то пить? Оттого, можетъ быть, и не кушаетъ? — спросила старушка.

— Какъ сюда ѣхать, ваше сіятельство, такъ только что напоила молочкомъ. Ну, если ты сытъ, Лолоша, то благодари княгиню, поцѣлуй у нея ручку, — обратилась приживалка къ собачкѣ.

— Онъ ужъ благодарилъ. Оставь... Онъ лизнулъ меня.

И опять началось:

— Тотошѣ кусочекъ... Муму кусочекъ пирожка. Вотъ Муму сколько хотите будетъ кушать. Она жадная, прежадная дѣвочка.

— Княгиня Храмова изъ Москвы... — шепнулъ супругамъ Ивановымъ докторъ Потрашовъ, кивнувъ на старушку. — Она здѣсь Thermes Salins принимаетъ. Это ужъ ванны не изъ морской соленой воды, а изъ соленого источника. Вода его почти вдвое солонѣе морской воды.

Къ княгинѣ подошелъ совсѣмъ расхлябанный молодой человекъ, тощій, съ истощеннымъ лицомъ, въ черныхъ усахъ щеткой и съ моноклемъ въ глазу и произнесъ по-французски, стараясь сдѣлать масляно-блаженную улыбку:

— Смотрю я на вашихъ собачекъ, княгиня, и люблюсь. Какая прелесть!

— Merci, mon bon...—отвѣчала старушка, тоже блаженно улыбнувшись. — Эти собаки все равно, что люди. А вотъ моего Тото я даже считаю умнѣе многихъ людей. Вообразите, онъ иногда даже философствуетъ,—прибавила она уже по-русски.

— Неужели? — удивился молодой человѣкъ.

— Вѣрно, вѣрно. Тотоша, ты философствуешь? — спросила мохнатого черненькаго песика княгиня.

— Гамъ, гамъ...—пролаялъ песикъ.

— Видите, отвѣчаетъ, что да...

— Восторгъ! Одинъ восторгъ! — воскликнула приживалка, взяла собачку за голову и чмокнула ее въ мордочку.

— А этотъ молодой человѣкъ кто? — спросилъ доктора Николай Ивановичъ.

— Онъ нашъ аташе при какомъ-то посольствѣ, — былъ отвѣтъ.

— Ну, что-же... Надо что-нибудь скушать, — сказала Глафира Семеновна.

— Ей-ей, ничего не могу, — отвѣчалъ супругъ. — Какъ-же это такъ передъ обѣдомъ сладкое?... Вотъ если-бы рюмочку водки и бутербродъ съ тешкой или семгой... А то вдругъ пирожки!

— Ышь, ышь... Бери и ышь. Бери вонъ яблочное пирожное... Ужъ если здѣсь такъ принято и попалъ ты въ такое общество, то обязанъ ысть. Не правда-ли, докторъ?

— Самъ я ысть не буду. Я только выпью рюмку коньяку, — отвѣчалъ докторъ.

— Какъ? Да развѣ здѣсь коньякъ есть?—радостно воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Сколько хотите! И коньякъ, и ликеры.

— Де коньякъ! — сказалъ Николай Ивановичъ продавщицѣ. — Вотъ послѣ коньяку, пожалуй, можно закусить какой-нибудь конфетиной.

Онъ выпилъ вмѣстѣ съ докторомъ по рюмкѣ коньяку и только сталъ жевать шоколадную лепешку, какъ увидалъ, что съ дальняго стола ему киваетъ Оглотковъ. На этотъ разъ Оглотковъ былъ въ смокингѣ и въ черномъ цилиндрѣ. Онъ тотчасъ-же подошелъ къ супругамъ Ивановымъ, которые за немѣнѣемъ свободнаго столика должны были стоять, и предложилъ свое мѣсто за столикомъ Глафирѣ Семеновнѣ. За столикомъ сидѣла жена Оглоткова — молодая дама, съ круглымъ купеческимъ лицомъ, блондинка, совершенно безъ бровей и вся въ бѣломъ.

— Супруга моя Анфиса Терентьевна... Мадамъ Иванова... — тотчасъ-же отрекомендовалъ Оглотковъ дамъ. — Николай Ивановичъ Ивановъ, нашъ петербургскій коммерсантъ.

Познакомился съ Оглотковымъ и докторъ Потрашовъ. Мужчины окружили сидѣвшихъ за столикомъ дамъ. Оглотковъ жевалъ тарталетки съ пюре изъ абрикосовъ и говорилъ:

— Наѣшья вотъ передъ обѣдомъ этой разной сладкой дряни, а потомъ за обѣдомъ ничего въ горло не идетъ.

— Такъ зачѣмъ-же ѣсть-то? — сказалъ докторъ.

Оглотковъ развелъ руками.

— Такъ здѣсь принято среди высшаго общества. Назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ. Не побываешь у Миремона и ужъ чего-то не хватаетъ.

— Выпили-бы чашку кофе, вмѣсто того, чтобъ ѣсть пирожки, — посовѣтоваль докторъ. — Кофе не отнимаетъ аппетита.

— Сейчасъ чай пили по-англійски. Послѣ концерта у насъ былъ „файфъ оклокъ“. У насъ здѣсь англійскій регуляторъ.

— То-есть какъ это? Какой регуляторъ? — недоумѣвалъ докторъ.

— Тьфу ты, регуляторъ! — плюнулъ Оглотковъ. — И я-то: регуляторъ! Режимъ... Англійскій режимъ... Мы здѣсь все по-англійски... отъ доски до доски... Вотъ завтра въ десять утра на игру въ мячъ приглашенъ я въ здѣшній англійскій клубъ. Игра-то ужъ очень мудроно называется, такъ что боюсь ее и называть, чтобы не провратъся.

— Лаунъ-тенисъ? — подсказалъ докторъ.

— Вотъ, вотъ... Лаунъ-тенисъ... Съ лордомъ однимъ завтра играть буду... съ настоящимъ лордомъ... Потомъ изъ египетскаго посольства одинъ будетъ... — похвастался Оглотковъ.

А мадамъ Оглоткова щурила въ это время свои и безъ того маленькіе заплавшіе сальцемъ глазки и рассказывала Глафирѣ Семеновнѣ о концертѣ классической музыки, на которомъ она была часъ тому назадъ.

— Это восторгъ! Это восторгъ что такое! — го-

ворила она. — Бахъ... Берліозъ... Мендельсонъ... Ахъ, какъ жалко, мадамъ Иванова, что вы не были на этомъ концертѣ! Это буквально упоеніе... Я закрыла глаза и чувствую, что уношусь подъ небеса. Впрочемъ, въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ второй такой же концертъ, и я совѣтую вамъ побывать. Валеръ! — обратилась она къ мужу. — Намъ, монъ шеръ, пора ѣхать. И такъ ужъ темнѣетъ, а надо еще прокатиться по Рю де-Рюа. Я обѣщала встрѣтиться съ графиней Клервиль. Она будетъ верхомъ и съ ней этотъ турокъ... Какъ его?.. Вы знаете, мадамъ, здѣсь есть турокъ, который прекрасно говоритъ по-русски... Ага-Магметъ.

— Позвольте... Да онъ вовсе и не турокъ, а жидъ... — замѣтилъ докторъ. — Одесскій жидъ... Коммисіонеръ по пшеницѣ. Я его отлично знаю.

— Не знаю. Его здѣсь всѣ считаютъ за турка, — отвѣчала мадамъ Оглотова и стала прощаться съ Ивановыми. — Надѣюсь сегодня встрѣтиться въ Казино? Сегодня тамъ маленькій суаре дансанъ.

— Будемъ, будемъ... Непремѣнно будемъ, мадамъ Оглотова, — отвѣчала Глафира Семеновна.

Они всей компаніей стали выходить изъ кондитерской. Въ дверяхъ имъ повстрѣчался сѣдой черноглазый статный мужчина въ сѣромъ пальто и сѣрой шляпѣ, съ толстой тростью въ рукѣ и въ золотомъ пенснѣ на носу. Докторъ Потрашовъ кивнулъ на него дамамъ и шепнулъ:

— Вотъ это настоящій турокъ и даже паша, приближенный къ султану.

— А не похожъ. И безъ фески,—замѣтила мадамъ Оглоткова.

— Оттого, что съ ногъ до головы европеецъ. Феску онъ только у себя на родинѣ носитъ.

На улицѣ супруги Оглотковы сѣли въ экипажъ, дожидавшійся ихъ у кондитерской, а супруги Ивановы, простившись съ докторомъ, направились къ себѣ въ гостинницу обѣдать.

На улицѣ ужъ зажглись фонари. Гостинница была въ десяти шагахъ.

— Пообѣдаемъ дома, отдохнемъ часикъ — и въ кино,—говорилъ Николай Ивановичъ.

Лишь только они подошли въ гостинницѣ, хозяинъ гостинницы тотчасъ-же распахнулъ передъ ними дверь и первыми его словами, обращенными къ супругамъ Ивановымъ, была французская фраза:

— Могу я уговориться съ вами теперь о пансіонѣ, мадамъ и монсье?

— Тьфу, ты! Опять пансіонъ!—плюнулъ Николай Ивановичъ и закричалъ:—Апре, апре диве пансіонъ!

XX.

БЫЛО около девяти часовъ вечера. Супруги Ивановы, выйдя изъ своей гостинницы, направлялись въ Казино на вечеръ. Погода была тихая, теплая. Свѣтила съ темно-синяго неба луна и дѣлала совсѣмъ не нужнымъ свѣтъ

городскихъ фонарей. Магазины на улицахъ Меріи и Мазагранъ были ужъ сплошь заперты, но около нѣкоторыхъ изъ нихъ на стульяхъ размѣстились ихъ хозяева и дышали легкимъ воздухомъ. Иногда виднѣлись цѣлыя семьи. Пыхтѣли папироски. Въ рукахъ иныхъ женщинъ виднѣлось вязанье, машинально ковыряемое длинной иглой съ крючкомъ. Тротуары были переполнены гуляющими послѣ дневныхъ трудовъ и такъ стоящими на углахъ домовъ и около подъѣздовъ мужчинами и женщинами. Уличные скамейки подъ платанами также были заполнены сидящими. На женщинахъ въ большинствѣ случаевъ виднѣлись бѣлые чепцы и бѣлые передники. Это была прислуга изъ безчисленныхъ гостинницъ, управившаяся съ работой и вышедшая попользоваться воздухомъ. То тамъ, то сямъ слышался сюсюкающій говоръ басковъ. Извозчики въ испанскихъ фуражкахъ и красныхъ галстукахъ, не находя больше за позднимъ временемъ сѣдоковъ, направлялись къ себѣ на дворы, по пути останавливались около уличныхъ скамеекъ и бесѣдовали съ знакомыми. Виднѣлись шушукующіяся парочки, укрываясь за стволами платановъ.

— Какой вечеръ-то прекрасный!—сказала мужу Глафира Семеновна. — Смотри, какая яркая луна! Какъ, должно быть, теперь красиво на морѣ.

— А вотъ сейчасъ увидимъ, какъ подойдемъ къ Казино,—отвѣчалъ супругъ.

Они свернули въ улицу, стали спускаться къ берегу—и имъ открылся дивный видъ посеребренного

синяго моря, надъ которымъ стоялъ громадный шаръ блѣдной луны. Зданіе Казино было налѣво. Балконъ его былъ освѣщенъ электричествомъ и съ него доносились звуки струннаго оркестра. Супруги, хотя и не были особенными друзьями природы, но остановились и залюбовались луннымъ видомъ, большой золотисто-серебряной полосой отъ луны. На Большомъ Плажѣ отъ отраженія луны на бѣломъ зданіи купальныхъ кабиновъ было свѣтло, какъ днемъ, но Плажъ былъ пустыненъ. На немъ не виднѣлось ни души. Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ:

— Вонъ и Большая Медвѣдица здѣсь есть, только кажется, что у насъ она какъ будто больше. Вотъ и Малая Медвѣдица...—указывалъ онъ на звѣзды.

— Пойдемъ въ Казино. Чего тутъ стоять!—торопила его жена.—Шляпка отсырѣетъ. На мнѣ новая соломенная шляпка съ цвѣтами изъ перьевъ.

— А вотъ и Треугольникъ...

— Брось. Пойдемъ.

— Постой, душечка, дай Пса и Псицу отыскать.

— Ну, вотъ... Какой еще такой Песъ и Псица на небѣ.

— Есть. Всѣ животныя на небѣ есть, какъ и на землѣ. Песъ, Левъ, Кошка, Тигръ...

— Ври больше. Пойдемъ. Ну, статочное-ли дѣло, чтобы на небѣ Песъ! Это даже и неприлично.

— Позволь... Если Медвѣдица есть, то отчего же Псу не быть? Такая-же божья тварь.

— Ты пойдешь въ Казино или не пойдешь?!— возвысила голосъ супруга.

— Иду, иду... Эхъ, не дашь ужъ и на звѣзды посмотрѣть!—проговорилъ Николай Ивановичъ и направился за женой.

— На звѣзды смотреть ученые люди, астрономы на обсерваторіи, а зачѣмъ тебѣ звѣзды?— былъ отвѣтъ.

Вотъ и подъѣздъ Казино. Около него стоялъ одинъ единственный экипажъ и кучеръ на козлахъ курилъ трубку. Ливрейный швейцаръ распахнулъ передъ супругами дверь, и открылся великолѣпный вестибюль. Шла мраморная лѣстница вверхъ, застланная ковромъ. Стѣны были расписаны живописью. Стояли статуи. Налѣво помѣщался прилавокъ кассы и за нимъ кассирша, зятая въ рюмочку и съ живыми цвѣтами въ волосахъ.

— Де биле ..—обратилась къ ней Глафира Семеновна.

— Прикажете вамъ два абонементъ на мѣсяцъ?—спросила кассирша.

— Нонъ, нонъ. Де биле пуръ ожурдюи.

— Тогда возьмите абонементъ на недѣлю.

— Нонъ, мерси. Пуръ ожурдюи...—стояла на своемъ Глафира Семеновна.—Зачѣмъ намъ абонементъ? Съ какой стати? Можетъ быть еще и не понравится,—сказала она мужу.

— Абонементъ, мадамъ, обойдется вамъ вдвое дешевле,—поясняла кассирша и оторвала два билета, взявъ за нихъ по три франка.

— Какъ навязываетъ-то! Должно быть, дѣлишки здѣсь не особенно важны,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

Супруги поднялись по лѣстницѣ и очутились въ длинной галлерей съ диванами по стѣнамъ. Галлерей была совершенно пуста. Они прошли ее и очутились въ буфетной комнатѣ. Стояли маленькіе столики. Въ глубинѣ помѣщалась буфетная стойка съ фруктами въ вазахъ и цѣлая батарея бутылокъ, изъ-за которой торчала голова буфетчика. Буфетная была также пуста. Въ ней уныло бродилъ лакей во фракѣ и за однимъ изъ столиковъ передъ самой маленькой рюмкой коньяка сидѣлъ громаднаго роста мужчина съ большимъ животомъ и, откинувшись на спинку стула, пыхтѣлъ и отдувался.

— Однако публики-то не завалило!—замѣтилъ женѣ Николай Ивановичъ.

— По всѣмъ вѣроятіямъ, на музыкѣ. Вѣдь музыка играетъ,—отвѣчала жена.

Они прошли въ залъ. Залъ также былъ пустъ. Двое дверей изъ зала вели на балконъ, и тамъ слышалась музыка. Супруги вышли на балконъ, висящій надъ моремъ. Балконъ громадный во весь этажъ, весь уставленный мраморными столиками но за ними опять-таки сидѣло не болѣе пяти человѣкъ. Въ выстроенномъ на балконѣ стеклянномъ кіоскѣ игралъ небольшой струнный оркестръ. Дирижеръ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ такъ и надсаждался, махая смычкомъ.

— Гдѣ-же публика? — дивилась Глафира Семе-

новна.—И Оглотковыхъ нѣтъ, и доктора нѣтъ, а вѣдь какъ просили насъ придти сюда!

Они прошли вдоль всего балкона и смотрѣли въ лица немногочисленныхъ слушателей музыки. Одинокое за однимъ изъ столиковъ, передъ остывшей чашкой кофе, спалъ рыжій бакенбардистъ въ смокингѣ, прислонясь головой въ сѣрой шляпѣ къ стѣнѣ и опустя внизъ руку, въ которой была сжата газета. Далѣе сидѣла пожилая дама, сильно закутанная въ перовыя боа и смотрѣвшая на освѣщенное луннымъ свѣтомъ море. Она облокотилась на столикъ и тоже дремала. Еще подальше—дама съ мужчиной во фракѣ. Дама сидѣла передъ чашкой съ шоколадомъ или кофе, была нарядно одѣта въ шелковое платье и въ малиновое сортиде-баль, опущенное перьями бѣлыхъ марабу, а мужчина клевалъ носомъ, вздрагивая чернымъ цилиндромъ.

— Что это, сонное царство, что-ли? — продолжала недоумѣвать Глафира Семеновна.—Какъ хорошо слушаютъ музыку! Вотъ меломаны-то!

— Да вѣдь послѣ обѣда, такъ ужъ какая тутъ музыка! Наѣлись вплотную, ну, винца хлобыстнули малость, а теперь вотъ здѣсь, въ холодкѣ, и сморило ихъ, — отвѣчалъ супругъ. — Музыка послѣ обѣда—бѣда, сейчасъ въ сонъ ударить. Я по себѣ знаю.

Они шли дальше, и вдругъ показалась стеклянная дверь, выходящая на балконъ. Въ стекла этой

двери виднѣлась цѣлая толпа публики, окружавшей большой столъ.

— Вотъ, вотъ, гдѣ всѣ собрались!—воскликнула Глафира Семеновна.—А мы-то ищемъ на балконѣ надъ моремъ! Кому теперь охота на сырости!.. Входи скорѣй. Надо посмотрѣть, что тутъ дѣлають.

Николай Ивановичъ отворилъ дверь, и они вошли въ комнату съ позолотой на потолокъ и на стѣнахъ и стали смотрѣть, чѣмъ были заняты мужчины и дамы. Оказалось, что тутъ была игра „въ лошадки“, нѣчто въ родѣ рулетки. На разлинованное зеленое сукно стола съ нумерами игроки бросали франковики и двухфранковики, усатые крупье нажимали шалнеръ, по столу двигались цинковыя раскрашенные лошадки съ красными, бѣлыми, желтыми и зелеными жокеями, и когда останавливались, раздавался возгласъ нумера, который выигралъ.

— Какъ въ Ниццѣ, совсѣмъ, какъ въ Ниццѣ,—сказала Глафира Семеновна.—Помнишь, мы играли въ Ниццѣ? Надо и здѣсь поставить.

— Погоди, матушка. Дай осмотрѣться-то порядкомъ,—отвѣчалъ супругъ.

Далѣе былъ столъ съ шаромъ, пускаемымъ съ жолоба на зеленое сукно съ лунками—тоже игра. И около этого стола стояло человѣкъ пятнадцать нарядныхъ мужчинъ и дамъ, бросающихъ на жертву игорному откупщику серебряные франки.

Около этого стола Глафира Семеновна увидала и мадамъ Оглоткову въ шляпкѣ, въ гранатоваго цвѣта шелковомъ платьѣ и бѣломъ сорти-де-баль.

Она тронула Оглоткову за плечо и сказала: „здравствуйте“. Та обернулась и произнесла:

— Ахъ, это вы, мадамъ Иванова? Не хотите-ли пополамъ? Одной мнѣ ужасно не везетъ. Я ужъ два золотыхъ проиграла.

— Да, пожалуй...

Мадамъ Оглоткова чуть не вырвала у мадамъ Ивановой деньги и бросила ихъ на столъ.

XXI.

НЕ прошло и получаса, какъ у Глафиры Семеновны не хватило уже золотого, а мадамъ Оглоткова приглашала ее продолжать игру.

— Нѣтъ-ли у тебя золотого?—обратилась Глафира Семеновна къ мужу.

— Прокатала ужъ, матушка, свои-то?—спросилъ тотъ.

— Давай, давай... Не задерживай! Я ужъ теперь сама по себѣ играю и хочу на лошадки перейти, къ другому столу. Здѣсь съ шаромъ что-то такое сомнительное. Никто не выигрываетъ.

— Да иначе и быть не должно. А то изъ-за чего-же держать столъ и такихъ усатыхъ молодцовъ при немъ?

— Въ столѣ съ лошадками все-таки игра правильнѣе. Давай сюда золотой-то.

Николай Ивановичъ далъ двѣ пятифранковыя монеты.

— Ладно. Для перваго раза достаточно и тридцать франковъ проиграть.

Еще черезъ четверть часа Глафира Семеновна отошла отъ второго стола.

— Ну, что?—спросилъ мужъ.

— Хуже еще, чѣмъ въ столѣ съ шаромъ. Тамъ я, все-таки, хоть что-нибудь брала, а здѣсь подѣ-рядъ ничего. А главное, мнѣ мѣшала вотъ эта крашеная въ фальшивыхъ брилліантовыхъ серьгахъ.

— Тс... Остерегись. А то можетъ выдти исторія въ родѣ усатой вѣдьмы. Помнишь, въ вагонѣ-то? Здѣсь русскихъ гибель, — предостерегъ супругу Николай Ивановичъ.

— На какой-бы номеръ я ни поставила, сейчасъ и она лѣзетъ съ своимъ франкомъ, — понизила голосъ жена.

Подошелъ докторъ Потрашовъ.

— Играете?—спросилъ онъ супруговъ.

— Да вотъ жена просадила тридцать франковъ

— Во что играли?

— Сейчасъ въ лошадки, а давече въ шаръ. Я не знаю, какъ эта игра называется.

— По-русски называется она—дураковъ ищутъ.

— Какъ это глупо!—покачала головой Глафира Семеновна.—Стало быть, я дура и всѣ играющіе въ шаръ дуры и дураки? Послушайте, докторъ, развѣ вотъ эта накрашенная дама съ подведенными

глазами и въ парикѣ русская?—обратилась она къ Потрашову.

— Никогда не бывала. Это кокетка изъ Парижа.

— Какъ-же она сюда попала? Вѣдь здѣсь только высшее общество Біаррица собирается.

— Вздоръ. Кто угодно. Всѣмъ двери открыты. А для этихъ дамъ-то такъ здѣсь даже биржа. Теперь еще немного рано, а посмотрите, часа черезъ полтора сколько ихъ здѣсь соберется!

— А Оглотковы намъ рассказывали, что здѣсь въ Казино только высшее общество собирается!

— У нихъ все высшее общество... Они вонъ одесскаго жида-коммисіонера за турка изъ Египта принимаютъ. Впрочемъ, что-жъ, чѣмъ-бы кто ни тѣшился. По вечерамъ сюда собираются, все-таки, кто хочетъ кровь поволновать игрой. Тутъ, кромѣ этихъ рулетокъ, большая игра въ баккара... Мой патронъ уже засѣлъ и обложилъ себя стопками русскихъ полумперіаловъ.

Гдѣ-то въ отдаленности раздался ритуфель кадрили.

— А вотъ и танцевальный вечеръ начинается,—встрепенулась Глафіра Семеновна.

— Танцевальный онъ только по названію,—отвѣчалъ докторъ.

— То-есть, какъ это?

— Очень просто. На здѣшнихъ вечерахъ никто не танцуетъ. Да вотъ пойдемъ и посмотримъ.

Изъ игорной комнаты они вышли въ галерею и прослѣдовали черезъ буфетную комнату въ залъ.

Въ залѣ сидѣли нѣсколько дамъ въ шляпкахъ, размѣстясь по стульямъ и мягкимъ скамейкамъ, стоявшимъ по стѣнѣ. Въ дверяхъ столпилось чело-
вѣкъ восемь мужчинъ, но никто не становился въ пары, никто не приглашалъ дамъ, хотя повѣстка на кадрили была уже подана музыкантами. Ритур-
нель повторили. Прошло минутъ пять. Опять никто не группировался для кадрили.

— Видите, — сказала супругамъ докторъ. — Сюда приходятъ только смотрѣть, какъ танцуютъ, и никто не желаетъ танцовать. И такъ всегда.

Оркестръ заигралъ вальсъ. Распорядитель танцевъ во фракѣ со значкомъ завертѣлся по залѣ съ какой-то дѣвушкой въ бѣломъ платьѣ, почти подросткомъ, выскочилъ изъ буфетной комнаты французъ гусарскій офицеръ въ красныхъ штанахъ, ведя подъ руку даму въ сѣромъ платьѣ. Дама положила ему руку на плечо и они тоже сдѣлали два тура по залу. Затѣмъ танцующихъ ужъ вовсе не появлялось. Гусарскій офицеръ увелъ свою даму въ буфетъ. Распорядитель танцевъ подошелъ къ двумъ-тремъ дамамъ и очень низко передъ ними кланялся по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства, приглашая ихъ на вальсъ, но дамы благодарили его кивками и танцовать не шли. Музыканты продолжали еще играть и, наконецъ, смолкли. Зала начала пустѣть. Показались зѣвѣющіе. Пришелъ Оглотковъ въ смокингѣ, въ бѣломъ галстукѣ, съ красной гвоздикой въ петлицѣ и сталъ звать домой жену, которая сидѣла вмѣстѣ съ супругами Ивановыми.

— Завтра надо рано вставать. Лаунъ-тенисъ этотъ самый лорды назначаютъ ужасно рано: въ десять часовъ утра,—говорилъ онъ.—А мнѣ еще нужно передъ этимъ выполнить сеансъ массажа и пассивной гимнастики.

— Отъ чего вы лечитесь? Вы такой здоровякъ,—спросилъ докторъ.

— Печень у меня, что-ли... Я не знаю, право... Почка тоже не на мѣстѣ... Говорятъ, что надо... Мнѣ голландскій посланникъ посовѣтовалъ.

— Какой голландскій посланникъ? Развѣ здѣсь есть такой?—задалъ вопросъ докторъ.

— Я не знаю, право, голландскій онъ или шведскій, а только онъ посланникъ—амбасадеръ... Такой съ длинной сѣдой бородой и бритой верхней губой. Фамилія ужасно трудная. Онъ тоже лечится массажемъ и пассивной гимнастикой.

— Ванъ-деръ-Шильдъ?

— Вотъ, вотъ...

— Такъ онъ вовсе не посланникъ. Онъ фабрикантъ изъ Бельгіи. У него фабрика носовыхъ платковъ и столоваго бѣлья. Мой патронъ его отлично знаетъ.

— Будто? А у насъ всѣ его считаютъ за посланника. Онъ тоже играетъ съ нами въ мячъ. Мы его даже за графа считаемъ.

— Считать можете сколько угодно и за графа, а только онъ бельгійскій фабрикантъ льняныхъ издѣлій,—закончилъ докторъ.

Всѣ поднялись со стульевъ.

— Ты что сдѣлалъ въ баккара?—спросила мужа мадамъ Оглооткова.

— Проигралъ сто шестьдесятъ фѣанковъ, но не жалѣю, хорошему человѣку проигралъ. Знаешь, этотъ... Онъ какой-то тоже графъ... Я съ него выигрывалъ.

Всѣ направились вонъ изъ зала.

— И мы домой?—задала мужу вопросъ Глафѣра Семеновна.

— Да куда-жъ еще? Здѣсь очень скучно. Поужинать не хочешь?—предложилъ ей тотъ.

— И вздумать не могу объ ѣдѣ.

— Здѣсь никто не ужинаетъ,—замѣтилъ супругамъ Ивановымъ Оглоотковъ.—Скушайте по грушѣ и запейте холодной сахарной водой. Здѣсь всѣ изъ высшаго общества такъ дѣлаютъ. Это поправляетъ желудокъ и даетъ спокойный сонъ.

— Ну, сна-то у насъ и такъ хотъ отбавляй.

Всѣ прошли буфетъ и направились черезъ галерею къ выходу.

Галерея, не ярко освѣщенная, была запружена дамами. Французскій говоръ такъ и трещалъ. Слышны были все больше контръ-альто. Изрѣдка только взвизгивали сопрано. Дамы эти были въ самыхъ вычурныхъ костюмахъ. Пудра съ лицъ ихъ такъ и сыпалась. Между ними шныряло нѣсколько мужчинъ, по большей части старичковъ съ самыми масляными улыбками. Одинъ былъ даже съ ручнымъ костылькомъ и шагаль ногой, какъ полѣномъ. Онъ очень фамилльярно ухватилъ одну рослую брюнетку

сначала за подбородокъ, а потомъ за руку выше локтя, а брюнетка еще фамиллярнѣе ударила его вѣеромъ по плечу.

— Вотъ можете посмотрѣть и биржу, о которой я вамъ говорилъ,—проговорилъ докторъ супругамъ кивая на толпу.

Глафира Семеновна поморщилась и сказала:

— Безстыдницы.

Компанія вышла въ вестибюль.

XXII.

ИСПОЛНИЛОСЬ уже двое сутокъ, какъ супруги Ивановы жили въ Біаррицѣ. Хозяева гостинницы достигли своей цѣли, чтобы супруги Ивановы взяли пансіонъ. Послѣ двухъ десятковъ напоминаній о пансіонѣ всѣми членами хозяйской семьи, Ивановы согласились жить на ихъ полномъ иждивеніи, платя за двоихъ двадцать восемь франковъ, при чемъ Николай Ивановичъ выговорилъ, чтобы комната освѣщалась непременно лампой, а Глафира Семеновна поставила за непременное условіе, чтобы къ завтраку и обѣду не подавали ни кроликовъ, ни голубей, а вечеромъ ставили-бы имъ ихъ собственный самоваръ, который они купили за двадцать пять франковъ въ улицѣ Мазагранъ у француза, торгующаго русскими лу-

кошками, берестовыми бураками, чаемъ, высохшей икрой въ жестянкахъ и осетровымъ балыкомъ, которымъ можно было гвозди въ стѣну вколачивать.

Теплыя ванны супруги условились брать въ заведеніи, находящемся въ самомъ гулево́мъ мѣстѣ, около Большого Плажа. Вчера была взята уже первая ванна, при чемъ Николай Ивановичъ обратился передъ ванной къ консультаціи. Консультація заключалась въ томъ, что когда онъ въ ванномъ кабинетѣ раздѣлся, къ нему вошелъ сѣденькій маленькій старичекъ въ серебряныхъ очкахъ и съ козлиной бородкой и заговорилъ по-французски. Говорилъ онъ минуты двѣ, но Николай Ивановичъ изъ его словъ ничего не понималъ. Потомъ старичекъ снялъ съ себя пиджакъ, засучилъ рукава синей бумажной сорочки и сталъ ощупывать все тѣло Николая Ивановича. Нажавъ на грудь, старичекъ что-то спросилъ у него. Тотъ не понималъ, о чемъ его спрашиваютъ, но отвѣчалъ на удачу „вуй“. Старичекъ покачалъ головой, погрозилъ ему пальцемъ и вторично налегъ ладонью, но ужъ на животъ, и снова что-то спросилъ. Николай Ивановичъ опять ничего не понималъ, но для разнообразія отвѣчалъ: „нонъ“. Старичекъ опять покачалъ головой, снова погрозилъ ему пальцемъ, поклонился, протянулъ руку и проговорилъ:

— Cinq francs, monsieur...

Пять франковъ были уплочены. Затѣмъ была взята теплая ванна.

Выходя изъ ванны, Николай Ивановичъ приза-

думался. „Спрашивается, что-же этотъ старикашка головой-то качалъ и пальцемъ мнѣ грозилъ, когда щупалъ меня? разсуждалъ онъ. Должно быть, у меня что-нибудь внутри не въ порядкѣ. Чего-нибудь не хватаетъ или что-нибудь съ своего мѣста сдвинулось. Надо будетъ у доктора Потрашова спросить“.

Встрѣтившись послѣ ванны съ женой, онъ сказалъ ей:

— А я передъ ванной консультировался съ здѣшнимъ... чортъ его знаетъ, кто онъ. Должно быть, докторъ, что-ли... Такой сѣденькій маленькій и борода, какъ у козла.

— Что-же онъ тебѣ сказалъ?—спросила жена.

— А кто-жъ его знаетъ, что онъ сказалъ! Вѣдь онъ французъ. Говорилъ много и говорилъ по-французски, такъ развѣ я могу понять? Но, должно быть, что-нибудь нехорошее, потому что качалъ головой и грозилъ мнѣ пальцемъ. А у меня ничего не болитъ.

— Зачѣмъ-же ты ему показывался?—улыбнулась супруга.

— Да думалъ, что уже такъ... заодно... потому что всѣ показываются. Пускай, думаю, пять франковъ... ужъ куда ни шло.

— А вотъ я не показывалась.

— Да тебѣ и нельзя. Какъ-же ты-то? Вѣдь онъ раздѣтаго меня смотрѣлъ, раздѣтаго до нага. Смотрѣлъ и мямлѣ.

— Ничего не значить. Навѣрное здѣсь...

— Что ты! Что ты, Глафира Семеновна! Какія слова!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Постой... Дай мнѣ договорить. Навѣрное здѣсь есть и женщины консультантки, если есть мужчины. Мужчина для мужчинъ, а женщина для дамъ.

— Ну, такъ, такъ! А я уже думалъ... Да... Теперь ужъ я и клянусь, что я къ этому консультанту обратился, потому что онъ меня только въ сомнѣніе ввелъ. А пуще всего меня на это дѣло подбилъ дуракъ Оглотковъ. „Надо консультироваться, надо. Я тремъ здѣшнимъ докторамъ показывался“.

— А ты слушай Оглоткова, такъ онъ и не на то еще тебя подобьетъ,—замѣтила Глафира Семеновна.

— Главное, что мнѣ хотѣлось узнать у этого консультанта — это: полезень-ли будетъ для меня массажъ и пассивная гимнастика, но я такъ и не спросилъ его, потому что не зналъ, какъ по-французски массажъ и гимнастика называются,—продолжалъ Николай Ивановичъ рассказывать женѣ.

— Г-мъ... Да такъ и называются по-французски, какъ по-русски. Массажъ—массажъ, гимнастика—гимнастика. Гимнастикъ пассивъ.

— Будто? А вотъ я не зналъ.

— Да вѣдь массажъ и гимнастика и есть не русскія слова.

— Не зналъ, не зналъ. Конечно, если-бы я зналъ, то спросилъ-бы его. Ну, а послѣ его пока-

чиванія головой и помахиванія пальцемъ — я ужъ и массажъ и гимнастику къ чорту.

— Да не надо тебѣ, ничего этого не надо. Вѣдь ты будешь здѣсь пользоваться моціономъ, гуляя по Плажу и по городу, такъ какой-же тебѣ массажъ и гимнастика! Здѣсь я тебѣ ни спать послѣ обѣда не дамъ, ни особенно много сидѣть. А мы будемъ гулять, гулять и гулять. Вотъ завтра воскресенье, такъ въ Байону поѣдемъ шоколадъ пить — и тамъ будемъ гулять.

— Такъ-то оно такъ, но все-таки надо будетъ Потрашова спросить. Французъ тоже вѣдь зря качать головой и грозить пальцемъ не станетъ, — стоялъ на своемъ супругъ.

— Да спроси, ужъ если такъ очень хочешь. Посоветуйся съ нимъ, — согласилась Глафира Семеновна. — Докторъ Потрашовъ человѣкъ пріятный и здѣсь намъ очень нужный, такъ что поднести ему золотой за совѣтъ даже очень не мѣшаетъ.

Супруги поднялись на Плажъ. Николай Ивановичъ ходилъ по Плажу разстроенный, кислый, какъ говорится, и искалъ доктора Потрашова, но Потрашова на Плажѣ не было. Онъ то и дѣло оставался, щупалъ у себя печень, желудокъ, сердце, чтобы испытать, не колетъ-ли ему куда-нибудь, и хотя ему нигдѣ не кололо, но все-таки онъ не могъ развеселиться и былъ сумраченъ.

Около полудня на Плажѣ появился Оглотковъ въ черныхъ широчайшихъ, засученныхъ снизу, брю-

кахъ и бѣломъ пиджакѣ. Схвативъ Николая Ивановича за руку, онъ прошепталъ:

— Сзади меня прѣѣхавшая вчера знаменитая испанка идетъ. Испанка наѣздница изъ цирка... Красавица... Занимайте скорѣй стулья на галлерей около купанья... Она сейчасъ купаться будетъ... Занимайте. Я бѣгу взять бинокль у бенъера, а то всѣ бинокли расхватаютъ.

И онъ бросился бѣжать впередъ.

Супруги-остановились и Глафира Семеновна сказала:

— Надо будетъ посмотрѣть эту срамницу. Пойдемъ, займемъ скорѣй стулья. Авось, хоть это тебя развеселить, а то изъ-за своей глупости ходишь, опустя носъ на квинту.

Они повернули къ галлерей женскихъ купалень и заняли стулья. Мимо нихъ прошелъ цѣлый кортежъ. Впереди всѣхъ съ французскимъ пожилымъ уже гусарскимъ полковникомъ подъ руку выступала красивая, рослая, смуглая брюнетка въ свѣтло-желтомъ платьѣ, шляпкѣ и перчаткахъ, бравурно помахивая надъ своей головой желтымъ-же раскрытымъ зонтикомъ, а сзади и сбоковъ этой пары тянулись цѣлой толпой рослые и маленькіе мужчины, пожилые и молодые, подростки и совсѣмъ старые, съ черными, рыжими и сѣдыми бородами, бакенбардами или усами, съ масляными улыбочками и какъ-то особенно эротически блещущими глазами. Глаза блитали даже у стариковъ. Встрѣчные разступались передъ красивой и статной испанкой

Наконецъ, гусарскій полковникъ довелъ ее до входа въ раздѣвальные кабинеты, отнялъ свою руку и поклонился. Она кивнула ему съ улыбкой и скрылась въ корридорѣ. Толпа замерла на порогѣ. Всѣ безмолвствовали. На лицахъ изобразилось томительное ожиданіе.

Зрѣлище это было интересное и пикантное, но и оно не могло развеселить Николая Ивановича. Онъ продолжалъ щупать у себя сердце и желудокъ, и говорилъ женѣ:

— И вѣдь что удивительно: былъ совершенно я здоровъ, пока не показался этому старику, а теперь ужъ чувствую, что у меня въ сердце колетъ.

— Брось ты думать объ этомъ! — ободряла его супруга. — Смотри лучше на публику-то, которая ждетъ срамницу. Взгляни на мужчинъ, которые ее ждутъ. Вѣдь, какъ собаки, выставя языки, стоятъ. А вотъ тотъ старичекъ такъ даже плачетъ. Глаза слезятся.

Но супругъ ни на кого не взглянулъ. Онъ только вздохнулъ и проговорилъ:

— И куда это докторъ Потрашовъ запропастился! Вѣдь обѣщался быть сегодня утромъ на Плажѣ, а между тѣмъ его нѣтъ.

XXIII.

Въ морѣ купались, купались и женщины, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Цѣлой вереницей, одна за другой выскакивали онѣ изъ корридора кабинетовъ, но ихъ встрѣчали холодно. Всѣ ждали испанку. Всѣ взоры были устремлены на двери кабинетовъ, откуда она должна показаться. Не выходила она довольно долго, такъ что даже Глафира Семеновна проговорила:

— Долго копается. Вѣдь это прямо изъ кокетства.

Сзади Ивановыхъ мужчины и дамы спорили объ ней, ведя разговоръ по-французски.

— Не испанка она, а итальянка. Итальянка изъ окрестностей Неаполя,—говорила какая-то дама.

— Испанка, мадамъ... Вы ошибаетесь. Мой пріятель нотаріусъ видѣлъ ее еще нынѣшней весной въ циркѣ въ Санъ-Себастьяно. А только она не наѣздница, а эквилибристка, жонглерка,—доказывалъ красивый черноусый мужчина.

— Вотъ оттого-то ее и считаютъ за испанку, что она была въ Санъ-Себастьяно, а она итальянка. Она и въ Байонѣ въ циркѣ была, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ ее считать французенкой,—стояла на своемъ дама.

Въ это время показался докторъ Потрашовъ. Онъ былъ въ чичунчовой парочкѣ. Николай Ива-

новичъ при видѣ его даже сорвался съ мѣста и бросился къ нему.

— Докторъ, докторъ! Здравствуйте, докторъ! — закричалъ онъ, хватая его за руку. — Гдѣ это вы пропадаете? Я давно васъ ищу.

— Да вотъ съ теткой запутался. Тетка сегодня утромъ пріѣхала. Устроилъ ее въ гостиницѣ, — отвѣчалъ докторъ, здороваясь, и поспѣшно спросилъ:— Кажется, я еще не опоздалъ. Не купалась еще эта итальянка?

— Нѣтъ, нѣтъ, не купалась еще, — проговорила Глафира Семеновна и также задала вопросъ:— Ваша тетка пріѣхала?

— Моя, моя... Очень радъ, что не пропустилъ эту даму. Говорятъ, замѣчательно сложена!

— Тогда познакомьте меня съ вашей теткой. Знаете, здѣсь такъ пріятно имѣть русскихъ знакомыхъ. Мужъ у меня совсѣмъ разваливается. Очевидно, ему будетъ не до гулянья. Такъ вотъ хоть съ вашей тетей иногда по Плажу пройтись.

— Хорошо, хорошо. Тетка черезъ полчаса придетъ сюда на Плажъ. А что у васъ съ Николаемъ Ивановичемъ?

Николай Ивановичъ махнулъ рукой.

— И самъ не знаю, что со мной, докторъ, — сказалъ онъ.— Дернула васъ нелегкая сказать мнѣ, что здѣсь при горячихъ ваннахъ есть медицинская консультація!

— Ну, ну? А что-жъ такое?

— Да вотъ и вздумалъ я сегодня поконсультироваться.

— На кой шутъ? Зачѣмъ? Вѣдь вы здоровы.

— Да такъ ужъ... И самъ не знаю, зачѣмъ.

Николай Ивановичъ развелъ руками и рассказаль, въ чемъ дѣло.

— А вотъ теперь колетъ. И въ сердце колетъ, и въ легкія колетъ, и въ печень, и въ селезенку,— прибавилъ онъ.

— Пустяки. Это отъ мнительности.

— Нѣтъ, въ селезенку-то стало очень покалывать.

— Вздоръ! Да и знаете-ли вы, гдѣ находится селезенка?

— Вотъ,—тронулъ себя ладонью за тѣло Николай Ивановичъ.

— Даже и не съ этой стороны. Бросьте, это отъ мнительности. Не слѣдовало даже ему, дураку, и показываться. Онъ ничего не понимаетъ. Онъ даже не докторъ, а просто массажистъ для массажа и гимнастики. Фельдшеръ при ваннахъ.

— Все-таки, я просилъ-бы васъ, докторъ, меня осмотрѣть и освидѣтельствовать,—поклонился Николай Ивановичъ доктору.

— Хорошо, хорошо. Но вѣдь не сейчасъ-же?

— Ахъ, докторъ! Я попросилъ-бы васъ сейчасъ, потому ужъ мнѣ не въ терпежъ. Можно взять кабинетъ въ раздѣвальныхъ и тамъ...

— Погодите, дайте мнѣ на итальянку-то посмотреть. Я изъ-за нея тетку бросилъ и бѣжалъ сюда,

выставя языкъ, — проговорилъ докторъ и продолжалъ:— Кто говорить, что испанка, кто говорить, что итальянка, а вотъ помяните мое слово, окажется жидовка.

— *La voilà!* — послышался возгласъ, и въ толпѣ раздалось произнесенное нѣсколькими голосами протяжное: а-а-а-а.

XXIV.

ВСѢ взоры устремились къ выходу изъ корридора кабинетовъ, и передъ всѣми предстала красивая наѣздница. Она была безъ плаща въ свѣтло-голубомъ трико, по которому были нашиты маленькія золотыя звѣзды изъ газета. Полъ-груди, руки до плечъ и ноги до половины бедра были голыя. Талія была обрамлена широкимъ чернымъ глянцевымъ поясомъ изъ кожи. Раздались сдержанныя рукоплесканія. Красавица шла передъ разступившейся передъ ней толпой и улыбалась, кивая направо и налево. Она направлялась къ морскимъ волнамъ. Толпа сомкнулась и стѣнной слѣдовала за ней. Протискиваясь, бѣжали къ морю фотографы-любители съ моментальными фотографическими аппаратами, чтобы снять съ красивой испанки фотографическій снимокъ.

— Ничего особеннаго! Рѣшительно ничего осо-

беннаго въ этой бабѣ!—проговорила Глафира Семеновна и стала искать глазами доктора, но докторъ уже скрылся вмѣстѣ съ толпой.—Ушелъ ужъ докторъ-то? Ахъ, какой! Признаюсь, я его считала много солиднѣе. Рѣшительно ничего особеннаго въ этой испанкѣ или итальянкѣ,—повторила она еще разъ.—Впрочемъ, я женщина... А ты мужчина,—обратилась она къ мужу.—Что ты скажешь, Николай Ивановичъ?

Тотъ кисло взглянулъ на нее и отвѣчалъ:

— У меня, душенька, въ печенку колетъ. Я почти и не видалъ эту испанку.

— Ну, врешь. Положительно врешь. Я сама видѣла, какъ ты въ нее глазенапы запускалъ.

— Не запускалъ. Увѣряю тебя, не запускалъ. Я все время про того поганнаго старикашку съ козлиной бородкой думалъ, который меня давеча ощупывалъ. Хоть онъ и массажистъ только, какъ говоритъ докторъ, но все-таки онъ у меня что-нибудь замѣтилъ опасное, коли два раза покачалъ головой и два раза погрозилъ пальцемъ, потому колетъ, что ты тамъ хочешь, а мнѣ колетъ.

И Николай Ивановичъ схватился за бокъ.

— Вотъ далась дураку писанная торба,—проговорила супруга и отвернулась отъ мужа.

А красивая испанка или итальянка шла уже обратно, одѣваться, преслѣдуемая толпой, пожиравшей ее глазами. Нѣкоторые фотографы-любители забѣгали со своими аппаратами впередъ, останавливались, щелкали шалнерами и снимали фотографіи.

Красивая женщина эта возвращалась уже теперь из моря съ распущенными волосами, густыми и длинными, черными прядями ложившимися на спину, на грудь и на плечи.

— Рѣшительно ничего особеннаго, — еще разъ сказала Глафира Семеновна про женщину. — И докторъ правду говоритъ, что она жидовка. Жидовка безъ подмѣса.

Въ толпѣ возвращался и докторъ Потрашовъ.

— Докторъ, можно теперь разсчитывать на вашу любезность, что вы меня осмотрите? — кисло обратился къ нему Николай Ивановичъ.

— Можно. Пойдемте. Но я увѣренъ, что у васъ ничего нѣтъ, кромѣ мнительности. Вы здоровякъ, такой здоровякъ, что такихъ здѣсь въ Біаррицѣ и десятка не найдешь.

— Я, докторъ, васъ поблагодарю за трудъ, очень и очень поблагодарю.

Докторъ и Николай Ивановичъ оставили Глафиру Семеновну сидѣть на галлерей, а сами отправились въ раздѣвальный кабинетъ при мужскихъ купальняхъ. Черезъ четверть часа они вернулись. Николай Ивановичъ сіялъ. У него появился даже румянецъ на щекахъ и играли глаза.

— Рѣшительно ничего не нашелъ у вашего мужа, — сообщилъ Глафирѣ Семеновнѣ докторъ. — Это какой-то колоссъ по здоровью. Здоровье его феноменальное.

— Ну, что, теперь не колетъ? — спросила Глафира Семеновна мужа.

— Не колетъ, положительно не колетъ,—радостно отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—А вѣдь давеча какъ колело!

— Была мнительность и ничего больше. Вы трусь,—сказалъ докторъ и, обратясь къ Глафирѣ Семеновнѣ, прибавилъ:—Тетка моя здѣсь. Она сидитъ вонъ тамъ на галлерей. Когда мы проходили изъ кабинета, то я ее видѣлъ. Если вы желаете, чтобъ я васъ съ ней познакомилъ, то это можно сейчасъ сдѣлать.

— Ахъ, пожалуйста! Сдѣлайте одолженіе! Я увѣрена, что мы съ ней сойдемся и будемъ дружны!—воскликнула Глафира Семеновна и вскочила съ мѣста.

Они отправились. Нужно было перейти съ галлерей женскихъ купаленъ къ галлерей мужскихъ купаленъ. Докторъ взялъ мадамъ Иванову подъ руку, а Николай Ивановичъ шелъ сзади. Онъ все еще слегка дотрагивался рукой до сердца и какъ-бы провѣрялъ себя,—колетъ у него гдѣ-нибудь или не колетъ.

Докторъ говорилъ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Сойтись, впрочемъ, вамъ съ моей теткой всеѣмъ на дружескую ногу будетъ трудно. Она стара, немножко брюзга, иногда сварлива, собачница. Очень любить собакъ и одну изъ нихъ привезла даже съ собой въ Біаррицъ. Кромѣ того, вы пetersбургская, а она москвичка.

— Ничего, ничего. Я люблю пожилыхъ женщинъ. Съ ними я чувствую себя лучше,—былъ отвѣтъ.

— Такъ вотъ, позвольте васъ познакомиться... Моя теть Софья Савельевна Закрѣпина.

Глафира Семеновна остолбенѣла. Передъ ней сидѣла та самая усатая старуха, которая ѣхала съ ними въ одномъ и томъ-же купѣ въ Біаррицъ, та самая, которую супруги приняли за французенку, а Глафира Семеновна обозвала „старой усатой вѣдьмой“, думая, что старуха не понимаетъ по-русски.

XXV.

Мадамъ Иванова и супругъ ея Николай Ивановичъ — мои добрые знакомые, — продолжалъ рекомендацію докторъ Потрашовъ.

Въ это время изъ-подъ накидки тетки Потрашова, старухи Закрѣпиной, выглянула косматая морда собаченки и заворчала.

Старуха тоже узнала Ивановыхъ, но нисколько не смутилась. Она ласково ударила собаченку по мордѣ и произнесла:

— Ну, чего? Ну, чего ты, глупый? Молчи. Черезъ тебя ужъ и такъ ссора вышла.

Затѣмъ, она протянула руку супругамъ Ивановымъ и сказала доктору:

— Представь, Миша, мы ужъ немного знакомы. Мы ѣхали сюда въ одномъ поѣздѣ и даже въ одномъ купѣ, но у насъ вышла маленькая ссора

изъ-за моей собаченки. Пренесноснѣйшій характеръ у моего пса.

— Да что вы!—воскликнулъ докторъ.—Супруги Ивановы и вы, тетя, кажется, такіе покладистые...

Глафирѣ Семеновнѣ въ это самое время пришла мысль свернуть все на собаку.

— Поссорились, поссорились, это вѣрно,—отвѣчала она.—Но тутъ было просто недоразумѣніе. Ваша тетя вздумала примѣнить къ себѣ слова, которыя я сказала про собачку, которая лежала на ея колѣняхъ и ворчала.

— Нѣтъ, нѣтъ, эти слова относились ко мнѣ—ну, да ужъ что тутъ, если вы хорошіе знакомые Миши! Будемъ знакомы,—проговорила старуха.—Конечно-же, вы были раздражены моей собаченкой, иначе-бы не сказали этихъ словъ. Разсердились на песика и вотъ мадамъ Иванова воскликнула про меня: „да уйдетъ-ли, наконецъ, эта усатая вѣдьма!“ или что-то въ родѣ этого,—пояснила старуха племяннику.

Глафира Семеновна покраснѣла и не знала, куда дѣть глаза.

— Увѣрю васъ, что эти слова относились къ вашей собачкѣ,—сказала она.

— Ну, да ужъ что тутъ!..—добродушно махнула рукой старуха.—Садитесь и давайте разговаривать. Вы сюда на долго?

— Да пока поживется,—отвѣчала Глафира Семеновна, ободряясь при ласковомъ взглядѣ усатой старухи, и прѣсѣла.

— Вотъ и я также. Буду жить скромно. Я фанфаронить не люблю. Вы тогда прямо въ Біаррицъ проѣхали?—спросила она супруговъ.

— Прямо.

— Ну, а я останавливалась по дорогѣ въ одномъ мѣстечкѣ... Какъ она станція-то? Тамъ у меня одна моя подруга дѣтства живетъ, тоже пенсіонерка... Давно ужъ живетъ. Переночевала у ней ночку и сюда... Вотъ сегодня утромъ и приѣхала. Съ собакой ужъ очень много по желѣзнымъ дорогамъ хлопотъ. Ахъ, сколько!—вздыхнула она.

— Напрасно вы, тетя, взяли ее,—сказалъ докторъ.

— Не могу я жить безъ нея! Понимаешь ты, не могу!

— Вы въ первый разъ здѣсь?—задала вопросъ Глафира Семеновна, чтобы что-нибудь спросить у старухи.

— Въ первый разъ здѣсь, хотя за границу часто ѣзжу... А здѣсь въ первый разъ. Сидѣла сейчасъ и смотрѣла на здѣшнихъ срамницъ-купальщицъ! Вѣдь это-же прямо выставка тѣлесъ.

— И мы съ женой не мало ужъ дивились,—вставилъ свое слово Николай Ивановичъ.

— Ну, для васъ-то, мужчинъ, это самое лакомое блюдо,—кивнула ему старуха.—У васъ, я думаю, и языкъ на сторону... Ну, что-жъ, будемте обозрѣвать городъ, — обратилась она къ Глафирѣ Се-

меновиѣ.—Вѣдь и вы, я думаю, не успѣли еще всего видѣть.

Почти что все видѣли.

Біаррицъ, тетя, не великъ и его весь въ теченіи двухъ часовъ пѣшкомъ обозрѣть можно,—сказалъ докторъ.—А вотъ побѣждайте вы завтра съ мадамъ Ивановой и ея супругомъ въ Байону. Завтра воскресенье—и тамъ въ циркѣ будетъ бой быковъ.

— Что? Чтобы я на бой быковъ поѣхала?—воскликнула старуха.—Ни за что на свѣтѣ! Я всякую животину люблю, а тутъ буду я смотрѣть какъ стануть быковъ бить! Да что ты меня за варварку считаешь, что-ли? Ни-ни...

— А развѣ завтра въ Байонѣ будетъ бой быковъ?—оживленно спросилъ Николай Ивановичъ.—Глаша! Надо ѣхать. Это вѣдь очень интересно. О боѣ быковъ я давно воображалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. На бой быковъ и я не поѣду. Что за кровожадность такая! Когда и курицу-то колютъ, такъ я вся содрогаюсь, а тутъ вдругъ смотрѣть на бой быковъ!

— Позвольте...—остановилъ разговоръ докторъ.—Въ сущности, завтра въ Байонѣ будетъ не бой, а только, такъ сказать, пародія на бой. Это просто комическое представленіе съ быками, а боемъ его только наши здѣшніе русскіе называютъ. Французы это представленіе зовутъ „Tournoi Taugomaslique Landais“. Какъ это перевести по-русски—не знаю, но такъ это представленіе значитъ на афишкѣ.

— Богъ съ нимъ!—махнула рукой старуха.

— Отчего-же, тетя, Богъ съ нимъ? Я былъ на этомъ представленіи прошлое воскресенье и хохоталъ до упаду. Совѣтую и вамъ посмотрѣть.

— Варварство.

— Ничуть. Крови вы не увидите ни капли, но вся обстановка настоящего боя быковъ. Тѣ-же красавцы-тореадоры въ своихъ костюмахъ... На нихъ бросаются быки, но они не бьютъ ихъ, а только увертываются отъ нихъ, продѣлывая удивительные приемы ловкости. Вы посмотрите только, тетя, какіе это молодцы!

При словахъ доктора „молодцы“ и „красавцы“ Глафира Семеновна начала сдаваться.

— Да поѣдемъ, пожалуй, Николай Ивановичъ, если тамъ нѣтъ ничего такого кровожадного и страшнаго,—сказала она мужу.

— Я, матушка, съ восторгомъ... Я всегда на такія представленія съ восторгомъ!—откликнулся мужъ.—Гдѣ что особенное, я съ превеликимъ удовольствіемъ... О такомъ представленіи всегда пріятно. рассказать знакомымъ, когда вернешься въ Россію.

— Ну, вотъ и отлично. И я съ вами поѣду,—проговорилъ докторъ:—Нужды нѣтъ, что я уже видѣлъ это представленіе въ прошлое воскресенье. Поѣдьте, тетя... Байона отсюда не такъ далеко... Всего только полчаса ѣзды по трамваю. Завтра воскресенье. Сначала вы побываете въ здѣшней русской церкви у обѣдни, потомъ позавтракаете

а послѣ завтрака всѣ соберемся у трамвая и въ путь.

Начала сдаваться и старуха Закрѣпина.

— Ты мнѣ только скажи одно: убійства не будетъ?—спросила она доктора.

— Никакого убійства. Какое тутъ убійство!

— И мучить животныхъ не будутъ?

— Ничего подобнаго. Но зато какую вы публику увидите! Если эта публика не испанская, то ужъ совсѣмъ испанистая. Передъ началомъ представленія кричать, стучать, торопятъ, чтобы начинали, подпѣваютъ оркестру, а если быкъ или тореадоръ оплошалъ, свистятъ въ ключи и швыряютъ въ нихъ яблоками. Пойдемте, тетя.

— Да пожалуй...—согласилась старуха.—Только ужъ я и песика моего съ собой возьму.

Ивановы торопились домой завтракать и стали прощаться съ докторомъ и старухой Закрѣпиной.

— Ну, будемъ знакомы, душечка. Мнѣ тоже пора завтракать,—ласково сказала Глафирѣ Семеновнѣ усатая старуха.—А когда вы меня хорошенько узнаете, то увидите, что по характеру я вовсе на вѣдьму не похожа.

— Да полноте... Что вы...—опять сконфузилась Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, нѣтъ... Съ виду я дѣйствительно злая. Видъ у меня не добродушный, но я собакъ люблю до безумія, а кто собакъ любитъ, тотъ не бываетъ золъ.

— Бросьте... Пойдемъ, Николай Иванычъ.

— Мое почтеніе...—раскланялся Николай Ивановичъ съ докторомъ и его теткой.—Докторъ, вы меня воскресили сегодня, убѣдивъ, что у меня внутри ничего нѣтъ болѣзненнаго. Считайте за мной бутылку шампанскаго. Въ Байонѣ выпьемъ.

Супруги уходили. Докторъ крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Если сегодня и завтра утромъ не удастся съ вами встрѣтиться, то знайте, что завтра ровно въ два часа мы васъ будемъ ждать у трамвая! Тамъ станціонной домикъ имѣется и можно сидѣть въ тѣни.

XXVI.

Было воскресенье. Супруги Ивановы выходили изъ русской церкви послѣ обѣдни и поразились тѣмъ количествомъ французскихъ нищихъ, которыхъ они встрѣтили на паперти и около паперти на авеню, идущемъ мимо церкви. Тутъ были хромыя, слѣпыя, безрукіе. Вдовы старухи съ подвязанными скулами совали Ивановымъ въ руки замасленные свидѣтельства о бѣдности. Мужчины на костыляхъ протягивали къ нимъ створки раковинъ, побрякивая лежащими на нихъ мѣдяками. И здѣшніе папертные нищіе, такъ же какъ на Плажѣ, были прилично одѣтые. Одинъ безногій молодой человѣкъ, очень красивый, былъ даже въ

красномъ галстукѣ шарфомъ, молодая дѣвушка блондинка, приведшая слѣпую старуху, имѣла на груди и въ волосахъ по розѣ, очень кокетливо приколотыхъ. Дамы, выходившія изъ церкви, очень усердно надѣляли нищихъ мѣдными монетами.

— Сколько русскихъ-то было въ церкви!—говорила мужу Глафира Семеновна.—Я никогда не могла себѣ представить, чтобъ здѣсь была такая большая русская колонія.

— Еще-бы... А сколько денегъ на блюдо-то клали! Московскій фабрикантъ сто франковъ положилъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ положилъ сто-франковый билетъ, когда староста съ блюдомъ шелъ. Оглотковъ далъ золотой. Мадамъ Оглоткова—тоже.

— А какіе костюмы-то! Вотъ куда одѣваются. Хорошо, что я свѣтлое шелковое платье надѣла и большую шляпку, — продолжала Глафира Семеновна. — Моя шляпка положительно произвела эффектъ. Даже длинноногая графиня на нее заглядѣлась.

— Шляпка двухспальная, по своей величинѣ, что говорить!—отвѣчалъ супругъ.

Передъ церковью, на тротуарѣ, остановились мужчины и дамы, вышедшіе послѣ обѣдни и отыскивающіе своихъ знакомыхъ. Когда супруги проходили мимо этой шеренги, ихъ окликнулъ докторъ Потрашовъ.

— Ъдемъ сегодня въ Байону?—спросилъ онъ.

— Ъдемъ, ъдемъ. А гдѣ ваша тетушка? Ее не

было видно въ церкви,—спросила Глафира Семеновна.

— Вообразите, не пошла. Говорить, что собаку не на кого оставить. Хотѣла поручить горничной корридорной, но собака укусила горничную.

— Какъ-же она въ Байону-то поѣдетъ?

— Вмѣстѣ съ собакой.

— Но вѣдь надо быть въ циркѣ.

— О, она и въ циркѣ будетъ держать ее на колѣняхъ. Вы не знаете, какая это собачница! У ней, кромѣ этой собаки, еще пять собакъ въ Москвѣ осталось,—разсказывалъ докторъ.

Часа черезъ два супруги Ивановы снова встрѣтились съ докторомъ у трамвая. Докторъ былъ съ теткою, а тетка съ собакой. Они уже ожидали супруговъ Ивановыхъ и сидѣли въ деревянной буточкѣ, выстроенной для укрытія публики отъ дождя и солнца. Поѣздъ трамвая еще не приходилъ. Николай Ивановичъ закурилъ папирску и сталъ разсматривать деревянные стѣны буточки, испещренныя карандашными надписями. Вдругъ онъ воскликнулъ:

— Балбесовъ! Мишка Балбесовъ былъ здѣсь въ Біаррицѣ.

— Кто такой?—спросилъ докторъ.

— Михаилъ Ивановичъ Балбесовъ. Мусорный подрядчикъ. Подрядчикъ по очисткѣ мусора и снѣга въ Петербургѣ. Вотъ его подпись: Мишель Балбесовъ. Какова цивилизація-то! Мусорщики русскіе по Біаррицамъ ѣздятъ. Надо расписаться

и мнѣ. Безъ этого нельзя. Пускай знаютъ, что и мы были.

Онъ вынулъ изъ кармана карандашъ и начерталъ на стѣнѣ:

„Николай Ивановъ съ супругой изъ Петербурга“.

— На Везувіи расписывались, въ Помпеѣ расписывались, въ Ватиканѣ расписывались, такъ какъ же въ Біаррицѣ-то нигдѣ не расписаться!— продолжалъ онъ.

— Везувій или желѣзнодорожная будка!— попробовала замѣтить жена.

— Плевать! Пускай насъ и на Везувіи и на Атлантическомъ океанѣ знаютъ.

Но вотъ подошли вагоны трамвая, вернувшіеся изъ Байоны и публика стала садиться въ нихъ. Вагоны были открытые и закрытые. Около нихъ бродили дѣвочки-цвѣточницы и продавали букетики фіалокъ, бѣлой и красной гвоздики. Онѣ такъ упрасивали поддержать ихъ коммерцію, что на просьбы ихъ нельзя было не согласиться. Супруги Ивановы и докторъ съ теткой, сѣвшіе въ открытомъ вагонѣ, чтобъ видѣть дорожные виды, мимо которыхъ придется проѣзжать, также украсились цвѣтами. Мужчины взяли красныя гвоздики въ петлички, а дамы букетики фіалокъ, при чемъ тетка Потрашова, мадамъ Закрѣпина, взяла два букетика. Одинъ изъ нихъ прикрѣпила къ ошейнику собаченки, говоря:

— О, эта собака также съ развитымъ вкусомъ.

Вы не повѣрите, какъ онъ любить цвѣты! Онъ не только нюхаетъ ихъ, но и ѣсть. Да вотъ вамъ... Бобикъ... Возьми...

Старуха Закрѣпина протянула своему песику фіалку. Онъ понюхалъ и тотчасъ-же сжевалъ ихъ. Старуха продолжала:

— Вы знаете, онъ вегетаріанецъ. Какъ это не странно вамъ покажется, но отъ мяса онъ отворачивается и положительно любитъ яблоки, груши и сливы. Надо вамъ сказать, что на святкахъ я дѣлаю моимъ собакамъ елку. Таковую-же елку, какую дѣлаютъ дѣтямъ. Украшаю ее свѣчами, фонариками, конфектами, пряниками и говядиной. Сырой говядиной, которую я привѣшиваю маленькими кусочками къ елкѣ. И что-же вы думаете? Другимъ моимъ собакамъ сырой говядины только подавай, а Бобка мой только конфекты, пряники и фрукты ѣсть, а къ говядинѣ не прикасается.

— Вы собакамъ елку дѣлаете?— удивилась Глафира Семеновна.

— Дѣлаю, душечка... И если-бы вы видѣли, какъ онѣ радуются на нее! Прыгаютъ, лаютъ.

Поѣздъ тронулся. Онъ ѣхалъ по морскому берегу. Простиралась необозримая ширь океана, на синевѣ которой виднѣлось бѣленькое пятнышко паруснаго судна, вышедшаго изъ впадающей близъ Байоны въ океанъ рѣки Адуръ. Но вотъ море загородила громадная гостинница Пале-Біаррицъ, приспособленная подъ номера изъ дворца бывшей французской императрицы Евгеніи, которая когда-то

здѣсь и проживала. Направо Отель Континенталь. Поѣздъ катить уже по улицѣ Королевы Викторіи. Слева опять показывается океанъ.

— Вотъ гдѣ Байона... — указываетъ докторъ своимъ спутникамъ въ морскую даль, по направленію къ мелькающему вдали судну.

Проѣхали мимо ослѣпительно бѣлѣющей на солнцѣ русской церкви. Вотъ ванны изъ маточнаго разсола—Термъ Салинь. Трамвай выходитъ на Байонскую дорогу. Сначала направо и налево пустырь съ надписями, что продаются участки земли. Попадается лѣсокъ, а за нимъ небольшіе домики-особнячки, очень веселенькіе, утопающіе въ зелени садиковъ. Это мѣстность, называемая Англе. Здѣсь поѣздъ останавливается и забираетъ пассажировъ, ожидавшихъ его въ такой-же буточкѣ, какъ и въ Біаррицѣ. И здѣсь слѣпые нищіе. Одинъ убійственно гнуситъ на кларнетѣ, другой пилитъ на скрипкѣ. Опять дѣвочки съ цвѣтами. Англе—поль-дороги. Поѣздъ продолжаетъ путь и ужъ бѣжитъ по старой Испанской дорогѣ. То тамъ, то сямъ между огородами встрѣчаются полуразвалившіеся жалкіе домики, около которыхъ стоятъ обыватели въ синихъ праздничныхъ туго накрахмаленныхъ блузахъ и покуриваютъ трубки. Женщины въ высокихъ бѣлыхъ чепцахъ, въ пестрыхъ передникахъ и со сложенными на животахъ руками, стоящіе около блузниковъ, тупо смотрятъ на мчавшійся поѣздъ.

— Сейчасъ Байона... — проговорилъ докторъ, указывая на шпиль церкви, выглянувшій изъ-за деревьевъ.

XXVII.

ТРАМВАЙ, соединяющій Біаррицъ съ Байоной, имѣетъ свой конечный пунктъ въ самомъ центрѣ Байоны на площади, но супруги Ивановы и докторъ Потрашовъ съ своей теткой туда не поѣхали. Имъ нуженъ былъ циркъ, а циркъ находился, не доѣзжая Байоны, и по указанію доктора, всѣ они вышли изъ вагона въ паркѣ, прилежащемъ къ городу.

— Придется сдѣлать съ полъ-версты въ сторону, — сказалъ докторъ.

И они двинулись по прекрасной каштановой аллеѣ съ побурѣвшими и пожелтѣвшими уже листьями. Кое-гдѣ стояли совсѣмъ уже голыя бѣлыя акаціи и эвкалиптусы, рано теряющіе свой листь. Аллея парка была переполнена гуляющими по случаю воскреснаго дня. Публика была большей частью изъ простонародья. Были женщины, дѣти, мужчины. Женскихъ шляпокъ почти совсѣмъ было не видно. Женщины имѣли у себя на головахъ черныя чепцы или были повязаны шелковыми платками, концами назадъ, какъ повязываются наши русскія бабы.

Дѣвушки вовсе безъ головнаго убора, съ живыми цвѣтами въ волосахъ и съ зонтиками въ рукахъ. Мужчины были почти всѣ съ бритыми бородами и въ черныхъ праздничныхъ сюртукахъ и черныхъ фетровыхъ шляпахъ. Попадались и синія накрахмаленныя блузы бѣдныхъ рабочихъ. Дѣти были съ обручами въ рукахъ, съ бильбоке. Мальчики пронзительно свистали въ свистульки.

На стволахъ деревьевъ, то тамъ, то сямъ, были наклеены цвѣтныя афиши съ изображеніемъ быковъ и тореадоровъ. Мальчики-афишеры раздавали маленькія программы цирковаго представленія съ быками и кричали рѣзкими голосами:

— Въ три часа! Ровно въ три часа! Сегодня въ три часа! Большое представленіе!

Вмѣстѣ съ супругами Ивановыми, докторомъ и его теткой тянулись по аллеѣ и другіе, пріѣхавшіе изъ Біаррица, ради цирка. Шло англійское семейство, состоящее изъ двухъ мужчинъ и трехъ дамъ— всѣ въ бѣломъ отъ ботинокъ до шляпъ и съ зелеными вуалями на шляпахъ. Супруговъ обгоняли велосипедисты, спѣшившіе въ циркъ, проѣхалъ громаднѣйшій шарабанъ изъ біаррицкаго Грандъ-Отеля, нагруженный пассажирами, съ кучеромъ въ черной лакированной шляпѣ и въ красной курткѣ и егеремъ, пронзительно трубящимъ въ длинный рогъ.

Но вотъ изъ-за деревьевъ показалось и зданіе цирка, убранное флагами. Вокругъ цирка стояло нѣсколько переносныхъ буточекъ, гдѣ продавались билеты въ циркъ. Шныряли и коммисіонеры, про-

дающіе билеты съ рукъ и назойливо пристающіе къ публикѣ.

— Дорогихъ билетовъ на мѣста не слѣдуетъ брать, — сказалъ докторъ, когда они подошли къ цирку. — Ближе къ аренѣ такъ еще, того и гляди, быкъ можетъ въ мѣста вскочить. Говорятъ, бываетъ это. Я былъ здѣсь въ прошлое воскресенье и видѣлъ, какъ разъяренный быкъ сломалъ перегородку, за которой помѣщались ложи. Сидѣвшія тамъ дамы закричали, произошла паника...

— Еще-бы не кричать дамамъ, если быкъ въ ложу лѣзетъ, — замѣтила Глафира Семеновна.

— Слѣдовательно и надо брать отъ арены подальше. Подальше, но чтобы мѣста на тѣневой сторонѣ были. Здѣсь на тѣневой сторонѣ мѣста вдвое дороже, чѣмъ на солнечной. Я возьму мѣста по пяти франковъ. Въ прошлое воскресенье я сидѣлъ въ нихъ, и все было видно отлично, — пояснялъ докторъ и подошелъ къ кассѣ.

Тетка его и супруги Ивановы стали его поджидать. Ихъ тотчасъ-же окружили мальчики съ корзинками и дѣвочки съ кувшинами и цвѣтами въ рукахъ. Они предлагали конфеты за пять сантимовъ штука, свѣжую воду, фіалки и гвоздику. Лѣзъ рослый блузникъ въ высокомъ картузѣ и совалъ дамамъ связку цвѣтныхъ летучихъ шаровъ. Женщина-торговка въ короткомъ полосатомъ платьѣ и синихъ чулкахъ навязывала яблоки и груши, наложенныя въ корзинѣ.

— Готово, — сказалъ докторъ, возвращаясь отъ

Н. А. Лейкинъ.

кассы, потрясая билетами, и повелъ супруговъ въ циркъ.

Пришлось подниматься по деревянной лѣстницѣ въ третій этажъ.

— Николай Ивановичъ, я боюсь, — проговорила Глафира Семеновна, обращаясь къ мужу.

— Чего, другъ мой?..

— А какъ-бы быкъ не вскочилъ къ намъ въ мѣста.

— Ну, вотъ... Докторъ-же нарочно взялъ для насъ мѣста подальше отъ арены.

Опасалась и докторова тетка, взбираясь по лѣстницѣ съ собаченкой на рукахъ.

— Я тоже побаиваюсь, но за своего Бобку, чтобы онъ не испугался быковъ, — сказала она. — Ревутъ они, эти самые быки? — спросила она племянника.

— Безъ малѣйшаго звука, тетушка, — отвѣчалъ докторъ. — Да и какой тамъ ревъ можетъ быть слышенъ! Вы посмотрите, какъ публика кричитъ во время представленія. Всякій ревъ заглушится.

Они вошли съ лѣстницы въ мѣста и передъ ними открылась громадная арена безъ крыши, вокругъ которой шли амфитеатромъ мѣста. Въ мѣстахъ уже кишѣлъ народъ. Въ дешевыхъ мѣстахъ виднѣлось множество солдатъ въ кэпи, черезъ скамейки то тамъ, то сямъ перелѣзали мальчишки-подростки. Торчали головы окрестныхъ крестьянъ съ гладко бритыми подбородками. Нѣкоторые изъ этого сорта публики, такъ какъ дешевыя мѣста были на солнцѣ, успѣли уже снять съ себя сюр-

Подъ южными небесами.

туки и сидѣли въ однихъ жилетахъ. Дешевые вѣера такъ и мелькали въ воздухѣ. И здѣсь, между скамейками, шныряли продавщицы конфетъ, холодной воды и цвѣтовъ.

Публика все прибывала и прибывала. Взоры всѣхъ были устремлены на выходъ изъ конюшенъ, задрапированный краснымъ сукномъ и національными флагами, откуда должны быть выпущены быки, и на другой, такой-же, также задрапированный, изъ котораго должны показаться тореадоры. Публика отъ нетерпѣнія топала ногами, мальчишки посвистывали въ пальцы и ключи.

Николай Ивановичъ взглянулъ на часы. Было безъ четверти три. Глафира Семеновна навела бинокль и стала смотрѣть въ мѣста. Въ циркѣ былъ весь Біаррицъ. Вотъ супруги Оглотковы. Они сидѣли въ мѣстахъ *d'aficionados*—самыхъ дорогихъ, находящихся у самаго барьера и предназначенныхъ для любителей бычьяго спорта *courses Landaises*. По правую и по лѣвую сторону отъ нихъ помѣщался кружокъ англичанъ въ шляпахъ съ зелеными вуалами и съ вѣерами. Въ просторной ложѣ (*palcos*) сидѣла, развалиясь въ креслѣ, испанка-наѣздница, поражавшая всѣхъ своей необъятной величины шляпой съ цѣлой пирамидой цвѣтовъ. Она пріѣхала съ французскимъ гусарскимъ полковникомъ. Онъ сидѣлъ противъ нея и держалъ на колѣняхъ открытую большую бомбоньерку съ конфетами. Въ другой такой-же ложѣ находился московскій фабрикантъ Плеткинъ съ своими прихлебателями.

Докторъ Потрашовъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Приѣхалъ-таки, а я звалъ его — не хотѣлъ ѣхать. „Что, говоритъ, два воскресенья подъ-рядъ по одному мѣсту слоняться“. Должно быть, льстецы уговорили.

Но болѣе всего были заняты русскими мѣста въ balconcillo, гдѣ помѣщались и супруги Ивановы съ докторомъ и его теткой.

Николай Ивановичъ прочелъ крупную надпись названія мѣстъ, гдѣ сидѣла ихъ компанія, и сталъ повторять его.

— Бальконцилло, бальконцилло... Какъ-бы не забыть. Хорошее, круглое слово... Его хорошо въ письмо ввернуть, когда буду писать отсюда знакомымъ,—сказалъ онъ.

— Это по-испански. Здѣсь всѣ мѣста въ циркахъ называются по-испански. И въ Байонѣ, и Фонтарабін,—замѣтилъ докторъ.

— Вотъ оттого-то я его и запоминаю. Пріятно въ письмѣ испанское словечко ввернуть.

Въ значительно уже заплонившей мѣста публикѣ постукиванія ногами все усиливались и усиливались и, наконецъ, превратились въ страшный громъ. Кромѣ каблуковъ, пошли въ ходъ палки. Мальчишки и подростки начали свистать въ пальцы и свистульки. Вынули и взрослые изъ кармановъ свои ключи и засвистали въ ключи. Женщины въ дешевыхъ мѣстахъ начали махать платками. Нептерпѣніе было полное. Всѣ требовали, какъ можно

скорѣй, представленія, но двери задрапированныхъ выходовъ изъ конюшенъ и уборныхъ артистовъ попрежнему были заперты. Крики и свистъ превратились во что-то ужасное. Бобка на колѣняхъ тетки доктора Закрѣпиной сначала жалобно залалялъ, а потомъ началъ выть. Старуха не знала, какъ и успокоить собаку.

Но вотъ грянулъ военный оркестръ. Онъ игралъ какой-то маршъ. Публика сначала немного поутихла, но тотчасъ-же начала подпѣвать въ тактъ подъ музыку и въ тактъ-же стучала палками въ деревянный полъ мѣстовъ.

— Въ родѣ ада какого-то,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Погодите, то-ли еще будетъ, когда представленіе начнется!—отвѣчалъ докторъ. — Теперь зрители только нетерпѣніе выражаютъ, а потомъ будутъ восторгъ выражать.

Но вотъ дверцы изъ актерскихъ уборныхъ отворились и публика замерла.

XXVIII.

ИЗЪ отворенныхъ дверей начали выходить подъ музыку тореадоры въ пестрыхъ костюмахъ. Они шли попарно; дойдя до половины арены, пары дѣлились. Одинъ сворачивалъ направо, другой налево и останавливался на предназначен-

номъ ему мѣстѣ. Ихъ вышло двѣнадцать. Это были все бравые молодцы, не старше тридцати лѣтъ, статные, въ большинствѣ красавцы собой, въ усахъ или по испанской модѣ съ маленькими бакенбардами запытой, начинающейся около уха и кончающейся у начала нижней челюсти, брюнеты на подборъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, можетъ быть для контраста, былъ маленькій, сильно сутуловатый, почти горбунъ, кривобокій и съ выдавшеюся впередъ челюстью. Всѣ тореадоры были одѣты въ испанскіе костюмы, но костюмы эти одинаковы не были. Черная бархатная куртка преобладала, но одни были въ чулкахъ и короткихъ панталонахъ, другіе въ широкихъ бѣлыхъ панталонахъ до щиколки. У одного изъ нихъ куртка была темно-зеленая и сплошь испещренная золотыми позументами. Почти всѣ имѣли красные шелковые широкіе пояса, шарфомъ оканчивающіеся сбоку. Головной уборъ состоялъ или изъ цвѣтной испанской фуражки безъ козырька или изъ яркаго краснаго шелковаго платка, которымъ была туго повязана голова, съ концами, торчащими на затылкѣ. У тореадора, одѣтаго въ куртку съ золотыми позументами, висѣла въ лѣвомъ ухѣ великолѣпная длинная брилліантовая серьга. Выходъ былъ торжественный, встрѣченный громкими аплодисментами изъ мѣстъ. Очевидно, тутъ были и фавориты публики, потому что при аплодисментахъ выкрикивались и фамиліи тореадоровъ съ одобрительными возгласами „браво“. Размѣстившись на своихъ мѣстахъ по всей

аренѣ, на разстояніи другъ отъ друга саженьяхъ въ четырехъ, тореадоры начали кланяться публикѣ на всѣ четыре стороны. Новый взрывъ рукоплесканій.

— Теперь будутъ выпускать быковъ,—сообщилъ докторъ.

Глафира Семеновна вся дрожала и нервно шевелила губами.

— Вы мнѣ только скажите: будутъ убивать быковъ или не будутъ? Если съ убійствомъ, то я не могу сидѣть, я уйду, уйду изъ мѣстовъ,—говорила она доктору.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Ну, посмотрите на тореадоровъ... Чѣмъ они могутъ убивать, если у нихъ никакого оружія нѣтъ въ рукахъ. Ихъ задача будетъ только ускользать отъ нападающихъ на нихъ быковъ, показывать свою ловкость и изворотливость. Представленія, гдѣ быковъ убиваютъ, называются *courses espagnoles*, а это *courses Landaises*. Эти *courses de taureaux* ничего не представляютъ изъ себя страшнаго, жестокаго, а напротивъ, очень комичны, и вы будете хохотать.

— Ну, то-то...—проговорила старуха Закрѣпина.—А то и я уйду. Я старый членъ общества покровительства животнымъ, и мнѣ совсѣмъ не подобаетъ на кровавыя зрѣлища смотрѣть.

— Успокойтесь, тетенька, успокойтесь. Доброе сердце ваше не омрачатъ жестокостью,—успокоилъ докторъ старуху.

Между тѣмъ, распахнули выходъ и изъ помѣще-

нія быковъ. Быкъ долго не показывался, но наконецъ выбѣжалъ, задеря хвостъ кверху въ формѣ французской буквы S. Это былъ темно-рыжій быкъ съ цѣлой копной шерсти, свѣшивающейя ему на глаза. Онъ былъ на веревкѣ, привязанной къ его рогамъ, конецъ которой держалъ старикъ въ бѣлыхъ панталонахъ, красной курткѣ и въ фетровой черной широкополой шляпѣ на головѣ. Это „экартеръ“, какъ зовутъ его въ циркахъ. Онъ всегда выбирается изъ лучшихъ и самыхъ опытныхъ тореадоровъ. Старикъ еле успѣлъ выбѣжать за быкомъ и, ужъ будучи на аренѣ, дернулъ быка съ такой силой за веревку, что быкъ остановился. Старикъ-экартеръ тотчасъ-же ослабилъ ему веревку. Остановясь, быкъ поводилъ глазами и смотрѣлъ направо и налѣво, выбирая между тореадорами жертву, на которую ему кинутся. А тореадоры въ это время тоже не спускали съ быка глазъ и помахивали передъ нимъ носовыми платками. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, въ зеленой курткѣ съ позументами, подошелъ къ быку, на разстояніе двухъ сажень, остановился прямо передъ его глазами, поднялъ руки кверху и припрыгнулъ передъ нимъ, очевидно, чтобы обратить на себя вниманіе быка. Быкъ нагнулъ голову, приготовляясь принять противника на рога, и ринулся на него.

Публика замерла, Глафира Семеновна взвизгнула, зажмурилась и схватила мужа за рукавъ. Но тореадоръ успѣлъ отскочить въ сторону и быкъ, не попавъ въ него рогами, пробѣжалъ мимо, уда-

рившись рогами въ барьеръ цирка. Раздались рукоплесканія, награждающія ловкаго тореадора.

Быкъ ходилъ по аренѣ и отыскивалъ новую жертву. Тореадоры, не спуская съ него глазъ, пятились отъ него, нѣкоторые, съ которыми быкъ равнялся, перескакивали черезъ барьеръ, прятались за загородкой, прикрывающей человѣка по грудь, и выставивъ оттуда голову и руки, разъяряли быка, махая передъ нимъ платкомъ. Вдругъ быкъ ринулся въ сторону и понесся на неприготовившагося къ нападенію горбуна. Тотъ побѣждалъ отъ быка къ загородкѣ, но чувствуя, что быкъ его настигнетъ, мгновенно свалился, упавъ быку подъ ноги.

— Ахъ, ахъ! Боже мой!—закричала старуха Закрѣпина, сжимая своего Бобку до того, что тотъ завизжалъ.

Но страхъ Закрѣпиной былъ напрасенъ. Разбѣжавшійся быкъ не могъ сразу остановиться, перескочилъ черезъ горбуна, и когда успѣлъ обернуться, горбуна уже не было на мѣстѣ. Горбунъ вскочилъ и отбѣжалъ къ барьеру на противоположную сторону. Громъ рукоплесканій. Быкъ остановился и искалъ горбуна. Передъ глазами быка выступилъ и остановился передъ нимъ, помахивая своей красной испанской фуражкой, тореадоръ въ черной курткѣ съ двумя медалями на красной и зеленой лентахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ съ красными стрѣлками у щиколокъ. Быкъ нагнулъ голову и ринулся на него. Тореадоръ подпустилъ его къ себѣ и въ

то время, когда быкъ хотѣлъ поднять его на рога, припрыгнулъ и перескочилъ черезъ быка вдоль всего туловища, остановившись у хвоста. Скачекъ былъ ловокъ до поразительности. Быкъ домчался до барьера и ударился въ него рогами, отошелъ отъ барьера и сталъ ногой рыть землю на аренѣ. Разъяренъ онъ былъ ужасно. На губахъ его показалась пѣна. Онъ фыркалъ. Тореадоры начали спасаться. Передъ глазами неистовствующей отъ рукоплесканій публики замелькали бѣлые панталоны тореадоровъ, натянутыя на бедра. Они перепрыгивали за барьеръ.

— Вотъ когда вспать-то пошли,—сказалъ Николай Ивановичъ доктору.—Спины начали показывать. Смотрите, сколько спинъ и бѣлыхъ штановъ. Такъ и взлетаютъ за перегородку. Для дамъ такія картины совсѣмъ уже не казисты.

Быкъ продолжалъ стоять разъяренный и рылъ передними ногами землю. Экартеръ, чтобы умѣрить его ярость, держалъ его за веревку, но быкъ обернувшись замычалъ и бросился на самого экартера. И старику экартеру пришлось перепрыгнуть черезъ барьеръ.

Публикѣ это не понравилось. Сейчасъ восторгавшаяся, она вознегодовала и начала свистать. Пошли свистки въ ходъ, ключи. Мальчишки закричали кукареку.

— Трусy! Трусy! Проклятые трусy!—раздалось изъ мѣстъ.

На арену полетѣло нѣсколько яблочныхъ обѣдковъ.

Тореадоры начали вылѣзать изъ-за барьера, но не отходили отъ него и держались за него руками, каждую минуту готовясь перепрыгнуть обратно.

Ругательства не смолкали. Вдругъ отъ барьера отдѣлился усатый тореадоръ въ черной курткѣ и мавританскихъ золотыхъ серьгахъ въ видѣ крупныхъ колецъ, подбросилъ вверхъ свою синюю фуражку и стремительно пошелъ на быка. Быкъ, увидавъ тореадора, бросился на него. Въ ту-же секунду тореадоръ остановился, подпрыгнулъ, перескочилъ черезъ быка и, мало этого, побѣждалъ еще за быкомъ въ догонку, нагналъ его, когда тотъ билъ рогами барьеръ, схватилъ за хвостъ и изъ всей силы рванулъ этотъ хвостъ. Рванулъ тореадоръ быка за хвостъ такъ сильно, что быкъ тотчасъ-же упалъ на переднія колѣна.

Эффектъ былъ потрясающій. Публика отъ свистковъ и ругательствъ снова перешла къ аплодисментамъ и неистовствовала. Въ дешевыхъ мѣстахъ летѣли въ воздухъ шляпы, фуражки, женщины подбрасывали свои вѣера, махали платками, зонтиками.

Когда быкъ поднялся съ колѣнъ и сталъ искать глазами своего противника—противника на аренѣ уже не было. Торжествующій стоялъ онъ на барьерѣ и раскланивался.

Летучіе поцѣлуи летѣли и изъ мѣстъ, посылаемые женщинами красивому и статному тореадору.

Даже испанка-наѣздница, сидѣвшая въ ложѣ съ французскимъ гусаромъ, и та не утерпѣла и когда тореадоръ обернулся въ ея сторону, приложила кончики пальцевъ обѣихъ рукъ къ своимъ губамъ и, чмокнувъ ихъ, послала сочный летучій поцѣлуй.

Глафира Семеновна это тотчасъ-же замѣтила, тронула доктора за рукавъ и сказала:

— Смотрите, смотрите, какая срамница. И это при своемъ-то собственномъ гусарѣ!

— Испанка... А у нихъ на бычйихъ представленіяхъ, очевидно, это принято,—отвѣчалъ докторъ.— Видите, не одна она. Тутъ сотни такихъ.

Дальнѣйшіе эксперименты съ быкомъ были излишни. Отворились двери, ведущія въ помещеніе быковъ, экартеръ бросилъ веревку. Быкъ, почувствовавъ свободу и видя входъ въ стойла открытымъ, предпочелъ кормъ дракѣ и побѣждалъ къ себѣ въ стойло.

XXIX.

СЕЙЧАСЪ второго быка выпустятъ,—сообщилъ докторъ Потрашовъ своей компаніи.—Ну, какъ вамъ нравится это бычье представленіе? обратился онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Да ничего...—отвѣчала та апатично. — А только въ немъ нѣтъ ничего смѣшнаго.

— Погодите... Смѣшное будетъ еще впереди. Это когда четвертаго быка выпустятъ. Четвертый быкъ предназначенъ не для профессиональных тореадоровъ... а для любителей изъ публики. Вѣдь это все профессиональные... Они прежде всего акробаты хорошіе и переѣзжаютъ изъ города въ городъ, гдѣ происходятъ представленія съ быками. Въ прошломъ мѣсяцѣ были представленія въ Фонтарабіи... Это верстахъ въ сорока отсюда... Въ началѣ августа были представленія въ Санъ-Себастьяно. Тамъ были и два настоящихъ боя быковъ, — рассказывалъ докторъ.

Но вотъ на аренѣ показался второй быкъ. Животное также было на веревкѣ и вышло очень степенно. Николай Ивановичъ, какъ увидалъ, такъ сейчасъ и закричалъ:

— Батюшки! Да это вовсе не быкъ, это корова! Вонъ и вымя у нея.

— Корова и то, — согласился докторъ.

— Но вѣдь это же фальсификація выпускать супругу быка, если продаютъ билеты на быковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это всегда бываетъ, если course Landaise. Непремѣнное условіе, чтобы были быки и коровы. Такъ было и на представленіи прошлаго воскресенья.

— Madame la Vache... — произнесъ кто-то сзади супруговъ Ивановыхъ.

— Ну-съ, мадамъ корова, что-то вы теперь намъ покажете? — проговорила Глафира Семеновна, улыбаясь.

— Къ сожалѣнію, ничего новаго. Все то-же, что вы уже видѣли при первомъ быкѣ. Эти представленія удивительно однообразны. Что одинъ быкъ, что другой, что третій—все одно и то-же. Развѣ какія случайности... Но мы должны дожидаться четвертаго быка—для любителей изъ публики. Его выпустятъ безъ веревки, но зато на рогахъ у него будутъ надѣты резиновые чехлы съ толстыми шарами, такъ что своими рогами онъ никакого вреда сдѣлать не можетъ. Развѣ только сбить съ ногъ... Но на аренѣ мягко. Вотъ когда выдѣлятся любители изъ публики, тутъ много смѣшныхъ сценъ.

А корова эта была, какъ и быкъ, темно-рыжая, ходила медленно по аренѣ и то и дѣло подскакивала къ тореадорамъ, чтобы хватить ихъ рогами, но тѣ ловко увертывались отъ нея и издали помахивали ей концами красныхъ поясовъ, красными фуражками, стараясь раздражить ее еще болѣе. Но корова, однако, въ ярость не приходила, а напротивъ, нѣсколько успокоилась, остановилась и тупо смотрѣла на тореадоровъ, какъ-бы размышляя, стоитъ-ли ей нападать на людей. Вдругъ одинъ изъ тореадоровъ забѣжалъ коровѣ въ тылъ и дернулъ ее за хвостъ. Тутъ корова поднялась на дыбы. Быстро опустившись снова на переднія ноги, она обернулась, но тореадора, схватившаго ее за хвостъ, уже не было около нея. Она начала мотать головой и замычала. Горбатенькій тореадоръ подскочилъ почти вплотную къ ея мордѣ и растопырилъ руки. Она наклонила голову, чтобы поднять его на рога.

Онъ привскочилъ, хотѣлъ перепрыгнуть ей черезъ голову, но такъ какъбылъ въ широкихъ панталонахъ до щиколокъ, задѣлъ панталонами за рогъ коровы и грузно рухнулся около нея на землю. Тореадоры, видя это, тотчасъ-же бросились отвлекать корову отъ упавшаго товарища и подскочили къ ней почти вплотную. Горбатенькаго тореадора она оставила, но бросилась къ тореадору съ мавританскими серьгами въ ушахъ. Тотъ отскочилъ въ сторону. Корова быстро обернулась, нашла отползающаго къ барьеру горбатенькаго тореадора (оказалось, что при паденіи онъ ушибъ себѣ ногу) и ударила его рогомъ въ бедро. Экартеръ укорачивалъ веревку, на которой была привязана корова, но было уже поздно. Бѣлые панталоны горбатенькаго тореадора оросились кровью. Онъ хотѣлъ подняться на ноги, но не могъ и упалъ. Товарищи подбѣжали къ нему, подняли его и понесли въ уборную.

Публика, недовольная неловкостью тореадора, свистала, шикала, вопила, посылала ругательства. На арену изъ дешевыхъ мѣстъ летѣли черезъ головы зрителей объѣдки яблоковъ.

Все это совершилось очень быстро. Дамы, видя удары, нанесенные горбатенькому тореадору, ахнули и зажмурились отъ испуга. Глафира Семеновна и сейчасъ еще сидѣла, закрывъ лицо руками, и спрашивала:

— Убила его корова? Убила? Неужели она его убила? Ахъ, несчастный!

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Она ударила его въ бедро,

въ мягкое мѣсто, — отвѣчалъ докторъ. — Развѣ только при своемъ паденіи онъ могъ вывихнуть себѣ ногу.

— Вѣдь горбунъ... И какъ такому горбуну полиція позволяетъ въ такихъ представленіяхъ участвовать! Развѣ онъ можетъ прыгать, какъ слѣдуетъ, при такой уродливости! — вопіяла старуха Закрѣпина. — Изъ-за того, что онъ горбунъ, все это и произошло.

А тореадоры, отнесшіе раненаго товарища въ уборную, возвращались уже снова на арену. Представленіе продолжалось. Спрятавшійся отъ разъяренной коровы за барьеръ экартеръ удлинялъ ей веревку, но корова не отходила отъ барьера и ждала, когда онъ самъ оттуда вылѣзетъ, чтобы принять его на рога. Дабы отвлечь корову отъ экартера, одному изъ тореадоровъ опять пришлось дернуть ее за хвостъ. Она обернулась и, задравъ хвостъ палкой, быстро побѣжала вокругъ арены, ища противника, но тореадоры быстро попрятались одинъ за другимъ за барьеръ. То и дѣло мелькали ихъ торсы, перебрасывающіеся за спасительную перегородку.

Публикѣ это не понравилось. Опять начались свистки, шиканье... Нѣсколько человѣкъ завывало. Кто-то мяукалъ. Двое-трое кричали пѣтухомъ. Слышались возгласы „трусы“. На арену вылетѣла пустая бутылка.

Николай Ивановичъ сидѣлъ и бормоталъ:

— Вотъ такъ корова! Быку носъ утерла. Гос-

пода тореадоры боятся на нее и выходить. Попрятались, какъ тараканы въ щели.

Корова, обѣжавъ два раза вокругъ арены, остановилась и рыла раздвоеннымъ копытомъ землю. Тореадоры начали вылѣзать изъ-за барьера и размѣстились по аренѣ. Къ коровѣ подбѣжалъ статный тореадоръ въ мавританскихъ серьгахъ, остановился саженьяхъ въ трехъ отъ нея и, распоясавъ свой широкій красный поясъ, сталъ потрясать имъ передъ коровой. Корова стремительно бросилась на тореадора въ мавританскихъ серьгахъ, но онъ увернулся и она пробѣжала мимо. Къ ней подскочилъ тореадоръ въ зеленой курткѣ съ позументами и сталъ манить ее къ себѣ пальцами, не спуская съ нея глазъ. Она бросилась на него. Онъ перескочилъ ей черезъ голову. Корова кинулась на третьяго тореадора. Тотъ бросился ей подъ ноги и уронилъ ее. Она споткнулась объ него, упала на переднія колѣна, повалилась на бокъ. Тореадоръ выскользнулъ изъ-подъ нея, поднялся, далъ ей ногой пинка въ бокъ и быстро отскочилъ въ сторону.

Сейчасъ только негодующая публика отъ этихъ маневровъ пришла въ неописанный восторгъ. Раздался громъ рукоплесканій. Крики „браво“ слились въ какой-то ревъ. На сцену полетѣли букетики цвѣтовъ. Дамы махали вѣерами, платками, зонтиками. Тореадоры раскланивались, прижимая руки къ сердцу, посылая воздушные поцѣлуи. Испанка-наѣздница поручила гусарскому офицеру

передать тореадорамъ свою бомбоньерку съ конфетами, что тотъ и сдѣлалъ.

Корова поднялась на ноги и смотрѣла на двери, ведущія въ стойла. Она чувствовала себя побѣжденной и успокоилась. Двери въ стойла отворились. Вережка, на которой была привязана корова, брошена экартеромъ на землю, и корова помчалась въ стойло. Экартеръ въ красной курткѣ, переваливаясь съ ноги на ногу, направился за ней.

— Но вѣдь въ сущности все это очень однообразно,—говорила Глафира Семеновна.—Что выдѣлывали съ быкомъ, то выдѣлывали и съ коровой. Неужели и при третьемъ быкѣ то-же самое будетъ?—спросила она доктора.

— Конечно, то-же самое. Впрочемъ, здѣсь это любить и однообразіемъ не стѣсняются,—отвѣчалъ докторъ.—Теперь вотъ подождемъ быка, предназначеннаго для любителей изъ публики,—прибавилъ онъ.

XXX.

НО ВОТЪ показалось третье животное. Это былъ опять быкъ, но представленіе съ нимъ далеко не напоминало представленія съ его предшественниками. Онъ былъ блѣдно-сѣрой шерсти съ какимъ-то даже розоватымъ оттѣнкомъ. Выбѣжалъ онъ довольно быстро, такъ что экар-

терть, державшій его на веревкѣ, еле успѣвалъ за нимъ. Оббѣжавъ арену, быкъ остановился, нагнувъ голову и сталъ подбирать обѣдки яблоковъ, брошенныхъ на арену, и ѣсть ихъ. Торeadоры подскочили къ нему и стали его дразнить, помахивая платками и поясами, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и продолжалъ подбирать куски яблоковъ. Въ публикѣ слышался смѣхъ и ропотъ. Торeadоры пустили въ ходъ дерганье за хвостъ быка, но быкъ только обернулъ голову, махнувъ по ихъ направленію рогами и, въ довершеніе всего, добродушно легъ на мягкую постилку арены. Сначала публика разразилась хохотомъ, но потомъ затопала ногами, застучала палками, зашипѣла, засвистала и закричала:

— Вонъ его! Вонъ! Убрать быка!

Раздавались возгласы:

— Убить его! Повѣсить! Смерть быку!

Экартеръ дернулъ за веревку, но быкъ не поднимался и продолжалъ пережевывать жвачку своимъ слюнявымъ ртомъ.

— Вотъ такъ быкъ! Вотъ такъ представленіе! Онъ вовсе и не желаетъ вступать въ драку. Онъ смириѣе овцы!—вскричалъ Николай Ивановичъ.

— Такъ и надо, такъ и слѣдуетъ... Молодецъ бычекъ... Съ какой стати драться!—говорила старуха Закрѣпина.—Неправда-ли, душечка?—обратилась она къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— По моему, это самое лучшее представленіе,—отвѣчала та со смѣхомъ.

А публика уже ревѣла, требуя удаленія быка. Тореадоры испробовали всѣ средства, чтобы раздражить его, но онъ хотя и поднялся, а на помахиванія передъ нимъ платками отвѣчалъ только помахиваніемъ головой. Наконецъ, была отворена дверь въ стойло и быкъ быстро скрылся съ арены.

Предстояло представленіе съ четвертымъ быкомъ предназначавшимся для игръ съ нимъ публики. Тореадоръ въ темно-зеленой курткѣ съ золотымъ шитьемъ поднялъ голову кверху и жестами сталъ приглашать изъ мѣстъ желающихъ принять участіе въ упражненіяхъ съ быкомъ. Изъ верхнихъ мѣстъ тотчасъ-же начали спускаться на арену, перелѣзая черезъ многочисленныя загородки, молодые парни въ пиджакахъ и испанскихъ фуражкахъ, солдаты въ красныхъ панталонахъ, блузники. Перелѣзъ и какой-то старикъ въ черномъ сюртукѣ и цилиндрѣ. Они снимали пиджаки и мундиры и складывали ихъ у барьера. Нѣкоторые снимали и фуражки. Старикъ—это былъ сухощавый старикъ безъ бороды и усовъ, тщательно выбритый, съ сѣдой щетиной на головѣ, сдалъ свой цилиндръ кому-то въ ложу на храненіе. Одинъ рыжеватый парень снялъ съ себя даже жилетъ и сапоги и очутился босикомъ. Изъ мѣстъ вышло человѣкъ десять. Имъ аплодировали. Аплодисменты увлекли рыжеватаго парня. Онъ ловко перекувырнулся и сталъ ходить по аренѣ колесомъ.

Но вотъ выбѣжалъ бѣлый быкъ. Быкъ этотъ былъ безъ веревки. Рога его были въ сѣрыхъ гутапер-

чевыхъ чехлахъ и были удлинены тупыми гутаперчевыми-же концами. Выбѣжавъ, быкъ остановился. Тореадоры отошли къ барьеру и въ живописныхъ позахъ, сложа руки на груди, издали наблюдали за быкомъ. Любители тотчасъ-же окружили быка, который, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановился посреди арены. Первымъ выступилъ передъ быкомъ солдатъ въ красныхъ панталонахъ, очень невзрачный, съ корявымъ коричневымъ лицомъ. Онъ припрыгнулъ передъ быкомъ и тотчасъ-же сдѣлалъ ему носъ изъ пальцевъ. Быкъ ринулся на солдата съ опущенными рогами—солдатъ увернулся и быкъ промчался впередъ. Аплодисменты. Солдатъ разчувствовался и сталъ кланяться въ мѣста, прижимая руку къ сердцу, совсѣмъ забывъ слѣдить за быкомъ. А быкъ обернулся, налетѣлъ на солдата и поддалъ его гутаперчевыми рогами такъ, что солдатъ рухнулъ на землю, какъ пласть. Свистки среди публики. На выручку солдата выбѣжалъ совсѣмъ молоденькій паренекъ съ красной тряпичей въ рукахъ и сталъ потрясать ею. Быкъ отскочилъ отъ солдата, налетѣлъ на паренька съ красной тряпичей, уронилъ его, перескочилъ черезъ него и унесъ съ собой на рогахъ и красную тряпицу. Тряпица мѣшала быку, заслоняя одинъ глазъ. Онъ остановился и потрясалъ головой, пробуя ее сбросить, но передъ нимъ появился старикъ и манилъ его. Быкъ бросился на старика, но тотъ изумительно ловко отскочилъ отъ него. Быкъ, чувствуя, что не за-дѣлъ старика, тотчасъ-же вернулся къ нему, но

старикъ еще съ большей ловкостью отскочилъ отъ быка. Громъ рукоплесканій. А быкъ бѣгалъ по аренѣ и ронялъ любителей-тореадоровъ, загораживающихъ ему дорогу. Рѣдко кто успѣвалъ вернуться отъ быка. Кромѣ старика, любители были не на высотѣ своего призванія. Публика шикала и кричала: „довольно! уберите быка“. На аренѣ, между тѣмъ, носился за быкомъ, стараясь нагнать его и, очевидно, схватить за хвостъ, босой, рыжеватый парень, но догнать ему быка не удавалось. Тогда онъ пронзительно засвисталъ въ свистокъ. Быкъ остановился. Рыжеватый парень дернулъ его за хвостъ и въ то время, какъ быкъ обернулся и былъ въ полуоборотѣ, перескочилъ черезъ него отъ лѣваго бока на правый. Быкъ бросился вправо, но рыжеватый парень перескочилъ черезъ него на лѣво. Это былъ экзерцисъ ловкости, который не показывали и профессиональные тореадоры. Циркъ покрылся рукоплесканіями.

— Навѣрное, какой-нибудь акробатъ, — сказалъ про рыжеватаго малаго Николай Ивановичъ.

— Еще-бы... — отвѣчалъ докторъ. — Онъ еще раньше показалъ, какъ онъ отлично кувыркается.

Быкъ замѣтно утомился и уже не шелъ на оставливающихся передъ нимъ тореадоровъ-любителей, а посматривалъ, не отворили-ли двери, ведущія въ стойла. Представленіе кончилось. Любители шли одѣвать пиджаки и мундиры. Одинъ изъ нихъ изрядно хромалъ, другой потиралъ руку, ушибленную во время паденія. Босой рыжеватый парень кланялся

въ мѣста и благодарилъ за все еще продолжавшіеся аплодисменты. Передъ быкомъ распахнули двери, за которыми онъ и скрылся.

Гудѣвшая публика поднималась со скамеекъ.

— Все кончилось?—спросила доктора Глафира Семеновна.

— Кончилось первое отдѣленіе, но будетъ еще второе.

— Нѣтъ, ужъ довольно. Я и такъ еле высидѣла. Пойдемте вонъ. Надоѣло.

— Представьте, а мѣстная публика это любить и готова сидѣть хоть три отдѣленія.

— Да вѣдь все одно и то же, словно сказка про бѣлаго бычка,—сказала старуха Закрѣпина.

— И все равно здѣсь считаютъ это занимательнымъ,—отвѣчалъ докторъ.

— Вы намъ расхваливали любителей изъ публики и говорили, что это забавно. Рѣшительно ничего не было забавнаго,—прибавила Глафира Семеновна.

Они выходили изъ мѣстъ.

— Глафира Семеновна! А что если-бы я также выступилъ сегодня въ качествѣ любителя?—спросилъ жену Николай Ивановичъ.—Быкъ съ резиновыми рогами не опасенъ.

— Выдумай еще что-нибудь!—отвѣчала супруга.

— А отчего-бы и не выступить? Ну, уронилъ-бы меня быкъ, упалъ-бы я... Что за важность! Здѣсь мягко. А тогда можно было-бы написать въ Петербургъ письмо Семену Ивановичу: былъ на боѣ быковъ и самъ выходилъ на разъяреннаго быка...

— Да вѣдь ты, и не выходя на быка, можешь это написать Семену Ивановичу.

— Съ какой-же стати врать-то? Надо писать о томъ, что было.

— Ну, тебѣ не привыкать стать что-нибудь соврать въ письмахъ,—закончила Глафира Семеновна.

Компанія сошла съ лѣстницы и вышла изъ цирка.

XXXI.

ПРОШЛО еще дней пять. Супруги Ивановы ужъ обжились въ Біаррицѣ. Глафира Семеновна знала всѣ уголки города. Не было мѣста, куда-бы она ни заглянула, не было магазина, гдѣ-бы она ни побывала. На базарѣ, гдѣ она каждый день покупала для себя груши и персики, чтобъ ѣсть ихъ на ночь за чаемъ, ее знали всѣ торговли и, зазывая, кричали ей „мадамъ руссѣ“. Спутницей ей была—кто-бы это могъ повѣрить, зная первую встрѣчу ихъ въ вагонѣ!—старуха Софья Савельевна Закрѣпина, тетка доктора. Закрѣпина оказалась совсѣмъ покладистой старухой и хорошимъ компаньономъ. Николай Ивановичъ по городу гулялъ мало, но аккуратно передъ завтракомъ и обѣдомъ выходилъ на Плажъ. Совмѣстное купанье мужчинъ и женщинъ въ вол-

нахъ морского прибоя не казалось ему ужъ зазорнымъ. Николай Ивановичъ вотъ ужъ три дня самъ купался въ открытомъ морѣ. Въ первый разъ онъ выкупался въ тихой бухточкѣ Портъ-Вье, въ укромномъ мѣстечкѣ, гдѣ совсѣмъ не встрѣчаешь перекрестныхъ взоровъ глазѣющей публики, но на слѣдующій день его уже потянуло на Гранъ-Плажъ, въ модное мѣсто, гдѣ купались желающіе другихъ посмотреть и себя показать. Къ тому-же на Гранъ-Плажъ его перетянулъ и докторъ, увѣряя, что на прибоѣ купаться тѣмъ уже хорошо, что дышешь солеными брызгами, которыми пропитанъ воздухъ.

— Да и велика важность, что на насъ смотрѣть будутъ! Пусть смотрять,—прибавилъ онъ.

Въ волны прибоя они полѣзли даже безъ бенъеровъ, обѣщаясь поддерживать другъ друга, если кого-нибудь изъ нихъ свалятъ волны. И Николай Ивановичъ оказался сильнѣе доктора. Отлично встрѣчалъ онъ волну, прекрасно противостоялъ и ея обратному теченію. Докторъ Потрашовъ все время держался за Николая Ивановича, когда налетала волна.

Въ первый разъ они выкупались на глазахъ Глафиры Семеновны и старухи Закрѣпиной.

— Ну, что?—спрашивалъ Николай Ивановичъ послѣ купанья жену, позируя передъ ней.

— Не къ лицу тебѣ купальный костюмъ,—отвѣчала та.

— Отчего?

— Оттого, что похожъ больше на медвѣдя, а не на акробата.

— Да зачѣмъ-же я на акробата-то долженъ походить?

— Ну, все-таки. Ужъ кто хочетъ купаться при всей публикѣ, тотъ долженъ чѣмъ нибудь похвастать. Статностью, что-ли... А у тебя животъ большой и ноги, какъ тумбы...

Глафира Семеновна все еще брала соленныя ванны въ закрытомъ помѣщеніи, но ужъ и ее забирала охота покрасоваться на Гранъ-Плажъ въ купальномъ костюмѣ. О своемъ желаніи она сообщила старухѣ Закрѣпиной.

— Когда я ѣхала сюда, я такъ и рѣшила, что буду купаться въ открытомъ морѣ и при всѣхъ,—говорила она.—Я знала, что тутъ купаются на глазахъ мужчинъ, но не знала, что это составляетъ такой спектакль для публики. А здѣсь ужъ, оказывается, и фотографіи съ каждой бабенки снимаютъ. Отъ раздѣвальной до воды словно сквозь строй приходится проходить. Бинокли, бинокли и даже подъ костюмъ-то тебѣ стараются заглянуть. Знаю, что сквозь строй, а откровенно сказать, самой ужасно хочется покупаться въ открытомъ морѣ.

— Такъ вы, милочка, въ Портъ-Вье... въ тихой-то бухточкѣ...—посоветовала ей Закрѣпина.

— Не тотъ фасонъ. Тамъ скучно... Тамъ всѣ, носъ на квинту опустивши, купаются. Тамъ все какіе-то разслабленные... А меня вотъ сюда тянетъ, въ веселое мѣсто, но боюсь.

— Нечего и здѣсь бояться, коли ужъ очень хочется,—сказала ей Закрѣпина.

— Очень ужъ нескромно, очень ужъ публично...— продолжала Глафира Семеновна.—А очень хочется, страсть какъ хочется.

— Да вѣдь можно и здѣсь, на Гранъ-Пляжъ скромно купаться. Ну, приходите пораньше, когда еще нѣтъ такого сборища... Изъ раздѣвальной выходите, закутавшись въ пеньюаръ. Можно такъ закутаться, что и глазъ будетъ не видать. До воды дойдете—сбросите съ себя пеньюаръ, а тамъ, выйдя изъ воды, опять пеньюаръ.

— Вѣдь все-таки бенъера надо взять. Безъ бенъера нельзя... свалить.

— Бенъера возьмите старичка. Здѣсь есть старикъ-бенъерь.

— То-то думаю попробовать. А то неприятно уѣхать отсюда, не испробовавши, какъ это на Гранъ-Пляжъ купаются.

Разговоръ происходилъ на Пляжѣ.

— Да вотъ сейчасъ и испробуйте,—посоветовала ей старуха Закрѣпина.—Покуда еще рано. Публики немного.

— Нѣтъ, сегодня я не буду. Я ужъ брала сегодня морскія ванны, а два раза въ день купаться въ морской водѣ вредно,—отвѣчала Глафира Семеновна.—Это мнѣ докторъ говорилъ. Да и костюма у меня съ собой нѣтъ. Да и съ мужемъ надо посоветоваться. Лучше я завтра.

— Ну, завтра, такъ завтра.

Вечеромъ, послѣ обѣда, супруги Ивановы были дома и пили чай. Были у нихъ и старуха Закрѣпина съ своимъ племянникомъ докторомъ Потрашовымъ. Закрѣпина и Потрашовъ часто ходили къ Ивановымъ по вечерамъ пить чай, такъ какъ у Ивановыхъ былъ самоваръ. Докторъ и Николай Ивановичъ играли въ шашки. Старуха Закрѣпина съ собаченкой Бобкой на колѣняхъ раскладывала гранъ-пасьянсъ маленькими французскими картами съ золотымъ обрѣзомъ, а Глафира Семеновна, сидя около самовара, только слѣдила за раскладываніемъ. Вдругъ она обратилась къ мужу и сказала:

— Ты знай, Николай, завтра я рѣшила начать купаться на Гранъ-Плажѣ.

Тотъ поднялъ голову и удивленно проговорилъ:

— Но, матушка... Какъ-же это такъ?.. Ты шутишь, что-ли?

— Вовсе не шучу. Надо-же когда-нибудь начинать...

— Однако, ты говорила... Ты другихъ осуждала...

— Мало-ли что говорила! А теперь вижу, что тутъ ничего такого особеннаго и срамнаго нѣтъ, если всѣ купаются. Вотъ и Софья Савельевна то-же самое говоритъ,—кивнула Глафира Семеновна на старуху Закрѣпину.

— Да пускай купается. Вамъ-то что!—откликнулась Закрѣпина, раскладывая карты.

— Какъ что? Позвольте... Вѣдь я мужъ... Ну, что за радость, вдругъ на нее всѣ бинокли направятся? Да еще, чего добраго, фотографію сни-

мутъ...—говорилъ Николай Ивановичъ, переставъ играть въ шашки.

— Ужъ что фотографію-то снимутъ—это навѣрное,—подхватилъ докторъ.—И прежде всего, мой патронъ, фабрикантъ. У него цѣлая коллекція купающихся здѣсь женщинъ. Одинъ изъ его прихлебателей всюду таскаетъ за нимъ ящикъ для моментальнаго фотографированія. Чикъ—и Глафира Семеновна на пластинкѣ... А затѣмъ проявлять въ Гранъ-Отель пошлетъ. Здѣсь въ каждой большой гостинницѣ есть комната для проявленій,

— Позвольте... Но я даже вовсе не желаю... — заявилъ Николай Ивановичъ.

— Желайте или не желайте, а все равно снимутъ,—проговорилъ докторъ и прибавилъ, указывая на шашечную доску:—Ходите, ходите. Вамъ ходить.

— Но я даже вовсе не желаю, чтобы жена моя и купалась на Гранъ-Плажъ.

— Да я тебя и спрашивать не буду, если ужъ рѣшила,—отрѣзала супруга.—Долженъ быть и тому благодаренъ, что я тебя предупреждаю. Купальный костюмъ у меня есть отличный, такъ чего-же еще мнѣ! Ты вѣдь знаешь-же, что я самый лучший костюмъ себѣ купила. Зачѣмъ-же тогда было покупать?

— Но вѣдь ты хотѣла купаться въ Портъ-Вье, въ тихой бухточкѣ.

— Мало-ли что хотѣла! И ты хотѣлъ тамъ-же

купаться, однако теперь купаешься на Грань-Пляжѣ.

— Ты и я!—воскликнулъ мужъ.—Мнѣ кажется, это разница. Я мужчина, а ты женщина...

— Играйте-же, Николай Ивановичъ. Полно вамъ горячиться,—останавливалъ его докторъ.

Николай Ивановичъ уже вскочилъ со стула и забѣгалъ по комнатѣ.

— Какъ тутъ не горячиться, если жена хочетъ при всей публикѣ акробатку изъ себя изображать!—кричалъ онъ.

— Однако-же, вѣдь всѣ изображаютъ. Мадамъ Оглоткова изображаетъ, губернаторша ужъ генеральша—и та изображаетъ. Пріѣхала сюда изъ Петербурга мясничиха Хапартова—и та изображаетъ. Значить, ужъ здѣсь такъ принято. Люди ложь—и мы тожъ. А ты знаешь, на людяхъ и смерть красна,—доказывала мужу Глафира Семеновна.

— Да пойми ты, глупая женщина, вѣдь съ тебя со всѣхъ сторонъ фотографіи поснимаютъ и будутъ всѣмъ показывать, какая ты спереди, сзади и съ боковъ.

— А снимутъ фотографію, такъ значить стоитъ снимать, значить у меня все хорошо. Спереди, сзади и съ боковъ хорошо. А что хорошо, того таить нечего. Вотъ какъ я разсуждаю.

— Что ты говоришь! Боже мой, что ты говоришь! Вотъ ужъ набіаррилась-то!

Мужъ схватился за голову.

— Да, набіаррилась. И что-жъ изъ этого? Для того сюда ѣхали, чтобы набіарриться. Съ волками жить—по-волчьи и выть.

— Безстыдство, безстыдство!

— Самъ безстыдникъ.

Докторъ сбиль пашки. Началась супружеская стычка. Бобка на рукахъ Закрѣпиной принялся лаять. Доктору и его теткѣ Закрѣпиной ничего больше не оставалось, какъ уйти, что они и сдѣлали, распростившись съ супругами Ивановыми до завтра.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, и по уходѣ гостей, продолжали еще переругиваться.

XXXII.

ПЕРЕБРАНКА изъ-за купанья на Грань-Пляжѣ продолжалась у супруговъ Ивановыхъ и на утро.

Утромъ Николай Ивановичъ только еще проснулся, а ужъ Глафира Семеновна была вставши. Она была одѣта въ ярко-красный купальный костюмъ, плотно облегавшій ея полное тѣло, и позировала передъ большимъ зеркаломъ, вдѣланнымъ въ платяной шкафъ. Она то поднимала руки, то опускала ихъ, отставляла ногу, присѣдала, подпрыгивала. На головѣ ея красовался такой-же ярко-крас-

ный беретъ, а ноги были обуты въ бѣлые полотняные купальные башмаки съ веревочными подошвами, привязанные красными лентами, концы которыхъ переплетались по голымъ икрамъ. Позируя, Глафира Семеновна то улыбалась въ зеркало, то дѣлала серьезное лицо. Вотъ она выбила изъ-подъ берета прядь своихъ волосъ и распустила ее по щекамъ. Однимъ словомъ, передъ зеркаломъ шла полная репетиція купанья.

Николай Ивановичъ, лежа въ постели, молча, долго смотрѣлъ на жену и наконецъ воскликнулъ:

— Ловко! Только замужнимъ женщинамъ такіе курбеты и дѣлать!

Глафира Семеновна вздрогнула и схватилась за сердце.

— Дуракъ! Какъ испугалъ! Притворяешься спящимъ и потомъ вдругъ выпаливаешь! — проговорила она. — Развѣ можно такъ пугать!

— Ничего... Продолжай, продолжай... Кто такой обезьяной на шарманкѣ вырядился для публики, тотъ не пугливаго десятка, — сказалъ мужъ.

— Однако-же, ты знаешь, что у меня всегда сердце не въ порядкѣ. Доктора сколько разъ тебѣ твердили, что меня надо какъ можно меньше раздражать.

Она накинула на себя фланелевый пеньюаръ и сѣла, надувши губы.

— Смотрѣлъ я сейчасъ... Видѣлъ... И одно скажу: никакой испанской наѣздницѣ-акробаткѣ не уступишь, если будешь на Плажѣ такъ-же представ-

лять, какъ сейчасъ передъ зеркаломъ представляла,—проговорилъ онъ, сѣлъ на кровати и началъ одѣваться.—Да-съ... не уступишь, а даже очковъ двадцать пять впередъ дашь этой наѣздницѣ.

— Ну, и что-жъ изъ этого? Чего-жъ тутъ смѣяться! Другой-бы мужъ радовался, что у него жена такъ граціозна, что наѣздницѣ не уступить,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да я и радуюсь! Отчего ты думаешь, что я не радуюсь? Но больше всего удивляюсь, какъ это замужняя женщина можетъ на такое представленіе рѣшиться.

— Оглоцова-же рѣшилась, мясничиха рѣшилась, а онѣ тоже замужнія женщины, такъ отчего-же мнѣ не рѣшиться?

Николай Ивановичъ одѣлся, умылся и позвонилъ, чтобы подавали кофе. Глафира Семеновна рылась въ дорожномъ сундукѣ и наконецъ достала оттуда красныя, синія и бѣлыя ленты.

— Банта не хватаетъ у костюма, франко-русскаго банта. Надо бантъ сдѣлать и пришпилить на грудь,—сказала она и за питьемъ кофе принялась дѣлать бантъ.

Мужъ сидѣлъ, смотрѣлъ и наконецъ иронически сказалъ:

— Знаешь что? Я на твоёмъ мѣстѣ прямо-бы съ флагомъ вышелъ изъ раздѣвальной комнаты. Тогда ужъ ты была-бы всѣми замѣчена, всѣ о тебѣ заговорили-бы.

— Дуракъ...—скосила на него Глафира Семеновна глаза.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, лучше. Выскакивай съ флагомъ изъ раздѣвальныхъ комнатъ, кричи ура, вивъ ля Франсъ и бросайся въ волны.

— Не дразни меня!—отрѣзала жена.—А то и въ самомъ дѣлѣ съ флагомъ выбѣгу.

Онъ не сталъ больше разговаривать, взялъ шляпу, палку и, выйдя изъ комнаты, отправился на Плажъ купаться.

На Плажѣ онъ встрѣтилъ доктора Потрашова.

— Ну, что супруга?—спросилъ тотъ.

— Ужасъ что такое!—пожалъ плечами Николай Ивановичъ.—Вообразите, сейчасъ репетицію дома дѣлала и собирается на купальный костюмъ франко-русскій бантъ нацѣпить.

Онъ былъ удрученъ. Докторъ сталъ его успокоивать.

— Послушайте... Вѣдь тутъ, право, нѣтъ ничего предосудительнаго. Здѣсь такъ принято. Всѣ-же здѣсь такъ...—говорилъ онъ.—Это въ нравахъ. Ваша супруга правду вчера сказала: „съ волками жить—по-волчьи выть“. Ну, что-жъ, будемъ сейчасъ погружаться въ волны Атлантического океана?—спросилъ онъ.—Пойдемте, выкупаемся, пока публики не особенно много.

— Погодите. Пройдемся немного по Плажу. У меня по случаю купанья жены вся охота отъ своего купанья отпала,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ, двигаясь въ прибывающей толпѣ гуляющихъ.

Подъ южными небесами.

Къ нему подошелъ встрѣтившійся Оглотковъ. Онъ былъ съ биноклемъ черезъ плечо.

— Я слышалъ, что сегодня первый дебютъ вашей супруги въ открытомъ морѣ?—спросилъ онъ.

Николай Ивановичъ взглянулъ на него коршуномъ.

— А вы почему знаете?—задалъ онъ вопросъ и раздраженно сталъ махать въ воздухѣ палкой, такъ что Оглотковъ даже попятился отъ него и тихо пробормоталъ:

— Слухомъ земля полнится. Мадамъ Закрѣпина сказала сейчасъ объ этомъ моей женѣ.

— Вашей женѣ... А жена вамъ... А вы вашимъ знакомымъ англичанамъ, а англичане... Гмъ... Да ужъ не напечатано-ли сегодня объ этомъ въ газетѣ „Фигаро“? Любопытно!

Губы Николая Ивановича тряслись, когда онъ отошелъ отъ Оглоткова.

— Что вы сердитесь? Бросьте. Ну, что тутъ такого, что онъ спросилъ!—успокаивалъ его докторъ.— Пойдемъ, выкупаемся. Это утишитъ ваши нервы,—прибавилъ онъ и потащилъ его въ раздѣвальные кабинеты.

Но когда Николай Ивановичъ раздѣвался въ кабинетѣ, онъ услышалъ, что кто-то за деревянной рѣшеткой, разговаривая съ кѣмъ-то по-французски, упомянулъ имя его жены: „Madame Ivanoff“. Онъ тотчасъ-же застучалъ кулакомъ въ перегородку и закричалъ:

— Кто тамъ имя моей жены все произносить! Отвѣта не послѣдовало, но разговоръ затихъ.

Закутавшись въ плащъ и проходя черезъ Плажъ въ море, Николай Ивановичъ раздраженно сказалъ доктору:

— Вообразите, докторъ, ужъ и французы знаютъ, что моя жена будетъ сегодня купаться. Сейчасъ въ кабинетѣ за перегородкой объ ней говорили какіе-то французы.

— Гмъ! Что-же они говорили?—спросилъ докторъ.

— Почему-же я знаю, что! По-французски я не настолько хорошо понимаю, чтобы все разбирать. Но говорили о мадамъ Ивановой. Очень можетъ быть, что и нехорошее что-нибудь говорили. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Да ужъ не вывѣшены-ли гдѣ-нибудь афиши, что вотъ, молъ, такъ и такъ, мадамъ Иванова изъ Петербурга въ красномъ костюмѣ...

— Бросьте...—сказалъ докторъ и потащилъ Николая Ивановича въ воду.

Бѣлая пѣнистая волна окатила ихъ, перепрыгнувъ имъ черезъ голову, и потащила въ море обратнымъ теченіемъ. Докторъ ухватился за Николая Ивановича и сказалъ:

— Держитесь, держитесь! Смотрите, какъ сегодня тащить въ море.

— Это что! Это наплевать! Устоимъ...—отвѣчалъ тотъ и продолжалъ о женѣ:—Но ужасно досадно, что я не посмотрѣлъ, какіе это французы, не дождался ихъ выхода изъ кабинета.

— Бросьте. Теперь надо обращать вниманіе на волны.

— Да я и обращаю... Но какая публичность, какіе языки! Это чортъ знаетъ что такое!

Рядомъ съ ними присѣдалъ и склопалъ голову передъ волнами старый усатый полковникъ, знакомый съ Ивановыми еще съ поѣзда, когда они ѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Біаррицъ.

— Хороша вода сегодня,—сказалъ онъ и вдругъ тоже спросилъ:—Я слышалъ, что сегодня ваша супруга будетъ въ первый разъ купаться въ открытомъ морѣ?

— Далась всѣмъ моя супруга! Кто вамъ сказалъ?—закричалъ Николай Ивановичъ, не уберегся и набѣжавшая волна свалила его съ ногъ.

Полковникъ сталъ помогать ему встать.

— Кто вамъ сказалъ?—кричалъ Николай Ивановичъ, кашляя, такъ какъ вода попала ему въ ротъ.

— Да и не помню кто. Здѣсь всѣ русскіе говорятъ сегодня на Плажѣ, да и не одни русскіе, а даже и французы, испанцы, англичане.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! Это ужъ ни на что не похоже.

Николай Ивановичъ выскочилъ изъ воды, набросилъ на себя плащъ и побѣжалъ одѣваться. Докторъ раньше его вышелъ изъ воды и ужъ дожидался его около лѣстницы, ведущей на Плажъ.

— Тьфу ты пропасть! Весь Біаррицъ знаетъ, что жена моя будетъ сегодня купаться на Плажѣ!—негодовалъ Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь это такъ естественно. Здѣсь, въ Біаррицѣ, только одни купальные интересы и существуютъ, — спокойно отвѣчалъ докторъ.

XXXIII.

ЧАСЫ показывали одиннадцать, и Николай Ивановичъ торопился одѣваться, чтобы не пропустить купанье жены. Беньеръ принесъ ему тазикъ теплой воды, чтобы обмыть ноги отъ приставшаго къ нимъ песку, но онъ отпихнулъ тазикъ и быстро сталъ надѣвать носки.

„Неужели она изъ раздѣвальныхъ комнатъ до воды безъ плаща пойдетъ? „мелькало у него въ головѣ, но онъ тотчасъ-же успокоивалъ себя: „нѣтъ, не такая-же она нахальная. Постыдится“.

— Докторъ! Скоро вы? Я готовъ...—крикнулъ онъ, надѣвъ сапоги. — Торопитесь. А то можемъ опоздать и пропустить купанье жены.

— Сейчасъ, сейчасъ...—откликнулся докторъ Потрашовъ, одѣвавшійся въ кабинетѣ напротивъ.

„А весь этотъ звонъ про купанье старуха Закрѣпина пустила. Она, она, старая, больше некому. Прямо она“, повторялъ Николай Ивановичъ мысленно... „Жена сообщила ей объ этомъ, очевидно, еще вчера днемъ, а Закрѣпина раззвонила вчера и сегодня. Узнала мадамъ Оглоткова, а у той языкъ

тоже съ дыркой. Боже мой! Теперь на Плажѣ публика, какъ на какое-то представленіе готовится. Точь-въ-точь, какъ это было передъ купаньемъ испанской наѣздницы. Ну, Глаша."

Онъ выбѣжалъ въ корридоръ и сталъ звать доктора.

— Готовъ,—откликнулся тотъ, выходя изъ кабинета и на ходу расчесывая бороду маленькой гребеночкой.

Они вышли на Плажъ и быстро прошли мимо галлерей мужскихъ и женскихъ раздѣвальныхъ кабинетовъ, но Глафиры Семеновны не встрѣтили. Николаю Ивановичу ужасно какъ хотѣлось спросить у сидѣвшаго на женской галлерей Оглоткова, не видалъ-ли онъ его жену, но онъ этого почему-то не сдѣлалъ. Въ толпѣ гуляющихъ онъ опять услышалъ слова „мадамъ Ивановъ“, тотчасъ-же бросился смотрѣть, кто произнесъ эти слова, но замѣтить не могъ. Онъ съ ненавистью взиралъ на имѣющіеся въ рукахъ гуляющихъ мужчинъ бинокли, съ ужасомъ смотрѣлъ на ящички моментальныхъ фотографическихъ аппаратовъ, перекинутые черезъ шеи фотографовъ-любителей и любительницъ и шепталъ себѣ подъ носъ:

— Чикъ и вляпають ее на пластинку, а потомъ въ сотнѣ снимковъ и будетъ ходить по Біаррицу... Да по Біаррицу-то это еще что! Въ Петербургъ привезутъ и будутъ тамъ показывать.

Показалась старуха Закрѣпина съ собаченкой, бѣгущей сзади ея. Николай Ивановичъ хотѣлъ

встрѣтить старуху дерзостью, но сѣрѣшилъ сердце и удержался, а только взглянулъ на нее звѣремъ.

— Здравствуйте...—добродушно обратилась къ нему старуха. — Вы жену свою ищете? Мы уже сдѣлали съ ней легкую прогулку, полагающуюся передъ купаньемъ. Она теперь въ раздѣвальномъ кабинетѣ и сейчасъ выйдетъ, чтобы купаться. Я только что отъ нея.

Николай Ивановичъ сжалъ зубы и кулаки.

— Сядемъ... — предложилъ докторъ, указывая ему на стулья.

— Гдѣ тутъ сидѣть! Какъ тутъ сидѣть!—откликнулся тотъ.

Онъ былъ, какъ на иголкахъ.

Но вотъ изъ дверей отдѣленія женскихъ раздѣвальныхъ кабинетовъ показался бѣлый плащъ съ широкими красными полосами. Николай Ивановичъ узналъ этотъ плащъ и вздрогнулъ. Это былъ плащъ жены. Закутавшись въ него по подбородокъ и имѣя открытымъ только лицо, Глафира Семеновна шла улыбаясь. Сзади нея степенно шествовалъ съ сознаніемъ своего достоинства, заломя маленькую шляпу на ухо, молодой красавецъ-беньеръ съ усами щеткой, босой, съ голыми ногами по колѣно и въ вискатиновой курткѣ и короткихъ суконныхъ панталонахъ. Мужчины очевидно ее ждали. Раздались два-три аплодисмента.

— Боже мой! Аплодируютъ, какъ какой-нибудь вокоткѣ, какъ какой-нибудь наѣздницѣ!—прошепталъ Николай Ивановичъ, ринувшись къ женѣ.

— Да вѣдь здѣсь всѣмъ такъ... Ну, чего вы?.. — остановилъ его за руку докторъ. — Я на вашемъ мѣстѣ радовался-бы, что жену вашу такъ встрѣчаютъ.

— Есть чему радоваться!

— Это красотѣ ея аплодируютъ.

Пройдя мимо мужа и доктора, Глафира Семеновна съ улыбкой перешла черезъ плитный тротуаръ и стала спускаться на песокъ. Толпа хлынула за ней и стала также спускаться на песокъ. Тѣснились фотографы-любители съ ящичками, стараясь не отступать отъ нея. Одинъ тощій и длинный молодой англичанинъ въ бѣломъ цилиндрѣ даже не пошелъ по лѣстницѣ, а прямо спрыгнулъ съ тротуара на песокъ. Николай Ивановичъ и докторъ также поспѣшили на отмель. Николай Ивановичъ столкнулъ съ ногъ даже поваренка, продающаго изъ плетеной корзинки сладкіе пирожки. Спѣшила и старуха Закрѣпина за Глафирой Семеновной. Собаченкѣ Бобкѣ кто-то наступилъ на лапу и онъ визжалъ.

— Какъ за испанской наѣздницей бѣгали, такъ и за женой бѣгутъ... — впопыхахъ говорилъ Николай Ивановичъ. — Ну, чѣмъ она могла такъ прельстить? Вѣдь до сихъ поръ на нее и вниманія-то никто не обращалъ.

— Новизна... — коротко отвѣчалъ докторъ.

Старуха Закрѣпина совала ему въ руки визжавшую собаку и говорила:

— Подержи хоть пса-то! Видишь, я не могу... Я падаю на этомъ глубокомъ пескѣ.

Глафира Семеновна подошла къ самой водѣ, обернулась, улыбнулась и сбросила съ себя плащъ на руки бенъера, очутившись въ красномъ купальномъ костюмѣ. „*Delicieux*“... слышалось около Николая Ивановича и мгновенно въ разныхъ мѣстахъ щелкнули пружинки фотографическихъ аппаратовъ.

— Готова карета. Вляпалась дура... Впрочемъ, того хотѣла...—проговорилъ онъ вслухъ.

— Чего вы сердитесь!—взялъ его докторъ за руку.

— Тутъ, батенька, такое происшествіе совершается, что сердиться мало. Надо волкомъ быть.

Бенъеръ, между тѣмъ, подаль руку Глафирѣ Семеновнѣ и она побѣжала на встрѣчу волнѣ. Когда волна достигла ихъ, онъ ловко обернулъ Глафиру Семеновну задомъ къ волнѣ и волна покрыла ихъ. Когда волна разбилась въ мелкія брызги, мужъ увидалъ, что жена его была буквально въ объятіяхъ бенъера. Она не могла удержаться на ногахъ и бенъеръ долженъ былъ поддержать ее.

— Корова...Рада ужъ облапить мужчину...—прошепталъ Николай Ивановичъ, негодуя на жену.— За шею... Руками за шею... Ахъ, срамница!

„И вѣдь не взяла себѣ въ бенъеры старика, какъ говорила вчера, а выбрала себѣ самаго что ни на есть молодого ухаля въ шляпѣ на бекрень“, злобно проносилось у него въ головѣ.

Набѣжала вторая волна, третья, четвертая. Глафира Семеновна подпрыгивала и махала изъ воды рукой мужу и доктору.

— Господи! Да неужели это она публикѣ рукой машетъ? Каково нахальство!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Намъ, намъ... Успокойтесь,—говорилъ докторъ. — Вѣдь и тетка моя машетъ ей зонтикомъ. Видите?

Налетѣли еще четыре-пять волнъ, окатили Глафиру Семеновну, и она начала выходить изъ воды, держась за руку бенъера. Она шла медленно. На нее направились всѣ бинокли и опять щелкнули шалнеры фотографическихъ аппаратовъ. Снимались вторые снимки съ нея.

— Боже мой! Она въ брилліантовыхъ браслетахъ! Точь-въ-точь какъ та испанка-наѣздница. Съобезьянничала таки!—опять воскликнулъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна вышла изъ воды, но плащъ накинула на себя не вдругъ, хотя бенъеръ и подскочилъ къ ней съ плащемъ. Ей почему-то понадобилось поправлять волосы, выбившіеся изъ-подъ берета. Толпа созерцала ее. Раздавались сдержанные аплодисменты. Видимо, что это было ей пріятно, и ей хотѣлось улыбнуться, но она старалась скрыть улыбку и закусила нижнюю губу.

Но вотъ плащъ накинута, Глафира Семеновна закуталась въ него и пошла по песку, направляясь къ раздѣльнымъ кабинетамъ въ сопровожденіи

фотографовъ-любителей. Николай Ивановичъ и докторъ съ Закръпиной также шли за ней.

— Отличилась...—проговорилъ ей вслѣдъ мужъ.

На Плажѣ ее опять встрѣтили легкими аплодисментами.

— Точь-въ-точь, какъ испанка-наѣздница! —говорилъ мужъ доктору.

— Да вѣдь здѣсь почти всѣхъ молодыхъ дамъ встрѣчаютъ и провожаютъ, которыя купаются въ первый разъ на Плажѣ,—отвѣчалъ докторъ.

Глафира Семеновна скрылась въ корридорѣ раздѣвальныхъ кабинетовъ.

XXXIV.

ЧЕРЕЗЪ четверть часа Глафира Семеновна вышла изъ раздѣвальныхъ кабинетовъ на Плажъ уже одѣтая. Мужъ ея попрежнему былъ съ докторомъ и старухой Закръпиной. Мужъ встрѣтилъ Глафиру Семеновну суровымъ, нахмурившимся взглядомъ, а она, напротивъ, улыбалась ему, но улыбалась какъ-то виновато. Чтобы сказать что-нибудь, она сказала:

— Выкупалась.

— Видѣли-сь, —отвѣтилъ супругъ, еще болѣе хмурия брови.

— Молодцомъ, совсѣмъ молодцомъ,—похвалилъ

ее докторъ. — Признаюсь, я не ожидалъ отъ васъ такой храбрости для перваго раза. Обыкновенно робѣють...

— Не понимаю, зачѣмъ робѣть!—отвѣчала Глафира Семеновна.—Беньеръ такой надежный... сильный, какъ слонъ. Этотъ всегда удержитъ, если что-нибудь...

— Видѣлъ-съ и беньера...—пробормоталъ Николай Ивановичъ.—Даже черезъ-чуръ надежный.

— Но знаешь, я не выбирала. Такой попался. Я спросила себѣ беньера у дѣвушки, которая прислуживаетъ—онъ и подошелъ. Знаешь, онъ должно быть испанецъ... Что онъ мнѣ говорилъ—я рѣшительно ни одного слова не поняла.

— Ничего я не знаю, да и знать не хочу.

Николай Ивановичъ отвернулся отъ жены.

— Ну, чего ты сердишься?—продолжала та, обращаясь къ нему.—Право, тутъ нѣтъ ничего такого!.. Вѣдь всѣ такъ...

— Нѣтъ, другія много скромнѣе. А это ужъ изъ рукъ вонъ. Зачѣмъ тебѣ понадобилось, выйдя изъ воды, прическу поправлять, прежде чѣмъ накинуть на себя плащъ? Вѣдь это ты испанку-акробатку копировала. А развѣ она пара тебѣ, замужней женщинѣ?

— Никого я не копировала, и все ты врешь. Другой-бы радовался, что у него жена такая храбрая, а ты на ссору лѣзешь. Послушай, вотъ ты любишь въ письмахъ-то хвастаться. Теперь ты можешь написать въ Петербургъ Петру Семенычу, какъ я входила въ Атлантическій океанъ, неустра-

пимо врѣзываясь въ морскія волны, величиною... ну, хоть, въ четырехъэтажный домъ, что-ли.

— Ничего я не напишу. Не желаю я срамиться... — отрѣзаль супругъ.

Они прогуливались по Плажу. Къ нимъ подскочилъ Оглотковъ, обратился къ Глафирѣ Семеновнѣ и сдѣлалъ передъ ней нѣсколько легкихъ аплодисментовъ.

— Прекрасно, прекрасно... Превосходно... Мы все время любовались вами. Вы перещеголяли въ храбрости мою жену... — сказалъ онъ ей. — Мои пріатели англичане отъ васъ въ восторгѣ.

— А вотъ мужъ недоволенъ и ворчитъ, — дала ему отвѣтъ Глафира Семеновна.

— Оттого, что онъ не понимаетъ европейской цивилизаціи.

— Ну, ужъ это вы ахъ, оставьте! — обидѣлся Николай Ивановичъ, звѣрѣмъ взглянувъ на Оглоткова.

— Конечно-же... Здѣсь такъ принято. Даже люди высшаго общества... Мой другъ лордъ Естердей снялъ съ васъ, мадамъ Ивановъ, два моментальные снимка.

— Вотъ ужъ это-то напрасно, вотъ ужъ этого я не люблю, — заговорила Глафира Семеновна.

— А по моему, за это лорду бока обломать можно... А то такъ и по панамскому перешейку наворотить, — прибавилъ мужъ. — По просту, по шеѣ.

— За что же-съ?.. Въ европейскихъ земляхъ такъ принято. Этотъ лордъ, мадамъ Ивановъ, просить

представить его вамъ. Вы позволите?—шепнулъ Оглотковъ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Да, пожалуй, представляйте. Онъ говоритъ по-русски?

— Ни по каковски, кромѣ своего англійскаго языка.

— Такъ какъ-же вы съ нимъ объясняетесь?

— А такъ-съ... Какое-же мнѣ объясненіе? Мы съ нимъ въ мячъ играемъ. Лаунъ-тенисъ... Впрочемъ, нѣсколько словъ по-французски онъ знаетъ. Да вотъ-съ онъ... Можно?

Оглотковъ указаль на тощаго, длиннаго старика съ сѣдыми бакенбардами, развѣвающимся по плечамъ. Старикъ имѣлъ необычайно красное лицо и былъ одѣтъ въ костюмъ изъ бѣлой фланели съ крупными черными клѣтками. Изъ такой-же матеріи была на немъ и испанская фуражка. Черезъ плечо у него висѣли на ремняхъ фотографическій аппаратъ, бинокль и большой бауль для сигаръ. Оглотковъ подскочилъ къ нему, взялъ его подъ руку и подвелъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Вотъ, мадамъ, позвольте вамъ представить...— началъ онъ.

— Джонъ Естердей...—подхватилъ англичанинъ и заговорилъ:—*Charmé... charmé, madame.*

Глафира Семеновна протянула ему руку и тоже сказала: „шармэ“.

— Мистеръ Ивановъ,—мари де мадамъ... Естердей...—познакомилъ Оглотковъ и Николая Ивановича съ англичаниномъ.

Англичанинъ какъ-то особенно, какъ ракъ, выпучилъ свои глаза и пошелъ рядомъ съ Глафирой Семеновной, бормоча что-то по-англійски, но что, она, разумѣется, не понимала.

— Мосье Оглотковъ, что онъ мнѣ говорить?— спросила она.

— Почему-же я могу разобрать-сь. Я по-англійски знаю только нѣсколько словъ, — отвѣчала Оглотковъ и прибавилъ: — Конечно-же, онъ вамъ говорить комплименты.

— Это онъ съ меня снималъ фотографію?

— Онъ-сь.

— Такъ попросите его, чтобы онъ презентовалъ мнѣ одинъ снимочекъ.

— Можно. Милордъ...—отнесся къ англичанину Оглотковъ.—Пуръ мадамъ Ивановъ енъ фотографіи...

И чтобы пояснить англичанину, въ чемъ дѣло, тронулъ рукой по камеръ-обскурѣ, указалъ на Глафиру Семеновну и выставилъ англичанину указательный палецъ.

— Же ву при, монсье...—прибавила Глафира Семеновна, улыбнувшись англичанину.

— О, ессь... ессь, мадамъ,—поклонился тотъ, поболталъ еще что-то по-англійски, махая руками на море и, откланявшись, отошелъ отъ компаніи.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ доктору:

— Дураками здѣсь прикидываются, шутами гороховыми ходять, а вѣдь вотъ на Востокѣ-то первые интриганы противъ насъ... такъ и дьяволятъ..

Оглотковъ продолжалъ, обратясь къ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Вы сегодня, можно сказать, царица бала на Плажѣ. И еще есть одинъ человѣкъ, который просилъ меня представить его вамъ.

— Кто такой?—задала та вопросъ.

— Генераль. Одинъ знакомый заслуженный русскій генераль. Настоящій генераль... Сейчасъ мы его встрѣтимъ. Забылъ только его фамилію. Я въ баккара съ нимъ въ Казино играю.

— Хорошо знакомый, если не знаете его фамилію!—произнесъ Николай Ивановичъ.

— Зналъ, но забылъ!.. Гдѣ-же упомянуть все аристократическое общество, съ которымъ я знакомъ. Я знакомъ съ однимъ нѣмецкимъ принцемъ, настоящимъ принцемъ, фамилія его у меня записана, а назвать не могу... Чисто четырехъэтажная какая-то.. Одно колѣно знаю: принцъ Френцбургъ фонъ... А остальные три колѣна и выговорить не могу...—разсказывалъ Оглотковъ и указалъ на встрѣчнаго старика:—Вотъ этотъ генераль.

Это былъ довольно маленькій сморщенный старикъ съ щетинистыми сѣдыми усами, въ нѣсколько потертомъ костюмѣ. Пиджакъ висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, брюки были коротки, сѣрая шляпа запятнана. Улыбаясь, старикъ самъ подошелъ къ Оглоткову и шепнулъ ему что-то, мысленно улыбувшись. Началось представленіе.

— Вотъ, мадамъ Иванова, позвольте вамъ представить многоуважаемаго генерала...

Оглотковъ запнулся.

— Квасищевъ... — сказалъ старикъ свою фамилію. — Квасищевъ,—протянулъ онъ руку Николаю Ивановичу и, опять обратясь къ Глафирѣ Семеновнѣ, продолжалъ:—Сейчасъ имѣть счастье созерцать вашу храбрость... Да вы героиня... Я живу здѣсь болѣе мѣсяца, такой смѣлости при первомъ дебютѣ въ волнахъ ни у кого еще изъ женщинъ не видалъ. Я пораженъ... И съ какой граціей эта смѣлость! Я смотрѣлъ на васъ и на ласкающія васъ волны и думалъ, что это сказочная сильфида... Преклоняюсь, преклоняюсь... тѣмъ болѣе, что вы наша соотечественница... Восторгъ... Позвольте быть знакомымъ.

Говоря, старикъ не выпускалъ руки Глафиры Семеновны, наконецъ поклонился и отошелъ.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ доктору:

— Вотъ дуракъ-то! Онъ воображаетъ, что жена моя актриса, онъ разговариваетъ, какъ съ актрисой... Первый дебютъ... — передразнилъ онъ старика. — Ахъ, шутъ гороховой!

— Полноте вамъ... Бросьте... Здѣсь такъ принято... Вѣдь для этого сюда ѣдутъ. Здѣсь всѣ такъ... Неужели человѣкъ высшаго общества, аристократъ не знаетъ, какъ говорить съ дамой!—успокоивалъ его Оглотковъ.

— Ну, аристократъ-то онъ еще вилами писанный...—огрызнулся Николай Ивановичъ.

XXXV.

ОТЪ комплиментовъ Оглоцкого, англичанина и старика генерала Квасищева Глафира Семеновна была на седьмомъ небѣ. Она чувствовала то-же, что чувствуетъ актриса послѣ удачнаго дебюта, когда та, отыгравъ на сценѣ, покажется въ публикѣ, встрѣчающей ее любопытными и вмѣстѣ съ тѣмъ радостными взорами. Часовая стрѣлка на часахъ отеля Англетеръ, смотрящими прямо на Плажъ, показывала 12^{1/2} часовъ—время завтрака. Гуляющіе одинъ по одному исчезали. Нужно было и супругамъ Ивановымъ идти въ свой отель завтракать, а Глафирѣ Семеновнѣ жаль было расставаться съ публикой. Ей хотѣлось общества, общества большого. Она вспомнила ту скромную компанію, которая обыкновенно являлась къ завтраку въ ихъ маленькомъ отелѣ, гдѣ они были на пансіонѣ и мысленно назвала эту компанію „инвалидной командой“. Дѣйствительно, къ столу въ ихъ отелѣ выходили обыкновенно какіе-то пожилые супруги, совсѣмъ не разговаривавшіе другъ съ другомъ, старушка съ вѣчно подвязанной платкомъ щекой, тощая, какъ минога, старая дѣвица съ накладкой на темени и съ пудрой на морщинистомъ лицѣ, толстякъ съ двойнымъ подбородкомъ и маленькими усами, бритая дама въ чепчикѣ съ рюшемъ и измятомъ желтомъ платьѣ и т. п. Всѣ эти

лица, которыхъ она ежедневно видала за столомъ у себя въ гостинницѣ, сдѣлались ей вдругъ страшно противными.

— Послушай, Николай Ивановичъ, пойдѣмъ сейчасъ завтракать въ отель Англетеръ, гдѣ живутъ Оглотковы,—сказала она мужу.—Ужасно скучно у насъ въ отелѣ за завтракомъ. А мадамъ Оглоткова говорила мнѣ, что у нихъ въ отелѣ за завтракомъ большое общество и очень весело.

Николай Ивановичъ замаялся. Ему, наоборотъ, хотѣлось какъ можно скорѣй удалиться домой да и жену увести отъ публики.

— Однако, вѣдь у насъ въ нашемъ отелѣ тоже придется заплатить за завтракъ, — пробормоталъ онъ.—И тамъ, и тутъ.

— Ну, что-жъ изъ этого? Не раззоримся. У насъ въ отелѣ все какія-то каракатицы или инфузоріи за столомъ сидятъ и молчатъ, опустивъ носъ. Точь-въ-точь на похоронахъ. Да и на похоронахъ иныхъ бываетъ веселѣе. Тощица страшная. А въ Англетерѣ мы можемъ сѣсть за столъ вмѣстѣ съ Оглотковыми. Спросимъ бутылку шампанскаго... Ты выпьешь съ Оглотковымъ коньяку. А то тебѣ у насъ и выпить-то не съ кѣмъ.

Она знала, на что поймать мужа, и съ умысломъ упомянула о коньякѣ. Тотъ улыбнулся.

— Да съ чего ты такъ раскутилась-то? — спросилъ онъ.

— Просто ужъ очень мнѣ пріѣлось у насъ. Опротивѣло... Все одно и одно.

— Да, пожалуй...—согласился Николай Ивановичъ. —Вотъ, можетъ быть, и докторъ съ нами поидетъ. Пойдемъ, докторъ. Передъ завтракомъ хватимъ коньячищу. Будто водка...

— Нѣтъ, я не могу. Я сегодня далъ слово завтракать у моего патрона. Передъ завтракомъ мнѣ еще нужно осмотрѣть его и выслушать,—отказался докторъ.

Старуха Закрѣпина съ собакой давно ужъ ушла съ Плажа. Супруги Ивановы распростились съ докторомъ и расстались, направившись въ отель Англетерь.

Столы блистали свѣжимъ бѣльемъ, хрустальной посудой, серебромъ и цвѣтами въ вазахъ, когда супруги Ивановы вошли въ обѣденный залъ отеля Англетерь. Мелькали гарсоны во фракахъ, капюляхъ и въ необыкновенно высокихъ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ, упирающихся въ тщательно выбритые подбородки. Постояльцы и пришедшіе завтракать составляли маленькія группы. Разсматривали фотографіи. Слышались англійская и французская рѣчь. Двѣ англійскія дамы съ длинными вылѣзающими изъ ртовъ зубами, съ букетами цвѣтовъ на тощихъ грудяхъ, сидѣли на маленькомъ диванчикѣ, а передъ ними стоялъ полный, среднихъ лѣтъ, черноволосый человѣкъ въ смокингѣ, съ эспаньолкой и ораторствовалъ, жестикулируя. Звонка для завтрака еще не было, а потому за столъ еще и не сажались. Бѣгаль метрдотель съ таблеткой, карандашомъ за ухомъ, кланялся муж-

чинамъ, спрашивалъ, какое вино они будутъ пить, и записывалъ на таблѣткѣ. Супруги Оглотковы были тутъ-же. Оглотковъ снялъ уже съ себя бѣлый фланелевый пиджакъ, въ которомъ былъ на Плажѣ и облекся въ черную визитку съ красной орденской розеткой.

— А мы къ вамъ въ отель позавтракать,—сказалъ ему Николай Ивановичъ.

— Въ восторгѣ... Садитесь съ нами,—сказалъ Оглотковъ.—Тогда у меня сегодня будетъ компанія вся изъ знаменитостей. Американецъ, прѣхавшій сюда на велосипедѣ изъ Мадрида, знаменитый итальянскій баритонъ... Чортъ возьми, вотъ уже забылъ его фамилію! Вонъ онъ стоитъ передъ англичанками... Полный, съ эспаньолкой. Видите?

— Вижу, вижу...—кивнулъ Николай Ивановичъ.

— Турокъ изъ египетскаго посольства... — продолжалъ Оглотковъ.—Онъ леталъ въ воздушномъ шарѣ. Это трое. И, наконецъ, ваша супруга. Итальянскій баритонъ видѣлъ, какъ она купалась сегодня--и въ восторгѣ отъ нея. Четыре знаменитости.

Николая Ивановича нѣсколько покорибило, но онъ сдержалъ себя и спросилъ, гдѣ они сидутъ.

— Мы заказали столъ на пять приборовъ, но теперь нужно прибавить еще два,—отвѣчалъ Оглотковъ.—Вотъ этотъ столъ мы займемъ. Послѣ гордевра намъ подадутъ устрицы...

— Боже избави! Жена не ѣстъ!—махнулъ рукой Николай Ивановичъ.

— И я не люблю ихъ, и жена моя тоже не любитъ, но такъ надо для тона. Нельзя безъ устрицъ. Ужъ какъ-нибудь по одной-то штучкѣ съѣдимъ съ горчицей. Съ горчицей я кое-какъ могу... Это я называю а ля руссъ, чтобы не стыдно было передъ другими.

— Нѣтъ, ужъ жена моя и съ горчицей не станетъ ѣсть. Я-то какъ-нибудь проглочу штучку съ коньячишкомъ. Только передъ завтракомъ непременно потребуемъ коньяку... Въмѣсто водки.

— Пожалуй... Это здѣсь не принято, коньякъ пьютъ послѣ завтрака, но при американцѣ можно. Они пьютъ и до завтрака, и послѣ завтрака. Это мы назовемъ руссъ-американъ. Да и турокъ во всякое время коньякъ пьеть. Вчера въ Казино даже во время концерта классической музыки пилъ. Экуте!—крикнулъ Оглотковъ метрдотеля и сталъ ему заказывать на столъ еще два прибора.

Глафира Семеновна, между тѣмъ, сидѣла на маленькой козеткѣ съ мадамъ Оглотковой, и та ей говорила:

— Я слышала отъ моего мужа, что у васъ, душечка, сегодня на Плажѣ былъ полный триумфъ. Какъ это пріятно, что наша русская дама... А то все испанки и француженки отличаются. Мужъ мнѣ рассказывалъ, что съ васъ сняли пять-шесть фотографій...

— Да .. Онъ говорилъ мнѣ, что какой-то лордъ...— гордо отвѣчала Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, больше, больше. Не одинъ лордъ, а

нѣсколько. Мужъ мой видѣлъ, какъ съ васъ снимали,—разсказывала Оглоткова и тутъ-же прибавила:— Съ меня тоже много фотографій снято. Съ меня снялъ даже одинъ нѣмецкій владѣтельный принцъ... Онъ нашъ знакомый... Снялъ, и я теперь у него въ альбомѣ.

— Очень можетъ быть, и съ меня этотъ принцъ снялъ,—замѣтила Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, нѣтъ. Его сегодня утромъ на Плажѣ не было.

— Но вашъ-же мужъ мнѣ говорилъ что-то про принца.

— Нѣтъ, нѣтъ, что-нибудь не такъ... Онъ былъ на сеансѣ у скульптора. Съ него бюстъ его лѣпятъ. Съ меня тоже этотъ скульпторъ бюстъ лѣпятъ. Вотъ по сихъ поръ... Изъ глины.

— Надо будетъ и мнѣ заказать...—сказала Глафира Семеновна.

— Непремѣнно, душечка, закажите. Это стоитъ двѣсти франковъ... У него вся аристократія... Вся, вся!.. Княгиню Боснійскую вы знаете?

— Слышала.

— Вотъ и она.

А къ Глафирѣ Семеновнѣ Оглотковъ уже подводилъ итальянскаго баритона и говорилъ:

— Вотъ, мадамъ Иванова, позвольте вамъ представить нашего знаменитаго пѣвца Марковини.

Итальянецъ поклонился, пожалъ руку, протянутую ему Глафирой Семеновной, и долго, долго говорилъ передъ ней что-то по-итальянски.

— О, какъ онъ поетъ! Боже мой, какъ онъ поетъ, если-бы вы слышали! — закатывала подлѣ лобъ глаза мадамъ Оглоткова. — Его голосъ, какъ бархатъ!..

XXXVI.

ВСКОРѢ появился и турокъ изъ египетскаго посольства. Это былъ жирный мужчина небольшого роста, съ сильно нафабранными толстыми усами, въ визиткѣ, съ множествомъ брелочковъ на часовой цѣпочкѣ, съ брилліантовымъ перстнемъ на пальцѣ и въ красной фескѣ. Оглотковъ и его подвелъ къ Глафирѣ Семеновнѣ. Турокъ, хоть и нѣсколько на ломанномъ языкѣ, но заговорилъ по-русски.

— Любовался сегодня вами, любовался..—сказалъ онъ.—Любовался до самаго большого улыбка, такъ было хорошо, когда вы, мадамъ, купались.

— Но я не понимаю, что тутъ такого хорошаго...—улыбнулась Глафира Семеновна.—Я купалась самымъ обыкновеннымъ манеромъ.

— О, мадамъ, вы совсѣмъ особеннаго женщина. Вы безстрашнаго женщина...

Турка Оглотковъ повелъ 'къ Николаю Ивановичу.

— Нашъ соотечественникъ, извѣстный коммерсантъ изъ Петербурга—мосье Ивановъ,—сказалъ

Оглотковъ.—Аташе египетскаго посольства,—указалъ онъ на турка.

Турокъ назвалъ себя.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ:

— Лицо мнѣ ваше знакомо. Не торговали-ли вы въ Москвѣ коврами и азіатскимъ товаромъ?

Турокъ смутился и отступилъ два шага.

— Я? Я—аташе...—ткнулъ онъ себя пальцемъ въ грудь.

— Теперь аташе. Ну, а раньше? Мнѣ помнится, что на азіатской выставкѣ въ Москвѣ я долго у васъ торговалъ коверъ, раза четыре въ разное время приходилъ къ вамъ и прибавлялъ цѣну, и наконецъ купилъ.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть,—отрицательно потрясъ головой турокъ.—Я—аташе.

— Ну, вотъ поди-жъ ты! А мнѣ даже и этотъ самый перстень вашъ знакомъ... и эта куча брелоковъ... — продолжалъ Николай Ивановичъ. — Я помню даже цѣну, за которую я купилъ у васъ коверъ. За сто сорокъ семь рублей я у васъ купилъ.

— Нѣтъ, господинъ, я былъ капитанъ на турецкаго служба, а теперь...

— И тогда вы были въ кавказскомъ костюмѣ.

— Я? Нѣтъ. Вы думаете, что я говорю по-русски? Я говорю по-русски потому, что я жилъ на Кавказъ, жилъ на Одесса.

— И маклеромъ по пшеницѣ не были?—дорѣзывалъ турка Николай Ивановичъ.

— Я? Нѣтъ. Я аташе...—стоялъ на своемъ турокъ.

— Странно. А вотъ тутъ въ Біаррицѣ есть одинъ докторъ, который знавалъ васъ агентомъ по пшеницѣ въ Одессѣ. Знаетъ, что вы и въ Москву пріѣзжали агентомъ.

Турокъ совсѣмъ уже отошелъ отъ Николая Ивановича и, потрясая руками, говорилъ:

— Я агентъ? Нѣтъ. Я—аташе... Я дипломатическій агентъ—это вѣрно.

Сѣли за столъ. Подали устрицы. Глафира Семеновна сморщилась и отвернулась отъ блюда. Устрицы ѣлъ только американецъ, пріѣхавшій на велосипедѣ изъ Мадрида, и итальянскій баритонъ. Американецъ былъ жилистый коренастый мужчина, курносый, бѣлокурый, съ длинной клинистой бородой, но безъ усовъ, очевидно ирландскаго происхожденія. Ёлъ онъ совершенно молча. Итальянецъ глоталъ устрицы, схлебывая ихъ со звукомъ, и говорилъ что-то турку по-итальянски. Турокъ устрицъ не ѣлъ, но за то въ обильномъ количествѣ жевалъ редисъ и отбѣленный сырой сельдерей, поданный къ закускѣ, кивалъ итальянцу и часто повторялъ: „си, си... си, синьоръ“.

— Мусье Мустафа, о чемъ это онъ вамъ рассказываетъ?—спросилъ Оглотковъ турка.

— Трудно разбирать, —отрицательно потрясъ

тотъ головой и прибавилъ:—Пусть говоритъ. Я люблю итальянскій языкъ.

— Да и я люблю. Очень пріятный языкъ,—сказалъ Оглотковъ, приготовляя себѣ устрицу, снятую съ раковины, обмазалъ ее горчицей, присыпалъ перцемъ и, указывая на нее американцу и итальянскому пѣвцу, прибавилъ:—А ля руссъ. Это а ля руссъ.

Американецъ заговорилъ что-то по-англійски.

— Ессъ, ессъ... Я понимаю, — закивалъ ему Оглотковъ, поднялъ устрицу на вилку, положилъ въ ротъ, сморщился и проглотилъ.—Слава Богу, прошло...—шепнулъ онъ Николаю Ивановичу.

Тотъ тоже приготовлялся проглатывать устрицу, какъ лекарство, нажалъ на нее лимону, положилъ сверху кусокъ сардинки и ужъ тогда понесъ въ ротъ. Проглотивъ устрицу, Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Попроламъ съ сардинкой совсѣмъ хорошо. Такой вкусъ словно семгу ѣшь.

Глафира Семеновна сморщилась и отвѣчала:

— Поди ты... Противно...

Мадамъ Оглоткова долго держала у себя на тарелкѣ устрицу и ковыряла ее вилкой, не рѣшаясь съѣсть, но слыша, что Глафира Семеновна произнесла слово „противно“, проговорила:

— Вы не кушаете? Тогда и я не буду ѣсть. Невкусная вещь... Но я иногда ѣла ихъ потому, что мужъ сердится... „Нельзя, говоритъ, не ѣсть, если возвращаешься въ высшемъ обществѣ“.

— Вокругъ васъ только иностранцы. А я вѣдь думала, что вы въ русскомъ высшемъ обществѣ здѣсь вращаетесь,—замѣтила Глафира Семеновна.

— Во всякомъ. И въ русскомъ. Но сегодня русскихъ нѣтъ,—отвѣчала Оглоткова.—У насъ тутъ изъ русскихъ знакомыхъ одинъ князь, одинъ графъ и два генерала. Ахъ, да... Баронъ еще есть.

— Но я вотъ не понимаю, какъ вы съ такими иностранцами водите компанію? Вѣдь скучно, когда сидишь и молчишь. Ни они ничего не понимаютъ, ни вы...

— Мужъ любитъ. Вѣдь это его пріатели по лаунъ-тенисъ, по-игрѣ въ мячъ. Вотъ этотъ итальянскій пѣвецъ иногда что-нибудь поетъ намъ. Ахъ, онъ восхитительно поетъ!—вздыхнула мадамъ Оглоткова и закатила подъ лобъ свои узенькіе глазки.—А вотъ Мустафа Иванычъ...—кивнула она на турка.—Мы его зовемъ по-русски Мустафой Иванычемъ, и онъ откликается. Мустафа Иванычъ очень даже хорошо говоритъ по-русски и очень пріятный кавалеръ, любезный и обходительный.

Турокъ, ѣвшій въ это время фрикасе изъ баранины, отеръ усы салфеткой и отвѣчалъ:

— Мустафа Иванычъ на всякаго слово откликаться будетъ. Пусть пріятнаго дама чортомъ его назоветъ—онъ и то откликаться будетъ. Мустафа Иванычъ перваго дамскаго кавалеръ. И вотъ сейчасъ Мустафа Иванычъ покажетъ дамамъ самаго лучшаго бирюза.

Онъ полѣзъ въ жилетный карманъ, вытащилъ

оттуда что-то завернутое въ бумажки, развернулъ и подалъ дамамъ на тарелкѣ въ самомъ дѣлѣ великолѣпную крупную бирюзу.

— Ахъ, какая прелесть! — закричала мадамъ Оглоткова. — Какой цвѣтъ небесный! Вѣдь это-же восторгъ, что такое!

Николай Ивановичъ наклонился къ турку черезъ столъ и проговорилъ:

— Вотъ мнѣ помнится, что и тогда въ Москвѣ вы бирюзой торговали. Коврами и бирюзой.

Турокъ опять отрицательно потрясъ головой и сказалъ:

— Фуй, фуй... Нѣтъ... Никогда я съ бирюзой не торговалъ. Я — аташе.

— Мнѣ-же, мнѣ вотъ такъ точно, какъ сейчасъ изъ кармана вынимали и показывали.

— Ни-ни... Я аташе.

— Ну, аташе, такъ аташе. Выпьемъ, господинъ аташе, еще коньячку по рюмашечкѣ. Вотъ и мосе Оглотковъ съ нами выпьетъ, — предложилъ турку Николай Ивановичъ.

— Выпить могу. Мустафа-бей выпить не дуракъ, — отвѣчалъ турокъ.

— Всѣ, всѣ выпьемъ... И господинъ американецъ съ нами, и господинъ синьоръ Марковини... — подхватилъ Оглотковъ. — А ужъ потомъ перейдемъ на шампанское... Мистеръ Гаррисонъ! Ессъ? — отнесся онъ къ американцу и показалъ на бутылку.

— О, ессъ... — кивнулъ тотъ, улыбнулся и оскалилъ зубы.

— Синьоръ Марковини тоже есъ? — спросилъ Оглотковъ, протягивая къ его рюмкѣ бутылку.

Тотъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой и сказалъ по-французски:

— Жамэ.

При этомъ онъ указалъ рукой на горло.

Остальная мужская компанія выпила по рюмкѣ коньяку.

— Николай Ивановичъ, ты насчетъ коньяку-то не очень... А то ужъ и обрадовался! — замѣтила мужу Глафира Семеновна.

Х\XVII.

ПОДАЛИ шампанское. Мужчины, заложившіе передъ шампанскимъ хорошій фундаментъ коньякомъ, изрядно подпили. — Дамы тоже пили и развеселились. Глафира Семеновна, не любившая вина, увлекалась примѣромъ мадамъ Оглотковой, которая пила шампанское почти наравнѣ съ мужчинами, тоже чокалась съ подсѣвшими къ ней туркомъ и итальянцемъ и въ головѣ ея зашумѣло. Американецъ пилъ шампанское, прибавляя къ нему коньяку, и говорилъ, что это по-американски.

— Нонъ, мосье, се а ля руссь, — отвѣчалъ ему Николай Ивановичъ и, пользуясь случаемъ, что жена, увлекшаяся итальянскимъ пѣвцомъ, напѣвав-

шимъ ей какія-то любезности, не слѣдить за нимъ, дѣлалъ то-же самое.

— Зачѣмъ вы его зовете мосье? Онъ не мосье, а мистеръ,—замѣчалъ соотечественнику Оглотковъ.

— Ну, мистеръ, такъ мистеръ. Выпьемъ, мистеръ! Заатлантическій другъ! Такъ?

И Николай Ивановичъ протянулъ американцу черезъ столъ руку.

— Рюссъ и америкенъ—ами,—поддакнулъ Оглотковъ.—Ессь? Говорите ему почаше—ессь, тогда ему понятнѣе будетъ,—совѣтовалъ онъ.

Американецъ отвѣчалъ по-англійски и сказалъ что-то въ родѣ рѣчи, поднялъ бокалъ, поклонился сначала дамамъ, а потомъ Оглоткову и Николаю Ивановичу и сталъ чокаться.

Такъ они разговаривали и не скучали.

— Удивительно, какъ хорошо все понимаетъ, нужды нѣтъ, что не говоритъ по-русски,—хвалилъ Николаю Ивановичу американца Оглотковъ.—Вѣдь это онъ пилъ сейчасъ за здоровье русскихъ. А какъ онъ, шельмецъ, на велосипедѣ ѣздитъ—изумительно! Вотъ послѣ завтрака попросимъ показать намъ нѣкоторыя штуки здѣсь на дворѣ.

— Да онъ не акробатъ-ли?

— Чистѣйшій американскій аристократъ. Тамъ у нихъ въ Америкѣ нѣтъ родовой аристократіи, есть аристократія денежная, но все-таки онъ аристократъ.

Не скучала и Глафира Семеновна, слушавшая

рѣчи пѣвца на непонятномъ ей итальянскомъ языкѣ. Она сидѣла и улыбалась.

— Это вѣдь онъ про красота русскаго дамъ говорить,—замѣтилъ ей турокъ.

— Знаю, знаю. Я только не говорю по-итальянски, но все понимаю,—отвѣчала та.—Вѣдь мы съ мужемъ были въ Италіи, на Везувій даже взбирались. Скажите, Мустафа Иванычъ, вы изъ Египта?—спросила она турка.

— Изъ Египта, мадамъ.

— Хорошо тамъ?

— Каиръ въ Египетъ—все равно, что Парижъ. Такого-же магазины, такого-же моды. Телеграфъ, телефонъ, трамвай, желѣзная дорога—все есть.

— А люди больше черные?—допытывалась Глафира Семеновна.

— Всякаго люди есть. Чернаго люди, бѣлаго люди, полубѣлаго люди. Хорошаго театръ есть, опера есть, кафешантанъ есть. Онъ былъ тамъ,—указалъ турокъ на пѣвца.—Былъ и пѣлъ.

— Да что вы!

— Въ Каирѣ былъ, синьоръ? Каиро? Ву завезете а Каиръ?

— Си...—отвѣчалъ пѣвецъ, кивая.

— Видите, былъ...

Завтракать на всѣхъ столахъ уже кончили, а Николай Ивановичъ и Оглотковъ все еще сидѣли съ своей компаніей и пили шампанское. Лицо у американца сдѣлалось малиновое и глаза выпучились. У Оглоткова и Николая Ивановича заплетались.

лись языки. Дамы стали просить, чтобы пѣвецъ спѣлъ имъ что-нибудь. Онъ не ломался, перешелъ въ смежную съ столовой гостиную, гдѣ стояло пьянино, и запѣлъ арію тореадора изъ „Карменъ“, самъ себѣ аккомпанируя. Дамы стояли сзади его и слушали. Въ гостиную перешли и всѣ мужчины, куда имъ подали кофе и ликеры.

Когда пѣвецъ кончилъ, раздались аплодисменты.

— Bravo, bravo! — закричалъ во все горло Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна обернулась къ нему и, увидавъ его остолбенѣлые глаза, сказала:

— Да ты совсѣмъ пьянъ!

— Я? Ни въ одномъ глазѣ, — отвѣчалъ супругъ заплетающимся языкомъ.

— Не можетъ человѣкъ, чтобъ не нализаться!

— Позволь... Да вѣдь всѣ пили поровну. Вонъ мистеръ американецъ-то ужъ до того выпучилъ глаза, что сталъ похожъ на филина.

— До мистера мнѣ дѣла нѣтъ, а ты пьянъ, — гнѣвалась супруга.

— Мадамъ, мадамъ Ивановъ, бросьте... Сетасе... — подошелъ къ ней покачиваясь Оглотковъ. — Вѣдь пили въ компаніи знаменитостей. Лесе.

— Да вѣдь и сама ты, душечка, пила съ нами, — попробовалъ замѣтить Николай Ивановичъ. — Сама же ты меня...

— Молчите. Ужъ только потому прощаю, что дѣйствительно сама привела васъ сюда. Но больше у меня не смѣть пить!

Подъ южными небесами.

— Кофейку... Только кофейку.

Глафира Семеновна обернулась къ пѣвцу, запѣвшему какой-то романсъ, а мужъ за ея спиной ужъ пилъ бенедиктинъ, чокаясь съ американцемъ.

Пѣніе кончилось. Оглотковъ сталъ просить американца показать какіе-нибудь фокусы ѣзды на велосипедѣ.

— Велосипедъ... Велосипедъ... Монтре келькшозъ, мистеръ Гаррисонъ...—говорилъ Оглотковъ.

— О, ессь...—утвердительно отвѣчалъ американецъ, но ужъ онъ былъ на столько пьянъ, что стоялъ, разставя ноги для равновѣсія.

— Такъ на велодромъ, господа, на велодромъ!.. Тамъ лучше,—воскликнулъ Оглотковъ.—Я пошлю за экипажами. Мы поѣдемъ сейчасъ кататься, освѣжимся, заѣдемъ на велодромъ и тамъ мистеръ Гаррисонъ покажетъ намъ высшую точку... Ессь, мистеръ Гаррисонъ?

— О, ессь...

Минутъ черезъ пять къ подъѣзду отеля были поданы двѣ четырехмѣстныя коляски и въ нихъ сѣлась компанія. Дамы и пѣвецъ сѣли въ одну коляску, Николай Ивановичъ, американецъ и Оглотковъ въ другую. Турокъ не сѣлъ. Онъ сказалъ, что пойдетъ въ манежъ, возьметъ себѣ лошадь и пріѣдетъ на велодромъ верхомъ.

Поѣхали на Côte des Basques—восхитительную мѣстность, откуда черезъ заливъ, какъ-бы сквозъ дымку, виднѣлись фіолетовыя очертанія горъ Испаніи.

Николай Ивановичъ, сидя въ коляскѣ, клевалъ носомъ.

— Мосье Ивановъ... Вы спите...—толкнулъ его локтемъ Оглотковъ.

— Ни въ одномъ глазѣ...

— Ну, то-то. Лучше перемогаться... Вѣдь въ высшемъ кругу это не полагается, чтобы въ коляскѣ... Меня самого клонить ко сну, но я бодрюсь...

— Не понимаю только, какого чорта мы поѣхали,—проговорилъ Николай Ивановичъ.—Теперь послѣ такого завтрака самое разлюбезное дѣло было-бы всхрапнуть у себя въ номерѣ.

И онъ зѣвнулъ.

— Не полагается въ высшемъ кругу,—пояснилъ Оглотковъ.—Тутъ такой фасонъ жизни, что вся аристократія послѣ завтрака катается, виды какіе-нибудь разсматриваетъ. Вотъ горы, напримѣръ...—указалъ онъ вдаль и обратилъ на нихъ вниманіе и дремлющаго американца.—Мистеръ, горы...

Тотъ заморгалъ остолбенѣлыми глазами и пробормоталъ:

— О, ессь... Сіерра Невада...

— Сіерра Невада...—повторилъ Оглотковъ, расталкивая Николая Ивановича.—Смотрите...

— Смотрю, смотрю...—былъ отвѣтъ.—За нее мнѣ влетало въ училищѣ. Только изъ-за этого и помню, что влетало. Но Невада Невадой, а мнѣ пить хочется. Все горло пересохло.

— На велодромѣ мы достанемъ содовой воды. Пейте больше. Надо отпиться.

— Море готовъ выпить. Что, мистеръ? Спать хочешь, господинъ Америка?

Николай Ивановичъ хлопнулъ сидящаго передъ нимъ американца по колѣнкѣ. Тотъ повелъ глазами, попробовалъ улыбнуться и отвѣчалъ:

— О, ессь...

— Хорошіе ребята они... И американецъ, и итальянецъ... Хорошіе...—хвалилъ Николай Ивановичъ.—Кромѣ вашего турка. Этотъ подозрительный... совсѣмъ подозрительный. Онъ не аташе. Какой, къ чорту, онъ аташе! Онъ жидъ или кавказскій человѣкъ. Докторъ Потрашовъ его знаетъ. Да и я у него въ Москвѣ коверъ покупалъ. Онъ комисіонеръ. А итальянецъ, — настоящій итальянецъ и хорошій человѣкъ.

— Хорошій-то хорошій, но только я васъ предупрежу, какъ русскаго человѣка. Денегъ ему займы не давайте,—сказалъ Оглотковъ.

— А что?

— Занялъ у меня недѣли полторы тому назадъ въ Казино двѣсти франковъ на одинъ день, а и до сихъ поръ не отдаетъ. Сегодня просилъ еще двѣсти, но ужъ я—аминь. Пей, ѣшь, а насчетъ денегъ довольно.

Экипажъ, по приказанію Оглоткова, подѣхалъ къ велодрому и остановился.

XXXVIII.

НА велодромѣ было человекъ пятнадцать публики. Велодромъ имѣлъ также и отдѣленіе для гимнастики и фехтованія. Одна дама въ широчайшихъ панталонахъ синяго цвѣта и въ красной испанской фуражкѣ безъ козырька училась ѣздить на велосипедѣ. Около нея, держа ее за талью, бѣгалъ „профессоръ“ велосипедной ѣзды, какъ называлъ себя жиденскій французикъ съ бородкой клиномъ, въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ бѣлыхъ панталонахъ и черныхъ чулкахъ. Дама была въ компаніи двухъ мужчинъ, которые покуривали сигары. Показалось еще двое мужчинъ въ триковыхъ полосатыхъ фуфайкахъ, надѣтыхъ на голое тѣло, съ широкими поясами, въ короткихъ панталонахъ въ обтяжку. Они шли въ гимнастическое отдѣленіе. Оглотковъ увидалъ ихъ и одному изъ нихъ замахалъ руками.

— Прянсь! Мосье ле прянсь!—закричалъ онъ.— Вотръ альтесь... Мадамъ Ивановъ! Сейчасъ я познакомлю васъ съ тѣмъ нѣмецкимъ принцемъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Онъ видѣлъ васъ, какъ вы купались, и просилъ меня представить его вамъ,—обратился Оглотковъ къ Глафирѣ Семеновнѣ и тотчасъ-же подбѣжалъ къ одному изъ мужчинъ въ фуфайкѣ, длинному, какъ жердь, некрасивому, со впалой грудью и острыми тараканьими усами.

Онъ поздоровался съ нимъ, взялъ его подъ руку и подвелъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Вотъ, мадамъ Иванова, позвольте вамъ представить: принцъ Карлъ... фонъ-Франценбургъ,—проговорилъ онъ и прибавилъ: — Только одно колѣно и помню изъ его фамиліи... Длинная предлинная.

Принцъ приподнялъ фланелевую фуражку, обнаруживъ при этомъ совершенно лысую голову съ легонькимъ вѣнчикомъ бѣлобрыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, и ужъ полностью произнесъ свою фамилію, тщательно отчеканивъ всѣ ея „колѣна“, какъ выражался Оглотковъ. Глафира Семеновна зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и протянула ему руку.

Сказавъ ей нѣсколько словъ по-французски, онъ ослабилъ, поклонился, подошелъ къ мадамъ Оглотковой и тоже заговорилъ о чемъ-то. Николай Ивановича въ это время около жены не было. Онъ искалъ себѣ содовой воды, а потому и не былъ представленъ принцу.

Оглоткова въ это время подошла къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Неужели, душечка, это настоящій принцъ?—спросила ее Глафира Семеновна.

— Настоящій. У его отца даже войско, говорятъ, есть.

— Молодой, а какой некрасивый. Плѣшивый и даже криворотый. Или, можетъ быть, онъ нарочно, для тона, такъ кривить ротъ?

— Богъ его знаетъ. Но у него ротъ всегда почему-то на сторону... На сторону и открыть...

— Должно быть для тону. Онъ что-же это въ такомъ костюмѣ? Онъ на гимнастику шель?

— Да... да... Онъ развиваетъ все это... Большой любитель... Да и лечится. Видите, какой тощій... У него ни здѣсь, ни тутъ.

Мадамъ Оглотова тронула себя за грудь и за бедра.

— Послушайте, душечка,—обратилась къ ней Глафира Семеновна, вся сіяя отъ восторга.—Но неужели я была такъ интересна, когда купалась, что всѣ мнѣ говорятъ комплименты? Даже принцъ, настоящій нѣмецкій принцъ и тотъ...

— Мужчины...—пожала плечами Оглотова.—Они это любятъ. Да вы и на самомъ дѣлѣ были очень кокетливо одѣты, когда купались. Ну, и въ первый разъ... Наконецъ, мы съ мужемъ раззвонили. Вѣдь вы наша соотечественница... тоже русская.

— Вы не шутите, что это настоящій принцъ?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ.

„Непремѣнно заставляю мужа написать нашимъ знакомымъ въ Петербургъ, что вотъ такъ и такъ... Принцъ, настоящій нѣмецкій принцъ... Да и сама напишу одной своей знакомой... Пусть-ка она тамъ царапается отъ зависти“,—подумала Глафира Семеновна и самодовольно закусила губу.

А итальянскій пѣвецъ, стянувъ у щиколокъ концы брюкъ резинками, уже ѣздилъ по велодрому на велосипедѣ, выдѣлывая вензеля. Онъ оказался

такимъ-же хорошимъ велосипедистомъ, какъ и пѣвцомъ. Американецъ-же, настоящій велосипедистъ, про котораго шла молва, что онъ изъ Мадрида въ Біаррицъ на велосипедѣ пріѣхалъ, не показывался. Наконецъ, изъ кіоска, гдѣ продають шипучую воду, пришелъ Оглотковъ и сказалъ про американца:

— Пьянъ... Не можетъ ѣхать на велосипедѣ. Пьетъ содовую воду. Можетъ быть отопьется, но не скоро. У него до сихъ поръ еще глаза, какъ у рака.

— Ты не безпокой мистера Гаррисона! Не надо намъ его велосипедной ѣзды, — сказала мадамъ Оглоткова мужу. — Вотъ передъ нами велосипедный ѣздокъ, — указала она на итальянскаго пѣвца.

— Да развѣ это знаменитость по этой части? А вѣдь у того вся грудь увѣшана медалями за велосипедную ѣзду. Помнишь, онъ былъ у насъ на лаунъ-тенисѣ въ этихъ медаляхъ?

— Самъ-же ты говорилъ, что онѣ не настоящія.

— Хоть не настоящія, а все-таки... Вотъ я и хотѣлъ показать мадамъ Ивановой знаменитаго велосипедиста. Вы знаете, что онъ дѣлаетъ? Онъ намъ показывалъ. Онъ мчится на велосипедѣ, вынимаетъ изъ кармана бутылку, откупориваетъ ее, потомъ достаетъ рюмку, наливаетъ въ нее вина, выпиваетъ ее, — рассказывалъ Оглотковъ: — и такимъ-же манеромъ...

— Ну, мнѣ не надо этого... — перебила его Глафира Семеновна. — Я вообще не люблю фокусовъ

съ виномъ. Муженекъ любезный отвратилъ. А кстати скажите, что онъ?

— Пьеть содовую воду съ американцемъ. Они уже цѣлуются.

— Неужели! Скажите пожалуйста, они простую содовую воду пьютъ? Тамъ въ кіоскъ нѣтъ вина?

Оглотковъ замялся.

— Въ томъ-то и дѣло, что коньякъ есть. Они немножко прибавляютъ для запаха.

— Ну, тогда тащите мужа вонъ... Тащите пожалуйста!—воскликнула Глафира Семеновна.—Пойдемте даже вмѣстѣ... Я его сама вытащу. Ему нельзя давать... Онъ ужъ и такъ пьянъ.

Глафира Семеновна бросилась въ кіоскъ, гдѣ сидѣлъ мужъ, но тотъ ужъ выходилъ изъ кіоска подъ руку съ американцемъ.

— Глаша, я тебѣ скажу—это лучшій изъ всѣхъ сегодняшнихъ знакомыхъ...—началъ Николай Ивановичъ, указывая на американца.

Жена встрѣтила его, нахмурия брови.

— Такъ, такъ... Лучшій... Оттого и лучшій, что такой-же заливоча, какъ ты,—сказала она.—Мнѣ сейчасъ сказали, что ты ужъ и здѣсь коньякъ нашелъ и сосешь его. Ты мало еще пьянъ? Тебѣ еще хочется? Тебѣ хочется, чтобы мы твое тѣло тащили домой? Довольно. Ни шагу больше отъ меня. Ъдемъ домой!

— Потихе, потихе. Мы въ аристократическомъ обществѣ. Такъ нельзя,—останавливалъ жену Николай Ивановичъ.

— Ъдемте, мосье Оглотковъ, обратно. Намъ надо домой. Пора...—говорила Глафира Семеновна.

— Съ удовольствіемъ. И намъ пора въ кондитерскую Миремона пить шоколадъ. Черезъ часъ весь центръ высшаго круга туда перемѣщается. Но подождемъ немножко. Я общалъ принцу посмотрѣть на его гимнастическія упражненія на трапеціи,—сказалъ Оглотковъ.—Пойдемъ всѣ, посмотримъ.

— Ахъ! это любопытно!—оживилась Глафира Семеновна.—Но развѣ это можно?

— Говорю вамъ, что онъ даже просилъ.

— Тогда пойдемте. Ты отъ меня не смѣй отставать, Николай Ивановичъ.

Всѣ отправились въ отдѣленіе для гимнастики. Тамъ на трапеціи, привѣшанной къ перекладинѣ на двухъ столбахъ, выдѣлывалъ гимнастическія упражненія нѣмецкій принцъ. Завидя Оглотковыхъ, онъ сѣлъ на трапецію, какъ это дѣлаютъ акробаты и, покачиваясь, сдѣлалъ супругамъ привѣтственный жестъ рукой. Они зааплодировали ему. Аплодировала и Глафира Семеновна. Принцу понравились аплодисменты и онъ сдѣлалъ еще одно упражненіе, послѣ чего соскочилъ съ трапеціи и раскланялся, опять подражая акробатамъ. Аплодисменты усилились.

— Чего вы? Чего вы расхлопались! Что тутъ мудренаго? За что?—крикнулъ Оглотковымъ и женѣ Николай Ивановичъ и даже схватилъ за руку аплодирующаго американца, останавливая его.

— Оставь. Это принцъ... Это нѣмецкій принцъ... — шепнула ему Глафира Семеновна.

— Мало-ли что принцъ! Но мудрости-то никакой нѣтъ. Это и я могу... Даже лучше могу. Тогда и мнѣ аплодируйте. Всякому принцу носъ утремъ.

И прежде чѣмъ Глафира Семеновна могла сказать что-нибудь, Николай Ивановичъ подбѣжалъ пьяными шагами къ трапеціи, ухватился за нее руками, сталъ раскачиваться, но оборвался и растянулся во весь свой ростъ на землѣ.

XXXIX.

ГЛАФИРА Семеновна ахнула и всплеснула руками.

— Боже мой! Онъ убился! — воскликнула она, зажмурилась и отвернулась.

Къ ней подскочилъ итальянскій пѣвецъ и поддержалъ ее.

Николай Ивановичъ лежалъ на землѣ недвижимо, лежалъ внизъ лицомъ. Всѣ бросились къ нему. Первымъ подбѣжалъ нѣмецкій принцъ и сталъ поднимать его. Принцу помогали другіе мужчины. Мадамъ Оглоткова была при Глафирѣ Семеновнѣ.

— Сильно расшиблись? — участливо спрашивалъ Николая Ивановича Оглотковъ, стараясь поднять его.

— Маленько есть грѣхъ...—бряхтѣлъ Николай Ивановичъ.

Онъ поднялся на четвереньки и сѣлъ на землю. Лицо его было въ пыли, прилипшей къ поту. Изъ носа показывалась кровь.

— Боже мой, у васъ кровь!—закричалъ Оглотковъ.—Развѣ можно, не имѣя понятія о гимнастикѣ, раскачиваться на трапеціи!

— Да вѣдь что-жъ подѣлаешь, коли сорвался!—опять пробормоталъ Николай Ивановичъ.—А вѣдь въ сущности всѣ эти фокусы плевое дѣло.

— Встать-то вы можете? Ногу не сломали?—допытывался Оглотковъ.

— Ну, вотъ... Съ какой-же стати?

— Какъ съ какой стати? Вѣдь вы грохнулись объ землю, какъ мѣшокъ съ пескомъ.

Николай Ивановичъ попробовалъ подняться, но опять опустился на землю. Онъ очень испугался при паденіи и смотрѣлъ на всѣхъ мутными, выпученными глазами. Нѣмецкій принцъ взялъ его подъ руки сзади, воскликнулъ—„гопъ-ля“, и помогъ подняться на ноги.

— Das ist noch Glück... Das ist noch Glück...—говорилъ онъ, видя, что Николай Ивановичъ переступилъ съ ноги на ногу.—Das konnte schlechter sein.

— О, ессь...—кивнулъ принцу американецъ и побѣждалъ въ кіоскъ за содовой водой для Николая Ивановича.

Глафира Семеновна, видя, что мужъ упалъ от-

носительно счастливо, подошла къ нему и стала ему говорить:

— Ну, можно-ли въ пьяномъ видѣ лѣзть на гимнастику! Дуракъ ты эдакій, дуракъ! Не сломалъ ноги-то? Ребра цѣлы?—спрашивала она.

— Кажется, цѣлы. Зачѣмъ-же имъ ломаться-то!—проговорилъ Николай Ивановичъ и сталъ ощупывать бока.—Все въ порядкѣ. Нигдѣ ничего не отдаетъ.

— Оботри кровь-то у носа, да благодари Бога что цѣлъ остался! Ахъ, ты, безобразникъ! Никогда гимнастикой не занимался и вдругъ лѣзетъ на гимнастику!

— Какъ никогда? Въ училищѣ мы всѣ эти штуки на гимнастикѣ въ лучшемъ видѣ продѣлывали.

— Такъ вѣдь съ училища-то сколько времени прошло? Съ тѣхъ поръ ты брюхо отростилъ. Вотъ дуракъ-то!

— Глафира Семеновна! вспомните, что вы въ аристократической компаніи находитесь. Здѣсь принцъ, а вы ругаетесь,—замѣтилъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь ужъ это изъ глубины души. Ну, посуди самъ... Ну, что я должна была-бы сдѣлать, если-бы ты руку или ногу себѣ сломалъ? Вѣдь мы въ чужихъ краяхъ.

— Ну, вотъ... Ужъ и ногу...

— Не возражай... Да, наконецъ, утрешь ты кровь на лицѣ или нѣтъ? Стоитъ, какъ тумба.

Глафира Семеновна подскочила къ мужу и стала

отирать ему своимъ платкомъ кровь съ лица, но только размазала кровь.

— Иди и умойся! — продолжала она и воскликнула: — Батюшки, да у тебя синякъ подъ глазомъ! И какой большущій!

— Да, опухоль. Есть опухоль. Синякъ и опухоль, — подхватили Оглотковы.

Прибѣжалъ американецъ и принесъ стаканъ содовой воды. Николай Ивановичъ выпилъ содовой воды и, отирая лицо платкомъ, пошелъ въ кіоскъ, чтобы умыться. Всѣ слѣдовали за нимъ. Онъ слегка прихрамывалъ.

— Ты, должно быть, что-нибудь съ ногой сдѣлалъ! — кричала ему жена. — Ты хромаешь.

— Маленько отдаетъ въ правую колѣнку, но ничего...

— Несчастный! И дернула его нелегкая полѣзть на эту трапецію! Что носъ разбилъ, не бѣда, но отъ синяка на глазу долго мѣтка останется.

— За то съ принцемъ... съ настоящимъ нѣмецкимъ принцемъ на одной трапеціи... — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Мадамъ Оглоткова, правильно я?

Въ кіоскъ итальянскій пѣвецъ, спросивъ кусокъ льда у торговки прохладительными водами, началъ тереть Николаю Ивановичу льдомъ ушибленное мѣсто подъ глазомъ и бормоталъ дамамъ что-то по-итальянски, одобрительно кивая головой. Николай Ивановичъ не сопротивлялся.

— Знаменитые итальянскіе пѣвцы льдомъ нати-

раютъ! Вотъ какой почетъ!—подмигнулъ онъ женѣ.— Принцъ, настоящій нѣмецкій принцъ поднялъ меня, когда я упалъ, а итальянскій пѣвецъ натираетъ...

— Знаменитый американскій велосипедистъ содовой водой поилъ,—поддакнулъ Оглотковъ.

— Ну, вотъ видишь, Глашенька, изъ-за этого и упасть съ трапеціи стоитъ. Обо всемъ этомъ мы можемъ написать въ Петербургъ нашимъ знакомымъ, — закончилъ Николай Ивановичъ и пошелъ умываться въ отдѣленіе кіоска, находящееся за стойкой, гдѣ стояли сифоны съ водой и бутылки съ виномъ.

Когда онъ вышелъ оттуда чистый и причесавшійся, Глафира Семеновна воскликнула:

— Ну, вотъ! Здравствуйте! У него и носъ съ правой стороны раздуло.

— За то знаменитый итальянскій принцъ и нѣмецкій пѣвецъ... То бишь, что я... Нѣмецкій настоящій принцъ и американскій пѣвецъ...—бормоталъ мужъ.

— Ну, молчи, молчи ужъ, коли языкъ вретъ... Ыдемъ сейчасъ домой...—командовала Глафира Семеновна. — Мы домой, господа. Вы ужъ уступите намъ одну коляску, а до города мы господина американца доведемъ,—обратилась она къ Оглоткову.

Всѣ распрощались. Нѣмецкій принцъ тоже всѣмъ протянулъ руку.

Обратно въ Біаррицъ ѣхали: въ одной коляскѣ супруги Ивановы и американецъ, въ другой — супруги Оглотковы и итальянскій пѣвецъ. Амери-

канца Ивановы спустили около Портъ-Вье, а сами поѣхали къ себѣ въ гостинницу.

Выходя изъ коляски у гостинницы, Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Первымъ дѣломъ сейчасъ отоспаться. Дѣйствительно я изрядно грохнулся о землю и у меня то тамъ, то сямъ кости болятъ. Положу себѣ компрессъ изъ холодной воды и лягу.

— Какъ ты къ обѣду-то выйдешь съ эдакой рожей?—замѣтила Глафира Семеновна.

— Рожа какъ рожа. Ничего особеннаго... Я смотрѣлся въ зеркало. Немножко поприпухши, но это не важность. У принца рожа по моему еще хуже... Ну, сегодня обѣдъ къ себѣ въ номеръ потребуемъ. А вечеромъ буду писать письмо въ Петербургъ о принцѣ.

Дома Николай Ивановичъ, снявъ съ себя пиджакъ и жилетъ и положивъ на глазъ и носъ компрессъ, дѣйствительно завалился спать и вскорѣ захрапѣлъ и засвистѣлъ носомъ во все носовыя завертки.

Глафира Семеновна, раздѣваясь, смотрѣла на себя въ зеркало, позировала и долго любовалась своей фигурой. Утренній успѣхъ на Плажѣ оцѣнилъ ее.

„Положимъ, что я хорошо сложена, это я знаю, но должно быть, во мнѣ и еще есть что-нибудь пикантное, если такой успѣхъ... Непремѣнно есть“, — думала она, улыбаясь въ зеркало, поклонилась сама себѣ и вслухъ проговорила:

— Бонжуръ, мадамъ Ивановъ!

„Посмотримъ, какой завтра при купаньи успѣхъ будетъ!“ — мелькнуло у нея въ головѣ. — „Сегодня въ красномъ костюмѣ я была эффе́ктна, но нельзя же все въ одномъ и томъ-же костюмѣ каждый день... Куплю себѣ оранжевый костюмъ. Темно-желтый... Миѣ, какъ шатенкѣ, темно-желтый цвѣтъ также идетъ“, — рѣшила она.

Къ обѣду она будила мужа, но мужъ не всталъ: Она пообѣдала одна и отправилась покупать для себя на завтра темно-желтый купальный костюмъ.

Николай Ивановичъ проснулся только поздно вечеромъ. На столѣ горѣла лампа и кипѣлъ самоваръ. Глафира Семеновна сидѣла у стола и къ темно-желтому купальному костюму пришивала банты изъ черныхъ лентъ.

LX.

НАКОНЕЦЪ-ТО прочухался! — проговорила Глафира Семеновна полусердито, когда мужъ, кряхтя и охая, сталъ подниматься съ постели. — Какъ хочешь, а я ужъ пообѣдала. Я тебя будила, будила къ обѣду, даже ущипнула за руку, но ты и голоса не подаль, а только отмахнулся.

— Ничего, ничего... Я вотъ умоюсь да чайку
Подъ южными небесами.

малость... Чайку теперь любопытно, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Еще костюмъ купила? — спросилъ онъ, смотря, какъ жена пришиваетъ къ желтому купальному костюму банты.

— Не купаться-же мнѣ все въ одномъ и томъ-же. Пусть ужъ жена украшается, если мужъ съ разбитымъ глазомъ и опухшимъ носомъ.

— Ужъ и разбитымъ! — проговорилъ онъ, хотѣлъ жену упрекать по поводу новаго костюма, но чувствуя и за собой вину, что напился и расшибся, умолкъ, хотя подумалъ: „да она себя положительно какой-то акробаткой воображаетъ. Право, она полагаетъ, что купается не для себя, а для публики“.

И жена стала относиться къ нему сдержаннѣе. Когда онъ началъ умываться, она сказала:

— Ъсть хочешь, такъ тебѣ могутъ подать чего-нибудь холоднаго изъ кухни. Да и у насъ дома есть сыръ и колбаса. А бѣлаго хлѣба тебѣ дѣвушка принесетъ.

— Вотъ колбасы съ сыромъ я поѣмъ, а потомъ запью чаемъ, — отвѣчалъ онъ, сталъ передъ зеркаломъ причесываться, послѣ умыванья, и увидавъ, что синякъ подъ глазомъ увеличился и уже сталъ отдавать въ бурый цвѣтъ, попросилъ у жены пудры.

— Возьми вонъ тамъ на комодѣ пудровку... Только не растрепли мнѣ ее, — отвѣчала та.

Онъ припудрился, посмотрѣлся еще разъ въ зеркало и проговорилъ, оживляясь:

— Живетъ! съ пудрой-то и незамѣтно.

Когда онъ сѣлъ пить чай и закусывать, жена

принялась его разсматривать и проговорила, прищелкнувъ языкомъ:

— Ловко разукрасился! Какъ ты завтра на Плажъ-то выйдешь? Всѣ, какъ увидятъ твой глазъ, начнутъ спрашивать: какъ? что? когда? какимъ манеромъ?

— Я ужъ придумалъ, что отвѣчать, — подмигнувъ женѣ Николай Ивановичъ. — Доктору я признаюсь, а другимъ буду рассказывать, что когда я купался, волной выкинуло полѣно и ударило меня въ глазъ. Да, наконецъ, что-жъ тутъ такого постыднаго, что я на гимнастикѣ ушибся? Здѣсь половина пріѣзжихъ гимнастикой занимается.

— Да не пьяные, — былъ отвѣтъ.

— Эхъ, душенька! Полно корить! Не пьянство тутъ, а случай. Бывалъ я пьянъ, да не ушибался, — сказалъ онъ и прибавилъ: — За то случай... Не упавъ я съ трапеціи — съ владѣтельнымъ принцемъ не познакомился-бы. А тутъ самъ принцъ меня поднималъ. Принцъ поднималъ. Шутка-ли это! Прощаясь, мы другъ другу руку подали. Непремѣнно объ этомъ надо въ Петербургъ написать...

Кончивъ пить чай, Николай Ивановичъ тотчасъ-же взялъ перо, чернильницу, бумагу и принялся писать. Писалъ онъ долго, часто останавливался, грызъ станокъ пера и задумывался. Глафира Семеновна кончила ужъ пришивать банты къ купальному костюму и, развѣсивъ его на стулѣ, раздѣвалась, чтобы лечь спать, когда онъ пересталъ писать и сказалъ ей:

— Вотъ какую я поэзію Петру Семенычу нацарапалъ. Хочешь послушать?

— Читай,—отвѣчала жена, влѣзая на высокую французскую кровать.—Воображаю, что ты навралъ!

— Душечка, нельзя безъ этого. Надо, чтобы онъ ошалѣлъ отъ зависти.

И Николай Ивановичъ сталъ читать:

„Любезный Петръ Семенычъ. Пишу тебѣ второе письмо съ береговъ Атлантическаго океана, въ которомъ я и жена ежедневно купаемся. Волны ходятъ величиной съ петербургскій пяти-этажный домъ, но мы не боимся, ибо уже привыкли. Сегодня я плавалъ на глубинѣ восьмисотъ футовъ и всѣ удивлялись. Никто не доходилъ до такой смѣлости. Сначала думали, что я утонулъ и на каланчѣ для погибающихъ кораблей (по здѣшнему называется семафоръ) выкинули сигналы, но громадной волной выкинуло меня на берегъ и я, вставъ на ноги, раскланялся передъ стоявшей на берегу публикой. Надо тебѣ сказать, что здѣсь купаются въ купальныхъ костюмахъ. Костюмъ: панталоны до колѣнъ и рубашка безъ рукавовъ. Съ непривычки непріятно, когда мокрая одежда къ тѣлу прилипаетъ, но потомъ привыкаешь. Зато, впрочемъ, мужчины и женщины купаются вмѣстѣ. Когда я вышелъ изъ воды, я весь былъ облѣпленъ морскими раками, крабами по здѣшнему. Они прицѣпились къ рубашкѣ и панталонамъ клешнями и висѣли, извиваясь въ воздухѣ. Глафира Семеновна ахнула и чуть не упала въ обморокъ, но я былъ ни въ одномъ глазѣ... Всѣ

захлопали въ ладоши. Ко мнѣ бросается проживающій здѣсь принцъ Карлъ Францбургъ фонъ-Донербергъ (фамилія его еще длиннѣе, но я ее не выписываю) и крѣпко пожимаетъ мнѣ руку, поздравляя со спасеніемъ. При этомъ купаньѣ случилась и непріятность. Когда я былъ на глубинѣ восьмисотъ футовъ, волною выкинуло тюленя, который ударился о мою голову и разбилъ мнѣ глазъ и носъ, отчего эти части тѣла теперь распухли, а подъ глазомъ синякъ. Но я объ этомъ не горюю. Черезъ это я теперь герой Біаррица и обо мнѣ говорятъ, какъ о смѣльчакѣ-русскомъ. Всѣ проживающіе здѣсь знаменитости стараются со мной познакомиться, говорятъ комплименты женѣ и она даже прогуливалась сегодня подъ руку съ принцемъ. Вообще, мы здѣсь вращаемся въ высшемъ обществѣ и находимся въ кругу посланниковъ и генераловъ. Сегодня, послѣ купанья, завтракали съ турецкимъ, итальянскимъ и американскимъ посланниками, ѣли тѣхъ самыхъ крабовъ, которые прицѣпились ко мнѣ на рубашку, при чемъ знаменитый пѣвецъ Марковини пѣлъ намъ аріи изъ разныхъ оперъ. Будь здоровъ. Твой Н. Ивановъ“.

— Ну, можно-ли такъ врать!—воскликнула Глафира Семеновна, всплеснувъ руками.

— Всѣ путешественники, другъ мой, врутъ. Брось,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Получивъ письмо, Петръ Семенычъ прочтетъ его всѣмъ нашимъ знакомымъ и тогда—знай нашихъ! Съ дамами-то, съ дамами нашими знакомыми что про-

изойдетъ, когда онѣ узнаютъ, что ты здѣсь прогуливаешься съ принцемъ подъ руку!—торжествовалъ онъ и сталъ укладывать письмо въ конвертъ.

— Вѣдь надо-же придумать такую штуку: когда онъ купался, тюлень ударилъ его собой въ голову!—не унималась жена и юркнула подъ одѣяло.

— Да развѣ не можетъ волна выкинуть звѣря, на котораго я натолкнулся? Самая простая вещь. Ты думаешь, что здѣсь въ океанѣ нѣтъ тюленей? И покрупнѣе тюленя морскіе звѣри есть. Только переписывать письмо-то не хочется, а то напрасно я не написалъ, что это былъ не тюлень, а маленькій китъ, китенокъ, который и хлестнулъ меня своими усами по носу и по глазу. Вѣдь что такое китовый усъ, ты знаешь. Всѣ дамы должны знать, что такое китовый усъ, потому что онъ у нихъ въ платьѣ вставляется.

— Да знаю, знаю...—послышалось съ кровати.— А только такъ врать!

— Китовымъ-то усомъ хлестнешь, такъ знаешь, какой волдырь вздуется! Ну, да китовый усъ останется у насъ въ запасѣ.

Николай Ивановичъ написалъ конвертъ и тоже сталъ раздѣваться, чтобы ложиться спать.

XII.

ВТОРОЙ купальный дебютъ жены уже не волновалъ такъ Николая Ивановича, какъ первый, хотя она продѣлывала все то же, что и въ первый дебютъ, и даже мало того, выйдя изъ воды и видя, что стоявшій шагахъ въ десяти отъ нея нѣмецкій принцъ направляетъ на нее фотографическій аппаратъ, нарочно встала въ позу. И это не возмутило его. Такова сила привычки. А когда, послѣ купанья, они прогуливались въ сообществѣ доктора по Плажу и принцъ подошелъ къ Глафирѣ Семеновнѣ, поздоровался съ ней и вскользь подаль Николаю Ивановичу руку, Николай Ивановичъ ужъ торжествовалъ.

— Какое мы, докторъ, знакомство-то приобрѣли! — похвастался онъ Потрашову. — Вѣдь настоящій принцъ! Слышали, какъ онъ меня спросилъ про мое здоровье? Сказалъ: „ви гетсь?“ — и на глазъ указываетъ.

— А ты молчишь. Стоишь, какъ истуканъ, и молчишь, — замѣтила мужу Глафира Семеновна, чувствовавшая себя на седьмомъ небѣ.

— Врешь. Я сказалъ ему: мерси. Два раза сказалъ. А потомъ, когда онъ отходилъ, проговорилъ: „гутъ моргентъ“, — оправдывался тотъ.

Доктору Николай Ивановичъ признался, гдѣ и какъ онъ подбилъ себѣ глазъ, но старику генералу Квасищеву, когда тотъ при встрѣчѣ спросилъ,

что у него съ глазомъ, онъ разсказалъ о полѣннѣ, принесенномъ волной и ударившемъ его въ глазъ.

— Да неужели?—удивился генераль.—Вотъ какъ нужно быть осторожнымъ! Я не понимаю, чего-же бенъеры смотрять! Это ихъ обязанность. Волокитствомъ только занимаются, подлецы. Ну, вдругъ-бы это случилось съ дамой? Я скажу здѣшнему меру, чтобы онъ пугнулъ ихъ хорошенько. Я знаю здѣшняго мера.

Генераль отошелъ и при встрѣчѣ съ другими знакомыми сталъ разсказывать о печальномъ случаѣ съ однимъ русскимъ, ушибленнымъ во время купанья полѣномъ. Когда Николай Ивановичъ проходилъ мимо генерала, генераль кивалъ на него своимъ знакомымъ и говорилъ: „вотъ этотъ“. Слушавшіе генерала покачивали головами.

Послѣ полудня на Плажѣ уже всѣ говорили о полѣннѣ, ударившемъ въ глазъ русскаго. Николай Ивановичъ замѣтилъ, что сидѣвшія на галлерей дамы направляютъ на него бинокли.

— Это вѣдь на тебя смотрять,—замѣтила ему жена.

— Да, да... Теперь и я дѣлаюсь знаменитостью,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ самодовольно и даже покраснѣлъ отъ радости, при чемъ ухарски надвинулъ на бекрень свою сѣрую шляпу.

— Но зачѣмъ ты врешь! А вдругъ разговоръ о полѣннѣ дойдетъ до принца и онъ скажетъ, что это неправда, что синякъ твой отъ того-то и того-то. Наконецъ, Оглотковы, американецъ и пѣвецъ

Марковини... Они вѣдь видѣли, какъ ты грохнулся съ трапеціи.

— Вотъ развѣ это-то... Ну, я Оглоткова попрошу, чтобы онъ не болталъ.

А Оглотковъ былъ ужъ тутъ, какъ тутъ, въ своемъ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ съ загнутыми у щиколокъ брюками. На этотъ разъ вмѣсто шляпы на немъ была сѣрая шотландская шапочка съ лентами, спускавшимися по затылку. Подойдя къ супругамъ Ивановымъ, онъ похвастался:

— Только что сейчасъ отъ княгини Боснійской. Представлялся ей. Какая милая женщина! Я въ восторгѣ... Она устраиваетъ вмѣстѣ съ маркизой... вотъ ужъ забылъ фамилію... кажется, Кальвиль... нѣтъ, кальвиль — это яблоко такое есть. Ну, да все равно. Она устраиваетъ вмѣстѣ съ этой маркизой благотворительный раутъ въ Казино для здѣшнихъ бѣдныхъ, и я взялъ пять билетовъ по десять франковъ. Будетъ и лотерея-алегри... Совѣтую и вамъ заpastись билетами. Будетъ все высшее общество, — сказалъ онъ Глафирѣ Семеновнѣ и, обратясь къ Николаю Ивановичу, проговорилъ: — А съ вами, милѣйшій соотечественникъ, опять несчастіе? Говорятъ, васъ сегодня ударило во время купанья полѣномъ въ глазъ. Покажитесь-ка...

Оглотковъ взялъ его за плечи и взглянулъ ему въ лицо. Николай Ивановичъ смутился, не зная, что отвѣчать, но Оглотковъ тотчасъ и вывелъ его изъ смущенія.

— И все въ тотъ-же глазъ. Въ тотъ-же глазъ,

что и вчера?—продолжалъ онъ.—Вѣдь это удивительно: вчера и сегодня. Прямо можно сказать, что на бѣднаго Макара шишки валятся. Да... Сегодня это полѣно уже значительно вамъ увеличило ушибъ. Вчера ничего не было замѣтно. Я говорю про вчерашній ушибъ. А ужъ сегодня большой синякъ. Скажите, велико было это полѣно?

Слыша такія слова, Николай Ивановичъ и не возражалъ.

— Да, изрядное полѣно,—отвѣчалъ онъ.—Вершковъ въ десять въ длину и толщиной толще, чѣмъ въ мою руку. Да что я: въ руку! Вотъ два кулака сложить, такъ такое. Да вѣдь какъ ударило-то! Я свѣта не взвидѣлъ! И главное, по больному-то мѣсту.

— Я видѣла это полѣно. Громадное, березовое полѣно,—прибавила Глафира Семеновна.

— Вы говорите, березовое? — спросилъ Оглотковъ.—Странно. Откуда могло здѣсь взяться березовое полѣно? Вѣдь здѣсь на югѣ березы нѣтъ.

— Право, ужъ не знаю... но березовое...

— Да вѣдь здѣсь Атлантическій океанъ, — поспѣшилъ къ женѣ на помощь Николай Ивановичъ.—Развѣ не можетъ березовое полѣно съ Сѣвера приплыть? Можетъ быть, даже отъ насъ, изъ Олонецкой губерніи. Но я васъ хотѣлъ попросить, мосе Оглотковъ...—понизилъ онъ тонъ и отвелъ его въ сторону.—Не рассказывайге никому, что я, кромѣ сегодняшняго, вчера еще подбилъ себѣ

глазъ... Конечно, это и другіе видѣли: американецъ, пѣвецъ... Но я и другимъ скажу.

Оглотковъ отбѣжалъ отъ Ивановыхъ.

— Каково я выпутался-то? — подмигнулъ женѣ Николай Ивановичъ. — Пусть теперь на Плажѣ толкуютъ о полѣнѣ. И я буду... какъ это говорится? Попаду въ знаменитости... Да... Буду героемъ дня И ты героиня дня, и я герой дня... Ну, пойдемъ домой завтракать.

— Выпутаться-то ты выпутался, дѣйствительно тебѣ счастье, но что насчетъ того, что ты будешь такимъ-же героемъ дня, какъ и я—это вы ахъ, оставьте! — гордо отвѣчала Глафира Семеновна. — Ты и я! Меня за красоту, за статность цѣнятъ и объ этомъ разговоръ. А про тебя разговоръ: синяки, полѣно.

— И все-таки, разговоръ. Нѣтъ, я насчетъ этого геройства не уступлю, — стоялъ на своемъ Николай Ивановичъ.

Супруги Ивановы стали подниматься съ Плажа по извилистымъ дорогамъ на верхнюю террасу, направляясь къ себѣ въ отель, такъ какъ Плажъ уже значительно опустѣлъ по случаю приближавшагося часа завтрака.

Николай Ивановичъ не ошибся въ предположеніи насчетъ того, что онъ будетъ героемъ дня. Начать съ того, что лишь только они вошли въ столовую своего отеля, всѣ взоры сидѣвшихъ за столиками постояльцевъ сейчасъ-же были устремлены на его подбитый глазъ. Большинство изъ завтра-

кавшихъ въ отелѣ были сегодня на Плажѣ и слышали исторію о полѣнѣ, передававшуюся отъ одного къ другому.

— Ein Stück Holz... — пробормоталъ толстый нѣмецъ, сидѣвшій съ своей тощей, какъ щепка, супругой за отдѣльнымъ столикомъ, кивнулъ вслѣдъ Николаю Ивановичу и съ сожалѣніемъ покачалъ головой, прибавивъ:—Armer Rüsse...

Упомянули про полѣно и въ компаніи французъ, сидѣвшихъ за другимъ столикомъ.

— Слышишь, вѣдь это про меня говорятъ, — шепнулъ Николай Ивановичъ женѣ, когда они ушли за свой столъ.

— Вздоръ. Просто на меня любятъ, — гордо отвѣчала Глафира Семеновна. — Сегодня весь Плажъ смотрѣлъ, какъ я купалась. Толпа была еще больше вчерашней. И мой желтый костюмъ куда эффектнѣе краснаго. Тотъ только въ глаза бросался, но былъ широкъ, а этотъ въ обтяжку и обрисовывалъ формы.

Она налила себѣ въ стаканъ немного краснаго вина, мокала туда кусочки булки и ѣла ихъ въ ожиданіи завтрака, самодовольно посматривая по сторонамъ.

— Увѣряю тебя, душечка, что, главнымъ образомъ, на меня смотрятъ, — стоялъ на своемъ мужъ.

— Да нельзя на тебя не смотрѣть, если у тебя фізіономія разбита, но любятъ-то мной, а не тобой. Я героиня дня.

— Однако, я сейчасъ слышалъ, какъ вонъ тѣ

французы разговаривали о полѣнѣ, упоминали слово „буа“. Вотъ и сейчасъ. Ну, взгляни на нихъ.

— Оставь пожалуйста. Пусти, я сяду лицомъ къ нимъ... А то въ профиль я не такъ интересна.

И Глафира Семеновна пересѣла за столomъ.

Подали соленую закуску и редисъ. Супруги принялись кушать.

XII.

ВА вторымъ блюдомъ Глафира Семеновна замѣтила, что противъ нихъ за столикомъ сидятъ среднихъ лѣтъ брюнетъ съ маленькой эспаньолкой, величиной въ полтинникъ, и съ усами щеткой, пристально смотритъ то на нее, то на Николая Ивановича и держитъ въ рукѣ записную книжку. Она тотчасъ-же посмотрѣлась въ зеркало, поправила за ухо выбившуюся на високъ прядь волосъ и, сложивъ губы сердечкомъ, стала класть въ ротъ кушанье по самому маленькому кусочку. Она знала, что у ней ротъ нѣсколько великъ и что когда она открываетъ его широко, то это бываетъ некрасиво.

— Погляди, какъ этотъ брюнетъ на насъ уставился,—сказала она мужу.

— А пускай его смотреть. Вѣдь мы теперь знаменитости,—отвѣчалъ супругъ.

— Ты, а не я. Тебя я не признаю.

— Однако, онъ мой синякъ разсматриваетъ.

— Какое самомнѣніе!—улыбнулась супруга.

А брюнетъ съ эспаньолкой и усами щеткой не отходилъ отъ стола. Онъ ничего не пилъ, не ѣлъ, а прямо нетерпѣливо ждалъ чего-то, что выражалось тѣмъ, что онъ барабанилъ пальцами свободной руки по столу.

Но вотъ супругамъ подали фрукты. Глафира Семеновна взяла грушу и принялась очищать съ нея ножичкомъ кожуру. Брюнетъ съ эспаньолкой всталъ и подошелъ къ столу, гдѣ сидѣли супруги.

— Pardon, madame et monsieur...—сказалъ онъ, поклонившись, и продолжалъ говорить что-то по-французски, но о чемъ, супруги не поняли.

Наконецъ, онъ еще разъ поклонился, вынулъ изъ кармана визитную карточку и положилъ ее передъ супругами на столъ.

— Коммиссіонеръ какой-нибудь... Комми-воажеръ... Должно быть, продаетъ что-нибудь,—сказалъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна взяла карточку, взглянула на нее и, вся вспыхнувъ, проговорила:

— Нѣтъ, это корреспондентъ. Корреспондентъ какой-то французской газеты. Это ко мнѣ. Онъ, должно быть, хочетъ меня описать. Же ву при, монсье... Прене плясь...—обратилась она къ брюнету съ эспаньолкой и указала на стулъ.

Тотъ подошелъ къ столу, раскрылъ свою записную книжку и опять заговорилъ о чемъ-то по-фран-

цузски, но обращаясь къ Николаю Ивановичу, причемъ тронулъ себя пальцемъ за глазъ.

— Видишь, ко мнѣ, а не къ тебѣ...—сказалъ Глафирѣ Семеновѣ супругъ.—Ко мнѣ... Во-первыхъ, на глазъ показываетъ; во-вторыхъ, про полѣно упоминаетъ. „Буа“, говоритъ. Что-же мнѣ ему отвѣтить? Ужъ отвѣчай ты за меня. Я не могу... А ты все-таки лучше...

— Очень нужно за тебя отвѣчать! Къ тебѣ обращаются, такъ ты и отвѣчай,—обидчиво проговорила жена и даже отвернулася.

А брюнетъ сидѣлъ и вопросительно смотрѣлъ на супруговъ, держа въ рукахъ наготовѣ записную книжку и карандашъ, чтобы записывать.

— Какое упрямство!—пробормоталъ женѣ Николай Ивановичъ, ткнулъ себя въ грудь пальцемъ и объявилъ корреспонденту:—Рюссъ...

— De Saint-Petersbourg? Vous êtes ici avec madame votre épouse?—спросилъ брюнетъ.

— Сентъ-Петербургъ, Сентъ-Петербургъ...—кивнулъ ему Николай Ивановичъ.—Николя Ивановъ де Сентъ-Петербургъ... А вотъ ма фамъ...

Заслыша слова „мадамъ вотръ эпузъ“, Глафира Семеновна улыбнулась и оживилась.

— Пусти. Вѣдь вотъ онъ и обо мнѣ спрашиваетъ,—перебила она мужа —Буаля ма картъ, монсье...

Она полѣзла въ карманъ, достала оттуда записную книжечку, изъ нея вынула карточку и подала ее брюнету.

— Glafira Ivanoff de St.-Petersbourg...— прочелъ брюнетъ и поклонился.

Подаль свою карточку и Николай Ивановичъ. Брюнетъ еще разъ поклонился и спросилъ по-французски:

— Это было сегодня?

— Нонъ, нонъ, монсье... Же комансе іеръ...— отвѣчала Глафира Семеновна, думая, что онъ спрашиваетъ о ея купаньѣ.—Вѣдь я вчера начала купаться,—замѣтила она мужу.—Іеръ е ожурдюи.

— Да вѣдь онъ про меня и про полѣно спрашиваетъ,—перебилъ ее мужъ.—Про тебя рѣчь будетъ потомъ. Ты теперь про меня и отвѣчай.

— Какой величины было это полѣно, которое васъ ударило?—допытывался брюнетъ и при этомъ, показавъ руками размѣръ полѣна, спросилъ:—Такое?

— О,—воскликнулъ Николай Ивановичъ, понявъ изъ жестовъ, о чемъ его спрашиваютъ.—Больше. Комса...

И онъ раздвинулъ руки во всю ширину.

— Длинною въ метръ. Даже больше метра. Благодарю,—поклонился еще разъ брюнетъ, записалъ въ записную книжку размѣръ полѣна и сталъ задавать еще вопросы.

Николай Ивановичъ не понималъ и таращилъ глаза.

— Глаша! О чемъ онъ? О чемъ спрашиваетъ?—спросилъ онъ жену.

— Санте... Онъ спрашиваетъ о твоёмъ здоровьѣ. Ля тетъ... не болитъ-ли голова...—отвѣчала супруга.

— Ахъ, вотъ что! Мерси... Ничего... Нонъ нонъ... Ля тетъ не болитъ... и глазъ не болитъ... — бормоталъ Николай Ивановичъ. — Какъ глазъ, Глаша, по-французски? Переведи ему.

Глафира Семеновна, какъ могла, перевела брюнету, что мужъ ея здоровъ, что у него не болитъ ни голова, ни глазъ, ни носъ.

— Благодарю, мадамъ. Теперь все... — еще разъ поклонился брюнетъ.

Глафира Семеновна улыбнулась ему и ждала, что теперь онъ къ ней обратится съ какими-либо вопросами о ея купаньѣ, и ужъ приготовила слова для описанія ея костюмовъ — костюмъ ружъ е костюмъ жонъ фонсе — но онъ поднялся со стула и удалился отъ стола, направляясь къ выходу изъ столовой.

— Что-же онъ про меня-то, дуракъ онъ эдакій!.. — чуть не со слезами въ голосъ проговорила она. — Про меня-то ничего и не распросилъ. Сегодня съ меня даже самъ принцъ снялъ фотографію.

— Да вѣдь ужъ ты ему про себя рассказала. Рассказала и карточку свою дала... — сказалъ супругъ.

— Но я ему хотѣла рассказать про мои костюмы, про фотографіи... Вѣдь четыре снимка.

— А костюмы твои онъ самъ вчера видѣлъ. Вѣдь онъ здѣсь, въ Біаррицѣ, живетъ и навѣрное вчера и сегодня былъ на Плажѣ, когда ты купалась. А фizioномію твою и все остальное онъ разглядѣлъ, пока противъ насъ за тѣмъ столикомъ сидѣлъ.

Подъ южными небесами.

— Все равно, онъ долженъ былъ больше поинтересоваться. Невѣжа! А какъ перевреть?—негодовала Глафира Семеновна.

— Не перевреть. Они мастера. Они съ такой прикрасой отпечатаютъ, что потомъ не распознаешь даже, ты-ли это. Ну, чего ты насупилась-то? Должна радоваться,—проговорилъ Николай Ивановичъ, хлопнулъ рукой по столу и радостно прибавилъ:—Вотъ мы съ тобой, Глашенька, и во французскую газету попадемъ! Ура! Знай Ивановыхъ! Хочешь, можетъ быть, по сему случаю бутылочку шампанскаго выпить съ муженькомъ? Здѣсь шампанское недорого.

— Ну, вотъ... Чтобы второй глазъ потомъ подбить?—огрызнулась супруга.—Гдѣ карточка-то его? Какъ газета называется, въ которой онъ пишетъ?—спросила она, и когда мужъ подалъ ей карточку, она прочла:—„Le Vent de Paris“... „Парижскій Вѣтеръ“. Ужъ и газета-же!

— Такіе и сюжеты для себя подбираетъ. Вѣдь наши и сюжеты вѣтренные.

— Твой вѣтренный, а свой сюжетъ я за вѣтрённость не считаю.

Они поднялись и стали уходить изъ столовой къ себѣ въ комнату. Жили они во второмъ этажѣ. Поднимаясь по лѣстницѣ, Николай Ивановичъ сказалъ:

— Жалѣю, что я про тюленя слухъ не пустилъ или про китенка, которые мнѣ во время купанья глазъ подбили. Тогда сюжетъ-то былъ-бы занимательнѣе для газеты. Молодой русскій, ушибленный

во время купанья китомъ, ударившимъ его въ глазъ своими усами. Каково?

— Ахъ, оставь пожалуйста! Ужъ и такъ мнѣ твое вранье и хвастовство надоѣло!—закончила Глафира Семеновна.

XLIII.

ВЧЕРА и сегодня утромъ Глафира Семеновна такъ была набалована вниманіемъ къ себѣ біаррицкой пріѣзжей публики, что не на шутку стала считать себя знаменитостью, а потому холодное отношеніе репортера „Le Vent de Paris“ положительно опечалило ее.

— Дуракъ!—пробормотала она, входя къ себѣ въ комнату. — Интересуется подбитымъ глазомъ пьянаго человѣка, и ноль вниманія на женщину, съ которой даже принцы, настоящіе принцы собственноручно снимаютъ фотографіи. Теперь, можетъ быть, моя фотографія по всей нѣмецкой землѣ распространится, а онъ даже ни съ однимъ вопросомъ ко мнѣ не обратился. Спроси онъ меня хоть о чемъ-нибудь—я сейчасъ-бы ему ввернула, что мосе ле-прянсъ такъ и такъ... фотографы! А еще французъ! Гражданинъ дружественной намъ націи.

— Душечка, да вѣдь онъ видѣлъ все это на Плажѣ... Я про корреспондента... Такъ чего-же

ему такъ ужъ особенно-то тебя разспрашивать?—
выгораживалъ репортера Николай Ивановичъ.

— Молчать! Что ты понимаешь! Ты идолъ. Деревянный истуканъ.

И Глафира Семеновна накинулась на мужа.

Николай Ивановичъ видѣлъ, что жена расходилась, и не возражалъ ей. Сидя въ креслѣ, онъ дремалъ послѣ сытнаго завтрака и даже издалъ уже легкій всхрапъ.

— Если вы здѣсь дрыхнуть будете, то я не намѣрена съ мертвымъ тѣломъ сидѣть,—сказала она ему.—Я пріѣхала сюда гулять и легкимъ воздухомъ дышать. Я пойду къ мадамъ Закрѣпиной и мы отправимся съ ней на прогулку.

— Какъ хочешь, милочка, а я предпочиталъ-бы отдохнуть,—былъ отвѣтъ.

Глафира Семеновна перемѣнила платье и отправилась къ теткѣ доктора. Она рѣшила попросить старуху сходить съ ней къ фотографу. Она рѣшила съ себя снять нѣсколько кабинетныхъ портретовъ.

„Поклонники мои начнутъ просить мои фотографіи и у меня нечего имъ дать. Да и для себя на память о Біаррицѣ у меня нѣтъ портретовъ“, разсуждала она. Она рѣшила сняться въ парижской высокой шляпкѣ и черной кружевной целеринѣ на бѣломъ платьѣ, но по пути къ Закрѣпиной у ней мелькнула мысль: „А что не сняться-ли мнѣ, кромѣ того, и въ купальномъ костюмѣ? Должна-же я

оставить при себѣ память о моемъ фурорѣ. Вѣдь это же прямо фуроръ“.

Придя къ Закрѣпиной, она тотчасъ же сообщила ей объ этомъ и спросила ее мнѣніе.

— А какъ же вы, милая, будете позировать передъ фотографомъ-то? Вѣдь онъ мужчина, — сказала старуха Закрѣпина.

— А что-жъ изъ этого? Вѣдь я буду въ купальномъ костюмѣ. А вѣдь въ этомъ костюмѣ купалась же я передъ мужской публикой, — возразила ей Глафира Семеновна. — Мнѣ всего три-четыре оттиска для себя на память о Біаррицѣ. Ну, мужу подарю. Вѣдь всѣ эти фотографы-любители, которые снимали съ меня моментальныя фотографіи, не дадутъ мнѣ своихъ снимковъ. Генераль Квасищевъ, правда, обѣщаль, но какой это будетъ снимокъ! Я знаю любительскія фотографіи. Не то пробка какая-то выходитъ, не то... словно слонъ брюхомъ по бумагѣ ползаль. А тутъ ужъ будетъ настоящая фотографія.

— Дѣлайте, какъ знаете, другъ мой, а я готова вамъ сопутствовать къ фотографу, — сказала Закрѣпина. — Кстати, я и съ своего Бобки сниму карточки. Давно ужъ я съ него не снимала, — прибавила она и тутъ же задала вопросъ: — Но спросили ли вы у мужа насчетъ фотографіи въ купальномъ костюмѣ? Какъ онъ?

— О, что насчетъ мужа, мнѣ все равно. Я сама себѣ госпожа. Знаете, когда живешь за границей, то отвыкаешь отъ рабскихъ понятій. Мужъ самъ

по себѣ, я сама по себѣ, — дала отвѣтъ Глафира Семеновна. — Я женщина цивилизованная. Ну, такъ пойдѣмте. Мнѣ еще нужно зайти въ раздѣвальный кабинетъ за моимъ костюмомъ.

И они отправились къ фотографу. Впереди ихъ бѣжалъ Бобка, побрякивалъ бубенчикомъ на ошейникѣ и обнюхивалъ попадавшіеся по дорогѣ уголки. Старуха Закрѣпина умилялась на него.

— О, милая собачка! Смотрите, какъ онъ радуется! — говорила она. — Вы знаете, какъ я его хочу снять? Я хочу его снять на заднихъ лапкахъ, а въ зубки ему дамъ мои перчатки. Онъ всегда мнѣ ихъ подаетъ. При моментальной фотографіи это возможно.

Глафира Семеновна не слушала ее. Она была поглощена только собой.

— Я вотъ какъ сдѣлаю, — сказала она Закрѣпной. — Мы сейчасъ спустимся на Плажъ, зайдѣмъ въ раздѣвальный кабинетъ, и я тамъ прямо надѣну мой купальный костюмъ подъ платье.

— Дѣлайте, какъ лучше, ангелъ мой.

Черезъ минуту Глафира Семеновна перерѣшила.

— Нѣтъ, вѣдь я кромѣ того должна сняться въ обыкновенномъ костюмѣ и въ шляпкѣ, — проговорила она: — А поддѣтъ внизъ костюмъ — это утолщитъ мою талію. Да и не надѣнется купальный костюмъ подъ корсажъ. А безъ корсажа сниматься — что же это будетъ! Нѣтъ, нѣтъ Купальный костюмъ мы возьмемъ, и я переодѣнусь въ него у фотографа. Навѣрное же у фотографа найдется комната,

гдѣ это можно сдѣлать. А вы покараулите, чтобы кто не вошелъ. Вамъ, добрѣйшая Софья Савельевна, тоже дамъ одну мою карточку въ купальномъ костюмѣ.

— Мерси, мерси. Я вамъ тоже подарю Бобкинъ портретъ, — отвѣчала старуха. — А относительно купальнаго костюма дѣлайте какъ знаете.

„Чортъ-бы подралъ твоего Бобку! Вездѣ его суешь. Я ей о себѣ, а она о собакѣ“... подумала Глафира Семеновна, но скрѣпила сердце и ничего непріятнаго старухѣ не сказала.

Онѣ сошли на Плажъ, взяли оттуда желтый купальный костюмъ, въ которомъ сегодня утромъ купалась Глафира Семеновна, и продолжали путь къ фотографу. Былъ второй часъ дня. На Плажѣ въ это время публики бываетъ немного, и Плажъ былъ пустъ, на галлереяхъ только нѣсколько мужчинъ читали газеты и бродячій скульпторъ-итальянецъ, красавецъ собой, въ затертомъ глиной пиджакѣ и маленькой скомканной шляпѣ, ухарски надѣтой на бекрень, лѣпилъ изъ глины барельефъ съ какой-то совсѣмъ невзрачной дамы. Глафира Семеновна взглянула на него и сказала:

— Ахъ, вотъ и мнѣ надо съ себя бюстъ заказать ему сдѣлать. Давно ужъ я собираюсь. Оглотковы съ себя сдѣлали. И мужъ, и жена сдѣлали. Я видѣла... Отлично вышло. Снимусь въ фотографіи — и непременно обращусь къ этому скульптору, а то онъ теперь занятъ.

— Знаете, Глафира Семеновна, вы мнѣ даете прекрасную мысль, — проговорила Закрѣпина — За-

кажу и я ему бюсть съ моего Бобки. У меня ни съ одной моей собачки не лѣпили бюста.

Глафиру Семеновну покорило.

— Ахъ, Софья Савельевна, вездѣ то, вездѣ-то вы съ своей собакой!..—воскликнула она.—Я о себѣ, а вы о собакѣ... Вѣдь такъ нельзя. Да и художникъ не согласится.

— Отчего-же-съ?

— Ну, что такое собака? Ну, какой такой бюсть съ собаки! Вѣдь собака не знаменитая женщина. И, наконецъ, гордость художника. Достоинство его...

— Что? Ахъ, душечка! За деньги онъ съ чорта слѣпитъ. А что до знаменитости, то Бобка мой тоже знаменитъ. Вы знаете, онъ въ Москвѣ на собачьей выставкѣ серебряную медаль получилъ. Да-съ... Такъ вотъ и съ этой стороны... Вы развѣ не замѣчали, какъ имъ любится публика на Плажѣ, когда я иду съ нимъ?

— Ничего не замѣчала. По моему, самая обыкновенная собака.

— Ну, ужъ это вы бросьте!—воскликнула старуха.—Въ Москвѣ на выставкѣ старая княгиня Исполатьева буквально влюбилась въ него. Да и не одна княгиня. Генеральша Буканова...

— Не понимаю, какъ это возможно!

— Оттого, что вы не собачница.

— Я люблю собакъ, я ихъ не боюсь, но чтобы приписывать имъ то, что вы приписываете...

Глафира Семеновна развела руками.

— А любите, такъ сдѣлайте для меня одно удовольствіе,—сказала Закрѣпина, улыбаясь.

— Какое?

— Вѣдь вы общаете одинъ изъ вашихъ портретиковъ въ купальномъ костюмѣ мнѣ подарить на память.

— Всенепремѣнно.

— Такъ снимитесь вмѣстѣ съ моимъ Бобкой. Пусть мой Бобка у вашихъ ногъ стоитъ!

— Съ Бобкой? Съ собакой?—вскрикнула Глафира Семеновна.—Нѣтъ, нѣтъ, Софья Савельевна, этого я не могу! Что хотите, а этого я не могу!

Онѣ подошли къ дому, гдѣ была фотографія и остановились около входа въ нее, передъ витриной со множествомъ выставленныхъ карточекъ и портретовъ.

XLIV.

КОГДА Николай Ивановичъ проснулся, былъ уже пятый часъ—время, когда на Гранъ-Плажъ вторично высыпаетъ вся біаррицкая пріѣзжая публика.

„Жена теперь на Плажѣ. Надо и мнѣ бѣжать туда. А то какъ-нибудь не забаловала-бы“, мелькнуло у него въ головѣ. „Вѣтренность какая-то у ней здѣсь въ Біаррицѣ проявилась, чего прежде за ней

не было. И наконецъ, этотъ итальянскій пѣвецъ... Вчера онъ за ней очень ухаживалъ. А итальянскіе пѣвцы хоть кому голову вскружатъ“.

Николай Ивановичъ быстро надѣлъ на себя пиджакъ (онъ спалъ въ одномъ жилетѣ) и сталъ приводить передъ зеркаломъ въ порядокъ свою фізіономію. Синякъ подъ его глазомъ перешелъ ужъ въ фіолетово-бурый цвѣтъ и, расплываясь, терялся въ желтомъ оттѣнкѣ, но онъ не унывалъ вслѣдствіе такого украшенія фізіономіи, а даже въ нѣкоторомъ родѣ любовался имъ.

„Вѣдь вотъ поди-жъ ты, простой подбитый глазъ, а между тѣмъ, человѣка знаменитымъ сдѣлалъ“, разсуждалъ онъ мысленно. „Ну-ка у насъ въ Петербургѣ? Да хоть оба глаза себѣ подбей и въ придачу самъ искалѣчься—ничего подобного не произойдетъ“.

Пудра и пуховка стояли тутъ-же, передъ зеркаломъ, въ которое онъ смотрѣлся, но теперь онъ не вздумалъ даже припудрить синякъ и отправился на Плажъ.

На Плажѣ было много публики, и всѣ тотчасъ-же обратили на него свои взоры или, лучше сказать, на его подбитый глазъ. Около себя онъ то и дѣло слышалъ, что произносятъ его фамилію: мосье Ивановъ. Къ нему подошелъ совершенно ему незнакомый солидный человѣкъ въ золотыхъ очкахъ съ бородой въ просѣдъ. Онъ назвалъ свою фамилію и сказалъ:

— Позвольте познакомиться и выразить свою

скорбь по поводу случившагося съ вами сегодня печальнаго происшествія. Рязанскій помѣщикъ я.. Вашъ соотечественникъ, а потому счелъ долгомъ подойти къ вамъ.

Они пожали другъ другу руки.

— Коммерціи совѣтникъ Ивановъ,—пробормоталъ про себя соотечественнику Николай Ивановичъ, хотя никогда коммерціи совѣтникомъ не былъ.

— Скажите, какъ велико было это несчастное бревно, которое нанесла на васъ волна?—задалъ вопросъ рязанскій помѣщикъ.

„Чортъ знаетъ что такое! Уже бревно придумали“, мелькнуло въ головѣ у Николая Ивановича, но онъ немножко подумалъ и отвѣчалъ:

— Да какъ вамъ сказать... Сажени три-четыре.

— Боже мой, какая махина! И оно, разумѣется, свалило васъ съ ногъ?

— Обязательно. Долженъ вамъ сказать, что первоначально я подумалъ, что это китъ.

— Китъ? А развѣ здѣсь есть киты?

— То-есть не китъ, а китенокъ... Дѣтеныши кита тутъ попадаются. И знаете, если они ударятъ усомъ своимъ, то это сильнѣе всякаго бревна.

— Но вѣдь у васъ ужасъ что подъ глазомъ!—проговорилъ рязанскій помѣщикъ, обозрѣвая лицо Николая Ивановича, покачалъ головой и прибавилъ:—Знаете, судя по синяку, я даже думаю, что васъ и въ самомъ дѣлѣ молодой китъ ударилъ, а вамъ только съ испугу показалось, что это было бревно.

Они распрощались.

Николай Иванович торжествовалъ. „Положительно попалъ я въ знаменитости“, думалъ онъ. Онъ шелъ, искалъ глазами жену и вдругъ увидалъ ее сидѣвшую на галлерей купальныхъ кабинетовъ, а передъ ней итальянца-скульптора, который лѣпилъ съ нея барельефъ, ловко набрасывая глину на доску. Поодаль отъ нея сидѣла старуха Закрѣпина съ собачкой на колѣняхъ и кормила ее только что купленными сладкими пирожками у разнозчика. Николай Ивановичъ изумился. Глафира Семеновна, дабы задобрить его, улыбнулась ему.

— Тебѣ сюрпризъ приготовляла, а вотъ ужъ теперь не выйдетъ сюрприза,— сказала она.— Все-таки это для тебя. Я тебѣ подарю.

— И я наняла итальянца, чтобы онъ послѣ вашей супруги бюстъ съ моего Бобки слѣпилъ,— сказала Николаю Ивановичу старуха Закрѣпина, здороваясь съ нимъ.

— Что-жъ ты не благодаришь меня?—спросила его жена.— Вѣдь знаменитая дама дарить тебѣ.

— Спасибо, милочка, спасибо. Я самъ закажу свой бюстъ этому скульптору и подарю тебѣ. О бюстѣ я давно воображалъ. Я даже попрошу его, чтобы онъ вылѣпилъ меня, какъ я теперь есть, съ опухолью подъ глазомъ. Знаменитости отъ знаменитости. Это будетъ воспоминаніе...

— Хорошо воспоминаніе, нечего сказать!

— Однако, ко мнѣ подходятъ совершенно незнакомыя лица; знакомятся и пожимаютъ мнѣ руки

по поводу моего подбитого глаза. Сейчас подошелъ какой-то курскій помѣщикъ. „Я, говоритъ, предводитель дворянства. Позвольте познакомиться и пожать вамъ руку“. И представъ себѣ, здѣсь на Плажѣ ужъ не вѣрятъ, что это мнѣ ушибло глазъ бревномъ, а положительно думаютъ, что это былъ китъ. Сейчас вотъ этотъ предводитель дворянства, о которомъ я рассказываю... Онъ графъ какой-то...—прихвастнулъ Николай Ивановичъ.

— Да ты передъ Софьей-то Савельевной не заносись,—перебила мужа Глафира Семеновна.— Она знаетъ, какъ ты синякъ получилъ. Я рассказала ей.

Николай Ивановичъ нѣсколько опѣшилъ.

— Да я и не заносусь,—отвѣчалъ онъ.—А только здѣсь не вѣрятъ, чтобы это было бревно.

— И нельзя вѣрить. Вѣдь ты про бревно самъ сочинилъ.

— Ну, однимъ словомъ, многіе полагаютъ, что китъ. Я молчу, я ничего не говорю, а другіе люди...

Итальянецъ-скульпторъ оформливалъ глину, улыбался и трещалъ безъ умолка, говоря что-то по-итальянски. Глафира Семеновна, видимо, любовалась имъ.

— Какіе у него бѣлые зубы!—сказала она Закрѣпиной и, обратясь къ мужу, прибавила:—Вѣдь вотъ и онъ называетъ меня „иллюстрисима“, а иллюстрисима-то знаешь, что значить? Знаменитость. И еще могу тебѣ сообщить новость,—продолжала

она:—Тебѣ будетъ второй сюрпризъ отъ меня. Догадайся, какой?

Она заискивающе подмигнула мужу.

— Почему-же мнѣ-то знать,—отвѣчалъ тотъ.—Я не отгадчикъ мыслей. Новый купальный костюмъ купила, что-ли?

— Это само собой.

— Третій? Боже мой!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Я сказалъ въ шутку, а она, оказывается, и въ самомъ дѣлѣ купила.

— Не могу-же я каждый день бунаться въ одномъ и томъ-же костюмѣ! Здѣсь хорошее общество: князья, графы, принцы, генералы. Да чего ты сердишься-то? Здѣсь они дешевы, эти костюмы. Сегодня, напримеръ, я купила отличный полосатый бѣлый съ синимъ, и всего только семь франковъ онъ стоитъ. Вѣдь бумажная матерія. А у меня для тебя еще есть сюрпризъ...—проговорила Глафира Семеновна и заискивающе посмотрѣла на мужа.—Только ты не сердись. Сейчасъ мадамъ Закрѣпина ходила въ фотографію снимать своего Бобку... И я съ ней была тамъ.

— Бобкинъ портретъ вы отъ меня получите въ рамкѣ изъ раковинъ и можете въ Петербургѣ на письменный столъ у себя поставить,—заявила Закрѣпина Николаю Ивановичу.

— Мерси,—поклонился Закрѣпиной тотъ и спросилъ жену:—И ты сняла съ себя портретъ? Такъ за что-жъ тутъ сердиться-то? Дѣйствительно, надо

и мнѣ снять съ себя кабинетные портреты... Я такъ съ синякомъ и снимусь. Пусть будетъ на память.

— Дался ему этотъ синякъ!—проговорила жена

— У кого что болить, тотъ о томъ и говорить Ты о купаньѣ, а я о синякѣ.

— А хочешь имѣть мой портретъ въ купальномъ костюмѣ?—спросила жена.

— Да неужели ты снялась въ купальномъ костюмѣ?

Николай Ивановичъ всплеснулъ руками. Глафира Семеновна ласково кивнула ему головой и заговорила:

— Только ты не сердись. Ничего тутъ такого нѣтъ особеннаго. Я заказала только три карточки: себѣ, тебѣ и Софьѣ Савельевнѣ. Софья Савельевна была все время со мной, когда я снималась... Фотографъ былъ старичекъ.. Что-жъ тутъ такого? Вѣдь здѣсь всѣ купаются въ своихъ костюмахъ при мужчинахъ, такъ отчего-же фотографу-то?... Вѣдь это-же предубѣжденіе... А ты цивилизованный человѣкъ... И, наконецъ, мы здѣсь за границей...

Николай Ивановичъ стоялъ передъ женой совсѣмъ изумленный, скоблилъ себѣ затылокъ и, наконецъ, произнесъ, прищелкнувъ языкомъ:

— Ну, Глаша! Ну, Глафира Семеновна! Ну мадамъ Иванова!

Онъ развелъ руками.

XLV.

НА слѣдующее утро супруги Ивановы только еще встали и пили свой утренній кофе, какъ въ комнату къ нимъ кто-то постучался.

— Кто тамъ? Ки е ля?—спросила Глафира Семеновна по-русски и по-французски.

— Это я. Докторъ Потрашовъ, — былъ отвѣтъ изъ-за двери.—Можно къ вамъ войти?

— Боже мой! Но я еще не одѣта!—воскликнула Глафира Семеновна.—Я въ пеньюарѣ.

— Врачей очень часто принимаютъ въ пеньюарахъ! Къ тому-же я увѣренъ, что вашъ пеньюаръ прелестенъ! — кричалъ докторъ. — Я къ вамъ съ курьезной новостью. Объ васъ кое-что напечатано въ газетѣ.

Глафира Семеновна встрепелась.

— Сейчасъ, сейчасъ... Все-таки я должна немножко поправиться, вы подождите, — сказала она, вскакивая изъ-за стола, поправила растрепанныя постели, бросилась къ зеркалу, зашпилила пеньюаръ на груди брошкой, припудрилась, слегка провела гребенкой по волосамъ и крикнула:—Войдите.

Вошелъ докторъ Потрашовъ и поздоровался.

— Въ мѣстномъ листкѣ сегодня есть кое-что про васъ,—проговорилъ онъ супругамъ.

— Про меня?—воскликнула Глафира Семеновна. — Ну, что я тебѣ говорила! — обратилась она къ мужу.

— Есть и про васъ, но болѣе про него, — кивнулъ докторъ на Николая Ивановича.

Тотъ самодовольно улыбнулся и сказалъ женѣ:

— Нѣтъ, милая, твоя слава только здѣсь, въ Біаррицѣ, среди полуумныхъ англичанъ и дряхлыхъ старикашекъ, распускающихъ слюни на купающихся бабенокъ, а моя слава распространится по всей Европѣ! Да-съ... Что-нибудь насчетъ полѣна или бревна?—спросилъ онъ доктора.

— Да, да... Ужасъ, что напечатали! Чепуху какую-то...

— Ну, да... Еще вчера въ Казино нѣкоторые говорили, что можетъ быть это было и не бревно, а какой-то электрическій угрь, которые здѣсь часты... Угрь задѣлъ меня, ожогъ электричествомъ и вотъ вслѣдствіе этого у меня явился синякъ.

— Но вѣдь ничего подобнаго-же не было, ты самъ знаешь, — возразила Глафира Семеновна.

— Ничего не извѣстно. Можетъ быть и было, но я не замѣтилъ, — проговорилъ супругъ.

Онъ ужъ и самъ сталъ вѣрить, что его что-то ушибло при купаньи.

— Но вѣдь ты это самъ сочинилъ, Николай... И про полѣно, и про бревно...—уличала его жена.

— Самъ или не самъ—это все равно, — уклонился Николай Ивановичъ отъ отвѣта: — Но что могъ быть электрическій угрь—это возможно. Про угря говорилъ не кто-нибудь, а профессоръ, одинъ нѣмецкій профессоръ, а генераль Квасищевъ перевелъ мнѣ, что онъ говорилъ. Профессоръ гово-

рилъ это по-нѣмецки. Про электрическаго угря, то-есть.

— Что ты намъ зубы-то заговариваешь! — вопіяла Глафира Семеновна. — Мы-же вѣдь очень хорошо знаемъ, что ты подбилъ себѣ глазъ, упавъ съ трапеціи на велодромѣ.

— Да, это вѣрно. Но электрическій угрь все-таки могъ стегнуть меня хвостомъ и подправить синякъ, когда я купался. А я этого не замѣтилъ. Но я почувствовалъ что-то... Я помню.

— Вотъ вретъ-то! Ахъ, лгунъ! И это кому-же? Свидѣтельница, которая видѣла, какъ онъ съ трапеціи сверзился.

— Оставь, Глаша. Я знаю только одно, что съ вечера синякъ былъ меньше, а на утро, когда я выкупался въ морѣ, онъ разросся втрое... Ну, и значить, электрическій угрь. Садитесь, докторъ. Кофею не прикажете-ли? — предложилъ Николай Ивановичъ Потрашову.

— Два раза ужъ сегодня кофе пилъ, — отвѣчалъ докторъ, присаживаясь къ столу и развертывая мѣстный листокъ, гдѣ печатаются біаррицкія злобы дня, а главное, фамиліи пріѣзжихъ на морскія купанья. — Сейчасъ я переведу вамъ, что здѣсь напечатано о васъ.

И докторъ, смотря во французскій текстъ, началъ читать по-русски:

— „Вчера въ нашемъ прекрасномъ уголкѣ — Біаррицѣ случилось небывалое печальное происшествіе, жертвою котораго сдѣлался одинъ круп-

ный русскій коммерсантъ Николай де-Ивановъ, изъ Петербурга, вотъ уже около двухъ недѣль проживающій у насъ съ своей красивой супругой Глафирой де-Ивановой“...

— Вотъ видишь, значить и про меня есть... — проговорила Глафира Семеновна, вспыхнувъ отъ удовольствія.

— Позвольте... не перебивайте, — остановилъ ее докторъ и продолжалъ: — „...Мадамъ Глафирой де-Ивановой, давно уже замѣченной по своей граціи среди дамскаго цвѣтника, украшающаго нашъ Гранъ-Плажъ. Нашего гостя Николая де-Иванова во время его купанья въ морѣ ударило въ лицо, какъ онъ самъ рассказываетъ, большимъ кускомъ дерева“. — Большимъ полѣномъ, бревномъ — вотъ какъ можно перевести... — пояснилъ докторъ. — „Послѣ чего осталась опухоль съ кровянымъ подтекомъ, который мы сами имѣли возможность наблюсти. Случай этотъ небывалый въ Біаррицѣ. Монсье Николай де-Ивановъ купался одинъ безъ бенъера и, по его словамъ, такъ былъ ошеломленъ ударомъ, что не замѣтилъ, какъ выброшенное волной дерево уплыло назадъ въ море“...

— По моимъ словамъ... Никогда я ничего подобнаго никому не рассказывалъ, что я не замѣтилъ, — проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Да ты и не могъ что-либо замѣтить, коли никакого бревна не было, — отвѣчала Глафира Семеновна и воскликнула: — Господи! можетъ-же быть такой переплетъ!

— Слушайте, слушайте... — перебилъ ее докторъ. — „Поиски бревна на Большомъ и другихъ Плажахъ не увѣнчались успѣхомъ. Рыбаки, выѣзжавшіе въ море, также не видали бревна, поэтому есть основаніе полагать, не получилъ-ли господинъ де-Ивановъ ударъ отъ электрическаго угря, водящагося на извѣстныхъ глубинахъ нашего залива. Эти догадки дѣлаютъ и ученые зоологи, проживающіе въ Біаррицѣ“.

— Вотъ тебѣ, вотъ! — воскликнула Глафира Семеновна, указывая на мужа. — Газета прямо говорить, что ты врешь насчетъ бревна.

— Нѣтъ, газета не говорить, что я вру, а она хочетъ все свалить на электрическаго угря, — отвѣчалъ тотъ. — Правильно я, докторъ?

— Вообще это чортъ знаетъ, что такое!

Докторъ развелъ руками.

— Ну, угрь, такъ угрь. Пусть будетъ электрическій угрь. Угрь даже лучше, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Меня забавляетъ, какъ онъ это самоувѣренно говорить! — пожала плечами супруга. — И что меня бѣситъ — при насъ. Пойми ты, что вѣдь ни бревна, ни угря не было. Ахъ, какой глупый! Нѣтъ, ты это нарочно.

— Ну, нарочно, такъ нарочно. Ну, пускай ничего не было. А если ужъ толкуютъ и въ печать попало, то пусть толкуютъ объ угрѣ. Я и самъ теперь буду рассказывать объ угрѣ и ты го-

вори объ угрѣ,—обратился Николай Ивановичъ къ супругѣ.

— Ничего я не стану рассказывать! Вотъ еще, стану я врать! Буду всѣмъ говорить, что ничего не знаю, ничего не видала и тебѣ не вѣрю. Пожалуйста, и ты меня не впутывай. Видишь, я здѣсь на какомъ счету, — сказала та и, обратясь къ доктору, спросила:—Ну, что-же дальше-то, докторъ? Читайте.

— Да больше ничего. Все. Вотъ вамъ газета. Возьмите себѣ на память этотъ водевиль.

Докторъ сложилъ газету и положилъ на столъ.

— И про меня больше ничего? — допытывалась Глафира Семеновна.

— И про васъ ничего.

Она немного надулась.

— Странно... Я думала, что онъ о моемъ купаньѣ что-нибудь упомянетъ, о моихъ купальныхъ костюмахъ. Про испанскую наѣздницу здѣсь писали-же...—проговорила она. — Скажите, эта газета здѣшняя, біаррицкая?

— Мѣстная.

— Ну, такъ обо мнѣ будетъ еще въ парижской газетѣ корреспонденція. Я не говорила вамъ развѣ, докторъ, что ко мнѣ приходилъ корреспондентъ изъ газеты „Ле Ванъ де Пари?“

— Не къ тебѣ онъ приходилъ, а ко мнѣ, на счетъ моего глаза,—перебилъ ее супругъ.

— Будетъ, будетъ въ парижской газетѣ обо мнѣ

корреспонденція, — хвасталась Глафира Семеновна доктору.

Докторъ поднялся.

— Ну, я на Плажъ. До свиданья. Надѣюсь увидѣться тамъ съ вами, — сказалъ онъ и, подмигнувъ Глафирѣ Семеновнѣ, прибавилъ: — У васъ сегодня будутъ соперницы. Приѣхали какія-то двѣ американки и будутъ сегодня купаться въ первый разъ. Ужъ вчера объ нихъ въ Казино былъ разговоръ.

— Американки? Воображаю!... Миноги... Онѣ всегда тощи, какъ миноги! — презрительно проговорила Глафира Семеновна вслѣдъ удалявшемуся доктору и самодовольно посмотрѣла въ зеркало на свой округлый станъ.

XLVI.

 ДОКТОРЪ Потрашовъ былъ правъ, назвавъ приѣзжихъ сестеръ-американокъ соперницами Глафиры Семеновны. Какъ новинки на Плажѣ, онѣ своимъ купальнымъ дебютомъ отбили всякое вниманіе къ ней публики. Сегодня около сестеръ-американокъ повторилось все то-же, что было третьяго дня около Глафиры Семеновны. Также толпою бродили за ними мужчины всѣхъ возрастовъ и національностей, также толпой остановились они около входа въ раздѣвальные кабинеты,

когда американки туда удалились переодѣться въ купальные костюмы, и съ тѣмъ-же нетерпѣніемъ и блестящими глазами и отвислыми губами ждали выхода американокъ изъ раздѣвальныхъ кабинетовъ. Точно также, какъ два дня тому назадъ за Глафирой Семеновной, побѣжали мужчины за американками, когда тѣ въ сопровожденіи бенъеровъ пошли въ воду, точно также тѣснили и расталкивали другъ друга. Явились и всѣ наличные фотографы-любители съ аппаратами для моментальныхъ снимковъ и сдѣлали эти снимки для своихъ альбомовъ. Вниманіе къ американкамъ было даже еще большее, ибо ихъ было двѣ, и онѣ, купаясь обѣ сразу, представляли собой сравненіе другъ съ другомъ, а Глафира Семеновна была одна. Американки купались—одна въ красномъ съ бѣлымъ полосатомъ костюмѣ, а другая въ голубомъ съ бѣлымъ. Ни красотой, ни особенной статностью онѣ не отличались, между тѣмъ, онѣ все-таки имѣли большой успѣхъ во время купанья, какъ выражаются въ Біаррицѣ. Ихъ разобрали по косточкамъ, но разобрали съ восторгомъ, съ отвислыми мокрыми губами. У „красной съ бѣлымъ“ хвалили торсъ, а у „голубой съ бѣлымъ“ отдали предпочтеніе икрамъ. Аплодировали американкамъ куда больше, чѣмъ Глафирѣ Семеновнѣ, и съ триумфомъ проводили ихъ изъ моря въ раздѣвальные кабинеты.

Глафира Семеновна видѣла все это, ревновала толпу къ американкамъ и въ досадѣ и злости грызла свой носовой платокъ. Она сидѣла на галлерей,

помѣстившись въ стульяхъ, отдающихъ по десяти сантимовъ. Около нея были докторъ и мужъ, но ни одинъ изъ ея вчерашнихъ поклонниковъ къ ней даже не подошелъ. Всѣ они были поглощены новинкой, прїѣзжими американками. Глафира Семеновна видѣла, какъ проковылялъ за ними, мимо нея, генераль Квасищевъ въ своемъ потертомъ пиджакѣ и пыльной шляпѣ, но не остановился, чтобы поздороваться съ ней, видѣла лорда, видѣла итальянскаго пѣвца, бѣгущихъ въ толпѣ, но они даже не поклонились ей, до того были увлечены американками. Между тѣмъ, она рассчитывала, что упоминаніе объ ней въ газетѣ еще больше возвыситъ ея славу.

— Итальянецъ-то какой невѣжа!—сказала она мужу.—Бѣжить мимо и хоть-бы кивнулъ.

— Денегъ у меня вчера просилъ взаймы, когда мы были въ Казино, а я не далъ—вотъ и пробѣжалъ мимо,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Двѣсти франковъ просилъ. Теперь ужъ, матушка, поставь надъ этимъ поклонникомъ крестъ.

— Вы про пѣвца? Картежникъ,—прибавилъ докторъ.—Онъ проигралъ ужъ здѣсь въ Казино въ баккара два брилліантовыхъ перстня и серебряный бритвенный приборъ, который ему поднесли, по всѣмъ вѣроятіямъ, его поклонницы. Я съ моимъ патрономъ былъ въ лавкѣ Оказьонъ... Здѣсь лавка такая есть, гдѣ продаются разные случайныя вещи. Мой патронъ искалъ старую бронзу... Такъ вотъ въ этомъ Оказьонѣ намъ предлагали и его брит-

венный приборъ, и его перстни. Онъ сдалъ ихъ для продажи, разумѣется, взявъ подъ нихъ деньги.

Къ супругамъ Ивановымъ подбѣжалъ Оглотковъ, поздоровался, потрясъ французской газетой и спросилъ Николая Ивановича:

— Читали про себя?

— Еще-бы... Ужасъ, что сочинили! Ну, да пушай... — самодовольно отвѣчалъ тотъ и махнулъ рукой.

— Счастливецъ! — хлопнулъ его по плечу Оглотковъ. — Просто счастье... Человѣкъ только глазъ подбилъ себѣ, и ужъ объ немъ не вѣдь что въ трубы трубятъ, а я на прошедшей недѣлѣ въ лодкѣ опрессованулъ въ море, меня рыбаки спасали — и хоть-бы слово обо мнѣ! Признайтесь, вы заплатили сколько-нибудь репортеру?

— Боже избави!

— Ну, счастливецъ.

— А про меня, мосье Оглотковъ, вы читали? — задала вопросъ Глафира Семеновна, нѣсколько оживившись, послѣ гнетущей досады.

— Прочель-съ... Но вѣдь объ васъ упомянуто только вскользь, а про него-то! Угрь... Электрическій угрь! Вѣдь это чортъ знаетъ что такое!

— Позвольте... Какъ вскользь? Я тамъ названа красивой супругой... бель... граціозной... граціозъ... Развѣ это вскользь?

Но Оглотковъ завидѣлъ знакомаго англичанина въ шляпѣ съ зеленымъ вуалемъ и при фотографическомъ аппаратѣ и ужъ бросился къ нему.

— Ну, я пойду купаться...—сказала Глафира Семеновна, поднимаясь со стула.

Она нарочно ожидала, чтобы вниманіе публики нѣсколько отхлынуло отъ сестеръ-американокъ и перешло на нее. Она рассчитывала поразить сегодня своимъ новымъ полосатымъ костюмомъ, но американки предвосхитили ея идею и купались въ такихъ-же полосатыхъ костюмахъ, какой былъ у нея. Это злило Глафиру Семеновну.

Раздѣваясь въ своемъ кабинетѣ, она думала, чѣмъ-бы ей перехвастать сегодня сестеръ американокъ во время купанья, что-бы придумать новое, дабы похерить успѣхъ ея соперницъ, но ей ничего не приходило въ голову. Въ полосатомъ костюмѣ она, впрочемъ, рѣшила сегодня не показываться, чтобъ не быть подражательницей, и надѣла красный костюмъ, въ которомъ купалась третьяго дня.

Вотъ Глафира Семеновна, закутанная въ плащъ, выбѣжала изъ раздѣвального кабинета и перебѣжала тротуаръ—аплодисментовъ никакихъ, да и публики-то мало. Это совсѣмъ разстроило ее. Спускаясь по лѣстницѣ на песочную отмель, она взглянула на часы на зданіи Казино и подумала:

„Опоздала изъ-за этихъ проклятыхъ американокъ. Теперь четверть перваго... Публика разбѣжалась по отелямъ завтракать. Дура была... Нужно было-бы купаться раньше американокъ“.

Въ водѣ она подпрыгивала, взмахивала руками, ложилась на руки своего красавца бенъера, подра-

жая балеринамъ въ балетахъ, когда тѣ, изображая пластическія позы, ложатся на руки танцоровъ, но привлечь вчерашнее вниманіе къ себѣ публики не могла. На нее смотрѣли только женщины да двое мужчинъ: нищій на костыляхъ и поваренокъ, продающій сладкіе пирожки, и то съ набережной Плажа, а на песокъ къ морю никто не спустился. А между тѣмъ, вдали на Плажѣ, она видѣла толпу мужчинъ.

„Эго около американокъ-подлячекъ“, мелькнуло у ней въ головѣ. „Ахъ, твари противныя!“ выбранилась она мысленно. „Упасть развѣ въ обморокъ, когда выду изъ воды, и растянуться на песокъ?“ задала она себѣ вопросъ, и тутъ-же рѣшила: „Нѣтъ, не стоитъ, никто не прибѣжитъ ко мнѣ отъ американокъ. Они слишкомъ далеко ушли. Лучше ужъ завтра“.

Она не захотѣла больше дѣлать даже и балетныя позы на рукахъ у бенъера и съ неудовольствіемъ стала выходить изъ воды. Передъ ней какъ изъ земли выросъ уличный мальчишка-подростокъ въ рваной блузѣ и, ковыряя у себя пальцемъ въ носу и разинувъ ротъ, тупо смотрѣлъ на нее. Она до того была раздражена этимъ, что наклонилась, взяла горсть песку и кинула въ мальчишку, сказавъ вслухъ:

— Вотъ тебѣ, скотина! Чего ротъ разинулъ! Дуракъ!

Бенъерь накинулъ на нее плащъ, и она медленно

отправилась въ раздѣвальный кабинетъ, внимательно разсматривая гуляющихъ по Плажу.

„Ни одного фотографѣ! Ни одного каналѣ съ фотографическимъ аппаратомъ... А я-то надсажалась и ломалась въ водѣ!“ думала она.

Когда она переходила каменный тротуаръ Плажа, она увидѣла нѣмецкаго принца. Онъ кормилъ бѣлымъ хлѣбомъ двухъ черныхъ пуделей, бросая куски хлѣба кверху и заставляя пуделей ловить ихъ при паденіи. Глафира Семеновна откинула кашонъ плаща, пристально посмотрѣла на принца, желая кивнуть ему, но онъ не обратилъ на нее вниманія и продолжалъ забавляться съ собаками.

„Невѣжа“... подумала она и тутъ-же прибавила мысленно:— „Хорошо, что хоть этотъ-то не около американокъ“.

Когда Глафира Семеновна вышла на Плажъ одѣтая, къ ней подскочилъ Николай Ивановичъ и съ улыбкой объявилъ:

— Душенька, радуйся. Сейчасъ я узналъ, что одинъ проживающій здѣсь русскій написалъ въ какую-то московскую газету корреспонденію объ электрическомъ угрѣ, ударившемъ меня.

— Поди ты къ чорту съ своимъ угремъ!—раздражительно отвѣчала она.

XLVII.

ПРОШЛО еще четыре дня и Глафира Семеновна съ горестью должна была сознаться, что слава ея совершенно закатилась. При купаньи на нее никто уже не обращалъ вниманія. На другой день послѣ купальнаго дебюта американокъ, она, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики, даже упала въ обморокъ, растянувшись въ своемъ купальномъ костюмѣ на песокъ, но къ ней подскочили только двѣ пожилыя дамы, прогуливавшіяся на песокъ съ ребятишками. Мужчины-же хотъ и выдѣли ея паденіе, не придали ему значенія и не тронулись съ мѣста. Ее поднялъ беньеръ. Дамъ она съ досады даже не поблагодарила, накинула на себя плащъ и пошла одѣваться.

— У меня закружилась голова во время купанья, кой-какъ я вышла на песокъ и рухнулась... Чуть не упала въ обморокъ,—сказала она доктору Потрашову.

— Что вы! Тогда надо прекратить купаться, — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вотъ еще... Просто у меня съ вечера голова болѣла. Сегодня утромъ встала тоже съ головной болью... Но теперь ничего...

Докторъ пожалъ плечами и согласился:

— Впрочемъ, здѣсь это бываетъ часто, но въ самомъ дѣлѣ мало обращаютъ на это вниманія.

Глафира Семеновна сказала доктору, думая, что онъ разгласитъ объ ея обморокѣ на Плажѣ, но онъ никому ничего не сказалъ. Тщетно она потомъ прислушивалась, не заговорятъ-ли на Плажѣ объ ея обморокѣ, но никто не обмолвился ни единымъ словомъ.

Она перестала быть новинкой и о ней забыли, обративъ все свое вниманіе на сестеръ-американокъ, которыхъ послѣ ихъ второго купальнаго дебюта повезли куда-то` завтракать въ загородный ресторанъ, устроивъ тамъ нѣчто въ родѣ пикника. Она видѣла, какъ пронесся по улицѣ Меріи громадный высокій шарабанъ съ красными колесами, запряженный въ шестерку лошадей, видѣла, какъ въ немъ, среди десятка старыхъ и молодыхъ мужчинъ, сидѣли сестры-американки въ клѣтчатыхъ платьяхъ и красныхъ шляпахъ, а кондукторъ, одѣтый жокеемъ, пронзительно трубилъ въ мѣдный рогъ, требуя очищенія дороги для экипажа. Среди мужчинъ, сидѣвшихъ въ шарабанѣ, она замѣтила англійскаго лорда въ бѣломъ цилиндрѣ съ зеленымъ вуалемъ и Оглоткова.

— Дураки!—вырвалось у ней имъ вслѣдъ.

Поклонниковъ при ней не было уже никакихъ и она прогуливалась по Плажу только съ докторомъ и его теткой старухой Закрѣпиной, разговаривающей только о своемъ Бобкѣ. Она вспомнила о туркѣ, аташе изъ „египетскаго посольства“, и подумала: „ужъ хоть-бы турокъ этотъ при мнѣ находился, нужды нѣтъ, что его считаютъ за армяш-

ку или жида, а то и его нѣтъ, и онъ куда-то скрылся“, и тутъ-же спросила доктора:

— А гдѣ, скажите, этотъ турокъ—аташе изъ египетскаго посольства, котораго вы считаете за жида?

— Какъ? Да развѣ вы не знаете? Его третьяго дня поймали въ Казино въ шулерствѣ и чуть-ли даже не поколотили,—отвѣчалъ докторъ. —Только какой-же онъ аташе! Послѣ этого вотъ и этотъ поваренокъ, что продаетъ пирожки, аташе,—указалъ онъ на подростка въ бѣлой курткѣ и съ корзиной въ рукахъ. —Онъ просто одесскій жидъ. Здѣсь много такихъ самозванцевъ. Въдѣ паспортовъ здѣсь не требуютъ въ гостинницахъ — ну, и называйся, какъ хочешь. Нигдѣ нѣтъ столько подложныхъ графовъ, какъ здѣсь.

— Но какъ-же Оглотковъ-то?..

— Что Оглотковъ! Оглотковъ бенъера какого-то произвелъ въ испанскаго гранда. Оглоткова-то этотъ жидъ въ фескѣ и наказалъ на извѣстную толику. Оглотковъ создаетъ себѣ аристократію. Я удивляюсь, какъ онъ вашего супруга не выдалъ кому-либо за графа,—кивнулъ докторъ на Николая Ивановича, мимо котораго они проходили.

Николай Ивановичъ въ это время сидѣлъ на галлерей купаленъ въ позѣ орла парящаго, а итальянецъ-скульпторъ лѣпилъ съ него бюстъ.

Глафира Семеновна скучала, но все еще надѣялась, что на нее обратятъ вниманіе. Она ждала о себѣ корреспонденціи изъ Парижа и думала, что

хоть газетная статья заставить биаррицкую публику интересоваться ею. Но вотъ прибылъ и нумеръ „Le Vent de Paris“ изъ Парижа съ корреспонденціей изъ Биаррица. Нумеръ газеты этой принесъ Ивановымъ докторъ Потрашовъ, какъ и въ первый разъ перевелъ имъ по-русски корреспонденцію, но въ корреспонденціи этой говорилось только о несчастномъ случаѣ съ молодымъ русскимъ офицеромъ Николаемъ де-Ивановымъ, которому выброшенное волной бревно ударило въ лицо и, выбивъ нѣсколько зубовъ, повредило щеку и глазъ, а о Глафирѣ Семеновнѣ ничего не было сказано.

Выслушавъ корреспонденцію, она чуть не заплакала.

— И здѣсь-то все переврали! Скоты! — воскликнула она. — Что они могутъ написать хорошаго, если они не потрудились даже узнать, что этотъ случай былъ не съ офицеромъ, а съ русскимъ коммерсантомъ. Нѣсколько зубовъ... Господи! Вѣдь можно-же такъ наврать! О мужѣ, съ которымъ ничего даже и не случилось, пишутъ чортъ знаетъ что, а о женѣ его, о которой говорилъ весь Биаррицъ, — ни слова.

Доктору было смѣшно на расхажившуюся Глафиру Семеновну, но онъ не сказалъ ей ни слова, оставилъ газету и ушелъ.

Въ это утро Глафира Семеновна даже не купалась.

„Не для кого. На Плажъ даже никого и знакомыхъ-то нѣтъ“, сказала она себѣ. „А тутъ раздѣ-

ваться да напяливать на себя купальный костюмъ, а потомъ опять раздѣваться. Канитель“.

Она уже начала подумывать объ отъѣздѣ изъ Біаррица.

„Не съѣздить-ли развѣ въ Испанію, не посмотрѣть-ли, какіе такіе настоящіе испанцы?“ задала она себѣ вопросъ. „Генераль Квасищевъ уѣхалъ туда и сказалъ, что проживетъ въ Мадридѣ недѣлю. Вотъ и намъ катнуть туда, благо тамъ есть одинъ знакомый. Старикашка поѣхалъ туда красивыхъ женщинъ посмотреть, но вѣдь есть-же тамъ и красивые мужчины“.

Глафира Семеновна оставила покуда вопросъ этотъ открытымъ, но на слѣдующій день рѣшила, что нужно уѣзжать изъ Біаррица, и уѣзжать какъ можно скорѣй. Въ Біаррицѣ дѣлалось ужъ скучно. На Плажѣ публики было еще меньше, чѣмъ вчера. Русская рѣчь, звенѣвшая когда-то во всѣхъ уголкахъ, совсѣмъ рѣдко слышалась.

— Разъѣхалась, что-ли, русская-то публика? — спросила Глафира Семеновна, встрѣтившись съ докторомъ. — Многихъ, очень многихъ я не вижу на Плажѣ.

— Уѣхали. Многіе уѣхали. Въ эти два дня болѣе доброй половины русскихъ, какъ помеломъ вымело изъ Біаррица,—отвѣчалъ докторъ.—Я считаю, что русскій сезонъ здѣсь кончился, хотя обыкновенно онъ длится до ноября.

— Что за причина?

Докторъ улыбнулся.

Подъ южными небесами.

— Могу вамъ объяснить,—проговорилъ онъ.— Причина вѣрная. За послѣдніе дни мой патронъ, фабрикантъ, выигралъ здѣсь въ Казино въ баккара болѣе полутора ста тысячъ франковъ. Кого онъ обыгралъ? Въ большинствѣ русскихъ. Русскіе, какъ и всѣ путешественники, пріѣзжаютъ сюда съ заранее опредѣленной ассигновкой прожить въ Біаррицѣ такую и такую-то сумму, то-есть такую, какая у нихъ есть въ карманѣ. Суммы эти были ужъ въ остаткахъ. Мой московскій патронъ, не стѣсненный въ денежныхъ средствахъ при игрѣ, выгребъ всѣ эти остатки изъ кармановъ нашихъ милыхъ соотечественниковъ. У нихъ осталось денегъ только-только, чтобы доѣхать домой въ Россію, а у нѣкоторыхъ и этого не осталось. Можетъ быть, также пришлось перстни брилліантовые пускать въ оборотъ. Здѣсь это бываетъ зачастую. И вотъ всѣ русскіе, очутившись обыгванными, какъ можно скорѣй бросились вонъ изъ Біаррица, чтобы не прѣдаться. Русский сезонъ кончился. Его мой патронъ кончилъ раньше времени,—увѣренно кивнулъ докторъ и при этомъ прибавилъ:—Хорошо, что вашъ мужъ не изъ игроковъ, а то и ему не поздоровилосьъ-бы.

— Я тоже, докторъ, думаю уѣзжать. Здѣсь болѣе дѣлать нечего. Скучно,—сказала ему Глафира Семеновна.

— Совершенно вѣрно. Такъ и слѣдуетъ, если русскій сезонъ кончился. Теперь нахлынутъ сюда американцы и начнется американскій сезонъ. Да они ужъ и показались.

— Противные!—процѣдила сквозь зубы Глафира Семеновна, вспомнивъ объ американкахъ, отбившихъ у ней поклонниковъ.

— Только мы, докторъ, думаемъ ѣхать не домой въ Россію. Я хочу тащить мужа въ Испанію. Хочется посмотрѣть испанскую жизнь.

— И это одобряю и завидую вамъ. Самъ-бы махнулъ туда съ вами, но обязанъ моего патрона въ Москву сопровождать, ибо такъ ужъ уговорился съ нимъ.

— Поѣдьте, докторъ, съ нами, — упрашивала его Глафира Семеновна.—Съ вами мнѣ будетъ веселѣе. А то съ мужемъ глазъ на глазъ интересу мало.

— Нельзя-съ. Вы знаете русскія пословицы: „взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ“, „назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ“. Такъ ужъ я уговорился съ моимъ коммерціи совѣтникомъ, чтобы сопровождать его сюда изъ Россіи и отсюда въ Россію,—закончилъ докторъ Потрашовъ, поклонился и отошелъ отъ Глафиры Семеновны.

Къ ней подходилъ Николай Ивановичъ и говорилъ:

— Бюстъ мой конченъ. Теперь ему только сутки хорошенько просушиться. Глина сохнетъ скоро. Шишка, то-есть опухоль подъ глазомъ, вышла великолѣпно.

И онъ самодовольно улыбнулся.

XLVIII.

ВЕЧЕРОМЪ за чаемъ, сидя около самовара, Глафира Семеновна сказала мужу:

— Скучно здѣсь... Довольно прожили... Да и надоѣло. Поѣдемъ въ Испанію.

— Куда?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Въ Испанію... Въ Мадридъ... А можетъ быть и дальше. Лучше тамъ покупаемся.

Лицо Николая Ивановича прояснилось.

— Въ хересовую землю хочешь съѣздить? Поѣдемъ. Объ этой землѣ я давно воображалъ. Тамъ Хересъ де ля Фронтера, Малага... Али Канте... Все хорошія вина,—проговорилъ онъ.

— Вовсе я тебѣ предлагаю ѣхать туда не изъ-за винъ, а просто изъ-за того, чтобъ посмотрѣть, что это за Испанія такая. Какіе тамъ люди. Объ Испаніи я много въ романахъ читала. И сколько мы пьесъ на сценѣ изъ испанской жизни видѣли! Донъ Алваресъ. Пипита, Фернандо... А теперь все это въ натурѣ посмотримъ.

— Да вѣдь и я читалъ. А стиховъ-то сколько про испанокъ!

„Ночной Зефиръ струитъ эфиръ,
Шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ“.

— Вотъ и въ Гвадалквивирѣ покупаемся. А то одинъ Плажъ да Плажъ въ Біаррицѣ. Право, ужъ надоѣло,—подхватила супруга.—Тамъ вѣдь теплѣе, чѣмъ здѣсь въ Біаррицѣ, тамъ южнѣе.

— Да я съ удовольствіемъ. Посмотримъ испанокъ, какъ онѣ съ кастанъетами качучу пляшутъ. Тамъ, говорятъ, все это прямо на улицѣ. Испанецъ забренчалъ на гитарѣ, а кухарка шла въ мелочную лавочку за провизіей. Какъ услышала звукъ гитары, сейчасъ корзину съ провизіей ставитъ на землю, вынимаетъ изъ кармана кастанъеты и жаритъ качучу во всѣ пятки. Я читалъ. Тамъ качуча на каждомъ шагу. И хорошенькія онѣ, говорятъ, шельмы!

„Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись, какъ ясный день.
Сквозь чугунныя перила
Ножку дивную продѣнь“.

— Видишь, я и стихи помню,—похвастался Николай Ивановичъ, продекламировавъ.—Тамъ каждый шельмецъ съ гитарой. Гитара, кастанъеты и ножъ испанскій.

— Такъ вотъ и поѣдемъ туда,—еще разъ сказала супруга.—Поѣдемъ послѣзавтра. Завтра утромъ я послѣдній разъ выкупаюсь въ морѣ, а послѣзавтра поѣдемъ. Лучше-же въ Мадридѣ покупаемся въ Гвадалквивирѣ. Все-таки разнообразіе.

— Да Мадридъ не на Гвадалквивирѣ. Вотъ какъ васъ хорошо въ пансіонѣ географіи-то учили,—сказалъ мужъ.

— А какая-же тамъ рѣка?

— Парижъ на Сенѣ, Лондонъ на Темзѣ, Мадридъ на Манзанаресѣ. Видишь, какъ я знаю. О, я помню, мнѣ за этотъ Манзанаресъ какъ доста-

лось! Я въ карцерѣ изъ-за него проклятаго въ коммерческомъ училищѣ сидѣлъ. И вотъ зато отлично теперь его помню.

— Ну, вотъ въ Манзанаресѣ и покупаемся, — проговорила супруга.

Николай Ивановичъ пѣлъ:

„Вотъ зашла луна золотая.

Тише... Чу, гитары звонъ...

Вотъ испанка молодая

Оперлася на балконъ“.

— Пожалуйста не козли, — остановила его Глафира Семеновна. — Такъ ѣдемъ.

— Сдѣлай, братъ, одолженіе. Я съ удовольствіемъ. Только надо будетъ книжку испанскихъ разговоровъ купить. А то вѣдь по-испански ни ты, ни я ни въ зубъ.

— И не надо. По-французски-то ужъ гдѣ-нибудь говорятъ, а гдѣ никакъ не говорятъ, будемъ пантомимами объясняться. Поймутъ. Въ Турціи объяснялись-же, а тоже не говорили по-турецки.

— Какъ не говорили? У меня былъ съ собою словарь общеупотребительныхъ турецкихъ словъ, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— И все равно онъ лежалъ въ саквояжѣ безъ употребленія, — стояла на своемъ жена.

— Врешь, я по немъ разговаривалъ по-турецки, сколько разъ заказывалъ армяшкѣ самоваръ ставить и меня понимали. Нѣтъ, книжку испанскихъ словъ надо купить. По ней, все-таки, хоть счетъ-то, цифры-то будешь знать.

На утро Николай Ивановичъ купилъ въ книжной лавкѣ въ улицѣ Мазагранъ французско-испанскій словарь и путеводитель по Испаніи Ашета, а въ шляпномъ магазинѣ испанскую фуражку безъ козырька, для дороги. Утромъ Глафира Семеновна выкупалась въ морѣ въ послѣдній разъ. Она была въ полосатомъ костюмѣ и заинтересовала какого-то толстяка въ парочкѣ изъ шелковой небѣленой матеріи. Толстякъ имѣлъ красное широкое лицо съ двойнымъ подбородкомъ и маленькими усиками. Онъ долго разсматривалъ ее въ большой бинокль, что ей доставило большое удовольствіе, и она продѣлала передъ нимъ всѣ свои балетныя позы, ложась на руки бенъера. Это ее нѣсколько примирило съ Біаррицомъ. Гуляя послѣ купанья на Плажѣ, она спросила у Оглоткова про толстяка, кто онъ такой. Оглотковъ всѣхъ зналъ и отвѣчалъ:

— Румынъ. Румынскій князь... Бояринъ... Бояръ, какъ ихъ здѣсь называютъ французы. Ужасный дуракъ,—прибавилъ онъ про толстяка.—Вчера весь вечеръ, играя въ Казино въ лошадки, ставилъ все на одну и ту-же лошадь и продулъ изрядное количество франковъ.

Супруги Ивановы сообщили Оглоткову, что они завтра ѣдутъ въ Испанію, въ Мадридъ.

— Одобряю. Это совсѣмъ по аристократически, въ тонѣ. Здѣсь часто такъ дѣлаютъ, — сказалъ Оглотковъ.—Насмотрятся здѣсь на маленькій бой быковъ, а потомъ ѣдутъ въ Мадридъ смотрѣть на большіе бои быковъ.

— Поѣдѣте съ нами. Я съ мужемъ... Вы съ вашей супругой. Намъ будетъ веселѣе, — пригласила его Глафира Семеновна.

— Съ удовольствіемъ-бы поѣхалъ, но не могу. Я былъ въ Испаніи, но не былъ въ Мадридѣ. Я доѣзжалъ только до Санъ-Себастьяно, чтобы видѣть настоящій бой быковъ, а это отсюда изъ Біаррица рукой подать. Но мы здѣсь въ Біаррицѣ тоже долго не останемся и переѣдемъ въ Парижъ. Наша партія лаунъ-тенниса ѣдетъ въ Парижъ и проживетъ тамъ недѣли полторы. Это тоже въ тонѣ высшего круга. А я не могу отстать отъ нихъ. У насъ тамъ въ Парижѣ назначено два обѣда и два завтрака. На этихъ обѣдахъ я познакомлюсь съ двумя-тремя французскими сенаторами. По всѣмъ вѣроятіямъ, Зола съ нами обѣдать будетъ, потомъ знаменитая французская актриса... Какъ ее?.. Ну, да все равно. Вотъ и этотъ румынскій бояръ, о которомъ вы спрашивали, будетъ съ нами въ Парижѣ. Онъ хоть и дуракъ, но большой аристократъ. Придворный румынскій магнатъ. Вчера мы его тоже приняли въ нашъ кружокъ.

— Какія деньги ходятъ въ Испаніи? — спросилъ Николай Ивановичъ у Оглоткова.

— Деньги? Наши русскіе полуимперіалы отлично ходятъ. Да и сторублевая бумажка, но все это надо мѣнять на испанскіе кредитные билеты. Курсъ низкій. Тамъ счетъ на пезеты. Это то-же, что франкъ, но по курсу они ниже. Испанскихъ пезетъ давали мнѣ на сторублевую бумажку что-то триста сорокъ

или триста сорокъ пять, а вѣдь франковъ французскихъ даютъ только двѣсти шестьдесятъ семь. Въ конторѣ Ліонскаго Кредита вамъ отлично размѣняютъ. Вы здѣсь, въ Біаррицѣ, размѣняйте, чтобъ на испанской границѣ вамъ имѣть при себѣ испанскія деньги. И прямо отсюда билетъ до Мадрида не берите. Зачѣмъ франками платить, если они дороже пезетъ! Вы вотъ какъ сдѣлайте: отсюда возьмите билетъ только до испанской границы, а съ испанской границы до Мадрида вы ужъ пезетами заплатите. Мелкія деньги такіе-же сантимы, какъ и здѣсь во Франціи, но называются они сентіемесъ. Монета въ пять пезетъ называется по-испански дуру.

— Дура?—спросилъ Николай Ивановичъ.—Какое названіе!

— Не дура, а дуру. Ну, а затѣмъ позвольте раскланяться съ вами. Если больше не увидимся, то счастливаго пути.

Оглотковъ пожалъ руки супругамъ Ивановымъ и удалился.

Супруги Ивановы назначили отъѣздъ завтра утромъ. Поѣздъ отходилъ въ 10 часовъ. Вечеромъ къ нимъ пришелъ докторъ Потрашовъ и его тетка старуха Закрѣпина. Они напились вмѣстѣ чаю изъ самовара, который Ивановы рѣшили взять съ собой въ Мадридъ. Закрѣпина была вмѣстѣ съ своей собаченкой Бобкой и говорила Глафирѣ Семеновнѣ:

— Конечно, вамъ это трудно сдѣлать, но я по-

просила-бы васъ привезти мнѣ изъ Мадрида маленькаго испанскаго пуделька...

— Боже избави!—воскликнула Глафира Семеновна.—Тащиться съ собакой около пяти тысячъ верстъ!

— Да нѣтъ, нѣтъ, я это такъ... не подумавши,—спохватилась Закрѣпина.—Вѣдь вы живете въ Петербургѣ, а мы въ Москвѣ. Конечно, можно и переслать, но нѣтъ, не надо.

— Добрѣйшая Софья Савельевна, меня мужъ изводитъ въ дорогѣ, а тутъ еще пуделя вези. Нѣтъ, ужъ извините. Если что-нибудь другое вамъ привезти—извольте.

— Другого ничего не надо.

— Можетъ быть, хотите испанскій кружевной шарфъ? Тамъ, я думаю, они дешевы,—предложила Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, испанскаго шарфа мнѣ не надо, что мнѣ испанскій шарфъ!—отказалась Закрѣпина.—Впрочемъ, если найдете въ Мадридѣ какой-нибудь оригинальный ошейничекъ, то привезите для Бобки. Цѣной не стѣсняйтесь. Ошейникъ вы мнѣ пришлете изъ Петербурга въ Москву и я тотчасъ-же вышлю вамъ деньги.

Глафира Семеновна улыбнулась.

— Дались вамъ эти собаки!—сказала она Закрѣпиной.

— Душечка, живу ими. Такъ вотъ, если ошейничекъ...

— Хорошо, хорошо.

Напившись чаю, докторъ и Закръпина ушли отъ Ивановыхъ, обѣщаясь завтра пріѣхать на желѣзную дорогу проводить ихъ въ путь.

XLIX.

ДЕСЯТЫЙ часъ утра. Муниципальный омнибусъ тащится въ гору и увозитъ супруговъ Ивановыхъ на станцію Южной желѣзной дороги, находящейся отъ города верстахъ въ четырехъ. Біаррицкія гостиницы не имѣютъ своихъ омнибусовъ и доставку пріѣзжихъ со станціи въ гостиницу и изъ гостиницы на желѣзную дорогу принялъ на себя городъ и собираетъ съ путешественниковъ франки. Дорога мѣстами высѣчена въ скалахъ. На скалахъ чахлыя хвойныя деревья. Кой-гдѣ попадаетъ такой-же чахлый, низенькій съ кривыми стволами и съ желтыми обсыпающимися листьями кустарникъ. Кусты цѣпкой розы или плюща обвиваютъ иногда эти кривые стволы и гирляндами свѣшиваются внизъ. Глафира Семеновна сидитъ въ омнибусѣ среди коробокъ со шляпками, баульчиковъ, корзиночекъ съ провизіей и фруктами. Тутъ-же ящикъ, въ которомъ находится бюстъ Николая Ивановича изъ глины. Николай Ивановичъ сидитъ рядомъ съ женой. Противъ нихъ помѣщается старикъ англичанинъ въ желтомъ клѣтчатомъ длин-

номъ пальто и въ такой-же клѣтчатою шотландскою фуражкѣ съ лентами на затылкѣ. Это одинъ изъ тѣхъ англичанъ, которыхъ Оглотковъ представлялъ Глафирѣ Семеновнѣ послѣ ея купальнаго дебюта въ морѣ. Англичанинъ этотъ краснолицъ и съ клочкомъ сѣдой бородки, торчащей изъ-подъ подбородка. Ни на какомъ языкѣ кромѣ англійскаго онъ не говоритъ. Глафира Семеновна считаетъ его своимъ поклонникомъ и, когда онъ сѣлъ въ омнибусъ и поклонился ей, она подала ему руку и хотя по-англійски не говоритъ, обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими словами.

— Въ Мадридѣ?—спросила она его.

— О, ессь, мадамъ...—кивнулъ онъ.

— Ву парле эспаньоль?

— О, но... мадамъ.

— Вотъ ужъ и знакомый спутникъ намъ явился до Мадрида, но тоже не говоритъ по-испански,—сказала она мужу.

— Вотъ нашъ испанскій языкъ,—проговорилъ Николай Ивановичъ, вынулъ изъ кармана маленькую книжечку въ красномъ переплетѣ и хлопнулъ ею по колѣнкѣ.—Пятнадцать словъ уже знаю, а въ вагонѣ нечего будетъ дѣлать, такъ еще съ сотню выучу. Одинъ—уно, два—досъ, три—тресь, четыре—куарто, пять—синко...

— Ну, довольно, довольно, — остановила его супруга.

— Знаю даже, какъ бутылка и рюмка по-испански. Бутылка—ботеля, рюмка—васса.

— О рюмкѣ ужъ забудь въ Испаніи.

— Это въ хересовомъ-то государствѣ? Да вѣдь это все равно что быть въ Римѣ и не побывать въ соборѣ.

Но вотъ и миниатюрная желтенькая желѣзнодорожная станція. Мрачный носильщикъ-баскъ въ тиковой полосатой блузѣ и красномъ вязаномъ колпакѣ принялъ отъ супруговъ ихъ багажъ.

— Трезъ пьешь,—сказала ему Глафира Семеновна и прибавила:—Чортова дюжина. Не будь твоего бюста, у насъ было-бы только двѣнадцать мѣстъ,—обратилась она къ мужу. И зачѣмъ тебѣ этотъ бюстъ понадобился!

— Въ воспоминаніе моей славы и извѣстности.

На станціи они встрѣтили доктора Потрашова, старуху Закрѣпину и ея неизмѣннаго спутника Бобку.

— Вотъ мѣрочка для ошейника Бобки,—заговорила, поздоровавшись, Закрѣпина и подала Глафирѣ Семеновнѣ розовую ленточку.—Пожалуйста, купите ему. Поищите, только что-нибудь пооригинальнѣе.

— Мы тоже снимаемся послѣзавтра съ якоря и ѣдемъ на Ривьеру,—сообщилъ докторъ.—Мой патронъ говоритъ, что быть на югѣ Франціи и не побывать въ Монте-Карло грѣшно.

Пассажировъ, отправляющихся съ поѣздомъ до испанской границы, было наперечетъ: кромѣ супруговъ Ивановыхъ и англичанина, ѣхали только четыре монахини въ бѣлыхъ пелеринахъ и бѣлыхъ шляпкахъ съ развѣвающимися по воздуху лопа-

стями, откормленные, краснощекия, да крестьянская чета басковъ—оба пожилые: мужъ съ тщательно выбритымъ подбородкомъ и верхней губой, въ синей туго накрахмаленной блузѣ и жена въ короткомъ черномъ коленкоровомъ платьѣ, синемъ передникѣ и въ повязкѣ на головѣ, какъ повязывались когда-то наши купчихи. Крестьяне везли корзинку съ квакающими утками и клѣтку съ какой-то пѣвчей птичкой.

Билеты супруги Ивановы купили до испанской границы, до Ируна.

— Въ Ирунѣ будете съ небольшимъ черезъ часъ...—разсказывалъ имъ докторъ.—Только нѣсколько полустанокъ проѣхать. Последняя французская станція Анде... Въ Ирунѣ пересадка въ испанскій поѣздъ и таможня. Французскіе вагоны не могутъ войти на испанскія рельсы. Испанскій путь уже французскаго.

— Стало быть, это совсѣмъ, какъ у насъ въ Россіи,—сказалъ Николай Ивановичъ.—Наши вагоны тоже не годятся для иностраннаго пути.

— Да, да... Въ Испаніи вы найдете много похожаго на наши русскіе порядки,—кивнулъ докторъ.

— А въ таможнѣ сильно притѣсняютъ? спрашивала Глафира Семеновна.

— Я переѣзжалъ испанскую границу почти безъ багажа, но, говорятъ, что испанская таможня самая снисходительная изъ всѣхъ таможенъ.

— Ахъ, дай-то Богъ...

Но вотъ семафоръ далъ знать, что поѣздъ под-

ходить. Вдали отъ Байоны показался дымокъ. Онъ увеличивался и вотъ показался уже несущійся на всѣхъ парахъ локомотивъ. Минута, двѣ и поѣздъ остановился на станціи.

Монахини и чета басковъ съ птицами полѣзли въ третій классъ, супруги Ивановы заняли мѣста въ первомъ классѣ и тотчасъ-же открыли окно. Носильщикъ втащилъ въ купэ ихъ багажъ. Принимая ящичекъ съ бюстомъ мужа, Глафира Семеновна опять выбранилась.

— Глиняный бюстъ веземъ,—сказала она доктору, подходя къ окну.—И еще если-бы бюстъ-то похожій былъ, а то такъ-же похожъ на моего супруга, какъ на чорта. И эту глину мы должны теперь таскать за собой пять-шесть тысячъ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ.

— Однако, вѣдь и ты свой барельефъ везешь. Онъ тоже изъ глины,—замѣтилъ супругъ.

— Я и ты! И наконецъ, барельефъ укладистый, а то бюстъ.

Кондукторы забѣгали и стали закрывать купэ.

— Ну, прощайте,—сказалъ докторъ супругамъ.— Счастливаго пути.

— Прощайте...—повторила старуха Закрѣпина, подняла свою собаченку, поднесла ее къ окну и сказала:—Проститесь съ Бобкой-то, поцѣлуйте его. Вѣдь изъ-за него у меня съ вами перебранка-то произошла, когда мы подѣзжали къ Байонѣ. Помните? Встрѣтились врагами, а расстаемся друзьями. Помните?—еще разъ спросила она.

— Какъ не помнить, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— Вѣдьмой вѣдь вы меня, милушка, тогда называли, старой вѣдьмой.

— Бросьте, Софья Савельевна. Вспомните пословицу: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Зато теперь мы друзья. Будете въ Петербургѣ, милости просимъ къ намъ.

— И ко мнѣ въ Москвѣ пожалуйста. Адресъ мой у васъ есть. Со всѣми собаками, моими васъ перезнакомлю. Ну, прощайся, Бобка! Цѣлуй ихъ. Наклонитесь къ нему, душечка, и онъ лизнетъ васъ.

— Нѣтъ, ужъ я такъ его поглажу. Прощай Бобка.

И Глафира Семеновна тронула собаченку за голову. Тронулъ и Николай Ивановичъ, сказавъ:

— Прощай, шаршавый!

— Вотъ ужъ вовсе не шаршавый! Шерстка у него, какъ пухъ... — обидѣлась старуха Закрѣпина.

Свистокъ. Поѣздъ тронулся.

— Прощайте! Прощайте! — раздавалось съ платформы.

Николай Ивановичъ стоялъ у открытаго окна и бормоталъ испанскія слова:

— Хлѣбъ — панъ... женщина — эмбре... апельсинъ — наранха... человекъ — мужчина — омбре... Больше пятнадцати словъ знаю.

L.

ПАПРАВО и налѣво рѣдкій лѣсокъ: чахлые дубки, обвитые плющемъ, сосна, тоже чахлая—вотъ картины, мимо которыхъ пробѣгаль поѣздъ. Но вотъ онъ выскочилъ на берегъ моря. Красовался своей голубой далью Бискайскій заливъ, кое-гдѣ виднѣлись бѣлыя пятнышки парусныхъ судовъ. Раздался свистокъ. Подѣзжали къ станціи.

— Это Санъ-Жанъ... — проговорила Глафира Семеновна, сидѣвшая съ книжкой путеводителя Ашета.—Здѣсь тоже купальное мѣсто и, говорятъ, удивительно дешевая жизнь. У старухи Заерѣпной тутъ знакомое семейство виллу нанимаетъ и какіе-то пустяки за три мѣсяца платить. Мы ѣздили сюда съ ней. Тутъ хорошенькая церковь, хорошенькое кладбище.

— А отчего-же я-то не былъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ты спалъ. Ты вѣдь многое проспалъ.

Въ Санъ-Жанъ поѣздъ встрѣчали дамы съ взрослыми дочками и подростками, нарядныя, но одѣтыя по дачному, безъ шляпъ. Точь-въ-точь какъ у насъ, въ Россіи, на желѣзнодорожныхъ платформъ дачныхъ мѣстностей. Много было кормилицъ и нянекъ съ грудными ребятишками въ колясочкахъ. Кормилицы были одѣты въ пестрые костюмы фран-

Подъ южными небесами.

цузскихъ крестьянокъ и обвѣшаны лентами разныхъ цвѣтовъ. Тутъ были и бретонки, и нормандки, и эльзасски.

Поѣздъ стоялъ минуты три и помчался въ Анде, послѣднюю французскую станцію передъ испанской границей.

— Только успѣлись и черезъ четверть часа въ другіе вагоны ужъ пересаживаться придется,—съ неудовольствіемъ сказала Глафира Семеновна, слѣдившая по путеводителю.

— Да неужели?—удивился мужъ.—Стало быть, надо искать въ словарь, какъ по-испански зовется носильщикъ.

И онъ развернулъ красненькую книжку французско-испанскаго словаря.

— Не трудись. И безъ словаря найдется носильщикъ и перетащить наши вещи,—замѣтила ему супруга.

Черезъ минуту онъ произнесъ:

— Слова носильщикъ нѣтъ, но зато есть слова: отворите мнѣ дверь. Запомни, Глаша: „Абра устетъ ля пуэрта“. Извозчикъ—кочера, а слова чемоданъ—нѣтъ. Купэ—берлина. Вотъ это тоже нужное слово: „берлина, берлина“.

Морской берегъ скрылся изъ глазъ. Поѣздъ бѣжалъ мимо маленькихъ фермъ съ крестьянами въ красныхъ колпакахъ, работающими въ огородахъ. Стояли голыя яблони и груши. То тамъ, то сямъ коровы и козы щипали траву; попадались маленькія стада овецъ.

— Анде...—сказалъ кондукторъ, входя въ купэ, и отобралъ билеты.

— Слава Богу, сейчасъ Испанію увидимъ,—сказалъ Николай Ивановичъ. — Гитара, кастаньеты... испанскіе костюмы... испаночки въ коротенькихъ юбочкахъ... Какая самая лучшая ѣда испанская? Ты не знаешь?—спросилъ онъ жену.

— Да почему-же мнѣ-то знать!

— При первой-же остановкѣ на станціи надо непременно поѣсть чего-нибудь самаго испанистаго.

— Сигары въ Испаніи дешевы — вотъ что можешь себѣ купить, — сказала Глафира Семеновна мужу.

— Всенепременно. Гитару, кастаньеты, сигаръ, испанскій ножъ—всего, всего себѣ накуплю, — отвѣчалъ мужъ.—Но вотъ вопросъ: какъ сигары провезти мимо таможенъ?

— А я-то на что? Дама, да чтобы не могла тебѣ провезти двухъ ящиковъ сигаръ! Въ лучшемъ видѣ провезу.

— А какъ?

Глафира Семеновна улыбнулась.

— Конечно ужъ, не въ чемоданѣ. Ты самъ знаешь, какъ... Точно такъ-же, какъ я тебѣ русскія папиросы протаскиваю,—сказала она.

Вотъ и станція Анде.

— Послѣднія французенки...—проговорилъ Николай Ивановичъ, выглянувъ въ окно и увидавъ дѣвушекъ-подросточковъ, продающихъ въ глиняныхъ кувшинахъ ключевую воду. — Прощайте, французенки!

Адье... Сейчас испанки начнутся,—кивнулъ онъ имъ.

Поѣздъ стоялъ недолго и тихимъ ходомъ двинулся къ испанской пограничной станціи Ирунъ.

— Мостъ сейчасъ будетъ... Понъ...—замѣтила Глафира Семеновна, прочитавъ въ путеводителѣ.— Каменный мостъ черезъ рѣку Бидасову. Мостъ длиной въ 750 метровъ. По эту сторону моста Франція, а уже по ту Испанія.

И точно, стали переѣзжать мостъ. При въѣздѣ на него стояли пять-шесть французскихъ солдатъ въ красныхъ панталонахъ и въ кэпи. Когда-же переѣхали его, показались солдаты въ сѣро-голубыхъ панталонахъ, въ сѣро-голубыхъ перелинахъ и въ лакированныхъ треуголкахъ.

— Испанскіе солдаты... Смотри, испанскіе солдаты...—указалъ Глафирѣ Семеновнѣ мужъ.

Лакированные треуголки были надѣты у испанскихъ солдатъ углами по бокамъ. Солдаты были съ ружьями безъ штыковъ и имѣли ихъ на ремняхъ, перекинутыми черезъ плечи.

Вотъ и станціонныя постройки. За движущимся поѣздомъ бѣжить добрая полусотня оборванныхъ мальчишекъ-подростковъ въ испанскихъ фуражкахъ безъ козырьковъ. Нѣкоторые изъ нихъ босикомъ, нѣкоторые съ окурками папирсъ въ зубахъ. Они подпрыгиваютъ передъ окнами вагоновъ и что-то кричатъ, дѣлая знаки руками. Стоитъ на платформѣ въ ожиданіи поѣзда начальникъ станціи безъ форменной одежды, но какъ у насъ—въ крас-

ной фуражкѣ. На станціонномъ домѣ надъ дверями надписи: „Posada“, „Venta“.

— Вотъ я и знаю, что такое значуть Посада и Вента, — хвастается передъ женой Николай Ивановичъ — Посада — это буфетъ, а Вента — погребокъ, винная лавочка.

— Какъ тебѣ не знать! Ты только хмельныя слова и изучаешь, — кивнула ему жена.

— Врешь. Знаю и носильщикъ какъ по-испански.

— Ну, а какъ?

— Носильщикъ-то? — запнулся Николай Ивановичъ. — Какъ носильщикъ-то? Вѣдь вотъ все время твердилъ, какъ носильщикъ по-испански — и забылъ. Сейчасъ разыщу, — сказалъ онъ и, схватившись за словарь, началъ его перелистывать.

— Да ужъ некогда теперь... Брось... Какъ-нибудь и безъ испанскаго языка позовемъ. Видишь, поѣздъ остановился, — проговорила Глафира Семеновна, снимая съ сѣтокъ свои коробки.

Въ вагонъ вскочили мальчишки, трещали безъ умолку, рвали у ней изъ рукъ коробки и называли ее мадамъ. Она не давала имъ вещей и кричала:

— Прочь! Прочь! Не дамъ ничего! Намъ нуженъ портёръ, настоящій носильщикъ, съ форменной бляхой. Николай Ивановичъ, нельзя-же довѣрить нашъ багажъ этимъ оборванцамъ, — обратилась она къ мужу: — Растащатъ. Да брось ты книгу-то! Гдѣ-же теперь отыскивать слова!

— Сейчасъ, сейчасъ... Ахъ, ты несчастіе! Надо-

же случиться такъ, что какъ только понадобилось слово—сейчасъ и забылъ его! Брысь!—крикнулъ онъ на мальчишекъ и показалъ имъ кулакъ, а затѣмъ вышелъ изъ вагона на платформу и сталъ кричать:—Портёръ! Портёръ!

Кричалъ онъ и махалъ руками долго, но никто не показывался. Наконецъ, къ нему подбѣжала старуха въ короткой сильно наваченной юбкѣ и синихъ чулкахъ и заговорила по-испански, вырывая у него изъ рукъ кожаный саквояжъ.

— Поди ты къ чорту, вѣдьма... — говорилъ онъ ей. — Намъ нужно портёра... Мужчину... Омбре... а не бабу... Омбре, омбре...—повторилъ онъ, вспомнивъ, что мужчина по-испански омбре, и при этомъ указывалъ себѣ на грудь.—Омбре съ номеромъ на груди. Омбре... Нумеръ... Нумеро...

Женщина поняла, что отъ нея требуютъ, обернулась, крикнула—„Фернандо“!—и замахала кому-то руками.

Подбѣжалъ старикъ въ фуражкѣ блиномъ и въ полосатой шерстяной фуфайкѣ. Величая Николая Ивановича словомъ „кабалеро“, онъ полѣзъ, по его указанію, въ вагонъ, выгналъ оттуда мальчишекъ, давъ нѣкоторымъ изъ нихъ по подзатыльнику, и сталъ принимать отъ Глафиры Семеновны ручной багажъ.

— Нѣтъ здѣсь носильщиковъ съ номерами. И этотъ безъ номера. Но все-таки солидный человекъ и на него можно положиться,—сказалъ Николай

Ивановичъ женѣ.—Въ таможеню... Дуанъ...— обратился онъ къ носильщику.

— Сси, кабалеро...—кивнуль ему носильщикъ и сталъ вытаскивать изъ вагона вещи.

II.

ПЛАТФОРМА первой испанской желѣзнодорожной станціи Ирунъ была до того забросана окурками папирозъ, сигаръ, спичекъ, кожурой отъ фруктовъ и клочьями рваной бумаги, что можно было смѣло сказать, что она никогда не метется. Стояли порожніе ящики, боченки, валялись щепки, обручи. Подъ крытой стеклянной галлереей былъ невыносимый запахъ пригорѣлаго масла, кухонныхъ отбросовъ, проквашенныхъ помой и другихъ нечистотъ.

— Какая грязь! Какой запахъ!—вырвалось у Глафиры Семеновны и она сморщила носъ.

— Испанія... Ничего не подѣлаешь...—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Зато народъ красивый. Въ Италіи тоже грязища... Помнишь, мы видѣли? Макароны на пыльной улицѣ сушатся, козу въ непрополосканную отъ деревяннаго масла бутылку доять, а тоже какой народъ красивый.

— Здѣсь я и красиваго народа пока не вижу. Старикъ — уродъ, старуха — вѣдьма, мальчишки — черти.

Они шли за старикомъ носильщикомъ, который то и дѣло оборачивался къ нимъ и произносилъ:

— Дуанъ, кабалеро... Дуанъ... Алонъ, сеньора...

— Въ таможеню зоветь... Онъ французскія слова знаетъ. Съ нимъ можно кой-какъ объясниться,—замѣтила Глафира Семеновна.

Супруги спѣшили за носильщикомъ и наткнулись на двухъ жандармовъ-карабинеровъ, марширующихъ вдоль остановившагося поѣзда. Они маршировали съ самой серьезной миной, какъ опереточные жандармы. Да и костюмы ихъ напоминали оперетку: какія-то кургузья треуголки, суконныя краги на ногахъ, черные плащи съ перекинутой черезъ плечо полой и дуло ружья, торчащее изъ - подъ плаща. Маршируя, они не уступили дороги супругамъ и оттолкнули ихъ въ разные стороны.

— Тыфу ты, проклятые! А еще военные!—выбрался Николай Ивановичъ.

Вотъ и таможня, представляющая изъ себя какой-то амбаръ съ каменными облупившимися стѣнами. Накурено ужасно. Всѣ съ сигарами и папиросками во рту: и чиновникъ, и солдаты-досмотрщики съ зелеными жгутами на плечахъ, и носильщики, и полчище босоногихъ мальчишекъ, сопровождающихъ носильщиковъ.

Задерживали въ таможнѣ, однако, не долго. Чиновникъ въ грязномъ мундирѣ съ серебряными кружечками на плечахъ, съ важной миной на лицѣ, украшенномъ необычайно густыми бровями и усами, съ совершенно синимъ подбородкомъ, ткнулъ пальцемъ

въ сундукъ Глафиры Семеновны и, не выпуская изорта сигары, пробормоталъ для проформы:

— Табакъ... тэ... сигаретъ...

Солдатъ-досмотрщикъ тотчасъ-же поднялъ крышку сундука. Чиновникъ и не заглянулъ туда и перешелъ къ багажу стоявшаго рядомъ англичанина. Второй солдатъ-досмотрщикъ живо налѣпилъ маленькіе ярлычки на сундукъ, баульчики и картонки и, молча, протянулъ Николаю Ивановичу пригоршню. Подскочилъ носильщикъ и, указывая на пригоршню досмотрщика, шепнулъ Николаю Ивановичу, поднявъ вверхъ свой палецъ:

— Уна пезета, кабалеро... Уна...

— Дай, дай таможенному-то...—заговорила мужу Глафира Семеновна.--Стоить дать... Какіе любезные люди!.. Даже не смотрѣли ничего. Ты видѣлъ? Я коробокъ даже не открывала. Первая таможня такая учтивая... Ну, испанцы! Молодцы... Сейчасъ видно, что народъ благородный.

Супругъ далъ пезету, покрутилъ головой и сказалъ

— И какъ мало просить! Удивительно дешево.

Когда осмотръ багажа кончился, къ супругамъ приступили мальчишки и просили: „синко сентиміесь“. Николай Ивановичъ показалъ имъ кулакъ, а носильщикъ двумъ-тремъ далъ по подзатыльнику и повелъ супруговъ въ буфетъ, но ужъ черезъ другой ходъ.

Въ буфетной комнатѣ опять невообразимо пахло чадомъ и стояло облако табачнаго дыма. Посреди комнаты былъ длинный обѣденный столъ съ залитой

виномъ и кофеемъ скатертью, съ грязными тарелками, на которыхъ лежали объѣдки, съ грязными ножами и вилками и стаканами съ недопитымъ виномъ. За столомъ сидѣли какіе-то смугляки въ суконныхъ пелеринахъ и шляпахъ съ широкими полями, пили вино и курили. Толстый хозяинъ въ испанскихъ бакенбардахъ на вискахъ стоялъ за стойкой на возвышеніи и командовалъ что-то тремъ суetsyщимся лакеямъ во фракахъ. Тутъ-же около стойки малый въ одномъ жилетѣ и красномъ колпакѣ мылъ въ жестяной лоханкѣ посуду и вытиралъ ее грязнымъ полотенцемъ.

Носильщикъ обратился къ супругамъ и, мѣшая французскія слова съ испанскими, сталъ объяснять, что времени остается до отхода поѣзда „уна ора“, то есть цѣлый часъ, что можно въ это время отлично поѣсть и попить, нужно только взять билеты на поѣздъ и заранѣе занять „берлину“ въ поѣздѣ, то есть купе. Говоря, онъ пояснялъ все жестами, показывая пальцами. Николай Ивановичъ отвѣчалъ носильщику „сси“ и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ кассу за билетами, оставивъ супругу въ буфетѣ.

Въ кассѣ вмѣсто кассира — дама съ высокой испанской гребенкой въ волосахъ и папироской въ зубахъ. Она кой-какъ говорила по-французски и расторопно выдала ему два билета до Мадрида, сдавая сдачу улыбнулась, сказала: „bon voyage“ и указала на кружку съ крестомъ, висѣвшую около кассы. За любезное пожеланіе Николай Ивановичъ опустилъ въ кружку пезету.

Какъ только онъ отступилъ отъ кассы, къ нему подошла жирная монахиня съ наперснымъ крестомъ и въ бѣлой коленкоровой шляпѣ и тоже подставила кружку, кланяясь и бормоча что-то.

— Ну, ужъ довольно, сестра,—развелъ онъ руками.—Сейчасъ опустилъ лепту—и ассе...

Нѣсколько шаговъ—и еще монахиня съ кружкой.

— Тѣфу ты пропасть! Да этому конца не будетъ! Ассе, ассе!—махаль онъ руками и направился въ буфетъ.

Тамъ Глафира Семеновна уже сидѣла и пила кофе съ молокомъ изъ высокаго стекляннаго бокала и ѣла булку.

— Ъсть ужасъ какъ хочется, а ѣсть боюсь—до того все грязно, — сказала она мужу. — Смотри, вонъ на блюдѣ рыба разварная лежитъ, съ него накладываютъ на тарелки, а рядомъ съ рыбой окурки папиросы брошенъ и никто его не сниметъ съ блюда.

— Вижу, но что-же дѣлать!—отвѣчалъ тотъ.—Все-таки, я поѣмъ чего-нибудь. Не ѣвши нельзя... Надо съѣсть чего-нибудь самаго испанистаго,—прибавилъ онъ, присаживаясь къ столу и, вспомнивъ, что слугу надо звать словомъ „обмрѣ“, крикнулъ:—Омбрѣ! Иси!

Къ нему, однако, выскочилъ изъ-за стойки самъ хозяинъ и спросилъ по-французски:

— Ке вулэ ву, мосье?

— Ву парле франсе?—удивился Николай Ивано-

вичъ и сказалъ: — Доне муа келькшозъ манже эспаньоль.

Хозяинъ пожалъ плечами и сказалъ, что у нихъ французская кухня и испанскаго онъ, къ сожалѣнію, ничего дать не можетъ. Глафира Семеновна перевела мужу, что сказалъ хозяинъ.

— Вотъ тебѣ и здравствуй!—удивленно воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Первый блинъ да и тотъ комомъ. Приѣхали въ Испанію и ничего нѣтъ испанскаго. Ловко!

Хозяинъ совалъ ему карточку кушаній и винъ.

— Да не надо мнѣ, ничего не надо, коли такъ,—отстранялъ Николай Ивановичъ карточку.—Я приѣхалъ въ Испанію нарочно, чтобы испанское что-нибудь ѣсть. А нѣтъ ничего испанскаго, тогда ветчины... Жамбонъ. Аве ву жамбонъ?

— Сси, кабалеро...

Хозяинъ бросился исполнять требуемое. Лакей сталъ готовить приборъ для гостя: стряхнулъ салфетку и сложилъ ее, отеръ другой салфеткой ножъ и вилку, лежавшіе на тарелкѣ съ остатками рыбы и положилъ передъ гостемъ. Затѣмъ вы плеснулъ изъ стакана на полъ чьи-то опивки вина и тутъ-же поставилъ этотъ стаканъ къ прибору.

Явилась ветчина—сухая, жилистая. Николай Ивановичъ взглянулъ на ветчину и сказалъ по-русски хозяину, подававшему ему ее:

— У насъ въ Москвѣ купцы такой ветчиной половому фізіономію мажутъ, если онъ осмѣлится

подать такую гостю. Понялъ, кабалеро? Ну, да ужъ дѣлать нечего, надо ѣсть.

И онъ принялся ѣсть подавленное, но тотчасъ же спохватился и спросилъ хозяина:

— Надѣюсь, что хересь-то есть? Вино испанское. Хересь? Аве ву?

— Сси, кабалеро.

— Ну, такъ энъ веръ... Да побольше.

Подали бокаль хересу.

LI.

ДОБЗДЪ все еще на станціи Ирунъ. Супруги Ивановы въ вагонѣ, стоятъ у окна и смотрятъ на платформу, гдѣ шныряетъ различный людъ. Всѣ съ папирсами и только два жандарма, попрежнему марширующіе мимо вагоновъ, безъ папирсовъ, да монахини, бродящія отъ окна къ окну съ кружками и кланяющіяся выглядывающимъ изъ оконъ пассажирамъ. Папирсы даже у оборванцевъ-нищихъ, то и дѣло подходящихъ къ окну супруговъ. Нищіе кланяются и просятъ милостыню, не вынимая изо рта папирсовъ.

— Однако, это совсѣмъ по нашему, по-русски. Стоимъ, стоимъ на станціи и конца нѣтъ, а сказали, что только часъ стоять,—говоритъ Глафира

Семеновна, чистя ножичкомъ грушу и кидая кожуру за окно.

— А я, знаешь, люблю такую ѣзду. Здѣсь ужъ ни вагономъ не перепутаешься, ни за опозданіе не дрожишь,—возразилъ Николай Ивановичъ. — Одно только, что вотъ вагончики подгуляли. Кто скажетъ, что это первый классъ! Грязно, закончено, вагоны не имѣютъ уборныхъ.

— А это ужъ совсѣмъ варварство. По Турціи ѣздили, и тамъ есть въ вагонахъ все необходимое.

Но вотъ черноглазый оберъ-кондукторъ въ испанскомъ короткомъ плащѣ и кэпи покрутилъ свой усъ и ударилъ въ ладоши. Поѣздная прислуга бросилась запирать двери „берлинъ“. Раздался звонокъ. Затѣмъ свистокъ оберъ-кондуктора. Откликъ паровоза—и поѣздъ тронулся.

Поѣздъ ушелъ почти пустой. Въ вагонахъ не было и тридцати человѣкъ. Въ своемъ купѣ супруги Ивановы сидѣли совершенно одни.

— А испанской-то жизни пока еще не было замѣтно,—сказалъ Николай Ивановичъ. —Ни испанскихъ костюмовъ, ни вѣеровъ. Только и замѣтилъ я на кассиршѣ испанскую гребенку. На станціи въ буфетѣ не нашлось даже никакой испанской ѣды.

— А на русскихъ станціяхъ есть развѣ русская ѣда?—замѣтила Глафира Семеновна.

— А то какъ-же? щи... По польскимъ дорогамъ ты вездѣ встрѣтишь гразы.

Глафира Семеновна сидѣла съ путеводителемъ и просматривала его.

— Сейчасъ туннель будетъ въ 466 метровъ, — сказала она. — Туннель въ горѣ Ганршурисквета. Вотъ названіе-то! Языкъ сломишь.

И точно, поѣздъ съ шумомъ влетѣлъ въ туннель.

— А вѣдь вотъ мы чего не узнали, о чемъ не справились на станціи: когда будемъ въ Мадридѣ, — проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Какъ не справились! Я справилась у буфетчика. Завтра утромъ въ девять часовъ, — отвѣчала супруга, и когда поѣздъ вышелъ изъ туннеля, снова начала читать путеводитель и рассказывать мужу дорогу. — Сейчасъ будетъ станція Рентерія — городокъ на рѣкѣ Оярзунѣ. Крѣпость... Военная крѣпость.

Въ Рентеріи поѣздъ стоялъ двѣ-три минуты, но и тутъ только что супруги подошли къ окошку, какъ передъ ними на платформѣ, точно изъ земли, выросли нищіе. Просила цѣлая семья: старикъ въ шляпѣ съ широкими полями, съ грязнымъ полосатымъ одѣяломъ на плечѣ и съ неизбѣжной папирсой въ зубахъ, старуха, повязанная ситцевымъ платкомъ точь-въ-точь, какъ повязываютъ головы наши русскія бабы, дѣвочка лѣтъ десяти, босая, съ тыквой-бутылкой на веревкѣ черезъ плечо и мальчикъ въ испанской фуражкѣ и когда-то красномъ жилетѣ безъ пуговицъ. Они остановились передъ окномъ и хоромъ затаили что-то заунывное. На станціи опять маршировали два жандарма въ плащахъ, съ торчащими изъ-подъ плащей дулами карабиновъ

Въ поѣздѣ влѣзли два гладкобритыхъ каноника въ длинныхъ черныхъ рясахъ и шляпахъ а ля донъ Базиліо изъ „Севильскаго цирюльника“ и поѣздъ помчался.

— Туннель въ 200 метровъ и затѣмъ знаменитый Санъ-Себастьянъ будетъ,—разсказывала мужу Глафира Семеновна.

— А чѣмъ-же онъ знаменитый?—спросилъ тотъ.

— Какъ? Развѣ ты не слыхалъ? Тѣмъ-же знаменитъ, чѣмъ и Біаррицъ, такія-же морскія купанья и въ Санъ-Себастьянѣ, какъ въ Біаррицѣ только жизнь здѣсь дешевле. Многіе даже такъ и ѣдутъ, чтобы недѣли три покупаться въ Біаррицѣ и недѣли три въ Себастьянѣ.

Вотъ и Санъ-Себастьянъ. Первое, что выростаетъ передъ глазами — это большой трехэтажный циркъ, выстроенный бокъ-о-бокъ со станціей и предназначенный для боя быковъ. На станціи много прогуливающихъ нарядныхъ дамъ съ ребятишками, мужчины въ бѣловатыхъ фланелевыхъ костюмахъ, испанскіе офицеры въ обтянутыхъ по ногамъ штанахъ, монахи разныхъ орденовъ съ молитвенниками въ черныхъ переплетахъ.

Глафира Семеновна взглянула въ окно и сказала мужу:

— Видишь, какое общество! Это все, должно быть, приѣхавшіе на купальный сезонъ.

— Все вижу, все, кромѣ испанскихъ костюмовъ,—отвѣчалъ мужъ.—Вѣдь испанскихъ-то костюмовъ никакихъ. Все послѣднія парижскія моды.

— Погоди. Вѣдь Испанія-то только еще началась. Видишь, вонъ ужъ вѣера продаютъ.

Въ это время къ окну супруговъ подскочила дѣвочка въ платочкѣ на плечахъ и съ розой въ волосахъ и стала предлагать дешевые бумажные вѣера, произнося:

— Абаникосъ, сеньора... Кинсзе сентиміесъ...

— Мерси, мерси... Въ Мадридѣ купимъ,—отмахивалась отъ дѣвочки Глафира Семеновна.

И опять мчится поѣздъ. Стали показываться горы, но скалистыя, непривѣтливныя.

— Туннель въ 400 метровъ, а потомъ въ тысячу...—сообщаетъ мужу Глафира Семеновна изъ путеводаителя—Теперь мы проѣзжаемъ мимо городка Эрнани.

— Постой... Да вѣдь Эрнани-то опера,—говорить мужъ.

— Есть опера, есть и станція. Сейчасъ туннель. Туннелей ужасъ что будетъ! Считай и записывай.

— Пожалуй. Только къ чему намъ?

— А можетъ быть Петру Семенычу въ письмѣ будешь хвастать. Такъ и такъ, молъ, поѣздъ идетъ почти что подъ землей. Только что выскочить изъ одного туннеля, какъ ужъ влетаетъ въ другой...

— А пожалуй, что это будетъ хорошо!—оживился Николай Ивановичъ.—Тутъ можно приплестъ какихъ-нибудь подземныхъ звѣрей.

— Ну, ужъ это слишкомъ... Какіе-же такіе подземные звѣри?—возразила супруга.

— Да нѣтъ-то нѣтъ подземныхъ звѣрей, это

Подъ южными небесами.

дѣйствительно. Но я думалъ для краснаго словца... Ну, не подземные звѣри, то можно такъ: „въ туннеляхъ, молъ, попадаются скелеты допотопныхъ животныхъ... Повсюду человѣческіе черепа“...

— Брось, брось... Никто этому не повѣритъ и надъ тобой-же смѣяться будутъ.

Поѣздъ вбѣжалъ въ туннель, погромыхалъ въ немъ минуты двѣ, выскочилъ на свѣтъ Божій и снова спрятался подъ горой. Въ какіе-нибудь полчаса пробѣжали пять туннелей.

Ивановъ говорилъ женѣ:

— Подземныхъ звѣрей въ этихъ туннеляхъ, разумѣется, нѣтъ, а летучихъ мышей, я думаю, очень много. Летучія мыши любятъ такія темныя мѣста. Вотъ я и напишу Петру Семенычу: въ туннеляхъ попадались гигантскія летучія мыши, величиною съ индюка. Онѣ бились о стекла оконъ и старались влетѣть въ вагонъ.

— Ну, ужъ этому-то совсѣмъ не повѣрятъ, — отвѣчала супруга. — Летучія мыши всякаго шума боятся, такъ какъ-же онѣ могутъ быть въ туннели, гдѣ громыхаютъ поѣзда!

— Да вѣдь это совсѣмъ особенныя летучія мыши. Можно написать, что я выстрѣлилъ въ одну изъ револьвера и убилъ ее.

— Не пиши. Не повѣрятъ.

Поѣздъ остановился на станціи. Глафира Семеновна выглянула въ окно и на станціонномъ домѣ увидѣла надпись: Villabona.

— Виллабона станція. Тридцать шесть киломе-

тровъ отъ границы проѣхали,—проговорила она.

Станція была еще грязнѣе предшествовавшихъ станцій. На платформѣ около двери съ надписью „Venta“, то-есть винная лавка, сидѣли пять-шесть мужчинъ въ однихъ жилетахъ, играли въ карты и пили вино изъ высокихъ бокаловъ. Изъ дверей буфета неся запахъ жареной баранины. Опять марширующіе жандармы и просящіе нищіе съ одѣялами, перекинутыми черезъ плечо, но въ рваныхъ пиджакахъ или блузахъ безъ всякаго намека на испанскіе костюмы.

Николай Ивановичъ опять возгласилъ:

— Гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, испанцы-то въ своихъ нарядахъ? Гдѣ испанки въ мантильяхъ и красныхъ чулочкахъ при коротенькихъ юбочкахъ? Ничего я здѣсь не вижу испанскаго: ни нарядовъ, ни гитары, ни кастаньетъ. Хоть-бы одна какая-нибудь каналья пробренчала на гитарѣ!

— Погоди, можетъ быть дальше и будетъ. Въ путеводителѣ сказано, что теперь мы проѣзжаемъ провинцію Басковъ,—отвѣчала жена.

ІІІ.

ПОѢЗДЪ мчался. Проѣхали Толосу, проѣхали Зумарагу, нѣсколько маленькихъ полустанковъ и приближались къ Алсасуѣ. Поѣздъ на половину шелъ подъ землей Николай Ива-

новичъ успѣлъ уже насчитать до тридцати туннелей.

— Нигдѣ еще мы такой подземной дороги не видѣли, сколько ни странствовали, — замѣтила Глафира Семеновна. — Алсасуя стоитъ въ ста трехъ километрахъ отъ французской границы, это меньше чѣмъ сто три версты, а сколько уже ты насчиталъ туннелей!

— Двадцать девять, — откликнулся супругъ. — Но это все наплевать. А меня поражаетъ, что настоящихъ испанцевъ и испанокъ не видимъ. Все пиджаки, пиджаки и женщины въ обыкновенныхъ платьяхъ. Затѣмъ, объ Испаніи я Богъ знаетъ, что воображалъ, думалъ, что повсюду апельсиныя и лимонныя рощи, а тутъ скалы, скалы и скалы.

— Такъ вѣдь мы въ горахъ ѣдемъ. Погоди, на равнину вѣдемъ. Впрочемъ, вонъ лужайка и на ней барашки пасутся, — указала Глафира Семеновна. — Въ Алсасуѣ буфетъ и Фонда... Можешь рюмку хересу выпить. Да купи мнѣ сельтерской воды и яблоковъ.

— Лучше, матушка, я полъ-бутылки хересу куплю, — сказалъ супругъ.

— Ужъ сейчасъ и полъ-бутылки! Зачѣмъ же напиваться-то?

— Не напиваться, а полъ-бутылки дешевле. Съ какой стати дать наживать буфетчикамъ!

Станція Алсасуя. Опять марширующая пара жандармовъ, опять нищіе съ папиросами и одѣя-

лами черезъ плечо. Николай Ивановичъ побѣждалъ въ буфетъ.

— Ля митдъ бутеля хересъ,—сказалъ онъ буфетчику, стоявшему за стойкой безъ сюртука и когда ему тотъ подалъ хересъ, ужасно обрадовался, что поняли его испанскую фразу, почерпнутую изъ словаря.—Мансана, мансана... Трезъ мансана...—прибавилъ онъ и показалъ три пальца.

Буфетчикъ далъ ему три яблока и вручилъ сдачу, размѣнявъ дуру—серебряную монету въ пять пезетъ.

Къ супругъ Николай Ивановичъ прибѣжалъ въ восторгъ.

— По-испански, оказывается, отлично говорю. Все поняли. И какой премилый человѣкъ буфетчикъ! Папиросъ себѣ купилъ. Настоящихъ испанскихъ папиросъ. Спичекъ коробку—и это ужъ не французская дрянь, сѣренки, а такія-же, какъ у насъ, хорошія спички,—разсказывалъ онъ, захлебываясь.—На станціи въ буфетѣ много народу. Сидятъ, пьютъ и лукъ испанскій жрутъ, но костюмовъ испанскихъ—никакихъ.

— А знаешь что? Можетъ быть здѣсь, въ Испаніи, испанскіе-то костюмы по праздникамъ только носятъ, а сегодня будни,—замѣтила Глафира Семеновна.—Ты разочти: вѣдь испанскіе костюмы должны быть дороже обыкновенныхъ.

— Да, да... Пожалуй, что и такъ. Но послѣ-завтра воскресенье и стало быть мы ихъ увидимъ въ Мадридѣ. Въ воскресенье будемъ церкви осматривать. Вотъ гдѣ мы женщинъ-то въ испанскихъ

костюмахъ увидимъ. Испанки—религіозный народъ и навѣрное въ церквахъ ихъ будетъ множество. И даже стихотвореніе насчетъ ихъ набожности помню.

И Николай Ивановичъ продекламировалъ:

„Издавна твердятъ испанки:

Въ кастаньеты звонко брякать,

Подъ ножемъ вести интрижку

Да на исповѣди плакать—

Три блаженства только въ жизни“.

— Не идетъ къ тебѣ, когда ты читаешь стихи,— сказала Глафира Семеновна, посмотрѣвъ на мужа.

— Отчего?

— Физіономія у тебя совсѣмъ не поэтическая, не для стиховъ. Да и фигура...

Николай Ивановичъ, откупоривъ полъ - бутылки хереса, смаковалъ его изъ дорожнаго серебрянаго стаканчика, а поѣздъ мчался, пробѣгая въ горахъ. Вдали синѣли снѣговья вершины. Становилось холодно.

— Небольшая станція Арая будетъ сейчасъ. На скалѣ развалины древняго замка, — сообщила ему супруга, смотря въ путеводитель.

И точно, подѣвжая къ станціи, на скалѣ можно было видѣть потемнѣвшія развалины каменнаго замка. Стояла уцѣлѣвшая еще сѣрая башня съ бойницами. Глафира Семеновна замѣтила:

— И навѣрное въ старину здѣсь разбойники жили. Сколько здѣсь несчастныхъ похищенныхъ женщинъ томилось! Вонъ около этихъ круглыхъ оконцевъ онѣ и сидѣли, несчастныя.

— Ну, разбойники больше насчетъ мужчинъ,— отвѣчалъ супругъ.— Что имъ женщины!

— Однако, во всѣхъ старинныхъ романахъ разбойники женщинъ похищаютъ. За женщинъ выкупъ дадутъ. Да и такъ... Влюбится атаманъ въ какуюнибудь,—ну, и похитить.

Миновали маленькія станціи Араю, Сальватьеру. Алегрію, большую станцію Виторію, Нанзанарестъ, Манзаносъ и приближались къ Мирандѣ.

На станціи Манзаносъ, при видѣ марширующихъ жандармовъ, Николай Ивановичъ плюнулъ:

— Тьфу, какъ эти шуты гороховые жандармы надоѣли! Лѣвой, правой, лѣвой, правой... А рожи серьезные, пресерьезныя... И что удивительно: на всѣхъ станціяхъ рожи одинаковыя, какъ на подборъ: черныя усы, брови дугой и носы красные. Должно быть, подлецы, хересу этого самого страсть сколько трескаютъ.

— Слѣдующая станція—Миранда. Буфетъ и остановка для обѣда. Табльдотъ...—прочитала Глафира Семеновна въ путеводителѣ.—Передъ станціей будетъ опять туннель.

— Буфетъ? Ну, слава Богу... Червячка давно заморить пора, — откликнулся супругъ. — У меня ужъ давно въ желудкѣ словно кто на гитарѣ играетъ. Да... Въ желудкѣ-то вотъ гитара, а такъ нигдѣ ее не видать. Вотъ-те и Испанія! Цѣлый день ѣдемъ, а еще гитары не слышали. А я думалъ, что здѣсь гитара на каждомъ шагу.

Темнѣло. Сдѣлалось еще холоднѣе. Поднимаясь

все въ гору, достигли почти снѣговыхъ возвышенностей. Глафира Семеновна накинула на себя шаль сверхъ пальто, Николай Ивановичъ тоже облекся въ пальто. Вошелъ кондукторъ и сталъ что-то говорить по-испански, жестикулируя и твердя слова „Миранда“ и „Комида“.

— Парлеву фране? — спросила его Глафира Семеновна.

— Но, сеньора, — покачалъ онъ головой, вынулъ двѣ замаслянные красныя карточки изъ кармана, и суя ей ихъ въ руки, твердилъ: — Комида, комида, сеньора. Дуо дуо...

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое толкуетъ!

— Комида, комида поръ сеньора и... кабалеро... Комида...

Кондукторъ пожевалъ губами и показалъ пальцемъ въ свой открытый ротъ.

— Комида... Постой, я посмотрю въ словарь, что такое комида значить, — сказалъ Николай Ивановичъ и взялся за книгу, но было ужъ такъ темно, что разобрать что-либо было невозможно.

— Поняла! Поняла! Не смотри! Это онъ обѣдъ предлагаетъ! — воскликнула Глафира Семеновна. — Вотъ на карточкѣ крупными буквами напечатано: комида и потомъ — дине — обѣдъ. Сси... сси... кабалеро, — кивнула она кондуктору.

Онъ опять заговорилъ по-испански и сталъ повторять слова „дуо дуо“.

— Дуо — это серебряный пятакъ, монета въ пять пезетъ, — пояснилъ Николай Ивановичъ су-

пругѣ.—Надо заплатить за билеты. Постой, я ему заплачу. Два обѣда... То бишь... Два комида... Дуо комида—дуо дуру. Вотъ дуо дуру. Получай, кабалеро.

И онъ звякнулъ на руку кондуктора двѣ большія серебряныя монеты по пяти пезетъ, прибавивъ, обращаясь къ женѣ:

— Посмотримъ, чѣмъ-то насъ покормятъ за обѣдомъ. Теперь ужъ мы въ самомъ центрѣ Испаніи и неужели намъ ничего испанистаго не дадутъ?

— Да вѣдь ничего испанистаго я все равно ѣсть не буду, такъ мнѣ-то что! — откликнулась супруга.

— Отчего?

— Оттого, что могутъ не вѣдь какой гадости подать, а я, вѣдь ты знаешь, ничего незнакомаго не ѣмъ. Заяцъ, кроликъ, коза, наконецъ, какія-нибудь змѣиныя рыбы. Вѣдь я до этого даже никогда не дотрогиваюсь.

— А я такъ съ удовольствіемъ... Аликанте надо здѣсь попробовать. Вино такое испанское есть. И непременно чѣмъ-нибудь испанистымъ закусить.

Поѣздъ убавилъ ходъ и подѣзжалъ къ станціи Миранда.

LIV.

СТАНЦІЯ Миранда была освѣщена плохо. На всемъ протяженіи большой платформы мелькали три убогіе фонаря, изъ коихъ одинъ освѣщалъ входъ въ буфетъ и вывѣску его — „Fonda“. Платформа и здѣсь была завалена пустыми бочками, вставленными одна въ другую, порожними ящиками, лежало ржавое листовое желѣзо, валялись черепки посуды. Приходилось въ полутьмѣ лавировать мимо всего этого, пока супруги не достигли Фонды, то-есть буфета. Буфетная комната была также слабо освѣщена и переполнена пассажирами. Главнымъ образомъ бросались въ глаза монахи, сидѣвшіе за столомъ, упитанные, краснощекіе, съ двойными подбородками. Ихъ было человѣкъ семь-восемь. Они заняли цѣлый уголъ стола, положивъ передъ собой на столѣ свои большія шляпы, и ѣли и пили. Миранда — узловая желѣзнодорожная станція, чѣмъ и объясняется обиліе публики. Отъ Миранды идутъ желѣзнодорожныя вѣтви на Сарагоссу и на Таррагону, къ Средиземному морю и черезъ Бильбао къ Атлантическому океану. Монахи какъ ѣли много, такъ и пили обильно, сдвинувъ къ себѣ бутылки со всего стола, такъ какъ вино при обѣдѣ полагалось даромъ.

Супруги Ивановы сѣли близъ монаховъ, передъ

загрязненными соусом тарелками и кусками искрошеннаго хлѣба, такъ какъ другихъ свободныхъ мѣстъ не было. Къ нимъ подскочилъ „омбрэ“, то есть офиціантъ во фракѣ и зеленомъ суконномъ передникѣ съ салфеткой за жилетомъ, мрачно спросилъ ихъ—„комида“?—и вырвалъ изъ руки Николая Ивановича показанные имъ билеты на обѣдъ.

— Хересь... хересу!—хлопнулъ Николай Ивановичъ пальцемъ по пустому стакану.

— Сси, кабалеро, — отвѣчалъ офиціантъ, принесъ большой глиняный кувшинъ и налилъ въ два стакана что-то желтое.

Николай Ивановичъ быстро отхлебнулъ изъ стакана и воскликнулъ:

— Батюшки! Да это не хересь, а бульонъ. Глаша! Бульонъ въ стаканахъ...

— Да бульонъ-ли?—усумнилась супруга и спросила мужа:—Но какъ-же мы будемъ ѣсть-то? Онъ не убралъ еще отъ насъ грязныхъ тарелокъ.

— Омбрэ! Тарелки!—крикнулъ Николай Ивановичъ. — Что-жъ это такое! Нужно подать чистыя тарелки,—указывалъ онъ на грязныя.

Омбрэ тотчасъ-же схватилъ грязную тарелку, выхватилъ изъ-за жилета салфетку, стеръ съ нея соусъ и поставилъ вновь на столъ, хотѣлъ то-же сдѣлать и со второй тарелкой, но Глафира Семеновна взяла обѣ тарелки и сунула ему ихъ обратно, съ негодованіемъ проговоривъ:

— Прене, прене... Такія тарелки не годятся.

Апорте пропрѣ... Мерзавецъ! Размазалъ на тарелкѣ соусъ и думаетъ, что онъ вымылъ ее.

Офиціантъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на нее, принялъ тарелки, сунулъ въ карманъ фрака руку, вынулъ оттуда двѣ чайныхъ ложки и опустил ихъ въ стаканы съ бульономъ, а затѣмъ быстро скрылся.

— Скотина... Можетъ быть и ложки такія-же грязныя намъ въ стаканы сунулъ, — продолжала Глафира Семеновна, брезгливо сморщивъ носъ. — Какой складъ для ложекъ нашелъ! Карманъ.

Пришлось, однако, ѣсть бульонъ. Николай Ивановичъ взялся за бѣлый хлѣбъ, который въ большомъ кускѣ лежалъ тутъ-же между монашескихъ шляпъ, и только что началъ отрѣзать отъ него ломти, какъ подскочилъ второй офиціантъ въ такомъ-же суконномъ передникѣ и протянулъ имъ тарелку съ пирожками.

— Боже мой! Пирожки... Въ Испаніи на станціи пирожки! — воскликнула Глафира Семеновна въ удивленіи. — Всю Европу объѣхали и нигдѣ ни разу пирожковъ не встрѣтили въ столахъ, а тутъ вдругъ пирожки. И даже вкусные, — прибавила она, откусивъ кусочекъ и захлебывая его бульономъ.

— А въ Венеціи-то развѣ не помнишь? — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Да, да... Въ Венеціи. Но въ Венеціи мы долго жили, тамъ хозяинъ гостинницы хотѣлъ намъ угодить чѣмъ-нибудь и приготовилъ русскіе пирожки къ обѣду. Наконецъ, я помню, тамъ была какая-

то пародія на пирожки, а здѣсь настоящіе русскіе пирожки съ мясомъ.

Лакей принесъ два бокала хересу и рыбу.

— И мнѣ вина?—проговорила супруга. — Не стану я пить хереса.

— Ну, все равно. Я выпью,—откликнулся мужъ.

— Да вѣдь ты опалѣешь съ двухъ такихъ бокаловъ.

— Полно, душечка.

— И рыбу я не стану ѣсть. Богъ ее знаетъ, какая она такая. И наконецъ, навѣрное онъ ее принесъ на тѣхъ-же невымытыхъ тарелкахъ, которыя я ему передала.

— И рыбу я твою съѣмъ. Ужасъ, какъ ѣсть хочу.

За рыбой слѣдовалъ пуддингъ изъ мяса съ рисомъ и съ печеными луковицами, отъ котораго Глафира Семеновна также отказалась, находя это пачкатней.

— Вотъ это-то должно быть испанское блюдо и есть, — замѣтилъ Николай Ивановичъ, уплетая фаршъ изъ мяса съ рисомъ, политый такимъ ѣдкимъ соусомъ, что пришлось даже ротъ открыть, до того зажгло языкъ и нѣбо.—Не дурно. Только ужъ очень ротъ жжетъ, до того наперечено.

— Поди ты. Что-жъ тутъ испанскаго? Въ родѣ польской зразы, только другого фасона,—отвѣчала супруга.

— Соусъ-то, соусъ-то ужъ очень того... Совсѣмъ а ля крокодилъ какой-то. Фу!

И Николай Ивановичъ вторично открылъ ротъ, переставъ жевать.

Послѣ мяса слѣдовали зеленые бобы и наконецъ жареная курица. Супруги Ивановы, видя обѣдающихъ монаховъ, ѣвшихъ всѣ кушанья съ однѣхъ и тѣхъ-же тарелокъ, догадались, что здѣсь не въ обычаѣ мѣнять послѣ каждого блюда тарелки, и не требовали ужъ ихъ отъ офиціанта, а взяли себѣ съ блюда жареной курицы на тѣ-же тарелки, съ которыхъ они только что сейчасъ съѣли бобы. Глафира Семеновна попробовала курицы и отодвинула тарелку, сморщившись.

— На деревянномъ маслѣ. Не могу...—сказала она.

Курица дѣйствительно была изжарена на плохомъ оливковомъ маслѣ, но Николай Ивановичъ ѣлъ ее и говорилъ:

— Ъмъ только изъ-за того, что на испанистый манеръ приготовлена.

Курицей, однако, обѣдъ не кончился. Подали компотъ и кофе, при чемъ Глафира Семеновна тотчасъ-же вытащила изъ компота двухъ барахтающихся тамъ мухъ. Принимаясь за компотъ, Николай Ивановичъ замѣтилъ:

— Грязно, но смотри, какъ обильно. Кормятъ до отвалу. И все это за пять пезетъ, за пять четвертаковъ. И вино даромъ, что вотъ въ бутылкахъ на столѣ стоитъ. Вино, правда, дрянное, но все-таки вино.

— Тебѣ оно дрянное, а посмотри-ка, какъ монахи имъ упиваются, — указала супруга на монаховъ. — Они вѣдь объ насъ говорятъ. Вотъ этотъ

сѣдой-то раза три киваль въ нашу сторону и говорилъ про насъ: русъ.

Звонокъ. Супруги всполошились. Николай Ивановичъ бросилъ на столъ двѣ серебряныя пезеты за хересь и побѣждалъ къ вагонамъ, торопя жену и спотыкаясь о пустыя бочки и ящики, встрѣчающіеся на платформѣ. Здѣсь опять имъ пришлось натолкнуться на жандармовъ. Но по платформѣ маршировали ужъ не два жандарма, а человѣкъ тридцать. Достигнувъ своего купэ, супруги остановились около своего вагона и здѣсь увидали, что весь взводъ жандармовъ, промаршировавъ по платформѣ, влѣзаетъ въ вагонъ третьяго класса.

— Съ нами ѣдутъ... — кивнула на жандармовъ Глафіра Семеновна мужу.

— Да, съ нами.

— Что-же это охранять насъ, что-ли?

— Можетъ быть и охранять. Я гдѣ-то читалъ, что здѣсь въ горахъ не безопасно. Да и вообще Испанія—земля разбойниковъ.

— Упаси Богъ... Только зачѣмъ ты это говоришь? Я теперь ночь спать не буду, — тревожно заговорила супруга.— Въ самомъ дѣлѣ читалъ?

— Читалъ или кто мнѣ говорилъ—навѣрное не помню, но здѣсь въ горахъ разбойники самое обыкновенное дѣло. Испанія—ничего не подѣлаешь.

— Да не пугай ты меня, дуракъ ты эдакій!

— Чего-жъ тутъ такъ особенно пугаться-то? По Турціи ѣздили, мимо самага что ни на есть разбойничьяго гнѣзда проѣзжали и ничего не случилось,

такъ неужто насъ здѣсь-то Богъ не помилуетъ! И наконецъ, ты видишь, намъ на защиту цѣлый взводъ жандармовъ съ нами въ поѣздѣ ѣдетъ,—разсуждалъ Николай Ивановичъ.

Но тутъ они замѣтили, что къ нимъ подходила вся та монашеская компанія, которая сидѣла съ ними за столомъ. Ихъ сопровождалъ носильщикъ, несшій чемоданъ и корзинку съ ручкой, изъ которой выглядывали горлышки бутылокъ.

LV.

ВОТЪ и второй звонокъ. Супруги Ивановы поспѣшно сѣли въ вагонъ и изъ окна купэ смотрѣли на платформу. На платформѣ монахи прощались съ сѣдымъ монахомъ, облеченнымъ поверхъ длинной черной рясы въ короткое свѣтское пальто, застегнутое на всѣ пуговицы, что при шляпѣ съ широчайшими полями представляло необычайный костюмъ. Сверхъ того, у сѣдого монаха черезъ плечо было перекинута полосатое, синее съ краснымъ и желтымъ, шелковое одѣяло. Монахи цѣловали сѣдого монаха сначала въ лицо, потомъ въ плечо и кланялись ему.

Наконецъ, сѣдой монахъ въ сопровожденіи носильщика влѣзъ въ вагонъ и сталъ располагаться въ купэ супруговъ.

— Вотъ и сосѣда судьба намъ послала. Съ нами вѣдь поѣдетъ,—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Что-жъ, это даже лучше, если здѣсь такъ опасно ѣздить... Все-таки, мы будемъ не одни въ купѣ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Однимъ-то, можетъ быть, даже лучше,—подмигнулъ Николай Ивановичъ.

— Отчего?

— А не можешь ты предположить, что этотъ монахъ переодѣтый разбойникъ?

— Боже мой, что ты говоришь! Ну, зачѣмъ-же такія страсти говорить!—воскликнула Глафира Семеновна.—Послѣ этого я ужъ совсѣмъ ночью спать не буду.

— Да и я не буду. Какой тутъ сонъ!—отвѣчалъ супругъ.—Ты не смотри, что у него рожа улыбающаяся, а въ душѣ онъ, можетъ быть, чернѣе чернаго.

— Брось, Николай... Не пугай! Я ужъ и такъ дрожу. И отчего это на французскихъ дорогахъ ничего такого нѣтъ!

А монахъ уже стоялъ сзади супруговъ, у окна, и раскланивался съ другими монахами, оставшимися на платформѣ. Съ платформы слышалось:

— Buenas noches, padre! (Доброй ночи, отче).

— Buenas noches...—отвѣчалъ старикъ-монахъ изъ вагона.

Но вотъ раздался третій звонокъ и поѣздъ медленно тронулся. Монахъ перекрестился по-католи-

чески. Перекрестилась, глядя на него, и Глафира Семеновна по православному и тутъ-же замѣтила:

— Крестится, такъ какой-же онъ разбойникъ.

— Какое странное замѣчаніе!—покачалъ головой супругъ.—Ужъ если разбойникъ перерядился въ монашеское платье, такъ неужели-же онъ не перекрестится! Нарочно и крестится.

Супруги стали усаживаться въ купѣ. Монахъ также помѣстился напротивъ супруговъ у другого окна. Прежде всего онъ снялъ шляпу и положилъ ее въ сѣтку, затѣмъ досталъ изъ саквояжа молитвенникъ въ черномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ. Глафира Семеновна не спускала глазъ съ монаха.

— Вонъ и молитвенникъ у него,—сказала она мужу.—Нѣтъ, онъ не разбойникъ. Лицо добродушное.

— Все, все можетъ быть для декорация,—послышался отвѣтъ.

— Ты нарочно меня пугаешь!—вырвалось у нея, и она отвернулась отъ мужа.

Монахъ вынулъ изъ кармана табакерку серебряную и красный фуляровый платокъ. Сначала онъ основательно высморкался, звонко проигравъ носомъ, какъ-бы на трубѣ, основательно сложилъ платокъ въ комокъ, потеръ имъ подъ носомъ и понюхалъ табуку.

— Здѣсь еще нюхаютъ,—замѣтилъ Николай Ивановичъ, смотря на него.—Нюхаютъ... Тогда какъ у насъ давно ужъ это баловство исчезло.

— Нѣтъ, онъ не разбойникъ,—повторила Глафира Семеновна.

Монахъ, сидя противъ нихъ, улыбался. Наконецъ, онъ протянулъ Николаю Ивановичу открытую табакерку и сказалъ по-русски:

— Прошу, господине...

— Какъ, вы говорите по-русски?—воскликнули сразу супруги.

— Говору мало...—отвѣчалъ онъ, помедливъ, какъ-бы слагая про себя фразу, ткнулъ себя въ грудь пальцами и произнесъ:—Я будить профессоръ отъ славянски языки...

— Да что вы!

— Я есмь учитель. Прошу за табакъ.

Монахъ опять ткнулъ себя въ грудь свободной лѣвой рукой, а въ правой держалъ открытую табакерку передъ Николаемъ Ивановичемъ.

Тотъ изъ учтивости взялъ щепочку табаку, понюхалъ и тотчасъ-же расчихался.

— Будь здравъ...—привѣтствовалъ его монахъ, убравъ въ карманъ платокъ и табакерку и спросилъ:—Вы русскій, словакъ, болгаръ, сербъ, хорватъ?

— Русскіе, русскіе... Самые настоящіе русскіе!—заговорили оба супруга вдругъ.

— Великой Руссіа, у Мала Руссіа?

Монахъ говорилъ съ трудомъ, дѣлая на словахъ совсѣмъ не тамъ ударенія, гдѣ слѣдовало.

— Великоруссы, великоруссы...—кивнулъ въ отвѣтъ Николай Ивановичъ.

— Москва у Петерборго?

— Изъ Петербурга, изъ Петербурга.

Монахъ опять тронулъ себя въ грудь и произнесъ:

— Я билъ профессоръ на Саламанка... Славистъ есмь... Саламанка...

— Такъ, такъ... Какая пріятная встрѣча!—сказала Глафира Семеновна.—А мы васъ опасались... ужъ извините... Мы васъ приняли даже совсѣмъ не за того, за кого слѣдуетъ.

Монахъ, очевидно, ни слова не понялъ изъ ея послѣднихъ фразъ, тыкалъ себя въ грудь пальцемъ и продолжалъ:

— Славистъ... Языкъ русска... Языкъ польска... Языкъ чешска... Языкъ хорватска... Языкъ болгарска... Языкъ сербска... Языкъ боснійска... Языкъ...

Онъ перечислялъ по пальцамъ, загибая ихъ, не кончилъ и махнулъ рукой.

— Какая счастливая и рѣдкая встрѣча!—продолжала Глафира Семеновна.—Въ Испаніи встрѣтились съ испанцемъ, говорящимъ по-русски, и къ тому-же съ человѣкомъ духовнаго званія.

— Я не былъ въ Руссіа...—снова ткнулъ себя въ грудь пальцемъ монахъ.

— Я спрошу его про разбойниковъ...—обратилась Глафира Семеновна къ мужу.

— Ни, ни, ни... Оставь...—отвѣчалъ тотъ тихо.

— Отчего-же? Надо-же намъ узнать, зачѣмъ съ нами въ поѣздъ сѣли жандармы. Скажите пожалуйста, батюшка, правда-ли, что здѣсь на желѣзной дорогѣ не спокойно, что есть разбойники, ко-

торые врываються въ поѣздъ и грабятъ?—наклонясь къ монаху, спрашивала Глафира Семеновна.—Разбойники...—повторила она.

Монахъ ничего не понялъ и глядѣлъ вопросительными глазами. Онъ очевидно былъ знакомъ съ славянскими нарѣчіями только книжно и зналъ по-русски только заученныя фразы.

— Разбойники... — еще разъ сказала она монаху.

Тотъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Я не понимаю.

— Онъ по-русски-то, оказывается, столько знаетъ, сколько я по-испански, — замѣтилъ Николай Ивановичъ.—Я, пожалуй, тоже такой-же профессоръ.

— Ну, это хорошо, это слава Богу...—отвѣчала супруга. — По крайности онъ не понялъ, что мы его считали за разбойника. Вѣдь говорили-то мы вслухъ.

— Я читаю русскаго книги... Говорить мало...—опять сказалъ монахъ и при этомъ развелъ руками, но черезъ нѣсколько времени спросилъ супруговъ:—Ортодоксъ? Пра-вослав...

Онъ не договорилъ.

— Да, да, православные мы,—подхватила Глафира Семеновна, но все-таки, желая допытаться отвѣта про разбойниковъ, продолжала: — Разбойники—бриганъ по-французски. Ву парле франсе? Бриганъ... А съ нами ѣдутъ жандармы... Такъ здѣсь много разбойниковъ?

— А! А! Сси... Де бриганъ... Какъ? Разбой? — заговорилъ монахъ, оживившись.

— Разбойники... Раз-бой-ни-ки...—медленно произнесла Глафира Семеновна.

— Раз-бой-ни-ки...—повторилъ монахъ.

— Вотъ я и спрашиваю васъ: есть здѣсь разбойники? Илья иси де бриганъ?

— Есте, есте разбойники,—закивалъ монахъ.— Нѣтъ... Былъ разбойники...—поправился онъ.— Былъ... Mais à présent — нѣтъ разбойники... Ми ѣхаемъ съ жандарми. Видѣлъ жандарми?—кивнулъ онъ назадъ.

— Вотъ, вотъ... Только это-то намъ и нужно было знать, для чего съ нами ѣдутъ жандармы,—заговорилъ Николай Ивановичъ. — Видишь, стало быть, я правду говорю, что здѣсь въ горахъ есть разбойники и для этого поѣздъ и сопровождается жандармами! Я объ этомъ еще въ Біаррицѣ слышалъ.

Монаху очень хотѣлось говорить по-русски и онъ продолжалъ:

— Испанія—гора... горы... много горы, и въ горы раз-бой-никовъ... Горы... Въ Руссія горы — и тоже разбойнике есте.

— Да, да... за Кавказомъ... За Кавказомъ есть,—поддакнулъ ему Николай Ивановичъ.

— А мы имѣемъ жандармъ...—закончилъ монахъ, полѣзъ въ корзинку, вынулъ оттуда бутылку, хлопнулъ по ней, сказавъ: „аликанте“—и сталъ подчивать супруговъ виномъ, наливая его въ серебряный стаканчикъ.

— Ахъ, вотъ оно аликанте-то! Попробуемъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.

LVI.

РLACE aux dames...—сказалъ монахъ, подавая стаканъ съ виномъ Глафиръ Семеновнѣ и отстраняя протянутую руку Николая Ивановича.—Первый... первая дамъ...—прибавилъ онъ по-русски.

— Что? Осѣкся?—поддразнила мужа Глафира Семеновна, принимая стаканчикъ.—И ништо тебѣ... Не протягивай лапу, когда тебѣ еще не предложили.

— Да вѣдь ты обыкновенно вино не пьешь,—замѣтилъ супругъ.

— А теперь вышью... Выпью, потому что холодно. Видишь, въ горахъ ѣдемъ. Смотри, какъ стекла-то въ окнахъ запотѣли. Ваше здоровье, падре...

И она выпила стаканчикъ вина, прибавивъ по-французски:

— Иль фе фруа апрезанъ...

— Холодно... Сси... Холодно...—поддакнулъ монахъ, дѣлая удареніе на второмъ слогѣ слова.—Будемъ говорить русски, мадамъ. Я рада говорить русски... Практикъ... Мы ѣхаемъ — въ Сіерра... Мы ѣхаемъ въ горы... но... Сіерра—горна цѣпь есте—и это холодно. Пійте, господине...—протянулъ онъ вторично налитый стаканчикъ Николаю Ивановичу.

Тотъ принялъ и сталъ смаковать изъ стаканчика, говоря:

— Хорошее вино... очень хорошее.

— Хорошо... Хорошо... Ахъ, хорошо!—обрадовался монахъ, что попалось ему знакомое русское слово.—Добро вино. Есте Петерборго аликанта, мадамъ?—спросилъ онъ.

— Есть, есть... — подхватилъ Николай Ивановичъ. — Въ Петербургѣ, отче, все есть, все, кромѣ птичьего молока.

— Медвѣдь есте Петерборго? Бѣла медвѣдь есте?—допытывался монахъ, наливъ въ третій разъ стаканчикъ виномъ и выпивая его.

— Бѣлые медвѣди въ Петербургѣ? Нѣтъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.—Зачѣмъ въ Петербургѣ быть бѣлымъ медвѣдямъ! Петербургъ — большой городъ.

— Нѣтъ медвѣди? Ха-ха... Я читалъ, мадамъ, есте бѣла медвѣди Петерборго...

Монахъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—подтвердилъ Николай Ивановичъ.—Бѣлые медвѣди на Бѣломъ морѣ...

— Нѣтъ бѣла медвѣди... Сси, сси... А снѣгъ много? Холодно много? — допытывался монахъ, вытеръ своимъ одѣяломъ стаканчикъ и опять сталъ наливать въ него вино.

— Зимой снѣгу много бываетъ, а лѣтомъ нѣтъ снѣга. И морозы бываютъ зимой очень сильные, а лѣтомъ нѣтъ морозовъ,—былъ отвѣтъ монаху.

— Лѣтомъ нѣтъ морозъ... Сси, сси... Я читалъ, лѣтомъ много морозъ. Лѣтомъ шуба...

— Нѣтъ, нѣтъ. Шубы носятъ только зимой.

Все это вздоръ, — отрицательно покачала головой Глафира Семеновна.

Монахъ протянулъ ей опять стаканчикъ съ виномъ.

— Не могу, не могу...—отстранила она отъ себя стаканчикъ.

— А русска водка піеть? Аликанте добро вино... аликанте алкоголь нѣтъ,—продолжалъ монахъ.

— Не могу,—повторила Глафира Семеновна.— Вонъ мужу предлагайте. Онъ охотникъ до хмельнаго. Онъ выпьетъ.

— Съ удовольствіемъ, — откликнулся Николай Ивановичъ и опустошилъ стаканчикъ.

— Водка... Русска водка много піють на Руссія?— выпивъ и самъ второй стаканчикъ и присмакивая, спросилъ монахъ.

— Много. Есть тотъ грѣхъ.

— Холодно. Надо водка пить.

— Пустяки. Піють и въ жары. Въ жары-то, пожалуй, еще больше піють,—сказала Глафира Семеновна.

— Сси...—откликнулся монахъ, хотя, очевидно, не понялъ послѣдней фразы.

Онъ наливалъ снова стаканчикъ.

— Да что тутъ по малости-то глотать!—воскликнулъ вдругъ Николай Ивановичъ.—Ужъ если вы, ваше преподобіе, хотите въ конецъ охолостить эту бутылку, то у насъ и своя посуда есть. Наливайте въ мою посуду,—прибавилъ онъ и полѣзъ въ свою корзинку за стаканомъ.

— Николай... остерегись... Бога ради, остерегись...—заговорила супруга.—Мы ѣдемъ въ разбойничьемъ гнѣздѣ... Ну, что хорошаго, если ты напьешься? Я одна, одна беззащитная... Все туннели и туннели... Поѣздъ идетъ подъ землей... А ты будешь пьянъ.

— Душечка, да вѣдь аликанте вино столовое, легкое...

— Гдѣ-же легкое! У меня ужъ круги въ глазахъ пошли. И наконецъ, ничего неизвѣстно... Можетъ быть, тебя нарочно хотятъ напоить, —шепнула она мужу.—Можетъ быть, и онъ въ заговорѣ.

— Полно, матушка. У человѣка лицо добродушное и даже глупое,—также тихо отвѣчалъ онъ.—Вотъ, отче, нашъ русскій стаканъ изъ Петербурга.

Николай Ивановичъ отыскалъ въ корзинкѣ свой чайный стаканъ и протянулъ его монаху. Монахъ налилъ ему вина полъ-стакана, чокнулся съ нимъ своимъ серебрянымъ стаканчикомъ и сказалъ:

— Буди здравъ... Здравъ Руссія!

— Пью за Испанію! Хорошая хересовая страна! За Испанію.

Они еще разъ чокнулись и выпили. Монахъ наливалъ снова.

— Чувствую, что ты напьешься! — вздыхала Глафира Семеновна.—Чувствую.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ.

— И что это за несчастіе такое! Гдѣ мы ни ѣдемъ, гдѣ ни бываемъ—вездѣ для тебя пьянчужка компаньонъ найдется.

Лицо у монаха залоснилось и носъ сдѣлался совсѣмъ красный. Монахъ спрашивалъ у супруговъ изумительныя глупости, показывающія его невѣжество относительно Россіи.

— Цвѣты... Цвѣты есте въ Петербургѣ?

— Да само собой есть, отче! Какъ-же не быть-то? Есть цвѣты. Много, много цвѣтовъ... Зимой морозъ, а лѣтомъ цвѣты. И цвѣты есть, и всякія ягоды есть,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Какъ-же вы это не знаете, что есть въ Россіи? А еще ученый! У насъ каждый гимназистъ знаетъ, что есть въ Испаніи. Ахъ, ты, отче!

И онъ ужъ хлопнулъ монаха дружески по плечу. Вино сблизило ихъ. Монахъ не унимался и разспрашивалъ:

— И яблоки есте въ Руссія?

— Все есть, отецъ! И яблоки есть, и груши, и сливы. Вѣдь Россія велика. Въ Петербургѣ чего не растеть, то въ другихъ губерніяхъ растеть. Виноградъ есть, вино виноградное отличное есть, и даже апельсины и лимоны на Кавказѣ, говорятъ, растутъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Апельсины есть. Понялъ? Апельсины.

Онъ ужъ говорилъ ему „ты“.

— Апельсинъ... Это оранжъ... Портогало... Наранха?—спросилъ монахъ.

— Сси... Сси... падре... Портогало...—отвѣчала Глафира Семеновна, знавшая это слово.

— Апель-синъ... Сси... Сси...—дивился монахъ и качалъ головой.

Бутылка была пуста. Монахъ вытащилъ табакерку и сталъ заряжать носъ табакомъ. Его долила дремота. Онъ сидѣлъ и клевалъ носомъ. Открылъ было онъ молитвенникъ, посмотрѣлъ въ него и опять закрылъ, два раза зѣвнувъ. Затѣмъ, онъ прислонился къ уголку сидѣнья и сталъ слегка сопѣть и посвистывать носомъ. Дремалъ и Николай Ивановичъ.

— Не спи, Николай... Удержись немножко. Дай опасное-то мѣсто проѣхать. Вѣдь и монахъ не отрицаетъ, что здѣсь въ горахъ есть разбойники,—говорила мужу Глафира Семеновна.

— Ну, есть, есть... А развѣ посмѣютъ они напасть на нашъ поѣздъ, если съ нами столько жандармовъ ѣдетъ?—былъ отвѣтъ.—Будь покойна, никогда не нападуть. А если я усну, ты меня всегда разбудить можешь. Я не лягу.. Я буду сидя... Я даже вонъ на ту скамейку къ монаху пересяду, а ты растянись на этой свободной скамейкѣ.

Николай Ивановичъ пересѣлъ.

Станція. Поѣздъ остановился. Кондукторы бѣгали по платформѣ и кричали ея названіе:

— Бривіезка! Бривіезка!

Дверь распахнулась и закутанные въ шерстяные шарфы блузники въ красныхъ колпакахъ внесли въ купе металлическія грѣлки, наполненные кипяткомъ, и положили ихъ подъ скамейки.

— Холодно будетъ... Гора... Горы...—сказалъ монахъ, проснувшись, и спросилъ Глафиру Семеновну:—Мадридъ?

— Въ Мадридъ, въ Мадридъ ѣдемъ...

— Сси...

Монахъ снова закрылъ глаза.

Поѣздъ снова тронулся. Глафира Семеновна закуталась въ шаль, положила подушку и стала укладываться на диванъ.

— Ну, а ты не смѣй укладываться... Спи, сидя, чтобъ быть всегда наготовѣ...— сказала она мужу.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ тотъ.—Будь покойна. Помни, что у меня испанскій ножъ въ карманѣ...

LVII.

ГЛАФИРА Семеновна хоть и лежала, но долго не могла заснуть и считала туннели, по которымъ проходилъ поѣздъ, а туннелей было множество. Каждый разъ какъ поѣздъ влеталъ въ туннель, она вздрагивала и ей лѣзли въ голову мысли о разбойникахъ.

„А вдругъ въ туннели что-нибудь положено разбойниками на рельсы?“ думалось ей. „Поѣздъ налетаетъ... Крушеніе... Разбойники врываются и грабятъ пассажировъ. Что тутъ жандармы могутъ сдѣлать? Имъ ужъ не до защиты. Только-бы самимъ спастись и вылѣзть изъ-подъ обломковъ“.

Монахъ и мужъ храпѣли. Сонная фигура старика

монаха была прекомическая. Онъ спалъ, прислонясь затылкомъ въ уголъ дивана и сложа руки на жирномъ животѣ пальцы въ пальцы. На широкомъ, тщательно выбритомъ лицѣ съ двойнымъ подбородкомъ отвисла крупная нижняя губа, верхняя губа была подъ носомъ замаarana табакомъ, а сѣдые мохнатые брови монаха вздрагивали при каждомъ храпѣ, раздававшемся изъ рта.

„Вѣдь вотъ что вино-то дѣлаетъ“, мелькнуло въ головѣ у Глафиры Семеновны. „Правду пословица говоритъ, что пьянымъ море по колѣно. Имъ и горя мало, что мы по разбойничьему гнѣзду ѣдемъ“.

Пріятное тепло, распространяемое грѣлками, и блаженная фигура монаха, впрочемъ, ее нѣсколько успокоили.

„Все-таки, должно быть, эти разбойники здѣсь не настолько опасны, если этотъ старикъ-монахъ можетъ такъ спокойно спать. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, противъ нихъ приняты мѣры“, рѣшила она и, согрѣвшись, заснула.

Она проспала-бы долго, но поѣздъ остановился на большой станціи Бургось. По платформѣ бѣгали кондукторы и выкрикивали названіе станціи. Наконецъ, рабочіе въ блузахъ распахнули двери купе и стали перемѣнять грѣлки.

Проснулись и монахъ съ Николаемъ Ивановичемъ. Монахъ зѣвнулъ, почесалъ у себя грудь и произнесъ:

— Бургось... Фонда... Сценаръ... Супе... Ужинъ...

Ужинъ, синьора... — обратился онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Мерси... Богъ съ нимъ! — махнула ему та рукой.

Услыхавъ слово „ужинъ“, Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— А я, душечка, съ удовольствіемъ-бы перехватилъ чего-нибудь кусочекъ...

— Не можетъ быть, чтобы ты ѣсть хотѣлъ. Знаю, я какой это кусочекъ! Кусочекъ изъ бутылки,—отвѣтила Глафира Семеновна.

— А отчего-бы и не погрѣться, если кто пьетъ? Вы пойдете, падре?—спросилъ онъ монаха, щелкнувъ себя по галстуку.

— Сси, сси, кабалеро!—кивнулъ тотъ, надѣлъ на голову свою шляпу съ широчайшими полями, и сталъ вылѣзать изъ купэ.

По уходѣ мужчинъ Глафира Семеновна открыла окошко въ купэ и стала смотрѣть на платформу станціи. Было очень холодно. Мѣстная октябрьская температура приближалась къ петербургской октябрьской температурѣ. Бургось расположенъ на высокой нагорной площади и окруженъ со всѣхъ сторонъ снѣговыми возвышенностями. Желѣзнодорожная прислуга бродила закутанная шарфами, въ фуфайкахъ. Нѣкоторые были въ короткихъ испанскихъ плащахъ (саро), въ полосатыхъ одѣялахъ, накинутыхъ на плечи и зашпиленныхъ у горла. Темнота на станціи и здѣсь была идеальная. Только три-четыре фонаря освѣщали платформу да окна

освѣщенныхъ вагоновъ поѣзда. Къ окну Глафиры Семеновны подошелъ нищій съ потухшей сигарой во рту и въ фуражкѣ и заигралъ на гармоніи. Глафира Семеновна махнула ему, чтобы онъ ушелъ, но онъ не уходилъ и продолжалъ играть. Минуты черезъ двѣ къ нему подбѣжалъ оборванецъ мальчишка и сталъ подпѣвать. Игра и пѣніе раздражали нервы Глафиры Семеновны. Она подняла стекло и спряталась въ вагонъ. Пѣніе и звуки гармоніи не прекращались и, даже мало того, слышался еще голосъ — женскій. Наконецъ, заревѣлъ басъ. Согласія въ пѣніи не было никакого. Выходила какофонія. Пришлось откупиться. Глафира Семеновна выглянула въ окно и подала нищему гармонисту двѣ мѣдныя монеты по десяти сентамъ. Нищій прекратилъ играть на гармоніи и ушелъ, но мальчишка и пожилая женщина продолжали пѣть безъ гармоніи и пѣли еще громче. Пришлось и имъ дать по монетѣ, чтобы они ушли.

Они отошли, но соединились съ гармонистомъ у сосѣдняго вагона и опять запѣли свое тріо подъ гармонію. Глафира Семеновна видѣла, какъ кто-то изъ пассажировъ, очевидно проснувшійся отъ сна, швырнулъ въ нихъ половинкой лимона и попалъ мальчишкѣ прямо въ голову, но и это не помогло: нищіе продолжали пѣть, а мальчишка показывалъ кулакъ.

Николай Ивановичъ и монахъ вернулись. Оба они были раскраснѣвшіеся, съ узенькими глазами. Николай Ивановичъ принесъ женѣ конфетъ въ

коробочкѣ, но она, видя его изрядно пьянаго, раздраженно сказала ему: „убирайся къ чорту“ — и не взяла конфетъ.

— Это марципанъ... Совсѣмъ какъ нашъ марципанъ изъ орѣховъ... — бормоталъ онъ заплетающимся языкомъ и, положивъ себѣ въ ротъ конфетку, сталъ ее жевать.

Монахъ принесъ изъ буфета три копченныя рыбы въ родѣ нашихъ морскихъ сижковъ и изрядный хлѣбецъ и принялся ихъ ѣсть. Одну изъ рыбъ онъ предложилъ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Нонъ... Мерси...—рѣзко сказала она, отвернувшись отъ монаха, легла на диванъ лицомъ къ спинкѣ и пробормотала про монаха:—Эка прорва! Вотъ прорва-то! Не можетъ человѣкъ наѣсться.

— Онъ, душечка, на станціи большую полоскательную чашку винегрета съѣлъ,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.—Хересу столовый стаканъ выпилъ.

— Молчи, безобразникъ. Ты такой-же ненасытный, такая-же прорва...—послышался отвѣтъ.

Поѣздъ неся на всѣхъ парахъ. Глафира Семеновна закуталась съ головой въ платокъ и спала крѣпко. Часа черезъ два была опять большая станція съ продолжительной остановкой на ней—Вента де Баньосъ. Это была узловая станція. Отъ нея шли желѣзнодорожныя линіи на Сатондерь и къ португальской границѣ. Глафира Семеновна не просыпалась, хотя на станціи стучали по колесамъ, громыхали ящиками, кричали, переругиваясь другъ

съ другомъ. Николай Ивановичъ и монахъ, проснувшись, бѣжали въ станціонный буфетъ и выпили тамъ по большому стакану содовой воды съ коньякомъ. Монахъ принесъ какое-то мѣсиво изъ печеныхъ яблокъ и тѣста на бумажной тарелочкѣ, съѣлъ его и заснулъ.

Остановка на большой станціи Валлядолидъ (главный городъ Старой Кастиліи) промелькнула уже ни для кого незамѣтной. Спали и супруги Ивановы, спалъ и монахъ.

Только на станціи Медина дель Кампо проснулась Глафира Семеновна отъ стука. Ужъ разсвѣло. Горы виднѣлись только издали въ легкихъ очертаніяхъ. Изъ-за нихъ всходило красное солнце. Глафира Семеновна взглянула на спящихъ мужа и монаха и невольно улыбнулась. Николай Ивановичъ совсѣмъ свалился на уткнувшагося лицомъ въ уголъ дивана монаха, обнялъ его за станъ и лежалъ головой на его широкой спинѣ, какъ на подушкѣ. Глафира Семеновна тотчасъ-же открыла двери купэ и вышла на платформу. Изъ вагона третьяго класса вылѣзали жандармы и направлялись въ станціонное помѣщеніе.

„Ну, вотъ... значитъ, горы проѣхали и опасность ужъ кончилась“, радостно подумала она, прошла по платформѣ, напилась ключевой воды, продаваемой дѣвочкой изъ большого глинянаго кувшина, заткнутого пучкомъ травы, купила себѣ винограду и вдругъ увидала на сосѣдномъ вагонѣ

на стеклѣ надпись „туалетъ“, чему несказанно обрадовалась.

„Ну, слава Богу! Наконецъ-то можно поправиться, умыться и причесаться“, мелькнуло у ней въ головѣ. Она попробовала отворить дверь, ведущую въ отдѣленіе „туалетъ“, но дверь была заперта. Подскочилъ услужливый кондукторъ въ плащѣ, вынулъ изъ кармана ключъ, отворилъ отдѣленіе и любезно распахнулъ передъ ней дверь, проговоривъ что-то по-испански.

Глафира Семеновна вошла въ отдѣленіе, а кондукторъ тотчасъ-же захлопнулъ за ней дверь.

Минуты черезъ двѣ поѣздъ тронулся.

— Ахъ, ахъ! Что-же это! Стойте, стойте! Остановитесь!—испуганно закричала Глафира Семеновна, бросаясь къ двери, но дверь была заперта. Она хотѣла опустить стекло въ окнѣ, но стекло не опускалось. Изъ окна туалетнаго купэ нельзя было даже ничего видѣть, что происходитъ извнѣ, ибо стекло было матовое.

— Господи, что-же это такое!—вырвалось у Глафиры Семеновны и она даже заплакала.

LVIII.

СЛѢДУЮЩАЯ станція, на которой остановился поѣздъ, была Гомецъ Нарро. Приближались къ Мадриду. Мадридъ отстоялъ уже всего только на 90 километровъ. Вдали можно было видѣть новую цѣпь горъ. Показывались верхушки Гвадорамы, позлащенные восходящимъ солнцемъ. На этой станціи проснулся и Николай Ивановичъ. Открывъ глаза, онъ къ ужасу своему увидѣлъ, что жены его въ купѣ нѣтъ. Онъ выскочилъ на платформу—но и тамъ ея не было.

„Осталась... на той станціи осталась... Вышла изъ вагона за чѣмъ-нибудь, не успѣла влѣзть въ купѣ и вотъ теперь блуждаетъ одна на станціи безъ билета и денегъ на проѣздъ“, быстро мелькнуло у него въ головѣ.

— Кондукторъ! Ма фамъ! У е ма фамъ?—раздраженно крикнулъ онъ измѣнившимся голосомъ проходившему мимо кондуктору, но тотъ, не останавливаясь, только посмотрѣлъ на него удивленными глазами и пробормоталъ что-то по-испански.

— Экуте! Ма фамъ!—закричалъ Николай Ивановичъ сосредоточенно маршировавшимъ вдоль поѣзда двумъ жандармамъ и отчаянно развелъ руками, но жандармы ужъ совсѣмъ не обратили на него никакого вниманія.—Господи! что-же это?.. Какъ-же она попадетъ въ Мадридъ, если и билетъ ея про-

ѣздной, и всѣ деньги ея у меня? Даже пальто свое, пальто и шляпку не захватила. Ахъ, несчастная! Ну, что тутъ дѣлать?

Показался оберъ-кондукторъ. Николай Ивановичъ бросился къ нему, но тотъ засвисталъ въ дребезжащій свистокъ, дающій сигналъ, чтобы поѣздъ тронулся, и пришлось садиться въ вагонъ. Онъ ужъ на ходу поѣзда вскочилъ въ купе. Кондукторъ захлопнулъ за нимъ дверь и раздраженно пробормоталъ что-то по-испански.

Николай Ивановичъ былъ въ отчаяніи и принялся будить все еще спавшаго монаха.

— Падре! Проснитесь! Малёръ! Несчастіе! Жена пропала! Ма фамъ пропала! Эспоса пропала! Пердю...—кричалъ онъ, пуская въ ходъ русскія, французскія и нѣмецкія слова и теребилъ монаха за рукавъ его рясъ.

Монахъ открылъ глаза и сталъ чесать грудь, шевеля запекшимися губами и безсмысленно смотря на Николая Ивановича. Тотъ продолжалъ:

— Отче! Вы видите... жена пропала... Ма фамъ пердю...

— О!? Жена-а?—протянулъ монахъ и поднялъ брови.

— Да, да... Жена... Эспоса... Моя эспоса... Вуаля... Ея нѣтъ...—разводилъ руками Николай Ивановичъ.

— Когда? Куда? Куда жена?—спрашивалъ монахъ.

— Не знаю... Же не се па, когда... Я спалъ...

Же дорми... Проснулся и ея ужъ нѣтъ. Должно быть, гдѣ-нибудь на станціи осталась.

— Сси... Сси... Сси...—бормоталъ монахъ и поднялъ брови еще выше.

— Что тутъ дѣлать, падре? Она безъ билета... Безъ денегъ... Санъ аржанъ...

Николай Ивановичъ былъ блѣденъ, какъ плотно.

Монахъ отвѣчалъ не вдругъ. Онъ вынулъ табакерку, понюхалъ табаку и предложилъ сдѣлать то-же самое Николаю Ивановичу. Тотъ чуть не вышибъ у него табакерку, замахалъ руками и закричалъ:

— Подите вы въ чорту! До табака-ли мнѣ, если у меня жена пропала!

— Жена... Жена... Сси...

Монахъ вынулъ красный фуляровый платокъ и сталъ систематически сморкаться. Высморкавшись, онъ свернулъ его въ трубочку, потеръ имъ подъ носомъ и, ужъ совершенно придя въ себя, отвѣчалъ:

— Телеграфъ...Телеграфить... Надо телеграфить...

— Да, да... Надо телеграфировать. Больше нечего... Но какъ? Куда? И наконецъ, я не знаю испанскаго языка. Голубчикъ, падре... Составьте телеграмму... Экриве... Экриве, а я заплачу... Пожалуйста... Же ву при...—схватилъ Николай Ивановичъ монаха за руки и сталъ ихъ потрясать.

— Сси... Сси...—отвѣчалъ монахъ.

— Надо скорѣй... Ради Бога, скорѣй... А то

она, несчастная... одна... Одна на станціи. Вы не разсердитесь, падре, что я васъ давеча за табакъ къ чорту послалъ... Это я отъ раздраженія... Пожалуйста прощай...

Монахъ покачалъ головой и спросилъ:

— Какой станціонъ?

— Почему-же я-то знаю! Проснулся, и ея нѣтъ. Ахъ, Боже мой! Боже мой! Что только и будетъ. Бѣда!

Николай Ивановичъ схватился за голову и опустился на диванъ.

Монахъ, не торопясь, полѣзъ въ чемоданъ, открылъ его, вытащилъ оттуда записную книжку съ карандашомъ и сталъ составлять телеграмму. Но черезъ минуту онъ оставилъ это занятіе, взглянулъ на Николая Ивановича пристальнымъ взглядомъ съ приподнятыми бровями, тронулъ его за плечо и проговорилъ:

— Добри другъ... Ви не плакай... Я хочу сказать... Е раз-бой-никъ? Какъ жена ваша... мадамъ въ раз-бой-никъ?

— Что? Жену украли разбойники? И это возможно Боже мой! Да что-же это!

Николай Ивановичъ вскочилъ съ мѣста и вытянулся во весь ростъ, закрывъ ладонью влажные глаза. Монахъ закрылъ записную книжку и проговорилъ, отложивъ ее въ сторону:

— Тогда нѣтъ телеграммъ... Надо жандармъ...

Николай Ивановичъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Но неужели-же мы такъ крѣпко спали, что

не слыхали, какъ въ купѣ влѣзли разбойники и взяли женщину? Нѣтъ! Этого не можетъ быть.

Онъ отрицательно потрясъ головой. Монахъ посмотрѣлъ на него пристально и, тыкая указательнымъ пальцемъ въ грудь сначала его, потомъ себя, произнесъ:

— Ты былъ пьянъ... Я былъ пьянъ... Разбойникъ пришла и...

— Невозможно этому быть. Она-бы закричала и мы тотчасъ-же проснулись-бы... Вы не знаете, падре, какой у нея голосъ... Она закричитъ, такъ мертвый проснется.

— А я сплу... Я сплу при музыкѣ... Я сплу при пѣніи... Я сплу...

Монахъ махнулъ рукой.

— Да я-то проснулся-бы, падре. Впрочемъ, развѣ одно: она вышла изъ вагона на платформу, а ее тамъ на платформѣ разбойники схватили. Тамъ... Вы понимаете?

Говоря это, Николай Ивановичъ дѣлалъ пояснительные жесты.

— Сси, сси...—кивнулъ ему монахъ и прибавилъ:— Телеграммъ есте... Надо статіонъ... Надо говорить съ жандармъ...

— Умоляю васъ, падре, умоляю: поговорите, похлопочите... Ахъ, помощи-то Богъ, чтобы это какъ-нибудь благополучно устроилось!

Монахъ торжественно указалъ на потолокъ купѣ, то-есть на небо. Николай Ивановичъ черезъ минуту спросилъ дрожащимъ голосомъ монаха:

— А если она, падре, въ плѣну у разбойниковъ и ее выкупать придется... Я про жену... Сколько за нее разбойники денегъ запросятъ? Вѣдь, поди, страсть что заломятъ!

Монахъ не понялъ и смотрѣлъ на него вопросительными глазами. Тотъ сталъ пояснять:

— Сколько денегъ... динеро... аржанъ... Комбьянъ динеро пуръ ма фамъ?..

— А! сси... сси... Динеро... Денга... Сси... Жена... Діесетъ тысяча... Двадесать тысячи... Я не знай.

Монахъ развелъ руками.

— О, Господи! Да гдѣ-же я такія деньги возьму! Несчастіе!—схватился за голову Николай Ивановичъ.

Поѣздъ убавлялъ ходъ и приближался къ станціи. Монахъ отворилъ окно и выглянулъ въ него.

— А ля Квинесъ...—произнесъ онъ названіе станціи.

— Хлопочите, падре... Пожалуйста хлопочите на станціи... Телеграммы... жандармы... Вотъ деньги на телеграммы... Ахъ, дай-то Боже! Помогите Господи!—говорилъ Николай Ивановичъ и совалъ монаху золотой.

Поѣздъ остановился. Они выскочили изъ вагона на платформу въ станціонный домъ, но по дорогѣ остановили марширующихъ, какъ и всегда, мимо поѣздовъ жандармовъ, и монахъ обратился къ нимъ съ вопросомъ на испанскомъ языкѣ. Тѣ слушали и удивленно покачивали головами въ треуголкахъ.

— Нѣтъ раз-бой-никъ... Но... — обратился монахъ къ Николаю Ивановичу.

— Ну, слава Богу! Тогда, значить, она на какой-нибудь станціи осталась, пока мы спали, — нѣсколько радостнымъ голосомъ проговорилъ Николай Ивановичъ.

Вдругъ сзади ихъ послышался лязгъ разбитаго стекла, упавшаго на камень, и раздался женскій голосъ, кричавшій по-русски:

— Отоприте мнѣ! Выпустите меня пожалуйста! Что-же это такое! Вѣдь это безобразіе! Я два часа здѣсь сижу!

Они быстро обернулись и въ окнѣ вагона изъ-за разбитаго матоваго стекла съ остатками надписи „Toilette“ увидали Глафиру Семеновну съ блѣднымъ заплаканнымъ лицомъ.

— Глаша! Голубушка! — закричалъ Николай Ивановичъ и бросился къ женѣ.

Монахъ послѣдовалъ за нимъ.

LIX.

МОНАХЪ схватился за ручку двери, ведущей въ туалетное отдѣленіе, гдѣ была заключена Глафира Семеновна, но дверь была заперта на ключъ. Позвали кондуктора и потребовали, чтобы онъ отворилъ, но ключъ оказался у оберъ-

кондуктора. Оберъ-кондукторъ былъ въ вентѣ, гдѣ продають вино, и, очевидно, опохмелялся тамъ хересомъ, не взирая на раннее утро. За нимъ послали въ венту, но онъ не шелъ. Монахъ побѣждалъ за нимъ самъ.

А Николай Ивановичъ стоялъ около окна съ разбитымъ стекломъ, за которымъ виднѣлась раздраженная Глафира Семеновна и говорила:

— Это черти, а не люди! Дьяволы какіе-то! И зачѣмъ онъ меня заперъ? Заперъ и забылъ. Вѣдь я здѣсь въ духотѣ часа два сижу. Не запри онъ меня на ключъ, я давнымъ давно-бы ужъ вышла. Вѣдь двѣ станціи мы проѣхали, двѣ остановки были. Я стучала, стучала, но никто не слыхалъ, а окно не отворяется, чтобы можно было крикнуть въ открытое окно. Наконецъ, ужъ я рѣшилась разбить стекло на этой станціи.

Николай Ивановичъ слушалъ и бормоталъ:

— Слава Богу, душечка, слава Богу, что, наконецъ-то, ты догадалась разбить. А я ужъ думалъ, что тебя монахи похитили... То бишь, разбойники... Просыпаюсь—вижу, тебя нѣтъ. Сердце у меня такъ и оборвалось. Бужу монаха... Толкуемъ, разговариваемъ. Думаю: или на станціи осталась, не успѣвъ сѣсть въ вагонъ, или разбойники похитили. И представь себѣ: монахъ подтверждаетъ насчетъ разбойниковъ... Вѣдь мы сейчасъ шли телеграфировать по станціямъ, что вотъ такъ и такъ...

Въ это время вдали показались монахъ и оберъ-кондукторъ. Монахъ тащилъ оберъ-кондуктора за плащъ.

Туалетное купэ, наконецъ, отворено. Глафира Семеновна выскакиваетъ изъ купэ, ругая кондуктора пьяницей, подлецомъ, мерзавцемъ и хочетъ пересѣсть въ свое купэ, но оберъ-кондукторъ ее останавливаетъ и требуетъ деньги за разбитое стекло. Вступается монахъ и ужъ начинается перебранка на испанскомъ языкѣ. Приходитъ начальникъ станціи и приглашаетъ супруговъ въ контору, очевидно, для составленія протокола. Жандармы стоятъ наготовѣ, чтобы сопровождать ихъ. Николай Ивановичъ плюетъ, машетъ рукой и расплачивается за разбитое стекло.

Начальникъ станціи тотчасъ-же ударяетъ въ ладоши. Раздается звонокъ. Оберъ-кондукторъ даетъ дребезжащій свистокъ. Кондукторы захлопываютъ двери „берлинъ“, то-есть купэ, и поѣздъ тихо трогается.

— Десять франковъ за разбитое стекло!—негодуетъ Глафира Семеновна, сидя рядомъ съ мужемъ.— Сами виноваты, что я разбила его, и вдругъ десять франковъ!

— Брось, душечка. Ну, его къ чорту это стекло. Ужъ я радъ радешенекъ, что нашлась-то ты, — перебиваетъ мужъ. — Вотъ поблагодари падре за хлопоты о тебѣ. Онъ такъ близко принялъ къ сердцу все это происшествіе.

Глафира Семеновна протянула монаху руку и проговорила:

— Мерси... Благодарю васъ...

— Надо будетъ угостить его, когда пріѣдемъ на

большую станцію, — продолжалъ Николай Ивановичъ. — Онъ такъ любитъ пить и ѣсть.

— Утромъ-то? Да кто-же по утрамъ угощаетъ! — воскликнула супруга. — Вѣдь теперь только еще седьмой часъ.

Поѣздъ неся къ Аревало, когда-то резиденціи королевы Изабеллы Католической, короля Карла V и четырехъ Филипповъ. Городъ Аревало лежитъ уже въ провинціи Новой Кастиліи. Направо и налево мѣстность унылая, монотонная, плохо воздѣланная. Изрѣдка попадаются рѣдкія, сосновыя рощицы, изрѣдка виднѣются деревушки съ полуразвалившимися сѣрыми домиками. Кресты и статуи Мадоннъ подъ навѣсами повсюду, но церквей мало. Замѣтно потеплѣло. Солнце свѣтило ярко и лучи его, хоть и осенніе, были теплы и живительны. Виднѣлись стада овецъ, ошипывающихъ скудную траву и желтый листъ какихъ-то кустарниковъ. Есть стада и крупнаго рогатаго скота. Крестьяне и крестьянки уже вышли на работу, но на всѣхъ городскіе костюмы: пиджаки и фуражки, а женщины въ темныхъ ситцевыхъ платьяхъ съ головами, покрытыми ситцевыми платками, какъ и наши деревенскія бабы.

Николай Ивановичъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на эти картины и чуть-ли не въ десятый разъ воскликнулъ:

— Но гдѣ-же испанскіе-то костюмы? Вѣдь ужъ мы теперь въ самомъ центрѣ Испаніи, а я ничего испанскаго не вижу. Даже нищіе музыканты и тѣ

играють не на гитарахъ, а на гармоніяхъ. Глаша, что-бы это значило?

Супруга молчала. Ей было не до того. Она была излишкомъ возмущена своимъ двухчасовымъ одиночнымъ заключеніемъ въ туалетномъ отдѣленіи.

Николай Ивановичъ обратился о костюмахъ съ вопросомъ къ монаху, который только-что кончилъ утреннюю молитву, которую читалъ по книгѣ. Монахъ внимательно вслушивался въ русскую рѣчь, отложивъ молитвенникъ въ сторону, но предлагаемаго ему вопроса не понялъ и смотрѣлъ вопросительными глазами.

— Испанскіе костюмы... Костюмъ эспаньоль... Гдѣ они?—повторилъ Николай Ивановичъ.

Монахъ развелъ руками и заговорилъ что-то, мѣшая русскія и испанскія слова, но что именно—Николай Ивановичъ не понялъ. Супруга пояснила мужу:

— Слышишь, онъ упоминаетъ Гренаду и Севилью?.. Значить тамъ.

— А Мадридъ? Зачѣмъ-же мы ѣдемъ въ Мадридъ?

— Да вѣдь Мадридъ столица, главный городъ. Какъ-же путешествовать по Испаніи и не видать столицы! погоди. Увидимъ, можетъ быть, и въ Мадридѣ испанскіе костюмы. Хорошіе костюмы всякій носитъ по праздникамъ, а сегодня будни. Захотѣлъ ты хорошіе костюмы въ будни, при работѣ!

Поѣздъ побывалъ на станціи Аревало и понесся

дальше. Пробѣзжали по равнинѣ среди горъ. Попадались необозримыя вспаханныя поля. Кое-гдѣ пахали плугами на парѣ воловъ. Монахъ указаль на виднѣвшуюся вдали цѣпь горъ и сказалъ:

— Сіерра Авиля.

Онъ досталь изъ корзинки бѣлый хлѣбъ, банку соленыхъ оливокъ и бутылку вина и сталъ предлагать все это супругамъ. Глафира Семеновна отказалась. Николай Ивановичъ, указывая на оливки, воскликнулъ: „Вотъ она настоящая-то їда!“ и сталъ їсть ихъ вмѣстѣ съ монахомъ.

Промелькнули станціи Аданеро, Велайось. Вспаханныя поля исчезли и шла дикая мѣстность, усѣянная громадными каменьями, среди которыхъ то тамъ, то сямъ росли жалкія сосны. Мѣстность до того была изрыта и загромождена каменьями, что казалось, что какъ будто-бы сейчасъ только произошло изверженіе вулкана или была произведена цѣлая сотня хорошихъ динамитныхъ взрывовъ. Виды были печальныя, угнетающіе душу. Показались новыя горы, сѣро-фіолетовыя. Монахъ указаль и на нихъ и сказалъ:

— Самосіерра... Бѣдна земля... Бѣдны люди...

Пробѣзжали станцію Мингорія и дикость мѣстности сдѣлалась еще ужаснѣе. Пробѣзжали пространства, представляющія ихъ себя какой-то хаосъ изъ нагроможденныхъ другъ на друга скалъ съ самой жалкой хвойной растительностью. Жилья было совсѣмъ не видать. Монахъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Авила... Фонда... Хороша фонда.

При словѣ фонда онъ блаженно улыбнулся и прибавилъ:

— Кафе пить будемъ. Сси? Хороша кафе... Дессаюно... Каеъ дессаюно на русски? Дессаюно... — вспоминалъ онъ и, тронувъ себя по лбу пальцемъ, проговорилъ:—Зав-тракъ, зав-тракъ... Сси?

— Завтракъ... Завтракъ... — поддакнулъ ему Николай Ивановичъ.

Монахъ вдругъ спросилъ его:

— Ви русски лубить лукъ?

— Еще-бы! Первое удовольствіе.

— Можно кушать здѣсь лукъ съ фаршъ. Хорошо... Охъ, хорошо!

Монахъ даже закрылъ глаза отъ удовольствія.

Поѣздъ убавлялъ ходъ. Подъѣзжали къ станціи Авила.

LX.

БЫЛО 8 часовъ утра. Въ Авилѣ пили утренній кофе. Станціонные лакеи, очевидно, недавно только проснувшіеся, съ немытыми лоснящимися лицами, заспанными глазами и въ туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу, наливали въ большія чашки изъ жестяныхъ кофейниковъ кофе, смѣшанный уже съ молокомъ, и клали около каждой чашки по сдобной булкѣ въ видѣ толстой палочки. Лысый

хозяинъ буфета въ очкахъ и съ папироской въ зубахъ ходилъ съ мѣдной чашечкой и собиралъ съ потребителей деньги. На отдѣльномъ столикѣ надъ керосиновыми грѣлками что-то разогрѣвалось на металлическихъ тарелкахъ. Это были фаршированные мясомъ громадныя луковицы, о которыхъ мечталъ монахъ, еще только подъѣзжая къ станціи Авила. Монахъ тотчасъ-же набросился на нихъ и взялъ себѣ на тарелку три штуки. Взялъ и Николай Ивановичъ одну луковицу, говоря женѣ:

— Наконецъ-то добрались до чего-то настоящаго испанистаго.

Сидя рядомъ съ Глафирой Семеновной, монахъ съ какимъ-то звѣрскимъ аппетитомъ ѣлъ луковицы, одолѣлъ двѣ изъ нихъ, третью завернулъ въ бумагу, спряталъ въ карманъ рясы и сталъ пить кофе.

Николай Ивановичъ одолѣлъ только полъ-луковицы, отодвинулъ отъ себя тарелку и произнесъ:

— Ничего... Такъ себѣ... Только ужъ очень испанисто. Весь ротъ сожгло.

Здѣсь-же на станціи ему пришлось увидать и первую гитару въ Испаніи. На ней перебиралъ струны и пѣлъ слѣпой нищій, что не мѣшало ему назвать Николая Ивановича словомъ „кабалеро“, когда тотъ молча подаль ему мѣдную монету.

— Только потому и подаю ему, что первая гитара,—сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.

Поѣздъ опять помчался. Вошелъ кондукторъ и зажегъ огонь въ купѣ. Монахъ пояснилъ:

— До Эль-Эскориаль—шестнадцать тунель...

Подъ южными небесами.

— Боже мой! Значить, опять въ темнотѣ поѣдемъ,—вскричала Глафира Семеновна.—Какъ это несносно! Что это за дорога такая, что почти вся подъ землей!..

— Два часа—и ми въ Мадридъ,—продолжалъ монахъ.

Для поясненія своихъ словъ онъ показалъ Глафирѣ Семеновнѣ два пальца, потомъ вынулъ изъ кармана завернутую въ бумагу фаршированную луковницу, захваченную изъ станціоннаго буфета, и принялся доѣдать ее. Глафира Семеновна невольнo улыбнулась и сказала:

— Какой у васъ хорошій аппетитъ, падре...

— Аппетитъ? Хороши, хороши... Болша аппетитъ...—отвѣчалъ монахъ, указалъ на видящіяся въ окно вдали готическія сѣрыя постройки и пояснилъ: — Куванъ... монастырь... много, много монастырь въ Авила... Санта Тереза... Санъ Томасъ... Санъ Хозе...—перечислилъ онъ, прожевывая остатки фаршированнаго луку и сталъ запивать виномъ.

Но вотъ поѣздъ влетѣлъ въ первый туннель, минутъ черезъ пять изъ него выскочилъ, далъ полюбоваться на какія-то довольно живописныя развалины, поросшія плющемъ, и снова влетѣлъ во второй туннель.

— Въ какой гостинницѣ намъ остановиться, падре?—спрашивалъ Николай Ивановичъ монаха.— Въ какой остеріа взять комнату, когда пріѣдемъ въ Мадридъ?

Монахъ понялъ и далъ отвѣтъ.

— Hôtel de la Paix... Puerta del Sol... Тамъ говорятъ французска...

— Ну, вотъ... Такъ намъ совѣтовали и въ Біаррицѣ. Это въ центрѣ города?

— Центрумъ, центрумъ...—подтвердилъ монахъ.

— И табльдоть есть?—спросила Глафира Семеновна монаха.

— Сси, сси, хороша фонда... Хорошо вино.. Хорошъ комида... дине... Пансіонъ... Сси...—кивалъ монахъ.

Глафира Семеновна отъ нечего дѣлать считала вслухъ туннели, черезъ которые поѣздъ проѣзжалъ. Послѣ шестого туннеля открылась прелестная горная панорама.

— Сіерра де Толеда...—указалъ монахъ на горы.

Поѣздъ убавлялъ ходъ и остановился на станціи. Кондукторы бѣгали по платформѣ и во все горло кричали:

— Ля Каньяда! Ля Каньяда!

Въ открытое окно купэ, гдѣ сидѣли супруги, хорошенькая, но грязная и съ растрепанными волосами дѣвочка въ черномъ платьѣ и розовомъ ситцевовъ платкѣ, накинутомъ на плечи и завязанномъ по талии, совала блюдо съ печеньемъ, посыпаннымъ сахаромъ. Монахъ купилъ у ней десятокъ этого печенья, предложилъ супругамъ и самъ началъ его жадно ѣсть, приговаривая:

— Хорошо... Охъ, хорошо!..

Супруги могли только дивиться, что въ него влѣзаетъ столько всякой пищи.

Опять пять-шесть туннелей и въ результатѣ остановка на станціи Лясъ Навасъ дель Марквець.

Монахъ и здѣсь не обошелся, чтобы не потѣшить свое чрево. Онъ купилъ большую грушу, систематически обрѣзавъ ее отъ кожуры и съѣлъ, разрѣзавъ на мелкіе кусочки.

Но вотъ поѣздъ, пролетѣвъ опять черезъ нѣсколько туннелей, остановился у вокзала Эль-Эскориаль—знаменитой королевской резиденціи. Платформа и здѣсь не была чище, чѣмъ на другихъ станціяхъ. Въ ожиданіи поѣзда на станціи покупали папиросы нѣсколько офицеровъ въ мѣдныхъ блестящихъ каскахъ съ пѣтушьими перьями, перетянутые въ рюмочку, и въ донельзя узкихъ сѣро-лиловыхъ рейтузахъ. Офицеры встрѣчали какого-то жирнаго и коротенькаго военнаго, но въ формѣ другого образца. Онъ вышелъ изъ вагона второго класса вмѣстѣ съ молоденькой дамочкой въ блѣдно-желтомъ платьѣ и несъ въ рукахъ вѣеръ, зонтикъ и саквояжъ. Офицеры бросились къ нимъ и почтительно кланялись.

Поѣздъ снова помчался. Глафира Семеновна заглянула въ путеводитель и сказала:

— До Мадрида остались только двѣ станціи: Виляльба и Поцуэло.

Въ Виляльбѣ монахъ купилъ тарелку винограду и съѣлъ, подѣлившись, впрочемъ, съ Глафирой Семеновной. Виляльба станція узловая. Около нея дорогу пересѣкаетъ другая желѣзная дорога.

Тотчасъ-же послѣ Виляльбы стали переѣзжать

железный мостъ черезъ довольно большую рѣку. Монахъ указалъ на нее и сказалъ:

— Рио Гвадаррама...

На рѣкѣ съ моста видѣлись барки. Пыхтѣлъ маленькій буксирный пароходикъ, тащившій плоты мелкаго лѣса. Мѣстность становилась веселѣе. На берегахъ рѣки копошились люди. Вдали вырисовывалась бѣлая готическая церковь, окруженная садомъ съ вѣчно зелено-сѣрыми оливковыми деревьями. Перебѣжали мостъ и неслись мимо кладбища, затѣмъ показалась фабрика съ высокой трубой.

Вотъ и послѣдняя станція передъ Мадридомъ — Поцуэло. Это дачное мѣсто мадридцевъ. Сюда переѣзжаютъ они въ жаркіе лѣтніе дни. Много зелени. Пожелтѣвшій листъ видѣется уже рѣже. Въ садахъ бѣленькихъ дачныхъ домиковъ съ умышленно маленькими окнами, прикрытыми рѣшетчатыми шторами, растутъ рогатыя агавы, изъ-за плитныхъ заборовъ выглядываютъ лопастые кактусы.

— До Мадрида только семь километровъ осталось, — сказала Глафира Семеновна, справившись въ путеводителѣ, закрыла книгу и стала связывать свои пожитки, когда поѣздъ тронулся.

— Падре... — обратился Николай Ивановичъ къ монаху. — Ъхали мы, ѡхали съ вами, и ни вы не знаете, какъ меня зовутъ, ни я васъ... Вотъ вамъ моя карточка и позвольте вашу, если у васъ есть. Все-таки будетъ воспоминаніе.

И онъ подаль свою карточку. Монахъ надѣлъ

пенснѣ на носѣ и довольно бойко прочиталъ сначала по-русски, а потомъ по-французски:

— Николай Ивановичъ Ивановъ... Николая Ивановъ, де Сантъ-Петербургъ,—и сказалъ про себя, дотронувшись рукой до груди:—Я есмь Хозе Алварецъ. Карты нѣтъ...—развелъ онъ руками, досталъ свою записную книжку, вырвалъ листокъ и написалъ на немъ по-русски „Хозе Алварецъ“, но безъ буквы „ъ“.

Николай Ивановичъ взялъ листокъ бумажки и они потрясли другъ другу руки.

Черезъ минуту монахъ указалъ въ открытое окно и проговорилъ:

— Мадридъ...

Супруги подошли къ окну. Открывалась панорама внизъ, въ котловину. Виднѣлись куполы церквей, башни, черепичныя крыши.

Еще нѣсколько минутъ и поѣздъ сталъ тихо въѣзжать подъ стеклянный станціонный навѣсъ Мадрида.

Монахъ прощался съ Глафирой Семеновной и сказалъ:

— Адье... Будь здрава, сеньора Ивановъ. Съ Богомъ...

LXI.

НА вокзалѣ отецъ Хозе Алварецъ тотчасъ-же кликнулъ носильщиковъ для себя и супруговъ Ивановыхъ и рассказалъ, чтобы послѣднихъ посадили въ омнибусъ и отвезли въ Hôtel de la Paix. Любезность монаха простерлась настолько, что онъ даже рассказалъ супругамъ, сколько нужно заплатить носильщику по существующей таксѣ.

И вотъ носильщикъ повелъ супруговъ къ выходу. Вокзалъ Мадрида не отличался чистотой отъ другихъ желѣзнодорожныхъ станцій, мимо которыхъ проѣзжали супруги. И здѣсь полъ давно не видалъ метлы и былъ буквально усеянъ окурками папирсъ, сигаръ, фруктовой кожурой, луковыми перьями и даже яичной скорлупой. На станціи было много празднои публики изъ простаго класса, но большей части мужчинъ въ пиджакахъ, фуражкахъ и фетровыхъ шляпахъ съ широкими полями. Бѣлыя сорочки отсутствовали. Мужчины эти буквально ничего не дѣлали. Они стояли группами, прислонясь спиной къ стѣнамъ и рѣшеткамъ, курили, пили воду изъ глиняныхъ кувшиновъ дѣвочекъ-продавальщицъ и ѣли изъ корзины продавцовъ закусокъ и фруктовъ. Лѣнь такъ и вырисовывалась во всѣхъ ихъ фигурахъ. Все это были рослые,

смуглые здоровяки въ черныхъ усахъ и бакенбардахъ, съ давно небритыми подбородками.

Супругамъ Ивановымъ пришлось пройти сквозь цѣпь желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые отобрали у нихъ проѣздные билеты, затѣмъ сквозь цѣпь таможенныхъ солдатъ, потрогавшихъ для проформы ихъ багажъ и спросившихъ, не везутъ-ли супруги чай, табакъ, спиртъ. Вотъ подъѣздъ съ выставившимися въ рядъ посыльными изъ гостиницъ въ фуражкахъ кастрюльками и съ позументомъ на околышкахъ. Здоровеннѣйшій усачъ съ бляхой на бортѣ пальто, гласящей о его принадлежности къ Hôtel de la Paix, принялъ багажъ супруговъ, впихнулъ ихъ самихъ въ омнибусъ и лошади помчались.

Первымъ дѣломъ супруги увидали грязную, плохо мощеную крупнымъ камнемъ площадь, обстроенную сѣрыми каменными домами съ окнами, у каждаго изъ которыхъ былъ балконъ съ чугунными или желѣзными перилами.

— Глаша! Вотъ они, балконы знаменитые, на которые выходятъ по ночамъ испанки слушать серенады, — указалъ Николай Ивановичъ женѣ и при этомъ почувствовалъ какое-то замираніе въ груди. — Но знаешь, что? На такой балконъ забраться къ милой по веревочной лѣстницѣ то-же ой-ой, какъ трудно! Особенно вонъ туда, въ третій или четвертый этажъ.

— Да кто-же туда взбирается? — удивилась супруга.

— Какъ кто? Понятное дѣло, возлюбленный. Побренчить, побренчить передъ балкономъ на гитарѣ, она спуститъ ему веревочную лѣстницу—онъ и взберется по ней. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ романахъ.

— Вздоръ. Веревочныя лѣстницы — это не про Испанію. Это про рыцарей разныхъ. А здѣсь гитара, серенада... Выйдетъ она на балконъ и назначаетъ свиданіе гдѣ-нибудь. А не нравится предметъ, такъ возьметъ и обольетъ его съ балкона помоями.

— Про помои я не читалъ, — сказалъ супругъ.

— А я читала. Или розу ему кинетъ съ балкона, или помоями обольетъ.

Омнибусъ, трясаясь по убійственной мостовой, проѣхалъ черезъ какія-то каменные ворота, очень облупившіяся, приходящія въ ветхость, и выѣхалъ на узкую улицу съ такими-же казенной архитектуры каменными домами съ безчисленными балконами.

— Надо узнать, что это за ворота, — сказалъ женѣ Николай Ивановичъ, опустилъ стекло омнибуса, обращенное къ козламъ, и крикнулъ проводнику гостиницы:— Кель портъ?

— Портъ Санъ Вицентъ... — отвѣчалъ тотъ.

— Портъ Санъ Вицентъ, — повторилъ Николай Ивановичъ.

— Ну, что-жъ, теперь тебѣ легче стало, что ты узналъ, какія это ворота?—улыбнулась супруга.

— Однако, душечка, вѣдь мы и путешествуемъ только изъ любопытства.

Николай Ивановичъ былъ въ благодушномъ на-

строеніи, глядѣль на окно, на чугунныя перила балконовъ и напѣвалъ:

«Сквозь чугунныя перила

Ножку дивную продѣнь».

— Не только ножки дивной сквозь перила не продѣть испанкѣ, а и самой-то ей на балконъ не выйти. Ты посмотри на балконы, — сказала Глафира Семеновна. — Почти на каждомъ балконѣ черезъ перила перекинута для просушки или дѣтская перинка, или одѣяло. Вонъ какая-то старая вѣдьма юбки встряхиваетъ.

— Да, да, да... Поэзіи мало. Но вѣдь теперь утро. А романсъ про вечеръ поется... Когда луна взойдетъ. Тогда ужъ, надѣюсь, все это съ балкона убирается.

Балконы, въ самомъ дѣлѣ, были всѣ увѣшаны чѣмъ-нибудь для просушки или провѣтриванія. Если не перины, одѣяла, то на нихъ висѣли какія-нибудь принадлежности мужскаго или дамскаго туалета: суконныя панталоны, пальто, юбки. Вотъ на одномъ изъ балконовъ выколачиваютъ подушку отъ кресла, на другомъ сушатся на веревкѣ чулки, носки, полотенца, дѣтскія рубашенки.

— Не поэтично днемъ, не поэтично... — повторялъ Николай Ивановичъ — Но вотъ посмотримъ, что ночью будетъ. Ночью намъ непременно нужно будетъ по Мадриду прогуляться.

«Вотъ взошла луна золотая...

Тише... Чу, гитары звонъ.

Вотъ испанка молодая

Тихо вышла на балконъ...

Ночной»...

— Фу, какая мостовая! Даже языкъ себѣ прикусилъ,—сказалъ онъ.

— И я очень рада. Ништо тебѣ... Не пой,—проговорила Глафира Семеновна.—Только первы мнѣ раздражаешь. И совсѣмъ не идетъ къ тебѣ пѣніе чувствительныхъ романсовъ.

— Но гдѣ-же костюмы испанскіе, гдѣ-же они?!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Вотъ ужъ мы и въ Мадридѣ, въ самомъ центрѣ Испаніи, а костюмовъ не видать. Пиджаки, обыкновенныя дамскія шляпки съ цвѣтами, платья съ буфами на рукавахъ...

— Вонъ испаночка у подъѣзда въ кружевномъ головномъ уборѣ стоитъ,—указала Глафира Семеновна мужу.—Видишь, каштаны у разнощика покупаетъ.

— Да, да... Но, однако, у нея только на головѣ испанскій уборъ, а платье-то съ длинной юбкой и рукава съ буфами. Все-таки это первая мало-мальски испанистая женщина.

Выѣхали на болѣе широкую улицу. Мостовая нѣсколько лучше, изъ отесаннаго камня, но дома такіе-же сѣрые, грязные и въ каждомъ домѣ винная лавка съ надписью „Venta“.

— Питейныхъ-то заведеній сколько! Наши русскіе города Мадридъ можетъ перехвастать, — замѣтилъ Николай Ивановичъ. — Куда ни взглянь — вездѣ „вента“. А вотъ сколько ужъ проѣхали, а гитары

и кастаньетъ не видать. Да что кастаньетъ! Вѣровѣ мы не видимъ. Нѣтъ, не такъ я себѣ Испанію воображалъ!

Проѣзжали мимо неоштукатуреннаго зданія казармъ. У воротъ стояли солдаты въ фуражкахъ безъ околышекъ, въ красныхъ штанахъ и короткихъ сѣрыхъ перелинахъ поверхъ мундировъ. Гостиничный проводникъ наклонился съ козелъ къ окну и прокричалъ:

— *Caballeriazas reales!*

Глафира Семеновна вздрогнула.

— И чего онъ оретъ! Все равно мы ничего не понимаемъ, — сказала она.

Проѣхали мимо церкви съ массой нищихъ на паперти и съ дверью, завѣшанной кожаной занавѣской.

— Вотъ еще одна испанка въ кружевномъ уборѣ вмѣсто шляпки, — указала Глафира Семеновна на выходившую изъ церкви молодую женщину съ молитвенникомъ въ рукѣ.

— А юбка опять длинная и никакихъ красныхъ чулочковъ, въ которыхъ всегда рисуютъ испанокъ, — вздохнулъ въ отвѣтъ супругъ.

Показался рынокъ съ галлереей лавокъ со всевозможными товарами, но лавки не располагались по торгамъ, а чередовались какъ попало: лавка съ шелковыми матеріями была рядомъ съ лавкой москательныхъ товаровъ, бакалейная бокъ-о-бокъ съ шляпной или желѣзныхъ издѣлій. На галлерей было, однако, довольно пустынно.

У рынка извозничья биржа и извозчики въ пиджакахъ и фуражкахъ, играющіе въ карты. Двое изъ нихъ усѣлись въ четырехмѣстную коляску, положили себѣ на колѣни доску и внимательно козыряютъ. Нѣкоторые извозчики, сидя на козлахъ, читаютъ газеты.

— Но гдѣ же ихъ знаменитая рѣка Манзанаресъ, на которой стоитъ Мадридъ? Ыдемъ, ѣдемъ и все ее не видать!—воскликаетъ Николай Ивановичъ.

LXII.

УЛИЦЫ дѣлались все многолюднѣе и многолюднѣе. Показались кафе на манеръ парижскихъ, со столиками, выставленными на тротуарахъ, съ гарсонами въ черныхъ курткахъ и длинныхъ бѣлыхъ передникахъ. Проѣхали мимо двухъ памятниковъ — одинъ съ статуей всадника воина, другой, изображающій пѣшую фигуру со свиткомъ въ рукѣ. Николай Ивановичъ опускалъ стекло кареты и спрашивалъ проводника изъ гостиницы, что это за памятники, но тотъ, хоть и по-французски, такъ быстро бормоталъ что-то, что понять было рѣшительно невозможно.

Но вотъ и знаменитая площадь Puerta del Sol, центръ Мадрида, гдѣ сходятся одиннадцать улицъ, гдѣ находится министерство внутреннихъ дѣлъ и

помѣщаются всѣ лучшія гостинницы, въ томъ числѣ Hôtel de la Paix, куда омнибусъ везъ супруговъ. О площади этой счелъ нужнымъ извѣстить путешественниковъ даже самъ проводникъ. Когда на нее начали въѣзжать, онъ обернулся на козлахъ, постучалъ въ стекло и когда то было спущено, торжествующе объявилъ Николаю Ивановичу по-французски:

— Площадь Пуэрто дель Соль. Одиннадцать улицъ... Одиннадцать угловъ.

Глафира Семеновна тотчасъ-же перевела мужу и прибавила:

— Одиннадцать угловъ... У насъ въ Петербургѣ есть мѣстность Пять угловъ, а тутъ, шутка сказать, одиннадцать угловъ! Запомни.

— Напишу даже въ письмѣ изъ Мадрида Семену Ивановичу объ этомъ, — отвѣчалъ мужъ. — Дескать, такъ и такъ: вы тамъ, въ Петербургѣ, сидите у Пяти угловъ и думаете, что это и не вѣдь какъ много, а мы здѣсь живемъ у Одиннадцати угловъ и то считаемъ за самое обыкновенное дѣло.

Омнибусъ въѣхалъ на площадь и пересѣкъ ее наискосокъ. Площадь Пуэрта дель Соль не велика, такихъ площадей въ Петербургѣ десятковъ. Она имѣетъ форму полукруга и посрединѣ ея бьетъ незатѣйливый фонтанъ, окруженный четырьмя газовыми канделябрами. Дома пятиэтажные и шестиэтажные съ магазинами внизу и сплошь увѣшанные пестрыми вывѣсками. Не взирая на раннее утро, площадь была оживлена: и на тротуарахъ, и по мостовой

шнырялъ и толпился самый разношерстный народъ: блузники, солдаты, франты въ цилиндрахъ, кухарки въ высокихъ гребняхъ, заткнутыхъ въ косы и съ плетеными сумками, изъ которыхъ торчитъ провизія, офицеры въ мѣдныхъ каскахъ, дамы съ пестрыми зонтиками, газетчики съ ворохами газетъ, мальчишки, раздающіе объявленія и рекламы.

Омнибусъ остановился около подъѣзда гостиницы. Изъ подъѣзда выскочилъ швейцаръ съ позументомъ на фуражкѣ и съ длинной серебряной серьгой въ ухѣ и вмѣстѣ съ проводникомъ сталъ высаживать изъ омнибуса супруговъ.

— Парле ву франсе?—прежде всего освѣдомился Николай Ивановичъ.

— Уй, монсье...—отвѣтилъ швейцаръ.

— Ну, слава Богу, хоть съ швейцаромъ-то не придется по балетному разговаривать, — замѣтила Глафира Семеновна мужу и спросила швейцара по-французски, есть-ли въ гостинницѣ свободная комната о двухъ кроватяхъ.

— Сси, сеньора,—поклонился швейцаръ, приподнявъ фуражку, и повелъ супруговъ въ подъѣздъ.

Въ гостинницѣ подъемная машина. Супруговъ посадили въ шкафъ и стали поднимать вверхъ. Въ третьемъ этажѣ машина остановилась и дверь шкафа распахнулась. Передъ супругами предстала высочайшаго роста полная брюнетка въ черномъ платьѣ и въ усахъ, очень пригодныхъ для молоденькаго юнкера.

— Для мадамъ и для монсье нужна комната съ

двумя кроватями?—спросила дама по-французски.—
Къ вашимъ услугамъ. Неудобно-ли будетъ посмотре-
ть.

Супруги отправились за дамой по корридору, сплошь увѣшанному рекламами и объявленіями. Тутъ и вакса, тутъ и мука для кормленія грудныхъ дѣтей, зубной элексиръ, краска для волосъ, гостиницы во всѣхъ городахъ Европы и предложеніе увеселительной поѣздки въ Алжиръ съ массой раскрашенныхъ иллюстрацій, озаглавленное крупными киноварными буквами: „Чудеса Африки“.

Вотъ и комната о двухъ кроватяхъ. Супруговъ прежде всего поразили необычайной вышины постели. Въ Біаррицѣ постели уже были высоки, а здѣсь еще выше. Обстановка была довольна опрятная. Дама въ усахъ стояла, подбоченясь одной рукой, и торжествующе смотрѣла на супруговъ.

— Комбьянъ?—освѣдомился Николай Ивановичъ.

— На франки или на пезеты считать?—задала она вопросъ съ своею очередь.

Супруги не понимали.

— Золотомъ или испанскими билетами будете платить?—пояснила она.

— Пезета, пезета. Нарочно намѣняли для этого пезетъ, — сказалъ по-русски Николай Ивановичъ.

— Двадцать пезетъ съ персоны.

— Команъ? Вянъ пезетъ паръ журъ!—воскликнула Глафира Семеновна.— Да она съ ума сошла! — обратилась она къ мужу по-русски.

— За все, за все, мадамъ. Полный пансіонъ,

мадамъ. Вы получите утренній кофе, завтракъ изъ пяти блюдъ и обѣдъ изъ шести блюдъ. Ледъ и вино за столомъ тоже даромъ. У насъ табльдотъ. И ужъ тутъ за все, за все... по-американски. Даже за прислугу... Полный пансіонъ.

— Дался имъ этотъ пансіонъ!—покачалъ головой Николай Ивановичъ.—Въ Біаррицѣ навязали пансіонъ и здѣсь пансіонъ.—Вѣдь это ужасно, какъ стѣсняетъ.

— Се шеръ...—начала было торговаться Глафира Семеновна.

— На франки было-бы дорого, мадамъ, а на пезеты совсѣмъ дешево,—отвѣчала дама въ усахъ, ухарски махнула рукой и проговорила:—Извольте, ко всему этому я вамъ лампу прибавлю для освѣщенія. Ледъ, свѣчи, лампа и горячая вода. Вы изъ Америки?—спросила она.

— Нѣтъ, изъ Россіи.

— Русскіе? О, русскіе всегда пьютъ много горячей воды. Я знаю... У нихъ чай... И всегда много, много горячей воды... Я знаю русскихъ. Къ намъ въ Мадридъ много ихъ пріѣзжаетъ изъ Біаррица...

— И мы изъ Біаррица,—кивнулъ дамѣ съ усами Николай Ивановичъ.

— Ну, и я увѣрена, что будете пить свой чай по-русски, при этомъ много, много воды.

— Какъ хорошо натуру-то русскую знаетъ!—подмигнулъ Глафирѣ Семеновнѣ мужъ.—Ну, мадамъ, только изъ-за кипятку, изъ-за горячей воды и даю

Подъ южными небесами.

вамъ по двадцати пезетъ съ персоны, — сказалъ онъ дамѣ съ усами по-русски и, обратясь къ женѣ, прибавилъ:—Глаша! Переведи ей по-французски.

Комната была взята. Супруга начала снимать съ себя верхнее платье. Дама съ усами достала изъ кармана записную книжку и карандашъ и сказала Николаю Ивановичу по-французски:

— Ваша фамилія, монсье... Запишите мнѣ вашу фамилію...

Николай Ивановичъ, вмѣсто того, подалъ ей свою карточку на французскомъ языкѣ.

— Nicolas Ivanoff..—прочла она и прибавила:— Deux „f“. Presque toutes les familles russes ont deux f à la fin *).

Въ это время гостинничная прислуга втаскивала въ комнату багажъ супруговъ Ивановыхъ. Дама въ усахъ, увидавъ большую подушку Глафиры Семеновны, воскликнула по-французски:

— Какая большая подушка! Знаете, мадамъ Ивановъ, я даже по этой подушкѣ могла-бы узнать, что вы русскіе. Никто, кромѣ русскихъ, не ѣздитъ съ такими подушками.

Уходя изъ комнаты, она спросила супруговъ:

— А теперь вамъ приготовить чай по-русски?

— Уй, уй... Же ву при... Ну завонъ самоваръ рюссъ...—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Русский самоваръ? — воскликнула по-французски дама съ усами.—Я знаю русский самоваръ...

*) Два «f». Почти всѣ русскія фамиліи имѣютъ два f на концѣ.

Это для горячей воды. Давайте, давайте его. Мы вамъ приготовимъ чай. Я видѣла этотъ самоваръ въ Парижѣ на выставкѣ и сама пила изъ него чай.

Николай Ивановичъ распаковалъ свой пледъ и вынулъ оттуда самоварчикъ, купленный имъ въ Біаррицѣ. Дама съ усами взяла его и вышла изъ комнаты.

LXIII.

ВОТЪ пріятная неожиданность!—сказалъ Николай Ивановичъ.—Въ Мадридѣ, въ Испаніи знаютъ, что такое самоваръ и какъ пьютъ чай по-русски. Кто-бы это могъ ожидать! Въ Парижѣ, гдѣ русскіе пріѣзжаютъ тысячами чуть не ежедневно, и тамъ этого не знаютъ.

Онъ снялъ съ себя пиджакъ, подошелъ къ окну и растворилъ его. Окно оказалось дверью, выходящей на узенькій балкончикъ. Такихъ оконъ въ комнатѣ было три, и всѣ они съ балконами. Изъ окна на него пахнуло тепломъ, но отнюдь не благо-раствореніемъ воздуха. Пахло прескверно. Окна комнаты выходили на площадь Пуэрта дель Соль. Тысяча разноцвѣтныхъ зонтиковъ шевелились по площади. Подъ зонтиками сидѣли на козлахъ и извозчики, ожидавшіе передъ гостинницами сѣдо-

ковъ и расположившіеся шеренгами. Экипажи извозчицъ состояли изъ колясочекъ съ верхомъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, лошадь замѣнялъ мулъ съ длинными ушами.

Николай Пвановичъ увидалъ маленькаго ослика, на которомъ ѣхалъ какой-то толстякъ въ красной испанской фуражкѣ, и сказалъ женѣ:

— Глаша, смотри, вонъ Санхо-Панчо на ослѣ ѣдетъ.

Глафира Семеновна въ это время умывалась и отвѣчала:

— Когда найдешь Донъ-Кихота, тогда и посмотрию.

Только что супруги успѣли умыться, какъ раздался стукъ въ дверь. Показался корридорный лакей во фракѣ и внесъ на подносѣ кипящій самоваръ и всѣ принадлежности для чаю: два стакана, сахаръ, булки, масло, молоко и даже лимонъ, для чего-то разрѣзанный пополамъ. Поставивъ все это на столъ, онъ отошелъ къ сторонкѣ и улыбался, разсматривая самоваръ. Глафира Семеновна подошла къ столу, осмотрѣла поданное и проговорила:

— Но гдѣ же чайникъ-то? Я не вижу чайника съ чаемъ. Экуте... Ла вань...— обратилась она къ корридорному, но тотъ молчалъ и продолжалъ улыбаться.

— Ву парле франсе?—задала она ему вопросъ.

— Но, сеньора...—покачалъ онъ головой.

— Ну, вотъ, извольте видѣть: не говоритъ по-французски. А намъ сказали, что это французскій

отель и съ французскимъ языкомъ. Тэ... тэ... У е тэ?—приставала Глафира Семеновна къ лакею.

— А! Тэ? Сси, сеньора...—отвѣчалъ тотъ, догадавшись въ чемъ дѣло и указалъ на самоваръ.

— Да это самоваръ... Я понимаю... А гдѣ-же чайникъ? Канъ? Нужно канъ.

Лакей недоумѣвалъ.

— Алле! Чего стоишь! Иди ужъ, коли ничего не понимаешь,—махнулъ ему рукой Николай Ивановичъ и сказалъ женѣ:— Чѣмъ биться съ нимъ насчетъ чайника, завари, душечка, нашего чаю въ нашемъ дорожномъ чайничкѣ. Вѣдь у насъ свой есть.

— Какъ не быть. Но съ какой-же стати допускать безпорядки? Вѣдь гостинница обязана давать намъ свой чай. Мы на всемъ готовомъ уговорились. Пансіонъ.

Глафира Семеновна достала изъ саквояжа чай и маленькій чайничекъ, поставила чайничекъ подъ кранъ самовара и чтобъ всполоснуть пустила струю кипятку, но тотчасъ-же замѣтила, что изъ крана самовара течетъ что-то темное.

— Боже мой! Да что такое они въ самоваръ-то налили! — воскликнула она, тотчасъ-же закрыла кранъ, понюхала изъ чайника и проговорила:—Да они чай-то прямо въ самоварѣ сварили. Это чай.

— Да что ты!—удивленно проговорилъ супругъ, налилъ изъ самовара въ стаканъ, попробовалъ на вкусъ и прибавилъ:— Вотъ дурачье-то! Дѣйствительно, чай въ самоварѣ скипятили. Вотъ тебѣ и

чай а ля руссь! А еще эта усатая франтиха — кастелянша она или хозяйка—говорила намъ, что она знаетъ, какъ русскіе чай пьютъ. Что тутъ дѣлать теперь?..

Глафира Семеновна тоже попробовала чай и отвѣчала:

— Да ужъ надо пить, какъ подали. Онъ не очень дуренъ. Правда, пахнетъ вѣниками, но мы его будемъ пить съ молокомъ и это немножко заглушить запахъ.

Супруги подѣли къ столу и налили себѣ чаю изъ самовара. Чай былъ не крѣпокъ и они принялись его пить, не требуя кипятку, чтобъ разбавить.

— Дикіе люди, совсѣмъ дикіе...—бормоталъ супругъ.—Я думалъ, что испанцы умнѣе. Остолопы... Открыли Америку, и не знаютъ, что русскіе въ самоварахъ чаю никогда не завариваютъ, а пользуются имъ для приготовленія кипятку. Надо будетъ объяснить этой усатой сеньорѣ, чтобъ въ самоварѣ намъ подавали только кипятокъ, а чай будемъ заваривать мы сами. Ты объясни ей, Глаша. Дама даму какъ-то лучше понимаетъ, да и французскихъ словъ ты больше знаешь, чѣмъ я. Однако, куда-же мы сейчасъ отправимся? — спросилъ онъ.

— Путеводитель говоритъ, что въ Мадридѣ есть первая въ мірѣ картинная галлерея—Реаль Мюзео,—отвѣчала супруга. — Картины все самыхъ старинныхъ мастеровъ.

— Картинъ-то и у насъ много... А не лучше-ли намъ взять извозчика и объѣздить городъ?

— Да вѣдь это особенныя картины. Тутъ есть картины, которымъ триста-четыреста лѣтъ.

— Все-равно онѣ отъ насъ не уйдутъ. А я полагаю, что прежде всего надо объѣхать городъ и посмотрѣть рѣку Манзанаресъ.

— Ну, поѣдемъ смотрѣть Манзанаресъ...—согласилась Глафира Семеновна.—Да, да... Манзанаресъ... Сегодня я посмотрю, какое тамъ купанье есть, а завтра можно и купаться.

— Вишь, какъ ты разохотилась въ Біаррицѣ насчетъ купанья-то!—улыбнулся супругъ.

— А что-жъ такое? Во всякомъ случаѣ это удовольствіе куда невиннѣе, чѣмъ при каждомъ удобномъ случаѣ наливаться виномъ, какъ ты дѣлаешь. Вонъ у тебя глазъ-то коричневый—изъ-за этого и ужъ въ желтизну ударяетъ! Давеча эта усатая француженка какъ на тебя смотрѣла!

— Электрическій угрь... — отвѣчалъ супругъ.— У меня есть въ доказательство двѣ французскія газеты, что это электрическій угрь. Пусть смотритъ француженка. Потомъ я могу дать ей даже прочитать эти газеты. По крайней мѣрѣ она будетъ знать, какіе у нихъ знаменитости стоятъ въ гостиницѣ.

Черезъ полчаса супруги сходили внизъ по лѣстницѣ. На площадкѣ ихъ встрѣтила усатая француженка.

— Et dejeuner, monsieur?—спросила она.

— Ну, ужъ дежене-то Богъ съ нимъ. Прежде всего променады... Иль фо вуаръ ля виль, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ и даже обернулся къ ней подбитымъ глазомъ—дескать смотри.

— Real Museo?—спросила она.

— Уй, уй... Реаль Мюзео оси,—кивнула ей Глафира Семеновна и сказала мужу:—Видишь, и она напоминаетъ объ этой знаменитой картинной галлерей. Реаль Мюзео непременно надо осмотрѣть.

— Да осмотримъ, само собой осмотримъ.

Спустившись къ швейцару, супруги объяснили ему, что имъ нуженъ экипажъ, чтобы осмотрѣть городъ, и просили, чтобы швейцаръ рекомендовалъ имъ такого кучера, который-бы говорилъ по-французски. Швейцаръ развелъ руками и объявилъ, что такого не имѣется. Супруги переглянулись.

— Какъ-же мы будемъ съ извозчикомъ объясняться?—проговорила Глафира Семеновна.

— Да ужъ придется какъ-нибудь по балетному,—отвѣчалъ мужъ.—Испанцы народъ балетный... поймутъ. Сколько ихъ къ намъ танцорами и танцовщицами-то прѣзжаетъ!

— Вамъ неуждно-ли проводника, который говорить по-французски? — предложилъ швейцаръ.— Тогда я вамъ къ завтра приготовлю.

— Ожурды, ожурды...—твердилъ Николай Ивановичъ.—Намъ нужно сегодня. Вуаръ Манзанаресь.

— А, Манзанаресь? Сси, сси.. —Манзанаресь... Реаль Мюзео... Паляціо Реаль... Паляціо дель Кон-

гресо... Казась Консистеріалесь...—бормоталъ швейцаръ.—Праде... Паркъ де-Мадридъ.

— Уй, уй... Се са...—кивнула ему Глафира Семеновна и просила, чтобы онъ объяснилъ извозчику по-испански, куда ему ихъ везти.

Швейцаръ вывелъ супруговъ на подъѣздъ и махнулъ извозчика. Къ супругамъ тотчасъ-же подбѣжали двое нищихъ — мальчикъ съ кривой шеей и оборванная старуха и протянули руки, прося подаянія. Швейцаръ отпихнулъ старуху, далъ мальчишкѣ подзатыльника и, посадивъ супруговъ въ коляску съ запряженнымъ въ нее муломъ, сталъ объяснять извозчику, куда везти сѣдоковъ. Извозчикъ въ пиджакѣ, сѣрыхъ брюкахъ, красномъ жилетѣ и испанской фуражкѣ безъ околышка слушалъ, курилъ папирску и, не вынимая ее изо рта, кивалъ головой и цѣдилъ сквозь зубы:

— Сси, сси...

Наконецъ, онъ щелкнулъ бичомъ и мулъ помчался.

LXIV.

ИЗВОЗЧИКЪ должно быть хотѣлъ угодить сѣдокамъ, потому что по площади Пуэрто дель Соль, стѣсненную стоянками экипажей и конокъ, направляющихся отсюда въ разныя части города, летѣлъ чуть не сшибая съ ногъ про-

хожихъ. Два монаха въ шляпахъ съ громадными полями въ видѣ доски, переходившіе площадь, такъ и шарахнулись въ сторону и стали грозить ему зонтиками, расточая ругательства, какая-то кругленькая, маленькая, очень недурненькая испаночка въ черномъ платьѣ и въ вуалькѣ выскочила чуть не изъ-подъ экипажа и бросилась въ объятія полицейскаго въ пелеринѣ и треуголкѣ. Тотъ засвистѣлъ въ свистокъ, остановилъ извозчика и принялся его ругать, дѣлая соотвѣтствующія движенія руками. Слышались „асы“ и „осы“ при окончаніи словъ испанской рѣчи. Извозчикъ убѣдился въ своемъ преступномъ поведеніи и поѣхалъ тише. Экипажъ свернулъ въ улицу Геронимо и тутъ шелъ ужъ почти шагомъ. Начались казенныя зданія разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Выѣхали на небольшую площадь. Налѣво возвышалось красивое зданіе съ колоннами. Извозчикъ указалъ на него, обернулся къ сѣдокамъ и произнесъ:

— Палясіо де лясъ Кортесъ...

— Кортесы—это вродѣ нашего Государственнаго Совѣта,—пояснилъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Ну, Богъ съ ними...—равнодушно проговорила Глафира Семеновна.

Извозчикъ обернулся на козлахъ и указалъ на памятникъ, помѣщенный въ маленькомъ скверикѣ.

— Сервантесъ...

— Сервантесъ... Авторъ Донъ-Кихота... Вотъ это надо посмотреть! — воскликнула Глафира Семеновна.

— Сси, сеньора... Донъ-Кихоть... Санхо-Панчо... —
закивалъ извозчикъ и улыбнулся.

— Остановитесь... Арете... Арете...

Экипажъ подъѣхалъ къ самому скверу. Супруги
вышли изъ экипажа, вошли въ скверъ и обошли
памятникъ.

Памятникъ великому писателю довольно простъ.
На каменномъ пьедесталѣ стоитъ бронзовая статуя
Сервантеса во весь ростъ. Сервантесъ въ плащѣ
со стоячимъ воротникомъ, въ панталонахъ въ об-
тяжку, въ чулкахъ и башмакахъ. Правая рука
держитъ свитокъ, лѣвая опирается на шпагу. Внизу
барельефы: Донъ-Кихоть на Росинантѣ и Санхо
на ослѣ отправляются на подвиги, Донъ-Кихоть
стоитъ передъ открытой клѣткой и, прикрывшись
щитомъ, вызываетъ льва на бой, и т. д. Надпись
гласитъ кратко: Мигуель де-Сервантесъ.

— Вотъ и памятникъ Сервантесу сподобились
видѣть, — сказалъ Николай Ивановичъ, садясь въ
экипажъ. — Я мальчикомъ былъ, такъ раза два про-
челъ Донъ-Кихота. Да какъ! Взасось...

Мулъ помчался далѣе, граня экипажемъ булыж-
ную мостовую.

Проѣхали мимо театра, смахивающаго на нашъ
петербургскій Михайловскій театръ. Свернули.
Выѣхали на площадь де-Оріенте. Вдали возвышался
королевскій дворецъ съ рѣшеткой, съ широкими
воротами во дворъ. На площади опять памятникъ,
окруженный скверикомъ. На высокомъ пьедесталѣ

король Филиппъ IV въ видѣ всадника въ доспѣхахъ, на боевомъ конѣ.

Извозчикъ подъѣхалъ ко дворцу (Palacio Real) и остановился у воротъ, показывая жестами супругамъ, что въ ворота, за рѣшетку, на дворъ можно войти.

Глафира Семеновна ужъ выходила неохотно изъ экипажа.

— Я не понимаю, зачѣмъ намъ такъ подробно зданія осматривать,—говорила она.—Даже во дворъ идемъ. Ну, что такое дворъ? Проѣхали мимо, полюбовались зданіемъ и довольно. Я Манзанаресъ хочу видѣть, рѣку Манзанаресъ.

— Дворецъ-то ужъ надо осмотрѣть,—проговорилъ Николай Ивановичъ.

Они вошли на дворъ, усыпанный крупнымъ пескомъ и утрамбованный. Дворъ былъ пустъ. Только кое-гдѣ показывался солдатъ. Не видать было даже гауптвахты на обширномъ дворѣ. Пусты были подъѣзды съ колоннами. Зданія дворца расположены двумя скобами. Они прошли къ противоположной воротамъ рѣшеткѣ. Она стояла надъ обрывомъ и сквозь нее открывался видъ на городъ и предмѣстье съ высоты птичьяго полета. Пестрѣли черепичныя крыши, башни, сады, купола.

Глафира Семеновна зѣвнула и сказала мужу:

— Ничего нѣтъ хорошаго. Больше не будемъ нигдѣ останавливаться. Прямо поѣдемъ на Манзанаресъ.

И вотъ супруги опять въ экипажѣ и огибаютъ

вторую половину площади де-Оріенте, раздѣленную скверомъ. Скверъ полукругомъ окруженъ статуями великихъ людей древности.

— Манзанаресъ... — приказываетъ извозчику Глафира Семеновна.

Тотъ, обернувшись на козлахъ, бормочетъ что-то по-испански и упоминаетъ раза три Real Museo.

— Да не надо намъ Реаль Мюзео. Это потомъ... Картины потомъ посмотримъ. А сегодня мы хотимъ видѣть Манзанаресъ... Алле... Манзанаресъ!

Извозчикъ покачалъ головой и щелкнулъ бичомъ. На Манзанаресъ ему, видимо, не хотѣлось ѣхать.

Экипажъ свернулъ въ улицу. Потянулись обывательскіе дома съ окнами-балконами. Попадались церкви и часовни, очень невзрачныя по своей архитектурѣ, съ облупившейся штукатуркою, съ потемнѣлыми мраморными статуями мадоннъ въ нишахъ. Статуи почти вездѣ обвѣшаны бумажными цвѣтами, пальмовыми вѣтвями, полинявшими и запыленными цвѣтными лентами. Вотъ казармы съ стоящими у воротъ и сидящими на скамьяхъ солдатами, въ красныхъ панталонахъ и сѣрыхъ пелеринахъ, синихъ фуражкахъ безъ козырьковъ и околышковъ. Вотъ пятиэтажное фабричное зданіе, неоштукатуренное, закоптѣлое, съ высокой дымящейся трубой, съ воротами, охраняемыми сторожами. Слышался шумъ машинъ.

— Фабрика табачная... — прочиталъ Николай Ивановичъ на грамадной грязной вывѣскѣ, растянувшейся лентой надъ третьимъ этажемъ.—И по

ихнему, по-испански, фабрика фабрикой зовется,— сказалъ онъ женѣ.—И табакъ—также табакъ.

Глафира Семеновна взглянула на зданіе и воскликнула:

— Батюшки! Да это декорація изъ оперы „Карменъ!“ Точь-въ-точь, какъ у насъ въ Петербургѣ на Маріинской сценѣ. Смотри, смотри...—дергала она за рукавъ мужа.—Даже и казармы рядомъ. Точь-въ-точь, какъ на Маріинской сценѣ. Должно быть, нашу оперную декорацію прямо съ здѣшней табачной фабрики списывали. Постой... Не выйдетъ-ли сейчасъ Карменъ изъ воротъ? Коше! Кочеро! Арете! Извозчикъ! Остановитесь! Арете.

Она увлеклась до того, что даже тыкала въ спину извозчика зонтикомъ, требуя, чтобы тотъ остановился. Извозчикъ сдержалъ мула, обернулся на козлахъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Совсѣмъ какъ въ оперѣ Карменъ! То-есть капелька въ капельку...—продолжала она.— Не хватаетъ только тореадора. Даже и солдаты-то въ такой-же формѣ, какъ на сценѣ. Николай Ивановичъ, да ты видишь?

— Вижу, душечка, вижу. Но я не понимаю, зачѣмъ мы будемъ здѣсь стоять!—отвѣчалъ мужъ.

— Ахъ, какъ похоже! Подождемъ. Можетъ быть выбѣгутъ работницы, сигарочницы...

— Зачѣмъ-же онѣ будутъ выбѣгать въ рабочую пору? Съ какой стати? Кочеро! Алле! — махалъ Николай Ивановичъ кучеру и прибавилъ:—Туда, гдѣ Манзанаресъ.

Опять потащился мулъ. Дорога шла подъ гору. Пришлось тормазить экипажъ. Улица сдѣлалась шире, но мостовая—хуже. Экипажъ прыгаль по крупному булыжнику.

— Серенада... — указала мужу Глафира Семейковна.

Противъ одного окна пѣлъ и плясаль, подыгрывая себѣ на мандолинѣ, здоровенный оборванный паренъ въ жилетѣ и шляпѣ съ широчайшими полями, а на балконѣ стояла пожилая женщина въ ночной кофточкѣ и чистила голикомъ красные военные панталоны. Николай Ивановичъ посмотрѣлъ и сказалъ:

— Это нищій музыкантъ. Какая-же тутъ серенада! Но замѣть: акомпанируетъ себѣ не на гитарѣ, а на мандолинѣ. Гдѣ-же гитары-то? Въ Испаніи—и не видимъ гитаръ. Вѣдь это просто удивительно. Ни гитаръ, ни испанскихъ костюмовъ...

Изъ широкой улицы свернули совсѣмъ въ узенькую улицу съ домиками въ два этажа. Начали появляться сѣрые ослики. Они везли мокрое бѣлье въ перекинутыхъ черезъ спины плетеныхъ корзинахъ. Около осликовъ шли прачки въ черныхъ виксатиновыхъ передникахъ.

— Ты знаешь, вѣдь это съ Манзанареса... Это прачки ѣздили полоскать бѣлье на рѣку,—указаль Николай Ивановичъ на женщинъ.—Стало быть, Манзанаресъ ужъ близко. Посмотримъ, какой такой знаменитый Манзанаресъ.

Свернули еще въ улицу.

LXV.

УЛИЦА была опять широкая, но дома попадались ужъ низенькіе—двухэтажные, но все-таки съ балконами во вторыхъ этажахъ. Здѣсь балконы были ужъ сплошь завѣшаны сушившимся бѣльемъ въ два яруса. На перилахъ и на веревкахъ выше перилъ болтались чулки, носки, рубашки, полотенцы и другія принадлежности мужскаго и женскаго туалета. Въ нижнемъ этажѣ были лавки—винныя и стѣстныя. У входа въ нихъ висѣла зелень, главнымъ образомъ лукъ, связанный въ пучки, чеснокъ, красный и зеленый перецъ, повѣшанный гирляндами, куски копченаго мяса. На тротуарахъ, около лавокъ, лежали грудями тыквы и дыни, стояли корзины съ вареной кукурузой и вареной фасолью. Попадались кузницы, слесарни. На порогахъ лудили мѣдную посуду, стучали молотками по металлу. Пахло дымомъ отъ каменнаго угля, жаренымъ. У одной изъ лавокъ доили козу. Попадались и маленькіе садики, огороженные сложенной изъ камней оградой.

— Да мы за-городъ выѣхали, — замѣтила мужу Глафира Семеновна.

— Пожалуй, что это за-городомъ...—согласился тотъ.

— Но какъ-же Манзанаресъ-то? Неужели онъ за-городомъ, а не въ Мадридѣ?

— Не знаю ужъ, право. Въ географіи сказано, что Мадридъ стоитъ на рѣкѣ Манзанаресѣ.

— Такъ туда-ли везетъ насъ извозчикъ-то? Понялъ-ли онъ, куда намъ надо?

— Кто-жъ его знаетъ! Мы, кажется, сказали ему правильно. Манзанаресъ и по-испански Манзанаресъ.

— Кочеро, экуте! Намъ надо Манзанаресъ!

— Сси, сеньора...— отълинулся извозчикъ, показавъ впередъ бичомъ и сказалъ:—Понте де Толедо... ріо Манзанаресъ.

Спускались внизъ. И тутъ только супруги замѣтили, что они подѣзжали къ мосту. Мостъ начинался какими-то бѣлыми каменными воротами съ изваяніями на нихъ. Показалась и рѣка внизу, узенькой лентой синѣвшая между большихъ песчаныхъ отмелей. Когда супруги подѣхали къ самому мосту, то увидали, что это была не рѣка, а просто рѣченка, совсѣмъ ничтожная. Съ моста открылась панорама на рѣчку, и было видно, что рѣченка эта въ двухъ-трехъ мѣстахъ развѣтвляется на еще меньшіе рукава, образуя песчаные островки. Внизу около воды на береговыхъ отмеляхъ копошились сотни женщинъ въ пестрыхъ платьяхъ и полоскали бѣлье. Бѣлье тутъ-же и сушилось, разложенное на пескѣ и каменьяхъ.

— Да неужели это Манзанаресъ?!—въ удивленіи воскликнула Глафира Семеновна.

— Не можетъ быть. Такъ какая-нибудь рѣченка. Манзанаресъ, должно быть, дальше. А это какой-

Подъ южными небесами.

то ручей. Онъ, должно быть, только впадаетъ въ Манзанаресъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Кочеро! А Манзанаресъ далеко? Луанъ?—спросилъ онъ извозчика.

Извозчикъ указалъ бичомъ внизъ и проговорилъ:
— Эсто... Эсто ріо Манзанаресъ.

— Говорить, что Манзанаресъ...—обратился Николай Ивановичъ къ женѣ и въ свою очередь удивленно воскликнулъ: — Но неужели-же такая рѣченка могла войти въ географію! Вѣдь это уже нашей петербургской Фонтанки.

— Какая тутъ Фонтанка!—отвѣчала супруга.— Наша петербургская Мойка съ ней не сравнится. Наша Мойка хоть гранитной набережной обдѣлана. А вѣдь это, это... Наша Черная рѣчка у Новой деревни—вотъ развѣ съ чѣмъ можно сравнить эту рѣченку. Но не можетъ быть, чтобы это былъ Манзанаресъ! Кочеро! Се Манзанаресъ?—опять обратилась она къ извозчику, указывая на рѣчку.

Тотъ обернулся на козлахъ и кивнулъ, произнеся:

— Сси, сси, сеньора... Манзанаресъ. Поэнто де Толедо... Манзанаресъ...

И въ подтвержденіи своихъ словъ онъ указалъ бичомъ на мостъ, по которому они ѣхали, и потомъ тѣмъ-же бичомъ показалъ внизъ на рѣчку.

Сомнѣнія не было, что передъ супругами протекалъ Манзанаресъ.

— Манзанаресъ!—утвердительно проговорила Глафира Семеновна, горько улыбнулась и прибавила:—

Но можно-же такъ обмануться! Я ждала увидѣть большую рѣку въ родѣ нашей Невы, а это рѣченка какая-то! Берлинскій Шпре — и тотъ приличіе. Гдѣ-же тутъ купаться, спрашивается?

— Какія тутъ купанья! — пожалуй плечами супругъ.

— Зачѣмъ-же ты меня везъ сюда въ Мадридъ? Зачѣмъ-же я привезла сюда купальные костюмы? Ты знаешь, я въ Барріадѣ, передъ самымъ отъѣздомъ сюда, новый, четвертый костюмъ себѣ купила.

— Вольно-жъ тебѣ было покупать! Купаться я тебя въ Мадридъ не везъ. Мы поѣхали сюда только обычаи и нравы посмотреть... Какъ живутъ, какъ танцуютъ. Но признаюсь, ужъ въ такомъ-то видѣ я никогда не ожидалъ Манзанареса встрѣтить. Это чортъ знаетъ что такое!

— Нѣтъ, ты меня звалъ сюда купаться! — не унималась Глафіра Семеновна.

— Не помню, рѣшительно не помню, — отвѣчалъ супругъ. — Про купанье я ничего не читалъ и ничего не слыхалъ, но что Мадридъ стоитъ на Манзанаресѣ, въ географіи училъ, за него, проклятаго былъ даже наказанъ въ училищѣ. А оказывается, что въ географіи было наврано. Мадридъ на Манзанаресѣ... Какой-же тутъ Мадридъ, гдѣ мы теперь ѣдемъ! Это загородное мѣсто. Манзанаресъ за-городомъ. Тыфу ты! — плюнулъ онъ. — Можно-же такъ обмануться! Учатъ о томъ, чего нѣтъ. Ахъ, Манзанаресъ! Манзанаресъ!

Экипажъ переѣхалъ уже мостъ и ѣхалъ ужъ по

улицѣ, представлявшей изъ себя совсѣмъ деревушку.

— Куда-же мы тащимся?—опомнилась Глафира Семеновна.—Надо назадъ ѣхать. Кочеро! Алле назадъ! Алле! Турне!—махала она извозчику зонтикомъ.

Тотъ удержалъ мула и сталъ оборачивать экипажъ.

— Я ѣсть хочу. Заѣдемъ въ какой-нибудь трактирчикъ,—сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Но вѣдь въ трактирчикѣ какой-нибудь кошатиной на деревянномъ маслѣ накормятъ. Ахъ, Манзанаресь, Манзанаресь! Зачѣмъ-же я новый костюмъ-то купила!—не унималась супруга.

— Напьемся хоть кофею съ молокомъ и съ булками. Вѣдь кофей вездѣ кофей... Я ѣсть страшно хочу,—предлагалъ мужъ. — Вотъ что... Въ рестораничкѣ спросимъ себѣ цвѣтной капусты и яичницу. Эти ужъ блюда видно... Не обманешься... Видно, что подаютъ. Тутъ подмѣси не можетъ быть.

— А ты знаешь, какъ цвѣтная капуста и яичница по-испански называются?

— Словарь при мнѣ. Сейчасъ разыщемъ. Яичница по-французски—омлетъ.

И Николай Ивановичъ сталъ перелистывать французско-испанскій словарь.

Супруги вторично переѣзжали Толедскій мостъ. Направо виднѣлись голубоватыя горы.

— Самосіера... Гвадарама...—указалъ на горы извозчикъ.

Видъ былъ живописный.

— А чортъ ихъ задави! — огрызнулся Николай Ивановичъ. — Манзанаресомъ надули, такъ что намъ горы! Въ ресторанъ! Посада! Вента! — крикнулъ онъ извозчику.

— Посада? Сси, кабалеро... — отеликнулся извозчикъ и щелкнулъ бичомъ надъ длинными ушами мула.

Минутъ черезъ пять онъ подкатилъ экипажъ къ двухэтажному домику, стѣны котораго вплоть до крыши были застланы дикимъ виноградомъ и даже оттуда вѣтви цѣпкаго растенія свѣшивались внизъ гирляндами. Надъ входною дверью висѣли бутылка и связка красныхъ томатовъ. Направо и налѣво около двери стояли два столика съ мраморными досками и за однимъ изъ нихъ двое мужчинъ въ однихъ жилетахъ и шляпахъ съ широчайшими полями сидѣли за бутылкой вина и играли въ домино. Николай Ивановичъ взглянулъ на ихъ коричневые лица съ черными щетинистыми бакенбардами и давно небритыми подбородками и толкнулъ жену, сказавъ:

— Смотри, на видъ совсѣмъ разбойники.

— Такъ зачѣмъ-же ты меня тащишь сюда? — отвѣчала супруга.

— Душечка, я говорю только, что на видъ, а душой, можетъ быть, это честнѣйшіе люди. Здѣсь ужъ природа такая.

Подѣхавшій къ ресторанчику экипажъ, должно быть, не былъ обычнымъ явленіемъ, потому что къ нему изъ дверей тотчасъ-же выскочилъ не только

старикъ-хозяинъ, совершенно лысый человекъ въ парусинномъ пиджакѣ и зеленомъ суконномъ передникѣ, но и столовавшіеся тамъ посѣтители: такой-же лысый и тощій монахъ съ салфеткой, подвязанной подъ горломъ и даже съ вилкой въ рукѣ, бородачъ, черный какъ воронъ и съ одной большой бровью надъ глазами. Лысый хозяинъ подбѣжалъ къ экипажу и съ низкимъ поклономъ протянулъ руку Глафирѣ Семеновнѣ, чтобы помочь ей выйти.

Супруги вышли изъ экипажа и направились въ дверь.

LXVI.

РЕСТОРАНЧИКЪ, или по-испански „посада“, куда вошли супруги, былъ немножко мраченъ отъ темноты, которую дѣлали зеленые листья вьющагося растенія, затѣняющіе окна, но за то въ немъ было прохладно. Первое, что бросилось супругамъ въ глаза, были два длинные непокрытые скатертью дубовые стола по сторонамъ комнаты, за которыми сидѣли трапезующіе бакенбардисты — большинство въ однихъ жилетахъ, безъ пиджаковъ, которые тутъ-же висѣли на вѣшалкахъ по стѣнамъ вмѣстѣ съ шляпами. Время перевалило за полдень, и люди завтракали. У противоположной входу стѣны былъ прилавокъ на возвышеніи, а за

нимъ видѣлись два винные боченка съ мѣдными кранами. За прилавкомъ стояла смуглая молодая дѣвушка, въ ярко-красной косынкѣ на плечахъ и въ высокой гребенкѣ въ волосахъ.

Николай Ивановичъ хотѣлъ уже присѣсть и указалъ супругѣ на свободный уголъ стола, но Глафира Семеновна не садилась и брезгливо говорила:

— Куда ты привелъ меня? Это какой-то кабакъ.

— А что-жъ изъ этого? Кто насъ знаетъ здѣсь? Вѣдь мы только кофейку и яичницу...

Лысый трактирщикъ замѣтилъ замѣшательство Глафиры Семеновны, изъ разговоровъ супруговъ на незнакомомъ ему языкѣ увидаль, что они иностранцы, и сталъ ихъ приглашать куда-то дальше, указывая за буфетную стойку, кланяясь и безъ умолка бормоча по-испански. Наконецъ, супруга сказала:

— Зоветь куда-то... Можетъ быть, у него есть другая комната. Пойдемъ.

И супруги пошли за хозяиномъ.

Хозяинъ провелъ ихъ черезъ всю комнату за бочки и ввелъ въ грязную и чадную кухню, гдѣ на чугунной плиточкѣ на ножкахъ что-то варилось и жарилось. Черномазый малый въ бѣломъ колпакѣ мѣшалъ въ кастрюлѣ что-то чумичкой. Изъ кухни хозяинъ вывелъ ихъ на маленькій дворъ, усыпанный пескомъ, гдѣ подъ навѣсомъ стояли тоже два столика, и указалъ на одинъ изъ нихъ.

— Парле ву франже?—спросила лысаго хозяина Глафира Семеновна.

Тотъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Но, сеньора.

Отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто-бы его спросили не о томъ, говорить-ли онъ по-французски, а о томъ, можетъ-ли онъ ѣсть горячіе уголья или пить расплавленный свинецъ. И при этомъ покрутилъ головой и махнулъ рукой.

Супруги сѣли за столъ. Хозяинъ наклонился къ нимъ, оперся руками на столъ и долго, долго говорилъ что-то по-испански, очевидно перечисляя имѣющіяся у него кушанья. Супруги слушали и ничего не понимали.

— Чортъ знаетъ, что онъ городить!—покрутилъ головой Николай Ивановичъ.

— Ну, что-жъ ты? Заказывай... Ты вѣдь хвастался, что разыщешь въ словарѣ нужныя слова,—сказала ему Глафира Семеновна.

— Въ томъ-то и дѣло, что ни яичницы, ни цвѣтной капусты въ словарѣ не нашелъ.

— Ахъ, ты!—поддразнила она его.—Ну, тогда я буду говорить. Кафе...

— Досъ кафе!...—подсказалъ супругъ и выставилъ передъ носомъ трактирщика два пальца.

— Сси, сеньора, сси, кабалеро,—поклонился тотъ.

— Авекъ де пянь...—прибавила Глафира Семеновна.—Какъ по-испански хлѣбъ-то? Вѣдь зубрилъ. Говори,—обратилась она къ мужу.

— Панъ блянко—бѣлый хлѣбъ.

— А! Панъ бляпко! Сси, кабалеро, сси,—воскликнулъ трактирщикъ.

— Потомъ яиць... простыхъ яиць... Это лучше даже, чѣмъ яичницу заказывать. Чище...—продолжала супруга.—Какъ яйцо по-испански?

— А вотъ сейчасъ можно справиться.

И Николай Ивановичъ вытащилъ изъ кармана словарекъ въ красномъ переплетѣ.

— Гдѣ-же теперь справляться! Яиць, яиць... Эфъ... ейръ...—говорила Глафира Семеновна, произнося русскія, французскія и нѣмецкія слова.

Трактирщикъ недоумѣвалъ и смотрѣлъ на супруговъ вопросительными глазами. За сосѣднимъ столомъ сидѣла парочка—молодой мужчина съ бакенбардами колбаской и молодая дамочка въ тюлевой вуалеткѣ на головѣ. Парочка звонко засмѣялась.

— Черти!—строго взглянула на нихъ Глафира Семеновна.—Смѣются на насъ. А вѣдь пріѣдутъ къ намъ, такъ также разговаривать будутъ.

Но тутъ сама судьба дала ей возможность объясниться съ трактирщикомъ. На песокъ валялась скорлупа отъ выѣденнаго яйца. Глафира Семеновна бросилась къ яичной скорлупѣ, показала ее трактирщику и сказала:

— Вуаля!

— А! Сси, сси, сеньора... Чуево!..—радостно вскричалъ трактирщикъ.

— Восемь штукъ,—прибавилъ ему отъ себя Николай Ивановичъ.—Очо...

И онъ показалъ трактирщику растопыренную руку, а потомъ три пальца.

А за сосѣднимъ столомъ послѣ объясненія при помощи яичной скорлупы такъ и покатывались со смѣха. Въ особенности отличалась дамочка въ вуалькѣ. Она держалась даже за грудь, хохоча звонкими раскатами.

— Больше ничего...—развела руками Глафира Семеновна передъ трактирщикомъ и прибавила, стрѣльнувъ глазами въ сторону хохочущей дамочки:—Вотъ дурища-то полосатая смѣется! Лопни, лопни, матушка, отъ смѣха или еще хуже что-нибудь сдѣлай.

Трактирщикъ подошелъ къ сосѣднему столу и, очевидно, сталъ уговаривать дамочку въ вуалеткѣ прекратить смѣхъ, довольно строго говоря что-то по-испански, но молодой человѣкъ показалъ ему кулакъ. Началась перебранка, послѣ которой трактирщикъ подошелъ снова къ столу супруговъ и снова сталъ спрашивать ихъ о чемъ-то, при чемъ два раза упомянулъ слово „вино“.

— Понялъ! — радостно воскликнулъ Николай Ивановичъ и даже торжествующе поднялъ руку вверхъ.—Про вино спрашиваетъ. Хересь, хересь, сеньоръ кабалеро. И яблоки пуръ мадамъ. Мансана, мансана... И виноградъ также... Ува... Ува и мансана пуръ сеньора...

— Хересь... Ува и мансана...—повторилъ трактирщикъ, поклонился и побѣждалъ исполнять потребованное, переваливаясь какъ утка на жирныхъ ногахъ.

Николай Ивановичъ по уходѣ трактирщика тотчасъ-же похвастался женѣ:

— Видишь, все-таки я кое-что знаю по-испански. Вотъ яблоки и виноградъ съумѣлъ заказать для тебя. И меня сейчасъ поняли.

За сосѣднимъ столомъ дамочка въ вуалеткѣ ужъ кончила свой громкій смѣхъ и теперь только фыркала и отирала слезы носовымъ платкомъ.

Супруги сидѣли и осматривали дворикъ. Дворикъ былъ маленькій въ четырехъ каменныхъ стѣнахъ, на одной изъ коихъ была написана масляной краской декорація, изображающая площадку сада, мчащагося оленя и двухъ охотниковъ въ старо-испанскихъ костюмахъ, стрѣляющихъ въ него изъ ружей. Малеванье было, впрочемъ, далеко не художественное. По срединѣ дворика была клумбочка съ цвѣтами и изъ нея брызгалъ маленькій фонтанъ жиденькой струей.

Но тутъ супруги увидали, что ими уже заинтересовался весь ресторанъ; изъ него то и дѣло выходили на дворъ посѣтители, прохаживались мимо ихъ столика и съ любопытствомъ ихъ осматривали. Нѣкоторые останавливались у противоположной стѣны, разговаривали и прямо кивали на супруговъ. Вышелъ на дворъ даже тощій монахъ, тотъ самый, который выбѣжалъ на улицу, когда они подъѣхали къ ресторану. На этотъ разъ онъ былъ уже безъ вилки и въ шляпѣ, но надѣлъ на носъ пенснэ. Онъ прямо остановился передъ столомъ супруговъ, разставилъ ноги, уперъ руки въ бока и разсмотрѣ-

валъ супруговъ. По его красному носу и нетвердой походкѣ, когда онъ вышелъ на дворъ, можно было заключить, что онъ былъ пьянъ.

Вдругъ забренчала гитара и показался старикъ съ сѣдой бородой въ линючемъ плисовомъ пиджакѣ, когда-то коричневаго цвѣта, и въ шляпѣ съ широчайшими полями. Онъ шелъ и перебиралъ струны гитары. Сзади его слѣдовала дѣвочка-подростокъ—худенькая, въ коротенькомъ темносинемъ платьицѣ, забрызганныхъ грязью черныхъ чулкахъ и изрядно стоптанныхъ полусапожкахъ. Черные волосы ея были подстрижены и зачесаны назадъ круглой гребенкой. Личико ея напоминало совсѣмъ кошачью мордочку. На плечикахъ былъ накинутъ шерстяной набивной платокъ съ большими пестрыми узорами по черному фону. Дѣвочка опускала руку въ карманъ платья, вынимала оттуда что-то, подносила ко рту и ѣла.

Гитаристъ и дѣвочка остановились передъ столомъ супруговъ и поклонились имъ.

LXIII.

РАЗДАЛИСЬ тихіе звуки гитары. Старикъ, пощипывая струны, игралъ старинную качучу. Дѣвочка перестала жевать, сбросила съ плечъ платокъ прямо на песокъ, полѣзла въ карманъ юбки, достала оттуда кастаньеты и, постуки-

вая ими въ тактъ гитары, принялась плясать. Прыгала она, надо сказать, не особенно граціозно. Движенія ея были рѣзки. Главнымъ образомъ не выходило у ней горделивое закидываніе назадъ головы, въ чемъ мѣшала ей черезъ чуръ худенькій станъ и полное отсутствіе развитія груди, но зрителямъ, вышедшимъ изъ ресторана на дворъ, ея танцы нравились. Не прошло и двухъ-трехъ минутъ, какъ они одинъ за другимъ начали бить въ ладоши въ тактъ гитары и кастаньетъ. Нравились ея танцы и супругамъ Ивановымъ, и Глафира Семеновна даже шепнула мужу:

— Вотъ тебѣ... На ловца и звѣрь бѣжитъ. Искать испанскихъ танцевъ, гитары и кастаньетъ, а они тутъ какъ тутъ. Сами явились.

— Да... но это все не то...—отвѣчалъ супругъ.

— Отчего не то?

— Да такъ... Все-таки это не настоящее... Вотъ кабы эта дѣвочка была годковъ на десять постарше...

— Ахъ, ты, дрянъ эдакая! — вспыхнула Глафира Семеновна.—Да что-жъ ты танцовщицу-то себѣ въ любовницы прочишь, что-ли!

И она даже гнѣвно ударила рукой по столу.

— Тише, тише, пожалуйста. На насъ ужъ и такъ со всѣхъ сторонъ смотрятъ и смѣются,—остановилъ ее Николай Ивановичъ.—А ужъ понятное дѣло, что эти танцы далеко не то, что взрослой женщины. Огонь не тотъ.

— Да зачѣмъ тебѣ огонь? Танцуетъ дѣвочка

все что нужно продѣлываетъ—съ тебя и довольно. Огонь... Огня захотѣлъ. Я знаю, зачѣмъ тебѣ огонь! Вонъ какіе ты глаза дѣлаешь.

— Пожалуйста уймись, Глашенька... Ну, я такъ сказалъ... Ну, я пошутилъ насчетъ огня. Ошибся.

— Ага! Теперь: ошибся! Но я знаю тебя, волокиту! Конечно, я мѣшаю тебѣ своимъ присутствіемъ, но если-бы ты былъ безъ меня...

— Да полно, Глафира Семеновна... Къ чему эта ревность?

Супруга умолкла и слѣдила за танцемъ. Дѣвочка ужъ стояла на одномъ колѣнѣ и поводила худенькимъ станомъ, щелкая кастаньетами надъ своей головой. Когда она опять поднялась на ноги, передъ ней запрыгалъ и старикъ, продолжая бряцать на гитарѣ. Онъ подавался корпусомъ то въ одну сторону, то въ другую, вкружился, выпяливалъ передъ дѣвочкой свой животъ, что выходило очень комично. Среди публики слышались одобренія. Раздались сдержанные „viva“ и „bravo“. Но вотъ старикъ пересталъ плясать и играть, взмахнувъ въ воздухъ гитарой. Дѣвочка продолжала плясать безъ гитары, постукивая только кастаньетами, сдѣлала одинъ кругъ по двору, подбѣжала къ супругамъ Ивановымъ, встала передъ Николаемъ Ивановичемъ на одно колѣно и приподняла передъ нимъ подолъ своей юбки, кивая ему и прося, чтобы ей что-нибудь положили въ юбку за ея танцы.

— Вотъ тебѣ... Разсчитывайся...—сказала Глафира Семеновна мужу.

— Да надо дать. Только сколько?—спросилъ онъ.

— Да дай пезету.

— Мало, я думаю...

— Да вѣдь это-же уличные плясуны, нищіе...

— Ну, все-таки, хоть двѣ пезеты...

И Николай Ивановичъ кинулъ въ подолъ юбки дѣвочки двѣ серебряныя монеты.

Очевидно, щедрость эта была такъ велика, что дѣвочка даже вся вспыхнула отъ радости и глазки ея заиграли. Она бросилась къ старику и показала ему двѣ пезеты. Старикъ, отиравшій въ это время со лба потъ сѣрымъ бумажнымъ платкомъ, тоже радостно улыбнулся во всю ширину своего рта, низко поклонился супругамъ и сказалъ:

— Грасзіасъ, кабалеро. Аграградеско, сеньора.

Дѣвочка обходила остальную публику и въ подолъ ей сыпались мѣдныя деньги. Подошла она и къ монаху. Тотъ вынулъ изъ кармана два финика и подаль ей вмѣсто денегъ. Дѣвочка взяла. Бакенбардистъ съ сосѣдняго стола подаль маленькій бѣлый хлѣбецъ. Дѣвочка сдѣлала книксенъ и хлѣбецъ опустила къ себѣ въ карманъ. Въ числѣ зрителей былъ и извозчикъ, привезшій супруговъ Ивановыхъ. Онъ стоялъ со стаканомъ вина, но подошедшей къ нему дѣвочкѣ ничего не далъ, а только улыбнулся и хотѣлъ уцепить ее за щечку, но она гнѣвно отшатнулась.

Танцы кончились и передъ супругами появился завтракъ: кофе, сваренный съ молокомъ и поданный вмѣсто кофейника въ глиняномъ кувшинчикѣ, двѣ

чашки необычайной толщины, цѣлая груда яицъ, бутылка хересу, хлѣбъ, тарелка съ яблоками и виномъ и кувшинъ холодной воды. Все это принесли имъ на двухъ подносахъ лысый хозяинъ и служанка въ красной косынкѣ съ большимъ гребнемъ въ волосахъ.

Такъ какъ хозяинъ ресторана видѣлъ въ супругахъ исключительныхъ гостей, то въ видѣ исключенія принесъ имъ и скатерть, которой предварительно накрылъ столъ. Но лучше-бы онъ и не накрывалъ ею стола: скатерть была въ кофейныхъ кругахъ и къ ней были даже приставши кусочки чего-то съѣдобнаго съ соусомъ.

— Видишь, и безъ испанскаго языка добились всего, что намъ надо,—замѣтила мужу Глафира Семеновна и тутъ-же, подозвавъ къ себѣ дѣвочку-танцорку, подала ей яблоко.

Николай Ивановичъ сидѣлъ, уткнувшись въ книжечку французско-испанскаго словаря.

— Нашелъ вѣдь, какъ яичница-то съ ветчиной называется по-испански!—весело сказалъ онъ —Тортилья де хамонъ—вотъ какъ.

— Ну, ужъ теперь поздно. Послѣ ужина горчица,—отвѣчала супруга, принимаясь за завтракъ.

Кофе оказался припахивающимъ чѣмъ-то постороннимъ—не то перцемъ, не то лукомъ. Яйца оказались сваренными въ крутую. Къ нимъ хозяинъ гостиницы, очевидно, вмѣсто масла, подалъ что-то въ родѣ жидкаго сыра, похожаго на сыръ „бри“, къ которому Глафира Семеновна не прикасалась,

а сдѣлала только гримаску. И хересъ былъ преплохой. Николай Ивановичъ налилъ себѣ полъ-стакана, хватилъ залпомъ и поморщился, проговоривъ:

— Что-то не того... нашъ кашинскій хересъ напоминаетъ.

— Да вѣдь ты видишь, здѣсь всѣ съ водой его пьютъ,—кивнула супруга на сосѣдній столъ, гдѣ все еще сидѣли и пили вино съ водой и молодой человѣкъ съ баками колбаской, и хохотушка дамочка въ вуалеткѣ.—Передъ ними бутылка съ виномъ и кувшинъ воды. На то и тебѣ хозяинъ поставилъ кувшинъ воды.

— Хересъ съ водой не подобаетъ. Не такое вино.

— Это у насъ не подобаетъ, а здѣсь пьютъ.

Позавтракавъ, они расплатились. За все взяли какіе-то пустяки, такъ что Николай Ивановичъ даже удивился. Онъ далъ хозяину серебряный дуру въ пять пезетъ, а сдачи ему еще сдали двѣ пезеты съ мѣдными. Сунувъ служанкѣ съ высокимъ гребнемъ пезету на чай, онъ привелъ ее буквально въ смущеніе. Она повертѣла серебряную монету въ рукахъ и не рѣшалась ее брать.

— Бери, бери... Се пуръ буаръ...—кивнулъ онъ ей и махнулъ рукой.

Черезъ минуту супруги проходили черезъ ресторанъ къ своему экипажу. Старикъ-гитаристъ и дѣвочка сидѣли въ ресторанѣ. Старикъ щипалъ струны гитары и пѣлъ. Передъ нимъ стоялъ стаканъ вина. Дѣвочка ѣла яблоко. Хозяинъ, стоявшій за стойкой

и наливавший въ бутылку изъ бочки вино, выско-
чилъ къ супругамъ, проводилъ ихъ до экипажа и,
кланяясь, сталъ подсаживать Глафиру Семеновну.

— Вино не па бонъ. Хересъ не па бонъ... —
сказалъ ему Николай Ивановичъ. — Хересъ собакой
пахнетъ... мокрой собакой.

— Говори сколько хочешь, онъ все равно не
понимаетъ, — замѣтила супруга.

— Нѣтъ, понялъ. Видишь, бормочетъ что-то и
оправдывается. Да и какъ не понять! Вино и
по-испански вино, хересъ и по-испански хересъ.
А я сказалъ: „вино не па бонъ“ и сдѣлалъ гри-
масу. Хересъ — брр... — прибавилъ онъ, обращаясь
къ хозяину ресторана.

Извозчикъ не трогалъ возжами мула, сидѣлъ на
козлахъ, обернувшись къ сѣдокамъ, говорилъ что-
то и жестами спрашивалъ, куда ему ѣхать — на-
право или налѣво. Слышались слова: „а ля искіерда
о а ля дереча“.

— Прадо, Прадо... — махалъ ему рукой Николай
Ивановичъ.

— Прадо е паркъ... — прибавила Глафира Семе-
новна.

Супруги вспомнили, что имъ еще въ вагонѣ мо-
нахъ падре Хозе рассказывалъ, что для прогулокъ
въ Мадридѣ есть Прадо — большой бульваръ и
паркъ, куда ѣздить для катанья.

Извозчикъ щелкнулъ бичомъ между ушами мула,
и мулъ потащилъ коляску по скверной булыжной
мостовой. Обратно пришлось ужъ подниматься въ гору.

LXVIII.

РЕСТОРАНЪ, гдѣ закусывали супруги, находился въ улицѣ Пацео де лясъ Акаціо. Отъ ресторана до Прадо, фешенебельной части Мадрида, состоящей изъ нѣсколькихъ соединенныхъ между собой бульваровъ, примыкающихъ къ саду Буенъ Ретиро и Мадридскому парку, пришлось ѣхать добрые полчаса. На Прадо экипажъ въѣхалъ со стороны улицы Атахо и поѣхалъ мимо Ботаническаго сада.

Открылся широкій бульваръ, обстроенный домами новѣйшей архитектуры, хорошо выбѣленными, не напоминающими своимъ видомъ казарменныхъ построекъ, но тоже съ балконами у каждаго окна, на перилахъ которыхъ, то тамъ, то сямъ висѣли для просушки или провѣтриванія одѣяла, пальто, ковры. Прадо—это Елисейскія поля Мадрида. Какъ Елисейскія поля въ Парижѣ примыкаютъ къ Булонскому лѣсу, такъ и Прадо сливается съ Мадридскимъ паркомъ. Прадо, центръ котораго составляетъ еще болѣе уширенный бульваръ, носящій названіе Салонъ дель Прадо, есть мѣсто прогулки состоятельной и аристократической публики Мадрида, пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ.

Когда въѣхали на бульваръ, извозчикъ тотчасъ же обернулся къ сѣдокамъ, торжественно поднялъ лѣвую руку и произнесъ:

— Прадо...

Быль третій часъ въ началѣ и гулянье только еще начиналось, но уже гарцовали всадники статскіе и военные и сновали экипажи съ нарядными дамами въ новомодныхъ шляпкахъ, съ раскрытыми зонтиками, съ вѣрами, висящими на ручкахъ зонтиковъ. На козлахъ экипажей состоятельныхъ людей кучера, по большей части, одѣты по-англійски въ черныхъ цилиндрахъ, синихъ или гороховыхъ ливреяхъ и высокихъ сапогахъ съ желтыми отворотами, лошади въ шорахъ. Ъзда въ большинствѣ случаевъ самой легкой рысцой. Экипажи то и дѣло сопровождаются знакомыми всадниками гарцующими около и перебрасывающимися словами съ сидящими въ экипажахъ черноокиими дамами. На свамейкахъ между деревьями множество дѣтей съ няньками, кормилицами и гувернантками. Дѣти одѣты въ матросскіе и фантастическіе костюмы, учащіеся—въ парусинные кители съ форменными фуражками, но о національныхъ костюмахъ даже и на дѣтяхъ нѣтъ и помину.

Экипажъ супруговъ ѣхалъ тихо. Муль бѣжала легкой трусцой. Извозчикъ оборачивался и рассказывалъ что-то, указывая на зданія, но такъ какъ онъ говорилъ по-испански, то супруги почти ничего не понимали.

— На четыре километра тянется этотъ Прадо. Я читала въ путеводителѣ, — сказала мужу Глафира Семеновна.—На Прадо много памятниковъ и фонтановъ.

И точно, супруги только что проѣхали мимо памятника Изабеллы Католической, представляющаго изъ себя королеву верхомъ на конѣ, въ коронѣ и съ крестомъ на длинномъ древкѣ въ правой рукѣ, съ двумя ея сподвижниками по обѣ стороны лошади. За памятникомъ начались фонтаны (fuente), питающіеся изъ канала Лоцая, проведеннаго со снѣговыхъ горъ по всему городу и дающаго прекрасную питьевую воду. Первымъ фонтаномъ былъ фонтанъ Обелиско.

Около этого фонтана толпился простой народъ, няньки съ ребятами, и всѣ пили воду, черпая ее жестяными кружечками изъ бассейна. Тутъ-же торговка съ лоткомъ и банками продавала варенье для воды.

— Женщина въ настоящемъ испанскомъ костюмѣ! Настоящая испанка! Наконецъ-то увидали настоящую испанку! Смотри!—воскликнулъ Николай Ивановичъ, дернувъ за руку супругу.

И въ самомъ дѣлѣ, передъ ними вырисовалась красивая черноокая молодая женщина въ кружевномъ уборѣ, окружающемъ высокую гребенку съ бусами и блестками, на головѣ, въ черной юбкѣ на подъемѣ, въ красныхъ чулкахъ съ бѣлыми стрѣлками у щиколокъ и въ башмакахъ. Она была въ бѣломъ передникѣ и плечи ея были покрыты полосатымъ черножелтымъ шарфомъ.

— Да это кормилица, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Видишь, она около колясочки съ груд-

нымъ ребенкомъ. Кормилицъ-то и во Франціи одѣвають въ національные костюмы.

Дѣйствительно, женщина въ національномъ костюмѣ взялась сзади за ручки дѣтской колясочки и стала пихать ее впередъ.

— Кормилица и то... — разочарованнымъ голосомъ пробормоталъ супругъ. Ну, Испанія! Значить національные-то испанскіе костюмы можно видѣть только на мамкахъ да на актерахъ въ театрахъ.

— Да вѣдь и у насъ въ Петербургѣ то-же самое. Да и не въ одномъ Петербургѣ. Даже въ деревняхъ.

— Однако, про испанскіе костюмы вездѣ пишутъ въ стихахъ и въ прозѣ. Поэты, какъ за языкъ повѣшенные, славятъ эти костюмы. Вѣдь для этого мы сюда, въ Испанію, и поѣхали.

— Надо куда-нибудь въ глушь ѣхать. Можетъ быть, тамъ и настоящіе испанскіе костюмы найдутся. Да и на что тебѣ? Видѣлъ сейчасъ испанскій костюмъ и довольно. Видѣлъ давеча дѣвочку-танцовку.

— Мамка и танцовка въ расчетъ не входятъ.

Подѣхали къ маленькому скверу, разбитому посреди бульвара, украшенному роскошнымъ цвѣтникомъ. Изъ сквера возвышалась колонна съ статуей Христофора Колумба. На нее тотчасъ-же обратилъ вниманіе супруговъ извозчикъ.

— Христофоръ Колумбъ... Это вѣдь тотъ, который открылъ Америку, — сказалъ Николай Ивановичъ, услыхавъ имя Колумба.

— Да, да... Онъ самый... Знаменитый мореплаватель,—откликнулась супруга.—Ты помнишь, вѣдь даже пьеса была „Христофоръ Колумбъ?“ Мы смотрѣли ее въ Петербургѣ. Надо выйти изъ экипажа. Кочеро! Арете! —крикнула она извозчику.

Супруги вышли изъ экипажа, вошли въ скверъ, переполненный няньками, ребятишками всѣхъ возрастовъ и неизбѣжнымъ солдатомъ, заигрывающимъ съ няньками, и обошли кругомъ памятникъ знаменитому человѣку.

— Но откуда такое количество ребятъ!—удивлялась Глафира Семеновна. — Въ путеводителѣ я прочла, что въ Мадридѣ всего только 245.000 жителей. Стало быть, въ пять разъ меньше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Поѣхали дальше. Опять фонтанъ.

— Фуэнте Кастеляно...—сказалъ извозчикъ.

Но вотъ около улицы Санъ Геронимо, идущей отъ площади Пуерта дель Соль, началось уширеніе бульвара Прадо, называемое Каррара или Салонъ дель Прадо. Это площадка, удлиненной формы, уставленная по сторонамъ зелеными скамейками и желѣзными стульями, занятыми мужской и женской нарядной публикой. То тамъ, то сямъ стоятъ экипажи съ сидящими въ нихъ расфранченными дамами и мужчинами, точь-въ-точь, какъ у насъ въ Петербургѣ, на Елагинской Стрѣлкѣ. Къ экипажамъ подошли гуляющіе пѣшеходы и разговариваютъ съ знакомыми, сидящими въ экипажахъ. По-

всюду масса зонтиковъ, мелькають въ воздухѣ вѣера.

— Какая масса публики! И вѣдь замѣть, сегодня будни, а не праздникъ. Рабочій день,—проговорила Глафира Семеновна.

— Такой ужъ, должно быть, гулящій народъ эти испанцы,—отвѣчалъ супругъ.

Экипажъ еле двигался отъ тѣсноты. Еще фонтанъ.

— Фуэнте дель Алькахофа...—отрекомендовалъ извозчикъ.

Показался роскошный садъ съ дивнымъ насажденіемъ. За богатой рѣшеткой видны были лѣстницы, идущія въ гору, а на горѣ стояло величественное трехъэтажное зданіе.

— Ministerio de la guerra...—указалъ извозчикъ.

— Военное министерство,—перевала мужу Глафира Семеновна и прибавила:—Видишь, я ужъ начинаю понимать по-испански.

Опять фонтаны, называемые „Куарто Фуэнтесъ“—четыре фонтана. Опять кому-то памятникъ. Снова фонтанъ, который извозчикъ называлъ фонтаномъ Нептуна. Бульваръ Прадо нѣсколько разъ мѣнялъ свою фізіономію: деревья то шли по срединѣ улицы и переходили въ какой-нибудь скверъ, то шли по сторонамъ улицы, около тротуаровъ и опять переходили въ скверъ.

Еще фонтанъ—фонтанъ Аполлона. Бульваръ пересѣкла широкая улица, тоже съ насажденіемъ около тротуаровъ, но довольно жидкими. На пере-

крестѣ ея извозчикъ остановилъ мула, указаль на улицу и произнесъ:

— Калле де Алькаля... Пуэрта дель Алькаля.

Въ концѣ улицы виднѣлась и „Пуэрта“, то-есть ворота. Это широкія ворота въ римскомъ стилѣ съ тремя проѣздами и двумя проходами для пѣше-ходовъ.

Бульваръ Прадо кончился, извозчикъ повернулъ мула и повезъ супруговъ тѣмъ-же путемъ обратно.

— Апрезанъ въ паркъ?—спросила извозчика Гла-фира Семеновна, ткнувъ его въ спину зонтикомъ. Онъ обернулся и отвѣчалъ:

— Сси, сеньора.

— Вообрази, и онъ ужъ меня понимаетъ,—ска-зала она мужу.

LXIX.

ВЫѢХАВЪ на площадку Салонъ дель Прадо, экипажъ свернулъ налѣво. Показалась рѣшетка съ богатыми насажденіями за ней. Это садъ „Буень Ретиро“, разбитый еще при королѣ Филиппѣ IV. Изъ-за рѣшетки виднѣлись гиганты-дубы, каштаны, бѣлыя акаціи. Вотъ и темно-зеленая листва лимонныхъ деревьевъ съ только еще начинающими желтѣть плодами.

Начался паркъ съ прекрасными широкими аллеями

для проѣзда экипажей и пѣшеходовъ. Деревья въ-ковья съ гигантскими стволами, бросающими обильную тѣнь. Гуляющей публики немного. Экипажей еще меньше. На скамейкахъ въ уединенныхъ мѣстечкахъ виднѣются издали влюбленные парочки. Кое-гдѣ мелькаетъ солдатъ. На перекресткахъ большихъ аллей тумбочки съ струящейся изъ нихъ ключевой водой—и непременно у каждой тумбочки три-четыре человѣка, пьющіе воду. Непременно около каждой тумбочки нищая или нищій, предлагающіе публикѣ стаканъ для питья воды и при этомъ выпрашивающіе себѣ подаваніе. У нѣкоторыхъ нищихъ бутылки съ фруктовымъ сокомъ, который они также предлагаютъ къ водѣ. Нѣкоторые нищіе въ грязныхъ жилетахъ нараспашку, съ одѣялами черезъ плечо и въ шляпахъ съ широчайшими полями (сомбреро) имѣютъ такой видъ, что ихъ можно скорѣй принять за разбойниковъ, чѣмъ за нищихъ.

Вотъ и площадка, уставленная желѣзными стульями передъ эстрадой съ юпитрами для нотъ, но на площадкѣ никого изъ публики. Только пять-шесть разношерстныхъ молодыхъ собакъ играютъ другъ съ другомъ и подняли облако пыли. Очевидно, здѣсь иногда играетъ музыка. Вотъ и маленькій ресторанъ со столиками на верандѣ, но онъ пустъ. На верандѣ виднѣется только лакей, зѣвающій въ салфетку. Вотъ между деревьевъ и кустарниковъ блеснуло что-то серебристое.

— Тамъ рѣка, — сказала Глафира Семеновна

мужу. — Не можетъ быть, чтобъ это былъ Манзанаресъ. Пойдемъ... Посмотримъ. Надо остановиться.

Они остановили экипажъ и вышли изъ него. Супруги не прошли пяти-десяти шаговъ, какъ передъ ними открылась зеркальная поверхность довольно большого, совершенно четырехугольнаго замѣчательно чистаго пруда. У берега была пристань и около нея стояли причаленными двѣ лодченки. Какой-то спортсменъ въ полосатой фуфайкѣ съ головой, повязанной краснымъ шелковымъ платкомъ, плавалъ на лыжахъ, держа въ рукахъ весло съ лопатками на концахъ.

— Вотъ тебѣ испанскій костюмъ,—указала Николаю Ивановичу супруга.

— Какой-же это испанскій! Это скорѣй костюмъ акробата,—отвѣчалъ тотъ.

— А платокъ-то красный на головѣ съ концами, завязанными на затылкѣ? Это ужъ чисто по-испански. Такъ носятъ платки тореадоры.

Кромѣ спортсмена на лыжахъ на пруду плавали два лебедя—черный и бѣлый и нѣсколько утокъ, держащихся, впрочемъ, въ отдаленіи.

Супруги стояли на берегу пруда и любовались имъ.

— Какой прекрасный свѣтлый прудъ,—сказалъ Николай Ивановичъ.—Куда лучше и чище Манзанареса. Манзанаресъ можно назвать рѣкой только въ насмѣшку. И въ географіяхъ-то слѣдовало-бы писать, что Мадридъ стоитъ не на Манзанаресѣ,

а на пруду такомъ-то. Навѣрное ужъ этотъ прудъ какъ-нибудь называется.

— Непремѣнно,—кивнула супруга и задала вопросъ:—Но гдѣ-же мадридцы купаются? Неужели у нихъ нѣтъ никакого купальнаго мѣста?

— Экъ ты разлакомилась въ Біаррицѣ насчетъ купанья-то!

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Въ Біаррицѣ меня купанье прославило. Я и въ Мадридѣ ѣхала, чтобъ поддержать эту славу, но обманулась. Проще сказать—ты меня обмануль.

— Какъ-же я-то? Географія насъ обманула. Мы учили въ географіи, что Мадридъ стоитъ на рѣкѣ Манзанаресѣ, а оказалось, что Манзанаресъ ручей да и тотъ протекаетъ не черезъ Мадридъ, а находится за-городомъ. Однако, какъ здѣсь комары кусаютъ!—прибавилъ Николай Ивановичъ и хлопнулъ себя ладонью по лбу, чтобы согнать комара.

Супруги обошли одну половину пруда и увидали ключъ. Изъ кучи громадныхъ камней выбивалась струйка воды и стекала въ каменный бассейнъ, обложенный туфомъ. Около ключа стояли два столика съ пяткомъ желѣзныхъ стульевъ. Супруги присѣли. Передъ ними какъ изъ земли выросла грязная старуха-торговка съ корзинкой, въ которой помѣщались стаканы и бутылочки съ ягоднымъ сиропомъ. Низко кланяясь, она поставила передъ супругами два стакана.

— Выпьемъ, что-ли? Попробуемъ ихъ воду, — предложилъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Только безъ сиропа, — откликнулась супруга. — Выполоскай стаканы прежде, и я сама ихъ оботру. У меня есть чистый носовой платокъ.

— Ну, ужъ пусть эта старая сеньора выполоскаетъ ихъ, — сказалъ супругъ, постучалъ по стакану ногтемъ пальца и сказалъ: — Сеньора, полоскайтесь эсто стаканось.

— По-каковски это? — улыбнулась Глафира Семеновна. — На какомъ языкѣ?

— Да по-русски, но какъ будто-бы и по-испански. Пойметъ баба.

И точно, старуха поняла. Она взяла стаканы, выполоскала ихъ, наполнила водой и снова принесла на столъ. Глафира Семеновна вылила изъ стакановъ воду и вытерла ихъ платкомъ.

— Анкоръ. Тодавіа... — снова постучалъ Николай Ивановичъ по стаканамъ.

Старуха снова наполнила стаканы водой. Вода оказалась превкусной и холодной, такъ что стаканы совершенно запотѣли. Супруги напились воды, дали старухѣ мелкую монету и продолжали обходить пруда.

Вдругъ Глафира Семеновна вскричала:

— Смотри-ка! Наша береза! Наша русская береза. И въ какой чести!

Дѣйствительно, на лужайкѣ, окруженная низенькой рѣшеткой изъ проволоки, росла небольшая березка со стволомъ въ кулакъ. Листья ея ужъ значительно пожелтѣли и мѣстами обсыпались. Около березы былъ воткнутъ въ землю большой

ярлыкъ, на дощечкѣ котораго было написано полатыни: „Betula alba“.

Николай Ивановичъ снялъ шляпу и поклонился, сказавъ:

— Здравствуй, матушка, наша родная береза! Поклонъ тебѣ, родимая! Ну, что-жъ, паркъ, кажется, основательно осмотрѣли, такъ съ насъ и будетъ. Поѣдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

— До обѣда еще осталось время. Поѣдемъ по-смотреть какую-нибудь церковь,—предложила Глафира Семеновна. — Въ Мадридѣ должны быть богатые церкви. Испанцы славятся своимъ благочестіемъ и набожностью. Это я знаю изъ романовъ. Вѣдь я много прочла романовъ изъ испанской жизни. Здѣсь и крестныхъ ходовъ бываетъ много. Испанцы любятъ священныя процессіи.

— Да, да... И въ особенности испанки,—подхватилъ супругъ.—Я даже стихи помню.

«Издавна твердятъ испанки:
Въ кастаньеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интрижку
И на исповѣди плакать—
Три блаженства только въ жизни»...

продекламировалъ онъ.

Они подходили къ своему экипажу. Кучеръ кормилъ своего мула овсомъ изъ торбы, покуривалъ папиросу и бесѣдовалъ съ двумя какими-то оборванцами въ широчайшихъ сомбреро. Оборванцы тоже курили. Одинъ изъ нихъ былъ съ газетой и, ораторствуя, ударялъ по ней рукой. Разговоръ, очевидно, имѣлъ предметомъ политику.

Супруги сѣли въ экипажъ. Извозчикъ снималъ торбу съ морды мула.

— Какъ церковь по-испански? Не знаешь? — спросила мужа Глафира Семеновна.

— А вотъ сейчасъ... У меня отчеркнуто.

Николай Ивановичъ вытащилъ изъ кармана словарь въ красномъ переплетѣ.

— Отчего ты раньше не выпишешь на бумажку нужныя слова? А то выходитъ такъ, что какъ на охоту ѣхать — то и собакъ кормить, — сказала супруга.

— У меня отчеркнуто.

Онъ перелистывалъ словарь.

Извозчикъ между тѣмъ влѣзъ уже на козлы и, обернувшись къ сѣдокамъ, бормоталъ что-то по-испански, очевидно, спрашивая, куда ему ѣхать.

— Эглизъ... Въ церковь... Въ какую-нибудь церковь... Эглизъ... — проговорила извозчику Глафира Семеновна.

— А! Иглессіа... Сси, сеньора...—кивнулъ тотъ и стегнулъ мула.

— Иглессіа, Иглессіа—вотъ какъ церковь... Да, да...—подхватилъ супругъ.

— Спасибо. Теперь ужъ послѣ ужина горчица. Не понимаю, какая польза отъ твоего словаря.

И супруга пожала плечами.

LXX.

ОПЯТЬ выѣхали на Салонъ дель Прадо, свернули въ улицу Санъ Геронимо и потянулись по ней. Затѣмъ, свернули еще въ улицу, еще и еще. Церковь, куда везъ супруговъ извозчикъ, оказалась совсѣмъ на другомъ краю города. Одну улицу проѣхали торговую, сплошь съ магазинами въ нижнихъ этажахъ домовъ. Въ окнахъ было выставлено бѣлье мужское и женское, галстуки, кружева, испанскія полосатыя шелковыя одѣяла изъ оческовъ. Надъ однимъ изъ магазиновъ въ видѣ вывѣски красуется гигантскій раскрашенный вѣеръ изъ желѣза и на немъ крупными буквами надпись: „abanicos“ — вѣера. Вѣерами всѣхъ величинъ украшены и оконныя выставки магазина.

— Спеціальный магазинъ вѣеровъ... Вотъ куда нужно за вѣерами пріѣхать, — указала Глафира Семеновна мужу.

— А чѣмъ нарочно сюла пріѣзжать, такъ не лучше-ли сейчасъ заѣхать?—откликнулся тотъ.— Церковь-то, въ которую насъ везетъ извозчикъ, успѣемъ еще осмотрѣть до обѣда. Обѣдъ въ гостиницѣ въ семь часовъ.

— Да, пожалуй, заѣдемъ. Кстати и другіе магазины посмотримъ. Арете!

Глафира Семеновна тронула извозчика зонтикомъ въ спину и указала на магазины. Тотъ подъѣхалъ къ тротуару и остановилъ мула. Супруги вышли.

Н. А. Лейкинъ.

— Навѣрное ужъ въ магазинѣ-то говорятъ хоть сколько-нибудь по-французски,—сказала супруга.

— Какъ вѣрь по-испански, я могу сейчасъ справиться. Только ты мнѣ скажи, какъ вѣрь по-французски.

И Николай Ивановичъ вытащилъ изъ кармана французско-испанскій словарь.

— Оставь. Въ случаѣ чего я могу указать на вѣрь прямо пальцемъ. Но я увѣрена, что здѣсь говорятъ по-французски.

Вотъ и магазинъ вѣровъ. Кромѣ вѣровъ продаются зонтики. Въ стѣнныхъ шкапахъ цѣлый частокъ зонтиковъ всѣхъ цвѣтовъ. За прилавками два приказчика съ капулями и въ бородахъ а ля Генрихъ IV. Отъ нихъ такъ и разить пачулей. За кассой дама въ черномъ платьѣ и съ красными розами въ волосахъ и на груди—смуглая молодая брюнетка.

— Парле ву франсе, мадамъ? — обратилась къ ней Глафира Семеновна.

Дама удивленно взглянула на нее, покачала отрицательно головой, сморщивъ губы, и отвѣчала:

— Но... о... о...

Она отвѣтила это такимъ тономъ, какъ будто ее спросили не о знаніи французскаго языка, а о томъ, не украли-ли она что-нибудь.

Съ тѣмъ-же вопросомъ обратилась Глафира Семеновна и къ двумъ приказчикамъ-франтамъ, но и отъ нихъ получился тотъ-же отвѣтъ, что и отъ дамы кассирши и тѣмъ-же тономъ. А одинъ при-

казчикъ даже презрительно усмѣхнулся и отвернулся. Другой тоже отошелъ въ сторону и сталъ поправлять передъ зеркаломъ булавку въ галстукѣ.

— Каковы одры-то! Совсѣмъ невѣжи! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Пойдемъ, душенька, въ другой магазинъ. Мадридъ не клиномъ сошелся. Здѣсь магазиновъ съ вѣрами много, — сказалъ онъ супругѣ.

— Постой... Ну, ихъ къ лѣшему... — остановила его та. — Я буду говорить по-русски и пояснять руками, что мнѣ надо. Можетъ быть, у испанцевъ въ обычаѣ обижаться, когда ихъ спрашиваешь о французскомъ языкѣ. Кажется, испанцы враждуютъ съ французами.

— А тогда на кой чортъ они съобезьянничали всю свою жизнь съ Парижа!

— Покажите вѣра мнѣ. Вѣра мнѣ нужно. Эвенталь... Вотъ... — сказала Глафира Семеновна приказчику, поправлявшему передъ зеркаломъ булавку въ галстукѣ, и указала зонтикомъ на раскрытый вѣеръ съ изображеніемъ на немъ боя быковъ, прикрѣпленный къ шкафу.

— Сси, сенъора, — кивнулъ ей приказчикъ уже нѣсколько вѣжливѣе и, выдвинувъ ящикъ изъ прилавка, сталъ доставать оттуда сложенные вѣера и раскрывать ихъ.

Глафира Семеновна отобрала два вѣера — одинъ съ изображеніемъ боя быковъ, другой — съ пляшущими качучу гитанами съ тореадорами.

— Почемъ? Сколько пезетасъ? Сколько сенти-

міесть?—спросила она и, вынувъ изъ кармана серебряную пезету, показала приказчику.

Тотъ тронулъ пальцемъ монету, произнесъ слово „досъ“ и показалъ ей два пальца.

— Хорошо... Эти вѣера я беру. А теперь покажите получше,—продолжала она, подошла къ окну и стала указывать на вывѣшенные на немъ вѣера съ кружевами и золотыми блестками.

Приказчикъ началъ доставать другіе вѣера и развертывать ихъ. Подошелъ другой приказчикъ и сталъ помогать ему. Второй приказчикъ ужъ вынулъ изъ кармана карандашъ, писалъ на бумагѣ стоимость вѣеровъ, отрывалъ съ написанными цифрами клочки отъ бумаги и клалъ эти клочки на вѣера. Глафира Семеновна читала написанное на клочкахъ и говорила:

— Полторы пезеты... двѣ пезеты... три съ половиной. Три съ половиной пезеты вѣдь это немного дороже рубля, если расчитать по курсу. Боже мой, какъ это дешево! Николай Ивановичъ, да вѣдь это почти даромъ. Я возьму штукъ пять-шесть. Ими можно стѣну комнаты украсить.

И она отобрала еще шесть вѣеровъ.

— Но у васъ есть и лучше этихъ,—продолжала она.—Въ пять пезетъ... Въ пять... въ десять. Эти все пойдутъ на стѣну и для подарковъ, а я хочу себѣ... для себя...

Она растопыривала передъ приказчиками пальцы одной руки, прибавила другую руку съ растопыренными пальцами, тыкала себя пальцемъ въ грудь.

Изъ ящиковъ начали выкладываться на прилавкѣ еще вѣера. На этотъ разъ вѣера были уже въ коробочкахъ. Вѣера раскрывали и передавали Глафирѣ Семеновнѣ съ цѣнами ихъ на клочкахъ бумаги. Къ приказчикамъ присоединилась ужъ и кассирша и тоже раскрывала вѣера. На прилавкѣ образовался цѣлый ворохъ вѣеровъ. Глафира Семеновна отобрала еще вѣеровъ штукъ пять-шесть.

Николай Ивановичъ, въ это время смотрѣвшій въ свой французско-испанскій словарь, вдругъ воскликнулъ:

— Нашелъ, какъ вѣера по-испански! Вѣерь — абаникосъ.

— Поздно, милый другъ. Я ужъ выбрала, что мнѣ было нужно. Послѣ ужина горчица. Теперь ужъ только рассчитаться за нихъ, — отвѣчала супруга.

— Да я-бы и раньше отыскалъ это слово, если-бы ты раньше мнѣ сказала, какъ по-французски вѣерь. А какъ ты назвала этому приказчику михрюгѣ вѣерь эванталемъ — сейчасъ я и сталъ искать, какъ эванталь по-испански.

— Иди... Помогай сосчитаться. Вѣеровъ я набрала много. Разъ, два, шесть, девять, двѣнадцать, тринадцать. Тринадцать, впрочемъ, нехорошее число. Вотъ еще четырнадцатый вѣерь.

— Душечка! Куда ты эдакую уйму. Вѣдь ты ихъ въ десять лѣтъ не измахаешь! — ужаснулся супругъ.

— Да вѣдь дешево. Дешевле пареной рѣпы. Четырнадцать. Разъ, два, три.

Глафира Семеновна показала приказчикамъ сначала одну растопыренную руку, потомъ другую и, наконецъ, четыре пальца.

— Четырнадцать я знаю какъ по-испански. Каторзе...—похвастался супругъ.—Каторзе, сеньоръ... каторзе... А вотъ какъ вѣера по-испански—опять забылъ. Тьфу ты пропасть! Вотъ память-то!

— Брось... Они и такъ отлично понимаютъ.

Приказчики ужъ писали счетъ на вѣера.

Оказалось, что съ Глафиры Семеновны слѣдовало за четырнадцать вѣеровъ шестьдесятъ пезетъ и двадцать пять сѣнтимесовъ.

— Одвако...—покачалъ головой супругъ, вынимая маленькіе испанскіе кредитные билеты.

— Что: однако? — проговорила Глафира Семеновна. — И всего-то на какихъ-нибудь двадцать рублей на наши деньги. Но ты считай то, что я тутъ для себя купила одинъ такой роскошный вѣеръ, что у насъ въ Петербургѣ за него за одинъ надо тридцать рублей заплатить.

— Ну, ну... ужъ ты ваговоришь! Сессента пезетась. Получайте шестьдесятъ пезетъ.

И онъ передалъ кассиршѣ деньги, кивнувъ ей и пробормотавъ:

— У, чернобровая вѣдьма! Видишь, какъ мы поддержали вашу коммерцію! А какъ, съ какой щетиной ты насъ приняла-то, черномазая выдра!

Приказчики завертывали вѣера, уложили ихъ въ

большую коробку, обвязали веревкой и одинъ изъ нихъ понесъ коробку въ экипажъ, сопровождая супруговъ изъ магазина.

Подсадивъ Глафиру Семеновну въ коляску, онъ поклонился супругамъ и произнесъ:

— Buenos días, senora... Buenos días, caballero.

— Ага! Теперь: сеньора и кабалеро! А давеча какъ? Прощай, шаршавый чортъ!—проговорилъ Николай Ивановичъ.

Извозчикъ щелкнулъ бичомъ между ушами мула—и экипажъ тронулся.

LXXI.

ОКОЛО большого магазина съ готовымъ мужскимъ платьемъ, на дверяхъ котораго висѣли два испанскихъ плаща (сара) на малиновомъ и фіолетовомъ подбоѣ, супруги опять остановили экипажъ.

— Куплю себѣ плащъ испанскій,—сказалъ Николай Ивановичъ.

— На что тебѣ?—возразила было Глафира Семеновна.—И здѣсь-то ихъ никто не носитъ, а у насъ въ Петербургѣ этимъ плащомъ только людей пугать.

— Да мало-ли на что. Просто какъ воспоминаіе. На что тебѣ четырнадцать вѣровъ?

— Вѣра для украшенія комнаты, для подар-

ковъ. А въ такомъ плащѣ пойдешь по Петербургу, такъ еще въ полицію возьмутъ.

— Ну, лѣтомъ на дачѣ разъ или два пройтись можно. Все-таки, будутъ знать, что въ Испанію ѣздилъ.

Они вышли изъ экипажа. Глафира Семеновна увидала на окнѣ такого-же магазина разложенныя яркія полосатыя одѣяла и сказала:

— Вотъ развѣ пару одѣялъ купить, такъ это имѣетъ смыслъ.

— Какой? Таскать на плечѣ, какъ здѣшніе нищіе таскаютъ?—тоже возразилъ супругъ.

— Зачѣмъ на плечѣ таскать? Покрыватьсь ночью.

Въ магазинѣ готоваго платья такая-же исторія, какъ и въ магазинѣ вѣеровъ.

— Парле ву франсе, месье?—заданъ былъ вопросъ встрѣтившему супруговъ приказчику.

Тотъ, молча, отрицательно покачалъ головой и сталъ закуривать папирску.

— Можетъ статья, шпребенъ зи дейчъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

Одинъ изъ приказчиковъ фыркнулъ со смѣха и отвернулся.

— Эва деревенщина! — сказала Глафира Семеновна. — Вотъ тебѣ и Мадридъ. А у насъ-то въ Петербургѣ въ каждомъ магазинѣ говорятъ по-французски или по-нѣмецки.

Въ магазинѣ были два покупателя. Послѣ предложенія вопросовъ о языкахъ и они какъ-то подозрительно уставились глазами на супруговъ.

— Совсѣмъ дикій народъ!—прибавилъ Николай Ивановичъ и указалъ одному изъ приказчиковъ на плащъ, прося жестами снять его.

О цѣнѣ нечего было спрашивать. Она стояла на ярлыкѣ, пришилленномъ къ плащу. Крупными цифрами было напечатано: 38 pesetas.

Приказчикъ въ испанскихъ бакенбардахъ, чернѣйшій какъ жукъ, снялъ плащъ и накинулъ его на Николая Ивановича. Николай Ивановичъ запахнулъся, выставивъ фіолетовый подбородокъ, и сталъ позировать передъ большимъ зеркаломъ. Приказчикъ досталъ съ полки черную фетровую шляпу съ широкими полями и подаль ее Николаю Ивановичу, сказавъ:

— Sombrero, caballero...

— А! Шляпа? Пожалуй, можно и шляпу... — отвѣчалъ тотъ, надѣлъ ее себѣ на голову и, обратясь къ женѣ, прибавилъ:—Совсѣмъ разбойникъ я. Теперь только-бы испанскій ножъ. Какъ онъ называется-то? Новахо, что-ли? Да я и ножъ куплю себѣ.

Супруга только пожала плечами и проговорила:

— Совсѣмъ ребенокъ, а у самого показывается сѣдина въ бородѣ.

— Все-таки я куплю себѣ. Былъ въ Турціи — купилъ феску, въ Испаніи нужно испанскій нарядъ и ножъ купить,—сказалъ мужъ.

— Да вѣдь такой плащъ и испанцы то не носятъ.

Плащъ и сомбреро были куплены. Глафира Семе-

новна купила себѣ два одѣяла. Приказчики все это завернули и понесли въ коляску.

Поѣхали дальше: извозчикъ ужъ не оборачивался и не обращалъ вниманіе супруговъ на попадавшіеся по пути общественныя зданія, хотя ихъ было нѣсколько. Проѣхали мимо театра съ расклеенными на немъ афишами, проѣхали мимо казармъ съ смотрящими изъ оконъ чумазыми солдатами въ однѣхъ рубахахъ. Попался по пути рынокъ. Стояли ослы съ перекинутыми черезъ спину корзинами съ глиняной посудой. Бабы-торговки продавали эту посуду. Супруги остановились и купили себѣ глиняный кувшинъ съ узкимъ горломъ.

Вотъ наконецъ и церковь, къ которой везъ ихъ извозчикъ. Церковь стояла не на площади, а слитно съ домами. Черезъ узенькій переулокъ отъ нея находились казармы и за воротами дежурили солдаты въ шляпахъ съ перьями и въ синихъ пелеринахъ.

Экипажъ остановился у паперти. Извозчикъ сказалъ сѣдокамъ, указывая на церковь:

— San Francisco el Grande...

Церковь святаго Франциска когда-то предназначалась, какъ Пантеонъ, для погребенія знаменитыхъ испанцевъ. Она принадлежала монахамъ, но монастырь очень недавно упраздненъ, монастырскія постройки отняты и въ нихъ помѣщаются солдаты и военная тюрьма.

Звонили къ вечернѣ, когда подѣхали супруги. На паперти множество нищихъ.

Когда супруги начали осматривать рѣзныя двери

на паперти, къ нимъ подскочилъ нищій въ кожаныхъ сандаляхъ, съ бородой, въ которой запутались луковыя перья, и усердно сталъ рассказывать что-то по-испански, тыкая въ рѣзныя фигуры дверей, при чемъ нѣсколько разъ крестился ладонью. Ему дали мѣдную монету, чтобъ онъ отсталъ, но онъ не отставалъ.

— Какъ отъ него чеснокомъ и лукомъ несетъ! — замѣтила Глафира Семеновна, морщась. — Алле, алле... — махала она ему рукой.

Это увидалъ сторожъ въ зеленомъ сюртукѣ съ синимъ кантомъ и нашивками на рукавахъ, оттолкнулъ нищаго ударомъ въ грудь и, показавъ ему кулакъ, самъ пошелъ за супругами, бормоча что-то по-испански. Онъ распахнулъ передъ супругами занавѣску и сталъ приглашать ихъ войти въ храмъ.

Храмъ, не представляющій собой ничего величественнаго снаружи, поражалъ своей роскошью и великолѣпиемъ внутри. Художественныя мраморныя изваянія святыхъ, изображенія Мадонны на полотнахъ заставляли останавливаться передъ ними подолгу. Сторожъ трещалъ безъ умолку, но что онъ говорилъ, супруги, разумѣется, не понимали. Живопись на оконныхъ стеклахъ также была въ высшей степени художественна. Храмъ имѣлъ семь алтарей. Передъ однимъ изъ нихъ шла служба. Служили три священника, окруженные мальчиками въ бѣлыхъ и красныхъ стихаряхъ, но молящихся въ храмѣ почти совсѣмъ не было. Кое-гдѣ стояли на колѣняхъ женщины съ молитвенниками въ ру-

кахъ, по большей части старухи. Исповѣдальныя будочки также были пусты. Если сравнить число молящихся въ храмѣ съ числомъ нищихъ на паперти — послѣднихъ было вдвое больше.

— Вотъ тебѣ и хваленая испанская набожность! — пробормоталъ Николай Ивановичъ. — А вѣдь сегодня канунъ воскресенья. Между тѣмъ, даже въ стихахъ, которые я тебѣ читалъ, плакать на исповѣди причисляется къ блаженству испанки.

«Издавна твердятъ испанки:

Въ кастаньеты...».

— Знаю, знаю... Слышала... — перебила его Глафира Семеновна. — Все это ничего не доказываетъ. Сегодня будни. Вотъ завтра, въ воскресенье, походимъ по церквамъ... походимъ съ утра, во время обѣденъ, тогда, я увѣрена, дѣло другое будетъ. Богомольцевъ будетъ много. Ну, что-жъ, домой? Вѣдь ужъ пора обѣдать.

— Пожалуй, поѣдемъ.

Они направились къ выходу. Сторожъ протянулъ руку въ видѣ пригоршни.

— Да мы, братецъ ты мой, все равно не поняли ничего изъ твоихъ разговоровъ. Впрочемъ, на, возьми себѣ на лукъ и чеснокъ, — сказалъ ему Николай Ивановичъ и подалъ мелкую серебряную монету.

Сторожъ подбросилъ монетку на ладони и прищелкнулъ языкомъ, сдѣлавъ жалкую рожу.

— Мало? Ахъ, ты подлецъ! Вѣдь вотъ если-бы рассказывалъ намъ по-руски — дѣло другое-бы было,

а то мы ничего не поняли, что ты стрекоталъ. Ну, вотъ... возьми еще монетку. Та пусть будетъ тебѣ на лукъ, а эта на чеснокъ. Вѣдь и отъ этого до невозможности разить лукомъ и чеснокомъ,—сказалъ супругъ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Ужаси!—отвѣчала та.

Получивъ вторую монетку, сторожъ кивнулъ головой и поблагодарилъ, сказавъ:

— Грасзіасъ, кабалеро.

Супруги садились въ экипажъ. Ихъ окружила толпа нищихъ и нараспѣвъ выпрашивала подаянія. Нѣкоторые изъ нищихъ буквально загородили дорогу, ставъ передъ мордой мула. Извозчикъ ругался и гналъ нищихъ, но они не отходили. Николай Ивановичъ прибѣгнулъ къ хитрости и, вынувъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, кинулъ ихъ на мостовую. Нищіе бросились поднимать монеты. Экипажъ тронулся.

Извозчикъ обернулся на козлахъ и, очевидно, спрашивалъ, куда ѣхать.

— Домой, домой...—кивала ему Глафира Семеновна.—Какъ по-испански домой?—спросила она мужа.

— Домой! А вотъ сейчасъ справлюсь,—отвѣчалъ тотъ и полѣзъ въ карманъ за словаремъ.

— Не надо, не надо! Я думала, что у тебя выписка есть. Пуэрто дель Соль!—крикнула она названіе площади, на которой была ихъ гостиница.

LXXII.

ЧАСЫ на домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, стоящемъ на площади Puerta del Sol, показывали половину седьмого, когда супруги подъѣхали къ гостинницѣ.

— Какъ разъ къ обѣду пріѣхали, — сказалъ Николай Ивановичъ, выльзая изъ коляски. — Посмотримъ, чѣмъ-то насъ здѣсь накормятъ. Я ужасно проголодался. Неужели ничего испанистаго не подадутъ?

Онъ хотѣлъ расчитываться съ извозчикомъ, спрашивалъ его по-французски, сколько слѣдуетъ за ѣзду, нѣсколько разъ повторялъ слово „комбьянъ“, но извозчикъ хоть и бормоталъ въ отвѣтъ что-то по-испански, понять его было невозможно. Пришлось позвать швейцара. Тотъ взялъ у Николая Ивановича изъ кошелька двѣнадцать пезетъ, расплатился за ѣзду и еще возвратилъ ему полъ-пезеты. Извозчикъ снялъ съ головы фуражку и поблагодарилъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ.

— Да неужели только одиннадцать съ половиной пезетъ за семь часовъ ѣзды? — удивился Николай Ивановичъ. — Что-нибудь да не такъ. Мы ѣздили даже больше семи часовъ.

— Должно быть ужъ такъ надо. Такая здѣсь цѣна, — отвѣчала супруга.

— Ужасно дешево. Просто даромъ, — пожалъ онъ

плечами, подбросилъ на рукѣ сдачу въ видѣ полупезеты и передалъ ее обратно извозчику, прибавивъ:—Возьми пуръ буаръ и выпей а ля рюссъ за здоровье русскихъ.

Изъ экипажа швейцаръ выгрузилъ покупки и понесъ ихъ за супругами.

Вотъ и подъемная машина. Она подняла супруговъ въ ихъ корридоръ. Въ корридорѣ ихъ встрѣтила черная угреватая пожилая горничная въ высокой гребенкѣ и ярко-красной косыночкѣ на шеѣ, передала визитную карточку и долго-долго поясняла что-то по-испански, но что — супруги, разумѣется, не поняли.

— Вотъ тебѣ и французская гостинница!—пожала плечами Глафира Семеновна. — Ни лакей, ни горничная не говорятъ по-французски.

Войдя къ себѣ въ комнату, Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на карточку и воскликнулъ:

— Ба! Да это карточка нашего друга монаха, съ которымъ мы сюда пріѣхали. Стало быть, онъ былъ здѣсь безъ насъ. Вотъ онъ написалъ на ней что-то карандашомъ... „Булъ у Вы съ моего млада другъ капитенъ отъ моря Хуанъ Мантека, которо хотѣлъ я сдѣлать рекомандасіонъ для Вы и Ваша супруга. Капитенъ Мантека будетъ на Васъ завтра“, прочелъ онъ и прибавилъ:—Стало быть, нашъ монахъ Хозе Алварецъ былъ не одинъ.

— Ну, да... Былъ съ капитаномъ отъ моря... то-есть съ морскимъ капитаномъ, съ флотскимъ,—подтвердила Глафира Семеновна, смотрѣвшая тоже

въ карточку.—А капитанъ этотъ зайдетъ къ намъ завтра утромъ.

— Постой, на оборотѣ еще что-то написано.

Супругъ обернулъ карточку. На оборотѣ стояло: „Капитанъ Мантеко есте мой ученикъ и хотить имѣть практикъ въ русскій языкъ“.

— Какъ это пріятно, — проговорила Глафира Семеновна.—Капитанъ, испанскій капитанъ, говорящій по-русски и къ тому-же молодой. Вотъ онъ и будетъ нашимъ проводникомъ по Мадриду, и все намъ покажетъ. Ну, что-жъ, будемъ завтра утромъ ждать.

— Жаль только, что самъ падре-то, падре Хозе не общается къ намъ завтра зайти,—сказалъ Николай Ивановичъ. — Добрый и общительный старикъ.

— Ну, его! Обжора и пьяница...—отвѣчала супруга. — Только и было-бы хорошаго, что ты съ нимъ напился. И наконецъ, монахъ... Ну, куда съ нимъ пойдешь? Ни въ театръ, ни въ увеселительный садъ... А это молодой морякъ, офицеръ.

Въ это время въ корридоръ зазвонилъ колокольчикъ. Колокольчикъ звонилъ не переставая и чей-то мужской голосъ громко кричалъ: „Комида, комида, кабалерось!“

— Это къ обѣду звонять. Надо идти...—встрепенулся супругъ.

— Переодѣваться или не переодѣваться къ обѣду?—задала себѣ вопросъ, супруга и тутъ-же прибавила: — Впрочемъ, для испанцевъ не стоитъ.

— Отчего-же для испанцевъ не стоитъ?

— Да ужъ какой это народъ, если ихъ лакеи тутъ-же за обѣдомъ съ грязныхъ тарелокъ соусъ салфетками стирають и подаютъ ихъ посѣтителямъ, какъ чистыя. Помнишь, на станціи?

Глафира Семеновна припудрила лицо передъ зеркаломъ и сказала мужу:

— Ну, пойдемъ обѣдать. Я готова.

Супруги отправились.

Обѣденный залъ былъ этажемъ ниже. Въ каретку подъемной машины они не садились и спустились по лѣстницѣ. Залъ былъ, однако, сверхъ ожиданія, нарядный, свѣтлый. Большой длинный столъ по срединѣ и маленькіе столы по стѣнѣ были покрыты чистымъ бѣлымъ и хорошо сервированы. Было много всякой стеклянной посуды у приборовъ и у каждаго прибора стояло по графину съ водой и по бутылкѣ съ виномъ. Обѣденная публика особеннымъ нарядомъ не отличалась. Платья на женщинахъ были самыя простыя, такъ что Глафира Семеновна являлась наряднѣе всѣхъ дамъ. Мужчины были даже въ сѣрыхъ пиджакахъ. Фрака — ни одного. Только англичанинъ, выѣхавшій съ супругами изъ Біаррица, былъ въ смокингѣ, но въ красномъ галстукѣ и сѣрыхъ брюкахъ. Прислуга служила у стола во фракахъ, но эти фраки сидѣли на ней, какъ на нашихъ факельщикахъ похоронныхъ процессій, переряженныхъ въ большинство случаевъ изъ солдатъ. Суетившійся у стола старшій офиціантъ или тафельдекеръ хоть и былъ

на европейскій манеръ съ карандашомъ за ухомъ, но имѣлъ обезьянье лицо и обезьянны бакенбарды при совершенно синемъ подбородкѣ и синей верхней губѣ. Для довершенія сходства съ обезьяной изъ бѣлыхъ воротничковъ его сорочки торчала темно-коричневая шея, поросшая густыми волосами.

Начался обѣдъ. Николай Ивановичъ налилъ себѣ стаканъ вина, хлебнулъ, поморщился и отодвинулъ его.

— Что это у нихъ за вино такое! Пахнетъ не то москательной лавкой, не то аптекой, а на вкусъ даже деревяннымъ масломъ отзывается.

— За то даромъ, — отвѣчала супруга.

Вино не нравилось не одному Николаю Ивановичу. Сидѣвшій противъ него англичанинъ въ красномъ галстукѣ тоже отодвинулъ отъ себя свой стаканъ послѣ перваго глотка, взялъ винную карту и потребовалъ себѣ другого вина. Черезъ двѣ минуты передъ нимъ появилась полбутылка хересу. Потребовалъ полбутылки и Николай Ивановичъ.

— Хересовая земля, такъ хересъ и подавай, — проговорилъ онъ. — Но нѣтъ, они обезьяничаютъ съ французовъ и подаютъ къ столу красное вино, которое у нихъ дрянъ-раздрянъ.

Послѣ супу Глафира Семеновна сказала:

— Супъ ничего... ѣсть можно. Только вотъ клецки ихъ я не рѣшаюсь ѣсть. Кто ихъ знаетъ, изъ чего они?

Разборчивая на пищу, она сдѣлала гримасу.

— Испанистаго-бы чего-нибудь, испанистаго, —

Похъ южными небесами.

твердилъ супругъ. — А это самый обыкновенный французскій супъ подъ русскимъ названіемъ: ложкой ударъ—пузырь не вскочить.

— Вотъ тебѣ и испанистое. Ёшь,—проговорила супруга, когда подали къ столу рыбу, и отвернулась, опять сморщивъ ротъ.

Это были маленькія копченныя камбалы, но не холодныя, а подогрѣтыя въ водѣ или на сковородѣ. Къ нимъ былъ поданъ зеленоватый соусъ, сбитый изъ плохого оливковаго масла. Двѣ сидѣвшія наискосокъ отъ супруговъ испанки—пожилая маменька въ кружевномъ фаншонѣ вмѣсто шляпки и молоденькая дочка, едва вышедшая изъ подростковъ, съ наслажденіемъ мокали въ этотъ соусъ кусочки, очищенной отъ кожи, камбалы и посылали ихъ въ ротъ, но англичанинъ вяло прожевывалъ камбалу безъ соуса, да не могъ ѣсть его и Николай Ивановичъ, хотя и попробовалъ.

— Это и изъ испанскаго-то что-то самое распротиспанное,—сказалъ онъ.

— Да вѣдь ты такого и жаждалъ,—подхватила супруга.

— Только не на лампадномъ маслѣ. Къ тому же тутъ краснаго стручковаго перцу на половину подмѣшано.

— И чесноку. Вонъ какъ чеснокомъ разить. Черезъ столъ разить.

Супругъ отодвинулъ отъ себя тарелку и произнесъ:

— Копченая камбала, впрочемъ, могла-бы быть

кстати, если-бы она была подана не какъ обѣденное блюдо, а на закуску послѣ водки.

Подали баранину, за бараниной зеленый горошекъ, потомъ пирогъ изъ толченыхъ орѣховъ съ сахаромъ и съ вареньемъ, донельзя приторный—и обѣдъ кончился.

Кофе всѣ перешли пить въ читальню, которая была рядомъ съ обѣденнымъ заломъ.

Выходя изъ-за стола, Николай Ивановичъ сказалъ:

— Ни сытъ, ни голоденъ. И дай мнѣ сейчасъ порцію московской рыбной селянки и телячью котлету съ гарниромъ—безъ остатка-бы съѣлъ.

LXXIII.

ВЪ гостиной, смежной съ читальней, кто-то заигралъ на рояли. Супруги заглянули туда и увидали, что играла дѣвочка-подростокъ, обѣдавшая съ ними за столомъ. Мать ея стояла противъ нея и умилялась на ея талантъ. Дѣвочка играла что-то очень грустное. Затѣмъ, неизвестно откуда появился мулатъ въ бархатномъ пиджакѣ нараспашку, широчайшихъ панталонахъ и широкомъ красномъ поясѣ вмѣсто жилета. Когда дѣвочка-подростокъ кончила играть, мулатъ сѣлъ за рояль, взялъ нѣсколько аккордовъ и запѣлъ

какую-то пѣсню, сильно выкрикивая на верхнихъ нотахъ. Было скучно. Супруги опять перешли въ читальню. Изъ читальни почти ужъ всѣ разошлись. Англичанинъ въ красномъ галстукѣ писалъ письмо. Какая-то полная дама перелистывала иллюстрированные журналы, а какой-то лысый старикъ попросту спалъ въ креслѣ съ потухшей сигарой въ рукѣ. Супруги подошли къ окну, выходящему на площадь Пуэрто дель Соль. На площади, ярко освѣщенной окнами магазиновъ, народъ кишѣлъ. Тамъ было теперь вдвое многолюднѣе, чѣмъ днемъ.

— Въ театръ какой-нибудь ѣхать, что-ли? — спросила мужа Глафира Семеновна.

— Въ театръ завтра. Придетъ этотъ испанскій офицеръ и скажетъ, въ какой театръ намъ ѣхать, — отвѣчалъ супругъ. — А теперь спустимся внизъ и побродимъ по площади, посмотримъ въ окна магазиновъ, заглянемъ въ сосѣднія улицы. Вѣдь мы еще и тридцати шаговъ не прошли пѣшкомъ. Кстати посмотримъ, не распѣваетъ-ли гдѣ кто-нибудь серенаду.

Глафира Семеновна согласилась — и вотъ супруги на площади.

Та сутолока, та тѣснота, которая были на площади Пуэрто дель Соль, могутъ поспорить развѣ только съ многолюдіемъ площади Святаго Марка въ Венеціи въ вечерніе, послѣобѣденные часы, но на площади Святаго Марка привлекаетъ публику музыка, исполняемая военнымъ оркестромъ, на площади-же Пуэрто дель Соль имѣются только не-

устаннѣе крики газетчиковъ, продающихъ вечернія газеты, продавцовъ лотерейныхъ билетовъ, дешевыхъ вѣеровъ, спичекъ и сластей. И здѣсь, такъ-же какъ въ Венеціи, публика не двигается, стоитъ на тротуарахъ, окружающихъ площадь, маленькими группами и дымитъ папиросами и сигарами. И громкій говоръ съ окончаніями словъ на „ась“ и „ось“ безъ конца. Испанцы не говорятъ тихо ни на улицахъ, ни въ кофейныхъ. Они кричатъ. Большинство оконъ домовъ, выходящихъ на площадь, было отворено и около оконныхъ рѣшетокъ стояли мужчины и женщины. Выйдя изъ подъѣзда гостиницы, супруги стали протискиваться мимо ярко освѣщенныхъ оконъ магазиновъ съ выложенными на нихъ товарами. Кондитерскія чередовались черезъ два магазина въ третій. Множество лавокъ съ бездѣлушками, фотографіями — и вѣера, и зонтики безъ конца. Но вотъ и ярко освѣщенная лавка чистильщиковъ сапогъ. Она съ растворенными настежь дверями. Въ отворенныя двери видно нѣсколько креселъ съ сидящими на нихъ мужчинами, поставившими свои ноги на скамейки и около этихъ скамеекъ суетятся чистильщики, натирая щетками сапоги. Одинъ изъ чистильщиковъ въ красной фуфайкѣ, съ руками въ ваксѣ, при чемъ кстатѣ замаранъ и носъ, зазываетъ въ лавку прохожихъ.

— А что: не дать-ли и мнѣ почистить свои сапоги?—сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Да чисть. Мнѣ-то что!—откликнулась супруга.

— Омбрэ! Сапоги!

Николай Ивановичъ поднялъ ногу и указаль стоявшему на порогѣ лавки чистильщику на свой сапогъ. Тотъ моментально схватилъ его за руку, втащилъ въ лавку и усадилъ въ кресло. Чистильщикъ завернулъ панталоны Николая Ивановича и пришелъ въ неописанное смущеніе. Николай Ивановичъ былъ не въ стиблетахъ, а въ сапогахъ съ голенищами, каковыхъ не только въ Испаніи, но и нигдѣ за границей не носятъ. Похлопавъ по сапогу, чистильщикъ спросилъ Николая Ивановича что-то по-испански, но тотъ, разумѣется, не понялъ. Вопросъ былъ повторенъ и Николай Ивановичъ пробормоталъ:

— Чортъ тебя разберетъ, что ты городишь! Чисть!

Тогда чистильщикъ пригласилъ на совѣтъ другого чистильщика. Вдвоемъ они долго разсматривали сапоги и, должно быть, рѣшивъ, что сапоги съ голенищами могутъ быть только охотничьими сапогами, взяли и вымазали ихъ саломъ.

— Стойте! Стойте, черти! Что вы дѣлаете? Чѣмъ вы мажете!—закричалъ на нихъ Николай Ивановичъ, но было ужъ поздно: оба чистильщика размазывали сало, смѣшанное съ сажей, и по сапогамъ, и по голенищамъ.

Онъ соскочилъ съ кресла, выбѣжалъ изъ лавки къ дверямъ, гдѣ его ждала Глафира Семеновна, и кричалъ:

— Вообрази, душечка, эти мерзавцы испортили

мнѣ мои новые опойковые сапоги, вымазавъ ихъ саломъ.

Но чистильщикъ выскочилъ изъ лавки въ свою очередь и закричалъ:

— Динеро, синьоръ! (Деньги, господинъ!)

— Какъ: динеро? Испортилъ сапоги да еще деньги просишь? Нѣтъ, братъ, шалишь. Ничего ты, арабская морда, не получишь!

— Не спорь. Вѣдь скандалъ выйдетъ. Отдай, что слѣдуетъ,—вступилась за чистильщика Глафира Семеновна.

Супругъ повиновался и сунулъ чистильщику мелкую серебряную монету, при чемъ оба смотрѣли другъ на друга звѣремъ и обмѣнялись нѣсколькими ругательствами, одинъ на русскомъ языкѣ, другой на испанскомъ.

— Какъ теперь мои сапоги будутъ чистить ваксой, когда они саломъ пропитаны! — возмущался супругъ.— Никакая вакса къ нимъ не пристанетъ.

— И ништо тебѣ, — отвѣчала супруга. — Ну, зачѣмъ тебѣ, на ночь глядя, вздумалось сапоги чистить, когда завтра тебѣ отлично вычистили-бы ихъ въ гостинницѣ!

— Просто хотѣлъ испанскую жизнь испытать. Въ магазинахъ были, въ церкви, въ ресторанѣ, такъ какъ-же въ лавкѣ чистильщика сапоговъ не побывать?

— Ну, вотъ и побывалъ, вотъ и испыталъ испанскую жизнь.

Супруги свернули въ улицу. Улица эта также

была заполонена магазинами, но здѣсь сутолоки той уже не было, какъ на площади. Николай Ивановичъ смотрѣлъ на окна верхнихъ этажей, гдѣ около оконной рѣшетки нѣтъ-нѣтъ да и появится испанка, и говорилъ женѣ:

— Вотъ и вечеръ, вотъ и взошла луна золотая, вотъ на балконъ выглядываетъ подчасъ и испанка молодая, а какъ тутъ испанцу серенаду пѣть, если такая сутолока на улицахъ.

— Да вѣдь, я думаю, серенады-то только по ночамъ распѣваютъ, а теперь только вечеръ, — проговорила супруга.

— Нѣтъ, намъ нужно на какую-нибудь пустынную улицу выйти.

— Пойдемъ на пустынную улицу.

Они свернули во вторую улицу. Здѣсь магазиновъ не было. Улица освѣщалась скудно. Николай Ивановичъ продолжалъ глазѣть по верхамъ.

— А здѣсь ужъ и испанокъ на балконахъ не видать. А ужъ какъ хотѣлось-бы понаблюдать испанскую серенаду!

Показался маленькій скверъ. Супруги вошли въ него. Въ скверѣ парочки. Какой-то поваръ въ бѣлой курткѣ и бѣломъ беретѣ шушукается за кустами съ горничной въ высокой гребенкѣ и бѣломъ передникѣ.

— Вонъ поваренокъ серенаду распѣваетъ, — шутя, указала мужу Глафира Семеновна.

— Ты шутишь, а я въ серьезъ... — отвѣчалъ супругъ. — Я сюда, въ Испанію, только затѣмъ и по-

ѣхаль, чтобы посмотрѣть, какъ эти самыя серенады... А тутъ и съ гитарой-то никого не видать. Пойдемъ назадъ. Должно быть и въ самомъ дѣлѣ нужно выйти ночью изъ гостинницы и отправиться въ пустынные улицы, чтобы слышать серенады.

Тѣмъ-же путемъ супруги отправились обратно въ гостинницу. Въ улицѣ, прилегающей къ площади, гасили огни въ окнахъ магазиновъ и запирали самыя магазины. На площади толпы также ужъ значительно порѣдѣли. И здѣсь магазинщики тушили огни и запирались. Площадь потеряла половину освѣщенія. Входя къ себѣ въ гостинницу, Николай Ивановичъ мурлыкалъ:

«Вотъ испанка молодая»

Оперлася на балконъ»...

LXXIV.

Яужасно пить хочу, — проговорила Глафира Семеновна, входя къ себѣ въ комнату послѣ вечерней прогулки и быстро снимая съ себя шляпу и накидку. — Если-бы чаю напиться?

— А что-жъ, я охотно тебѣ повистую, — отвѣтилъ супругъ. — Самоваръ у насъ есть.

— Но вѣдь эти испанцы возьмутъ нашъ самоваръ и опять сварятъ въ немъ чай, какъ давеча утромъ.

— Попробуемъ сами поставить самоваръ, не отдавая его прислугѣ.

— Здѣсь въ комнатѣ?—удивилась супруга.

— А что-жъ такое? У насъ есть нашъ собственный чай, дорожный чайникъ, двѣ чашки, сахаръ.

— А чѣмъ растопить самоваръ?

— Да вонъ въ каминѣ какіе-то голики лежатъ, прутья, щепки, — указаль Николай Ивановичъ. — Это по ихнему называются дрова. Воды въ самоваръ изъ графиновъ возьмемъ. Видишь, намъ два графина съ водой на ночь приготовили. Вотъ я сейчасъ раздѣнусь и поставлю самоваръ.

Онъ сталъ сбрасывать съ себя пиджакъ, жилетъ.

— Да вѣдь надымишь, — сказала Глафира Семеновна. — Угару напустишь.

— Зачѣмъ-же дымить? Мы поставимъ самоваръ около камина и туда все потянетъ. При самоварѣ труба есть.

— Ну, ужъ эти мѣдныя трубы! Онѣ продаются при самоварахъ только для украшенія, а для дѣла они не пригодны. Не лучше-ли пригласить сюда нашу усатую французенку-распорядительницу и объяснить ей, чтобы она приказала вскипятить въ самоварѣ только воду, безъ чая?

— Все это ей мы завтра утромъ объяснимъ. А теперь какъ ее звать? Позвонишь — явится горничная, ни по-каковски, кромѣ испанскаго языка, не говорящая, и ни ты, ни я не будемъ въ состояніи объяснить ей, что намъ нужна усатая

француженка. Нѣтъ, лучше мы ужъ сами поставимъ самоваръ. Когда-то я ставливалъ.

Николай Ивановичъ взялъ самоваръ, стоявшій на столѣ, снялъ съ него крышку и принялся наливать въ него воду изъ большого графина.

— Но гдѣ-же ты углей возьмешь?—задала вопросъ супруга.—Здѣсь въ каминѣ каменный уголь, а онъ для самовара не годится,—возразила супруга.

— Вотъ развѣ что углей-то нѣтъ... Ну, да я какъ-нибудь прутьями и щепками растоплю. Ба!—хлопнулъ супругъ себя ладонью по лбу.—Мы затопимъ каминъ и когда щепки и сучья сгорятъ, то будутъ уголья—ихъ мы и положимъ въ самоваръ.

Черезъ минуту каминъ пылалъ. Супруги, раздѣвшіеся, чтобы послѣ чаю лечь спать, сидѣли другъ противъ друга и ждали, когда каминъ прогоритъ. Николай Ивановичъ былъ въ туфляхъ, покуривалъ папиросу и рассматривалъ свои сапоги, сокрушаясь, что чистильщикъ совсѣмъ испортилъ ихъ, вымазавъ саломъ. Вдругъ супруга спросила:

— Что это у тебя глазъ-то? Это ужъ другой, не біаррицкій.

— А что? Давеча, когда мы были въ скверѣ, меня комаръ укусилъ. Ужасно чешется.

— Да его раздуло весь. Онъ запухъ и сравнялся съ біаррицкимъ глазомъ, который ты подбилъ въ Біаррицѣ.

— Да что ты!

Супругъ бросился къ зеркалу. Дѣйствительно, около глаза въ нижнее вѣко его укусило москитъ и

вѣко раздуло въ большой желвакъ, начинающій заслонять самое глазное яблоко. Супруга стояла сзади.

— Знаешь, это даже не комаръ, а что-то другое,— проговорила она.—Отъ комаринаго укуса такъ не распухнеть. Вѣдь мы въ Испаніи... здѣсь эти испанскія мухи. Не укусила-ли тебя испанская муха?

— А что ты думаешь? Пожалуй, что и такъ... Я чувствую, что пухнеть все больше и больше...— тревожно отвѣчалъ супругъ.—Вотъ ужъ подлинно, что на бѣднаго Макара шишки валятся. Въ Біаррицѣ электрическій угорь напалъ, здѣсь испанская муха...

— Ну, положимъ, что въ Біаррицѣ не угорь.

— Батюшки! Да у меня и носъ укушенъ!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Видишь, пухнеть. Ну, что-жъ это такое! Въ двухъ мѣстахъ. Это когда мы въ скверѣ, въ кустахъ, около фонтана стояли. Испанская муха... Вѣдь это чортъ знаетъ что такое... Пухнеть, пухнеть. И носъ пухнеть,—разсматривалъ онъ себя въ зеркало.

— Но отчего-же меня никто не укусилъ? Вѣдь я вмѣстѣ съ тобой была...—задала вопросъ супругъ.

— Вздоръ. И ты укушена. Покажись-ка, покажись... Да у тебя волдырь на лбу растеть.

— Не можетъ быть.

— Посмотришь въ зеркало.

Глафира Семеновна взглянула въ зеркало и проговорила:

— Боже мой! И то волдырь. И зачѣмъ ты меня

водилъ въ этотъ скверъ вечеромъ! Скверъ, фонтанъ... Эти поганья шпанскія мухи только около сырости и водятся. Ночью около сырости... Я читала, я знаю... Онѣ, какъ комары, только по ночамъ и свирѣствуютъ. Ну, что мнѣ теперь дѣлать? Тебѣ ничего, ты мужчина... А я себѣ красоту испортила. Завтра пріѣдетъ къ намъ этотъ флотскій офицеръ, а у меня рогъ на лбу.

Она совсѣмъ сокрушалась и воскликнула:

— И губа, и губа укушена! Верхняя губа. Вздываетъ и ее... Ну, что тутъ дѣлать? Вѣдь къ завтра еще хуже распухнетъ.

— Попробуемъ, душечка, одеколономъ примочить, — предложилъ супругъ. — У тебя есть одеколонъ?

— Какъ не быть! Но удивительно, что я не слышала, когда меня могли эти шпанскія мухи укусить.

Глафира Семеновна схватила флаконъ одеколона и стала примачивать себѣ укусы.

— Примочи и мнѣ, душечка.

— Поди ты! Отстань... Ты мужчина... Дай мнѣ прежде себя-то сохранить. Ты даже хвастаешься разными синяками и волдырями. Какого-то электрическаго угря для своего синяка сочинилъ. Боже мой! Что-же это съ губой-то! Ее совсѣмъ разворачиваетъ. Ну, на что я завтра буду похожа! И лобъ, и губа...

Глафира Семеновна была въ отчаяніи.

— Да не вертись ты около меня! — крикнула она

на мужа. — Иди и ставь самоваръ! Каминъ уже прогорѣлъ давно.

Супругъ отправился къ самовару. У камина не было ни щипцовъ, ни лопатки, чтобы достать углей. Угли онъ придумалъ доставать имѣвшей у нихъ дорожной столовой ложкой, которую привязалъ на свою трость. Затѣмъ, когда угли были наложены, онъ взялъ свой сапогъ, надѣлъ его голенище на трубу и принялся сапогомъ раздувать самоваръ.

— Совсѣмъ, какъ Робинзонъ Крузе на необитаемомъ островѣ!—говорилъ онъ про себя.—Ни углей, ни щипцовъ, ни лопатки и даже нечѣмъ раздуть самовара. Приѣхали въ столицу европейскаго государства, и въ этой столицѣ не знаютъ, для какихъ потребностей самоваръ существуетъ. Хвастаются, что знаютъ его назначеніе, а сами вмѣсто кипятку чай въ немъ варятъ. Дикіе... Впрочемъ, и то сказать: ужъ если Манзанаресъ за рѣку считаютъ, то гдѣ имъ знать, на какую потребу самоваръ надобенъ!

Вскорѣ самоваръ закипѣлъ, хотя и наполнилъ комнату угаромъ отъ непрогорѣвшихъ угольевъ. Пришлось отворить окна. Николай Ивановичъ быстро распахнулъ ихъ, остановился у одного изъ нихъ и, смотря на окна на противоположной сторонѣ, произнесъ:

— Глаша, смотри... Вонъ вышла какая-то испанка на балконъ и должно быть ждетъ серенады.

— А ну ее къ чорту эту, серенаду съ испанкой!—раздраженно проговорила Глафира Семеновна,

продолжавшая примачивать одеколономъ губу и лобъ.— Изъ-за отыскиванія этихъ проклятыхъ серенадъ насъ и укусили шпанскія мухи. Не мерещись тебѣ эти серенады—не понесло-бы насъ въ скверъ, къ фонтану.

— Мнѣ кажется, душечка, что къ завтра все это пропадетъ. Я про укусы...—осмѣлился замѣтить супругъ.

— Какъ-бы не такъ. Нѣтъ, ужъ я по укусамъ нашихъ мошекъ знаю, что на другой день опухоль всегда больше бываетъ, а тутъ шпанская муха. Да закрывай ты окно-то! А то къ намъ и въ комнату эта шпанская мерзость налетитъ.

Черезъ десять минутъ супруги сидѣли другъ передъ другомъ за чаемъ. На столѣ пыхтѣлъ самоваръ. Теперь ужъ Николай Ивановичъ примачивалъ себѣ на лицѣ укусы москитовъ, смотрѣлъ на вздутую губу жены и говорилъ:

— И дернула меня, въ самомъ дѣлѣ, нелегкая потащить тебя въ этотъ проклятый скверъ!

Глафира Семеновна слезливо моргала глазами.

— Тебѣ-то ничего эти укусы. Тебѣ волдырь подъ другимъ глазомъ даже хорошо для симметріи... произнесла она.—А каково мнѣ-то!

LXXV.

СУПРУГИ Ивановы проснулись на другой день довольно рано. Когда Николай Ивановичъ открылъ глаза, Глафира Семеновна сидѣла уже на своей высокой кровати, свѣся ноги, и всхлипывала. Онъ быстро вскочилъ и тоже сѣлъ на своей кровати.

— Что такое, душечка? О чемъ ты? — испуганно спрашивалъ онъ жену.

— О чемъ! Посмотри, какъ у меня губа распухла, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Завезъ ты меня въ поганое мѣсто, гдѣ шпанскія мухи кусаются хуже собакъ. Ну, какъ я сегодня на улицу покажусь? Какъ къ столу выду! Сегодня опухоль даже больше, чѣмъ вчера. А мы, къ тому-же, утромъ должны ждать гостя, флотскаго капитана.

— Опухоль, Глашенька, скоро пройдетъ. Объ этомъ не стоитъ плакать. Вѣдь у меня тоже глазъ запухъ, запухъ и носъ съ одной стороны.

— Ты и я! Развѣ можно такъ разсуждать! Ты мужчина, а я женщина. Наконецъ, этотъ молодой флотскій капитанъ... Ну, что онъ подумаетъ!

— Да брось ты капитана! Его можно и не принимать.

— Знаешь что... ужъ не послать-ли за докторомъ? Можетъ быть, это даже и не шпанскія мухи, а какой-нибудь ядовитый микробъ насъ искусалъ.

— Да пошлемъ, пожалуй... А только я не думаю, чтобъ это былъ микробъ. Микробъ вѣдь въ нутро залѣзаетъ, а тутъ снаружи...

— Такъ вѣдь это такъ у насъ въ Россіи, а въ Испаніи можетъ быть совсѣмъ напротивъ...

— Да пошлемъ, пошлемъ, пожалуй, за докторомъ,—согласился супругъ и сталъ одѣваться.

Одѣвалась и Глафира Семеновна.

— Умываться-ли ужъ мнѣ? Можетъ быть, эту опухоль мочить вредно?—слезливо говорила она и прибавила:—И зачѣмъ мы въ такое мѣсто заѣхали! Ни красы здѣсь, ни радости.

— Отъ холодной воды, я думаю, будетъ лучше. Всякая опухоль отъ холодной воды опадаетъ,—далъ отвѣтъ супругъ.—Постой, я первый умоюсь и на себя посмотрю, что выйдетъ.

Онъ началъ умываться и, плескаясь водой, говорилъ:

— Пріятно... Совсѣмъ пріятно... Знаешь, даже зудъ пропадаетъ, да и опухоль дѣлается какъ будто меньше. Большое облегченіе. Совѣтую и тебѣ также хорошенько умыться.

— Покажись-ка сюда,—сказала супруга, посмотрѣла на мокрое лицо мужа, улыбнулась и проговорила:—Эка рожа! Чертей съ тебя писать.

— Зачѣмъ-же такъ?—обидѣлся Николай Ивановичъ.—Вѣдь и я про тебя могу сказать также... Вѣдь и у тебя фizioномія-то очень подгуляла. А губа совсѣмъ коровья. .

— Ну, ну... Не смѣть этого говорить! Въ моей

Подъ южными небесами.

губѣ виновать ты... Ты потащилъ меня въ этотъ поганый паркъ отыскивать проклятыя серенады. И зачѣмъ тебѣ эти серенады!

— Позволь, душечка... Въ Испанію пріѣхали и вдругъ серенадъ не слышать! Вѣдь затѣмъ только и стремились сюда... А умыться тебѣ все-таки со-вѣтую. Я чувствую облегченіе.

Начала умываться и Глафира Семеновна.

Минуть черезъ десять супруги были въ утреннихъ костюмахъ и звонили въ электрическій звонокъ. Вбѣжалъ корридорный въ пиджакѣ и въ туфляхъ, поклонился супругамъ, произнесъ „буеносъ діасъ“ и бросился къ самовару.

— Пстой, пстой...—остановилъ его Николай Ивановичъ.—Мадамъ сюда пусть придетъ... Мадамъ франсезъ... съ усами... Мусташъ...

И онъ показалъ рукой на усы.

Корридорный, думая, что онъ рассказываетъ объ укусахъ на своемъ лицѣ, качалъ съ сожалѣніемъ и участливо головой, бормоталъ что-то по-испански и смотрѣлъ на лица то одного, то другого супруговъ. Николая Ивановича это взбѣсило.

— Вонъ! Алле! — закричалъ онъ, указывая на дверь и даже топнулъ ногой.

Корридорный быстро скрылся.

Супруги начали снова звонить. Явилась черно-мазая горничная. Взглянувъ на лица супруговъ, она ужъ прямо стала всплескивать руками и, татора по-испански, восклицала:

— А, сеньора! А, кабалеро! Санта Марія! Санта Барбара!

— Чего ты, испанская дура! Чего ты!—закричалъ на нее Николай Ивановичъ по-руски.—Иди и позови намъ хозяйку. Мадамъ... Понимаешь ты, мадамъ... Мадамъ франсезъ... Алле...

И онъ даже выпихнулъ горничную за дверь.

— Что за народъ непонятливый!—проговорила Глафира Семеновна.—Насъ турки лучше понимали, когда мы были въ Константинополѣ.

Горничная, однако, привела свою мадамъ-распорядительницу. Та вошла и тоже ахнула на искусанныя фізіономіи супруговъ и сообщила, что это „моске“ ихъ искусала, то-есть москиты.

— Ну пансонъ, ке се сонъ мушъ эспаньоль,—сказала ей Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мадамъ... Это москиты,—отвѣчала ей усатая француженка.

— Е медесенъ? Фотиль медесенъ? Докторъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, мадамъ, зачѣмъ докторъ? Я васъ сама вылечу. Нуженъ укусуъ... Вы понимаете, укусуъ. Я сейчасъ вамъ принесу.

— Мерси, мерси, мадамъ...—благодарила ее Глафира Семеновна и прибавила:—И кстати, самоваръ! Но вотъ въ чемъ дѣло...

И тутъ, насколько могла, она рассказала француженкѣ, что имъ нужно имѣть самоваръ не съ варенымъ чаемъ, а только съ горячей водой.

— Съ горячей водой? Сси, сси... А я думала,

что вамъ нужно самоваръ съ чаемъ, какъ русскіе пьютъ.

— Да русскіе никогда не дѣлаютъ чай въ самоварѣ, никогда... Пожалуйста только горячей воды.

Француженка недовѣрчиво покачала головой, но сказала: „хорошо, мадамъ“, и удалилась вмѣстѣ съ горничной, которая унесла самоваръ.

Черезъ нѣсколько времени француженка вернулась съ бутылкой краснаго уксуса. Она поставила ее на столъ и сказала:

— Вотъ лекарство. Возьмите платокъ, обмочите его и примачивайте. *Tenez, madame... Pardon...*—не вытерпѣла она, схватила полотенце, налила на кончикъ его уксусу и стала примачивать Глафирѣ Семеновнѣ губы.

— Вотъ видишь, это какіе-то моске насъ искусили, а вовсе не шпанскія мухи,—говорила Глафира Семеновна мужу.—Слава Богу, что не шпанскія мухи... Вѣдь ты знаешь, что отъ шпанскихъ мухъ бываетъ? Нарывы, волдыри, бѣлые пузыри... Натянетъ, потомъ прорвется и долго, долго не заживаетъ. Моске—вотъ какъ называются эти букашки. Запиши.

— Записать можно, но я все-таки буду считать, что это шпанскія мухи,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Я такъ и въ письмѣ къ Петру Семенычу напишу, когда буду писать въ Петербургъ. Шпанскія мухи интереснѣе, чѣмъ какіе-то моске... „Сообщаю тебѣ, что вчера, когда мы вечеромъ про-

гуливались въ скверѣ, гдѣ помѣщается статуя автора „Дона-Кихота“, Сервантеса, на меня и на жену налетѣла цѣлая туча шпанскихъ мухъ, которыя и искутали насъ. У жены до того искутана губа, что походить на коровью губу“.

— Не смѣй обо мнѣ такъ писать!—закричала супруга.

— Ну, про себя. „У меня до того выворотило отъ опухоли глазъ, что онъ“...

— Пардонъ, мосье...—перебила его французженка.

Она въ это время подошла съ полотенцемъ, смоченнымъ въ уксусъ, и стала прикладывать его къ укушенному и запухшему глазу Николая Ивановича.

— А вѣдь уксусъ-то помогаетъ,—сказала Глафира Семеновна.—Я ужъ чувствую, что опухоль и на губѣ, и на лбу у меня спадаетъ. Мерси, мадамъ, мерси...—благодарила она усатую французженку и подошла къ зеркалу. — Положительно теперь опухоль меньше. Будемъ примачивать. Все утро будемъ примачивать уксусомъ. А ты? Чувствуешь облегченіе?—спросила она мужа.

— Да, да... Превосходное средство,—откликнулся тотъ.—Но все-таки, я всѣмъ буду рассказывать, что насъ искутали шпанскія мухи. Такъ лучше, интереснѣе.

Въ это время горничная внесла въ комнату самоваръ. На этотъ разъ въ самоварѣ былъ только кипятокъ. Глафира Семеновна принялась заваривать чай.

Усатая французенка оставила супругамъ бутылку съ уксусомъ и, тараторя, что примачиваніе уксусомъ укусовъ надо продолжать, удалилась изъ комнаты.

LXXVI.

СУПРУГИ Ивановы сидѣли за чаепитіемъ и примачивали у себя уксусомъ укушенные москитами мѣста. Было воскресенье. Въ открытыя окна доносился шумъ съ площади Пуэрто дель Соль, раздавались крики разнозчиковъ газетъ и мелкихъ товаровъ, въ церквахъ звонили къ обѣднѣ.

— Вотъ теперь и сиди дома прикованной къ креслу изъ-за этихъ проклятыхъ укусовъ, — говорила Глафира Семеновна. — А вѣдь сегодня, по случаю воскресенья, мы рассчитывали побывать въ церквахъ у обѣдни. Въ путеводителѣ говорится, что здѣсь въ Мадридѣ есть великолѣпный соборъ святаго Изидра, церковь Санъ Юсто...

— Да, да... — подхватилъ Николай Ивановичъ. — Соборъ непременно нужно осмотрѣть во время обѣдни, чтобы видѣть здѣшнихъ богомольцевъ. Испанки и испанцы вообще народъ благочестивый. Мнѣ сдается, что тамъ мы должны увидѣть и испанскіе костюмы.

— Вотъ видишь. А мы по милости твоей, такъ какъ ты сунулся въ этотъ проклятый скверъ, сидимъ дома и маринуемся въ укусы.

— Мнѣ кажется, душенька, что мы ужъ достаточно намариновались, опухоль спала, и въ соборъ можно отправиться.

— Гдѣ-же спала-то!

Глафира Семеновна подошла къ зеркалу и стала себя разглядывать.

— Да конечно-же, отъ укуса уменьшилась, — продолжалъ супругъ. — А что осталось, такъ это можетъ считаться заслугами путешественниковъ. Приѣхали съ сѣвера и все испытали. Даже укусы шпанскихъ мухъ.

— Ты опять шпанскихъ мухъ. Тебѣ вѣдь сказано...

— Меня никто не разубѣдитъ. Я такъ и буду считать, что это шпанскія мухи. Но дѣло не въ этомъ. Не стоитъ обращать вниманіе на наши укусы. Все кончится само собой. Одѣвайся и поѣдемъ въ соборъ.

— Съ такимъ-то кривымъ лицомъ? Благодарю покорно.

— Позволь... Кто насъ здѣсь знаетъ? Могутъ думать, что это нашъ природный видъ — кривыя лица, что это такъ ужъ отъ рожденія.

— Да я-то этого не желаю. На насъ будутъ смотрѣть, какъ на чудищъ.

— А пускай смотрятъ. Плевать мнѣ на смотрящихъ.

— Ты мужчина, а я женщина.

— Кокетство. Не передъ бѣмъ, матушка, кокетничать-то. Одѣвайся и поѣдемъ. Отъ воздуха опухоль можетъ еще больше опастъ. Наконецъ, ты можешь быть подъ вуалью. А посмотрѣть намъ въ праздникъ испанокъ въ церкви надо,—уговаривалъ жену Николай Ивановичъ и въ доказательство началъ декламировать:

«Издавна твердятъ испанки:

Въ кастаньеты звонко брякать»...

— Знаю. Надоѣлъ со стихами... — перебила его супруга.

— Я къ тому, что тамъ причисляется къ блаженству испанокъ „и на исповѣди плакать“. Вотъ мы и посмотрѣли-бы ихъ въ ихъ блаженствѣ. А это надо въ праздникъ... Вѣдь ужъ слѣдующаго воскресенья мы не дождемся и уѣдемъ отсюда.

— Еще-бы дожидаться! Я думаю даже завтра бѣжать изъ этой Испаніи! — воскликнула Глафира Семеновна.—Ну, что здѣсь хорошаго? Обезьянничанье съ Парижа—вотъ и все.

— Нужно все-таки, душечка, проѣхать куда-нибудь въ провинцію и тамъ посмотрѣть.

— Никуда я больше не поѣду. Вонъ отсюда... Домой... Лучше-же въ Парижѣ пожить на обратномъ пути. Завтра куплю себѣ хорошихъ испанскихъ кружевъ—и довольно Испаніи.

Она оставила примачиваніе укусомъ и стала пудриться. Супругъ опять приступилъ уговаривать ее.

— Если ужъ твое такое рѣшеніе, чтобы непременно завтра или послѣзавтра уѣзжать, то тѣмъ болѣе намъ нужно торопиться осматривать Мадридъ. Вѣдь мы еще не были въ знаменитой картинной галлерей. Сама-же ты мнѣ рассказывала, что здѣсь, въ Мадридѣ, древнія изъ древнѣйшихъ картинъ.

— Да, я читала въ путеводителѣ, что по стариннымъ картинамъ здѣшній картинный музей первый въ мірѣ. Мы его завтра и осмотримъ. Отъ пудры-то лучше какъ будто-бы,—прибавила она, смотрясь въ зеркало.

— Вотъ видишь. Стало быть и можно ѣхать въ соборъ, — подхватилъ мужъ. — Картины завтра, а соборъ сегодня. Вечеромъ куда-нибудь въ театръ. Ну, одѣвайся, Глашенька. Подъ вуалью опухоль не будетъ замѣтна.

Онъ потрепалъ ее по плечу.

— А флотскій капитанъ? Вѣдь мы должны его ждать,—сказала Глафира Семеновна.

Она ужъ начала сдаваться.

— Не пріѣдетъ-же къ намъ флотскій капитанъ спозаранка,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Онъ свѣтскій человѣкъ все-таки, капитанъ. А явится, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣ завтрака. Завтракать-же мы будемъ здѣсь въ гостинницѣ.

— Однако, монахъ написалъ на карточкѣ, что капитанъ пріѣдетъ къ намъ утромъ, — замѣтила Глафира Семеновна.—Вотъ я изъ-за чего...

— Ну, тогда мы скажемъ въ гостинницѣ, чтобы

онъ подождать насъ, если пріѣдетъ раньше, чѣмъ мы вернемся. Тогда и позавтракаемъ вмѣстѣ съ нимъ.

Глафира Семеновна взяла вуалетку, накинула себѣ на лицо, посмотрѣла въ зеркало и произнесла:

— Ну, пожалуй, поѣдемъ въ соборъ. Сквозь вуаль-го опухоль не очень замѣтна.

— Такъ одѣвайся скорѣй! — встрепенулся Николай Ивановичъ.

Черезъ четверть часа супруги ѣхали въ экипажѣ въ соборъ Санъ Изидро.

Мадридъ сіялъ солнечнымъ утромъ. Окна въ домахъ вездѣ были отворены настежь и изъ-за провѣтривавшихся и сушившихся дѣтскихъ перинокъ, одѣялъ и принадлежностей костюма выглядывали бюсты мужчинъ и женщинъ. Воскресный день сказывался и въ многолюдіи около винныхъ лавокъ съ вывѣсками „Venta“. За столиками, выставленными около этихъ лавокъ, не взирая на утро, бакенбардисты въ фуражкахъ безъ околышковъ и въ широкополыхъ сомбреро играли въ карты и въ домино, попивая вино. Выглядывавшія черезъ балконъ молодыя женскія головы имѣли въ косахъ по яркому цвѣтку. На ступенькахъ подъѣздовъ сидѣли ребятишки. На углахъ улицъ также виднѣлись группы дымящихъ папиросами мужчинъ, но испанскаго костюма ни на комъ видно не было. Пиджаки и пиджаки.

Вотъ и соборъ Санъ Изидро — сѣроватый, облупившійся, не поражающій ни своей архитектурой, ни роскошью отдѣлки. Что-то ветхое и къ тому-же

запущенное съ колоннами, засиженными, голубями. Нехозяйственное отношеніе къ храму видно даже на ступеняхъ, ведущихъ на паперть. Каменные ступени мѣстами распатались и трещины заполнены грязной землей, образовавшейся отъ пыли. Передъ папертью и на паперти полчища нищихъ. Когда супруги выходили изъ экипажа, двое нищихъ подвезли къ нимъ въ телѣжкѣ третьяго разслабленнаго, голыя руки и ноги котораго были выставлены изъ телѣжки и висѣли, какъ плети.

Вотъ и внутренность собора. Она также поражаетъ своимъ сѣрымъ цвѣтомъ, хотя алтари и позлащены. Шла месса. Въ главномъ алтарѣ служили соборне. Первенствовалъ архіепископъ, окруженный множествомъ духовенства и мальчиковъ-причетниковъ въ бѣлыхъ, красныхъ, голубыхъ и фіолетовыхъ стихаряхъ. Въ пѣніи чередовались два хора—бородатыхъ монаховъ и мальчиковъ въ стихаряхъ. Величественно гудѣлъ органъ, но молящихся совсѣмъ было мало, а мужчины почти совсѣмъ блистали своимъ отсутствіемъ. Скамейки передъ алтаремъ были болѣе чѣмъ на половину пусты. Молодыхъ женщинъ очень мало было видно. На скамейкахъ помѣщались съ черными молитвенниками пожилыя женщины въ кружевныхъ головныхъ уборахъ и старухи, повязанныя темными шелковыми платками концами назадъ, какъ повязываются наши русскія бабы. Помимо скамеекъ, видны были и такъ молящіяся, стоявшіе отдѣльно по каменнымъ плитамъ на колѣняхъ, но ихъ можно было

въ одну минуту пересчитать. Два-три старика молились стоя около колоннъ, прислонясь къ нимъ съ закрытыми глазами и открытыми молитвенниками. Бродили по храму десять-двѣнадцать дѣвочекъ и подростковъ попарно и въ одиночку, выбирая мѣста, гдѣ-бы имъ присѣсть.

— Боже мой, какъ пусто!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—А вѣдь сегодня воскресенье. Что-бы это значило, что такъ пусто? Неужели такъ всегда? Смотри, вѣдь архіерейское богослуженіе происходитъ. Вонъ набольшій-то въ какой шанкѣ служить,—указаль онъ женѣ.—Органъ... прекрасное пѣніе... парадная служба—и такъ мало народа. Вѣдь испанцы славятся благочестіемъ. Гдѣ-же ихъ хваленая набожность?

— Да ужъ право не знаю,—отвѣчала Глафира Семеновна и, взглянувъ на мужа, спросила:—Опухоль на губѣ у меня не особенно замѣтна?

— Даже вовсе не замѣтна. Но послушай, милый другъ, значить это все наврано про испанскую религіозность. Ты посмотри и исповѣдальныя будки пусты.

— Стало-быть наврано.

— Но стихи-то, стихи-то!

«Подъ ножемъ вести пвтрижку

И на исповѣди плакать—

Три блаженства только въ жизни».

— Брось. Надоѣлъ ты мнѣ этими стихами,—проговорила супруга.

LXXVII.

КОГДА супруги входили въ подъѣздъ своей гостиницы, швейцаръ подалъ имъ визитную карточку и сказалъ по-французски:

— Молодой морской офицеръ васъ дожидается. Онъ поднялся въ столовую.

— На карточкѣ стояло: „Juan Manteca“.

Глафиру Семеновну передернуло.

— Боже мой! Какъ же я съ лицомъ-то?..—проговорила она.—Я не могу прямо въ столовую идти. Я должна подняться къ себѣ въ комнату, поправиться, подпудриться.

— А мнѣ отправляться въ столовую и знакомиться съ капитаномъ?—спросилъ супругъ.

— Иди... Или нѣтъ... Лучше мы съ нимъ вмѣстѣ познакомимся...

— Не принять-ли намъ его лучше у насъ въ комнатѣ? Туда можемъ и завтракъ спросить.

— Да пожалуй, что такъ будетъ лучше. Я опущу немножко шторы, и опухоль на губѣ не будетъ такъ замѣтна,—отвѣчала супруга.—Впрочемъ, завтракать у насъ тѣсно, столъ маленькій. Сядемъ въ подъемную машину и поднимемся къ себѣ, а тамъ ужъ рѣшимъ, какъ намъ быть.

Вагонетка асансера подняла ихъ въ третій этажъ. Вотъ они и въ своей комнатѣ.

— Надо-же случиться, что передъ самымъ зна-

комствомъ съ новымъ человѣкомъ у меня на губѣхъ эдакая непріятность!—досадливо говорила Глафира Семеновна, снимая съ себя шляпку и хватаясь за пудровку.

— Да что тебѣ, цѣловаться съ нимъ, что-ли! Стоить-ли такъ убиваться!

Она обернулась къ нему, вся вспыхнувъ и произнесла:

— Какъ это глупо! Цѣловаться... Ты очень хорошо знаешь, что о людяхъ судять по первому впечатлѣнію, а у меня губа Богъ знаетъ на что похожа: А ужъ твоя фязіономія... Это не лицо, а...

— Съ моего лица ему не воду пить.

— Глупо и глупо. Пошло. Прошу оставить эти выходки.

— Такъ что-жъ мнѣ—идти въ столовую, знакомиться съ капитаномъ и приглашать его сюда?—спросилъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна хотѣла что-то отвѣтить, но раздался стукъ въ дверь.

— Боже мой! Можетъ быть, это онъ!—воскликнула она, быстро спрятала пудровку и сказала:— Антре.

Вошла усатая французженка-распорядительница и съ улыбочкой проговорила по-французски:

— Молодой морской капитанъ желаетъ васъ видѣть. Онъ говоритъ, что карточка его передана вамъ черезъ швейцара.

— Просить или не просить?—спрашивалъ жену Николай Ивановичъ.

— Да конечно-же просить!—отвѣчала супруга.— Только опусти поскорѣй немножко шторы. Опустить на половину. Уй, уй, ну атандонъ мосье ле капитенъ,—кивнула она французенкѣ и сама бросилась помогать мужу опускать шторы.

Черезъ двѣ-три минуты въ комнату вошелъ офицеръ въ морской формѣ испанскаго флота, совершенно схожей съ формой нашихъ морскихъ офицеровъ, за исключеніемъ погоновъ, вмѣсто которыхъ на плечахъ были маленькія кругленькія золотыя бляшки величиной съ серебряный рубль. Это былъ еще почти молодой человекъ, брюнетъ, съ короткими густыми волосами, засѣвшими щеткой, съ смуглымъ лицомъ и испанскими узенькими бакенбардами, идущими отъ виска къ углу челюсти. Придерживая около кортика свою треуголку, онъ поклонился и спросилъ по-русски:

— Имѣю честь глядѣть на господинъ и госпожа Ивановъ?

— Точно такъ-съ, — отвѣтили въ одинъ голосъ супруги, при чемъ Глафира Семеновна прикрыла свою укушенную губу платкомъ.

— Хуанъ-Педро-Франциско-Себастьянь де Мантека...—проговорилъ офицеръ и еще разъ поклонился.

Глафира Семеновна, все еще придерживая платокъ около губы, протянула ему руку и, указывая на стулъ, сказала:

— Прошу покорно садиться.

Всѣ сѣли. Капитанъ опять началъ.

— Другъ мой и учитель отецъ Хозе Алваресъ посылаетъ отъ онъ своя поклонъ. Ми були здѣсь и онъ хочель сдѣлать рекомендаціонъ до вашъ экселенцъ, но...

— Знаю, знаю... Мы получили карточку падре Хозе и ждали васъ,—перебилъ его Николай Ивановичъ.

Капитанъ сдѣлалъ еще поклонъ, сидя, и продолжалъ:

— Я лублю русски... Я учаю русски языкъ отъ падре Хозе, но я совсѣмъ не видалъ русски люди. Я очень рада, что теперь виду русски люди.

— И намъ очень пріятно познакомиться съ испанцемъ, говорящимъ по-русски,—былъ отвѣтъ.

— Я тоже рада имѣть практикъ въ разговоръ съ настоящи русски люда. Я... я очарованъ отъ мадамъ экселенцъ и ви.

Присловъ „экселенцъ“ Николай Ивановичъ важно поднялъ голову и поправилъ галстукъ. Затѣмъ онъ открылъ портсигаръ и протянулъ его капитану.

— Курить не прикажете-ли, капитанъ? Вотъ русскія папиросы,—сказалъ онъ.

— А! Добре... Я рада... Я не курилъ... Я не видалъ русска табакъ... Я булъ въ Америкѣ... Я булъ въ Японія... Я булъ Китай... Булъ въ Англія... и не—не... не булъ въ Руссія... Хочитъ ви испаньольски сигаретъ? Добри сигаретъ.

Онъ взялъ папироску изъ портсигара Николая Ивановича и раскрылъ свой портсигаръ съ папиро-

сами, но не закуривалъ и спросилъ Глафиру Семеновну:

— Станетъ отъ мадамъ экселенцъ... пермисіонъ?

Онъ заглянулъ къ себѣ въ шляпу, на дно ея, и сейчасъ-же перевелъ французское слово „пермисіонъ“ на русское, произнеся: „позволеніи“.

— Пожалуйста, пожалуйста курите. Я давно уже обкурена моимъ мужемъ.

Тутъ Николай Ивановичъ успѣлъ замѣтить, что въ треуголкѣ у капитана маленький листокъ бумаги съ написанными на немъ русскими словами, куда капитанъ и заглядываетъ въ трудные моменты разговора.

Капитанъ закурилъ папиросу, затянулся и сказалъ:

— Добръ табакъ. Вы, экселенцъ, изъ Петербургъ?

— Изъ Петербурга, изъ Петербурга...

— О, какъ я хотѣть видѣть Петербургъ! О, какъ я хотѣть видѣть Москва!

Капитанъ торжественно поднялъ правую руку кверху и спросилъ супруговъ:

— Петербургъ больше добръ, какъ Мадридъ?

— У насъ громадная рѣка Нева, а здѣсь этотъ самый Манзанаресъ... Наконецъ...

Николай Ивановичъ искалъ выраженій, чтобы не обидѣть испанское чувство, но капитанъ при словѣ Манзанаресъ махнулъ рукой и воскликнулъ:

— О, Манзанаресъ! Это, это...

Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Да и я скажу, что Манзанаресъ стоитъ въ
Подъ южными небесами.

собаку кинуть. Охота вамъ упоминать объ немъ въ географіяхъ! У насъ въ Петербургѣ рѣка Мойка лучше. А Мадридъ городъ хорошій... Только вотъ москиты эти самые... Вуаля... Вотъ...

И Николай Ивановичъ указалъ пальцемъ на опухоль подъ глазами.

— Это Біарриць... Электрическій угорь,—дотронулся онъ указательнымъ пальцемъ до одного глаза.—А это Мадридъ... москиты.

— И меня изукрасили въ губу ваши москиты,—прибавила Глафира Семеновна и отняла отъ губы платокъ.

— Москесъ?—воскликнулъ капитанъ, всплеснувъ руками, и покачалъ головой.—Надо масло отъ... отъ... отъ камфоръ...

— Камфарное масло? — оживленно заговорила Глафира Семеновна.—Да, да, это прекрасное средство, а мы, вообразите, по совѣту здѣсь въ гостиницѣ, уксусомъ примачивали. Уксусъ... Винегръ...—прибавила она. — Послушай, Николай Ивановичъ, надо сейчасъ-же послать въ аптеку за камфарнымъ масломъ...

— Вуй, вуй... Господинъ капитанъ, экриве для аптеки... пуръ фармаци... Камфарное масло. Напишите по-испански, какъ камфарное масло называется, а мы пошлемъ.

Николай Ивановичъ протянулъ капитану свою записную книжку и карандашъ. Тотъ написалъ.

Въ корридорѣ звонили, и мужской голосъ что-то кричалъ.

— Это къ завтраку звонятъ, — сказала Глафира Семеновна. — Капитанъ... вы нашъ гость... Позвольте намъ предложить вамъ позавтракать съ нами.

— Дессаюно — по вашему... по-испански... — подхватилъ Николай Ивановичъ.

— Сси, сси, экселенцъ, — улыбнулся капитанъ, поклонившись. — И я знай по-русски: заутрактъ, обѣдъ, полдникъ, уж... уж... ужантъ... ужинъ. Благодарю... Я голоденъ... Я хочу кусать.

Глафира Семеновна приглашала капитана жестомъ отправляться завтракать.

Онъ подалъ ей руку и они пошли.

LXXVIII.

ЗАВТРАКЪ прошелъ довольно оживленно. Николай Ивановичъ хотѣлъ непременно угостить капитана Мантека русской водкой, но таковой въ гостинницѣ не оказалось. Ему предлагали джинъ, виски, но онъ отъ всего отказался и спросилъ бутылку самаго лучшаго хереса.

— Самаго лучшаго, капитанъ. Переведите имъ по-испански.

Капитанъ перевелъ. Офиціантъ поклонился и ринулся исполнять требуемое.

— Постойте... — удержалъ офиціанта за рукавъ Николай Ивановичъ. — Какъ-же это вы русской

водки вдовы Поповой или купца Смирнова не держите!—выговаривалъ онъ официанту. — Теперь русскую водку вездѣ за границей держатъ. Держите джинъ, виски, а русской водки нѣтъ. Россія эдакое громадное государство, водкой славится, а вы водки не держите.

Официантъ стоялъ выпуча глаза и слушалъ, разумѣется, ничего не понимая.

— Капитанъ, переведите пожалуйста этому лакею,—закончилъ Николай Ивановичъ.

Капитанъ, насколько могъ, перевелъ.

За хересомъ бесѣда сдѣлалась оживленная. Она велась на русскомъ языкѣ съ примѣсью французскихъ словъ. Капитанъ, уже не стѣсняясь, вынулъ изъ кармана маленькую рукописную книжечку словаря общеупотребительныхъ русскихъ словъ и фразъ и то и дѣло прибѣгалъ къ ней. Очевидно, желаніе научиться говорить по-русски было у него страстное. Онъ то и дѣло повторялъ:

— О! я очень рада, что имѣю практикъ говорить русски языкъ съ хороши люди.

Говорилъ онъ по-русски все-таки лучше своего учителя надре Хозе Алвареца. Тотъ, какъ профессоръ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, путалъ съ русскими словами слова польскія, болгарскія, сербскія и чешскія, капитанъ-же, изучая только русскій языкъ, употреблялъ исключительно русскія слова.

Какъ и надре Хозе Алварецъ, капитанъ, спрашивая супруговъ о Россіи, задавалъ вопросы: ходятъ-ли по улицамъ въ Петербургѣ бѣлые мед-

вѣди, ѣдятъ-ли казаки салныя свѣчи, можно-ли въ Москвѣ ходить лѣтомъ безъ шубы и т. д.

Наконецъ, капитанъ спросилъ супруговъ:

— Гдѣ вы били на Мадридъ? Что вы видѣли на Мадридъ, экселенцъ?

— Мы ѣздили по городу и осматривали его, были на Прадо, въ паркѣ, побывали въ двухъ церквахъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Въ королевски музеумъ били?

— Нѣтъ,—сказалъ Николай Ивановичъ.— Да что тамъ такого особеннаго-то? Старинныя картины.

Капитанъ покачалъ головой и сдѣлалъ большіе глаза.

— Ахъ, это первы музеумъ въ весь міръ! Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Рафаэль, Кореджіо, Тинторетъ, Тиціанъ, Рибера, Веласкецъ, Поль Веронезъ...

— Довольно, довольно... Ну, тогда поѣдемъ смотрѣть.

— Сейчасъ послѣ завтракъ поѣдемъ смотрѣть. Это первы, самы первы музеумъ!

— Я говорила тебѣ, что здѣшнія картины славятся на весь міръ,—замѣтила мужу Глафира Семеновна.—Въ путеводителѣ объ этомъ музеѣ нѣсколько страницъ напечатано. Непремѣнно надо ѣхать, а то сочтутъ за дикихъ.

— Да поѣдемъ, поѣдемъ. Развѣ я препятствую? А я думалъ, что капитанъ покажетъ намъ какой-нибудь увеселительный кафе-шантанъ, гдѣ испанскіе танцы.

— Сси, сси, подхватилъ капитанъ.—Танцы въ

вечеръ, а въ день—музеумъ. Ми пойдемъ на ноги... Это нѣтъ далеко, экселенцъ.

— Да мы знаемъ, знаемъ, гдѣ это. Насъ извозчикъ подвозилъ даже къ подъѣзду, но мы не пошли туда, а поѣхали осматривать городъ,—проговорила Глафира Семеновна.

— Перви въ міръ, экселенцъ, первый въ міръ.

Капитанъ торжественно поднялъ кверху указательный палецъ.

— Послушайте, капитанъ, не зовите мужа „экселенцемъ“,—продолжала она.

— Да, да... Зовите попросту по-русски—Николай Ивановичъ. Такъ лучше,—подхватилъ супругъ.

— Николай Ивановичъ...—повторилъ капитанъ.

— Да, да... Это по-русски. Я—Николай, отецъ былъ Иванъ, стало быть, Николай Ивановичъ. Такъ и васъ мы будемъ звать. Вы Хуанъ. Это по-русски, кажется, Иванъ?

— Иванъ, Иванъ,—отвѣтилъ капитанъ, кивая.

— А отца вашего какъ звать?

— Мартинъ, Педро...

— Ну, вотъ и отлично. Будемъ васъ звать Иванъ Мартынычемъ. Пожалуйста, Иванъ Мартынычъ, по рюмочкѣ хереску. А то хересъ-то высохнуть можетъ,—предложилъ капитану Николай Ивановичъ.

— Сси, сси... Будь здоровъ, Николаи...

Капитанъ поднялъ рюмку и запнулся.

— Ивановичъ, Ивановичъ...—напомнила ему Глафира Семеновна.

— Иваничъ!.. Николай Иваничъ... Буди здоровъ, мадамъ Ивановъ!

Они выпили, чокнувшись.

— Скажите пожалуйста, Иванъ Мартынычъ, отчего мы здѣсь не видимъ совсѣмъ испанскихъ костюмовъ? А мы пріѣхали въ Испанію смотрѣть костюмы испанскіе, танцы испанскіе, серенады испанскія, — задалъ вопросъ Николай Ивановичъ.

— На Мадридъ нѣтъ испански костюмъ.

Капитанъ отрицательно покачалъ головой, сдѣлавъ отрицательный жестъ рукой.

— Отчего?

— На Англія нѣтъ костюмъ національ, на Франція нѣтъ костюмъ національ и на Испанія нѣтъ. Мода хотятъ. На провинція есть мало. Иди на Севилья, на Гренада — есть мало. На Гренада и танцъ, на Гренада и серенада. Но мало, очень мало. Всѣ модна костюмъ хотятъ. Танцъ качучи не лубятъ, а лубятъ вальсъ.

— Ну, поди-жъ ты! А мы, Иванъ Мартынычъ только изъ-за испанскихъ нравовъ сюда и пріѣхали, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Думали, испанскіе костюмы, испанскіе танцы.

— Берите дорага на Севилья — тамъ есть мало.

— А отъ Мадрида до Севильи сколько ѣхать?

— Одна день.

— Фю-фю фю! Это значитъ, столько-же, сколько отъ Біаррица до Мадрида? Нѣтъ, домой... Поѣдемъ отсюда домой. Довольно съ насъ и Мадрида. Вотъ знаменитыхъ художниковъ — то посмотримъ, такъ

день-другой помотаемся, да и въ путь. Правильно я, Глафира Семеновна?

— Миѣ самой здѣсь надоѣло. Въ особенности эти москиты проклятые.

Супруга указала на угушенную губу, около которой все еще держала носовой платокъ.

— Скажите, капитанъ, можемъ мы видѣть теперь вашъ знаменитый бой быковъ?—спросила она.

— Въ осень нѣтъ бой биковъ... Бики — весна, бики — лѣто, — былъ отвѣтъ.

— Вотъ видишь, даже и боя быковъ теперь въ Мадридѣ нѣтъ, — обратилась она къ мужу. — Лучше-же уѣхать отсюда и пожить нѣсколько дней въ Парижѣ.

Капитанъ стрѣльнулъ своими большущими глазами въ сторону Глафиры Семеновны и сказалъ:

— Ъдемъ, мадамъ Ивановъ, къ намъ въ Барселона. Тамъ есть мало испански костюмъ.

— Въ Барселону-у? — протянула мадамъ Иванова. — А вы развѣ не въ Мадридѣ живете?

— Я есмь морски офисъе и не могу жить на Мадридъ, гдѣ нѣтъ море, — отвѣчалъ капитанъ.

— Да, да... И то... Насчетъ воды-то у васъ въ Мадридѣ, дѣйствительно, подгуляло.

— Барселона — портъ. Въ Барселона есть море. Я покажить вамъ нашъ... нашъ...

Капитанъ заннудся и сталъ искать въ книжкѣ нужное сему слово.

— Корабль... — подсказала Глафира Семеновна.

— Сси, сси, сеньора... Корабль... Заутра ми

здѣсь, Мадридъ, а вторникъ ѣдемъ на Барселона...— звалъ капитанъ.— Ѣдемъ, Николай...

Иванычъ. Нѣтъ, капитанъ, спасибо. Изъ-за одного какого-нибудь костюма тащиться въ Барселону не стоитъ овчинка выдѣлки. Мерси.

— Море... Корабль отъ испански флотъ. Желѣзни дорога одна: на Парижъ, на Барселона. Барселона мало направо съ дорога. Вотъ дорога—вотъ Барселона.

Капитанъ сталъ показывать пальцемъ на тарелкѣ.

— Понимаю, понимаю. Барселона по пути. Надо только въ сторону свернуть.

— Сси, сси, кабалеро.

— Но гдѣ же вы учитесь у падре Хозе русскому языку?—спросила Глафира Семеновна.

— Въ Барселона. Хозе Алварецъ отъ Барселона.

— Понимаю, понимаю. Такъ и есть. Когда мы ѣхали сюда въ Мадридъ, онъ сѣлъ на половинѣ дороги. Теперь понимаю. Онъ ѣхалъ изъ Барселоны.

— Сси, сеньора, сси... — кивнулъ капитанъ и, такъ какъ завтракъ былъ уже конченъ, хересь выпить, онъ поднялся изъ-за стола и сказалъ:— Есть время ѣхать на музеумъ. Благодарю, экселенцъ, за завтракъ. Благодарю...

Онъ прижалъ руку къ сердцу.

— Что-жъ, поѣдемъ, посмотримъ на картины,— сказалъ Николай Ивановичъ супругѣ.

LXXIX.

Въ королевскій музей—галлерею картинъ старинныхъ мастеровъ разныхъ школъ супруги Ивановы отправились пѣшкомъ. Капитанъ Мантека сопровождалъ ихъ. Они шли трое врьдъ, имѣя въ серединѣ Глафиру Семеновну, которая то и дѣло задѣвала капитана по треуголкѣ своимъ зонтикомъ. Разстояніе было не велико. Они прошли мимо памятника Сервантесу, мимо театра, и вдаль показался королевскій музей. Зданіе музея нельзя сказать, чтобъ поражало своимъ величіемъ и роскошью. Оно имѣетъ форму буквы П съ портикомъ внутри, къ которому ведетъ наружная гранитная лѣстница, развѣтвляясь на двѣ у первой площадки и сходясь снова въ одну на второй.

— Эта музеумъ есть испански гордость, — сказалъ капитанъ, когда они подошли къ самому зданію. — Двѣ тысячи и двасто картины. Сорокъ шесть картины отъ Мурильо, шестьдесятъ шесть отъ Рубенса и шестьдесятъ четыре отъ Веласкеца.

— Вы, должно быть, большой любитель живописи, капитанъ, что даже помните, сколько чьихъ картинъ имѣется въ музеѣ, — замѣтила Глафира Семеновна.

— Сси, мадамъ... Да... Я лублу. Я самъ пишу картины.

— Ахъ, даже и самъ художникъ! Вотъ это прекрасно.

— Сси...—продолжалъ капитанъ. — Но я вчера сказалъ мой учитель падре Хозе: я будетъ чичероне для мадамъ Ивановъ—и я есть чичероне. Я вчера читалъ каталогъ, я имѣй каталогъ.

Капитанъ хлопнулъ себя по боковому карману.

— Какъ это любезно съ вашей стороны! Мерси.

Она протянула ему руку, и онъ крѣпко пожалъ ее.

— Вы вотъ намъ, Иванъ Мартынычъ, сегодня вечеромъ насчетъ какихъ-нибудь увеселеній-то по-чичеронствуйте. Испанское пѣніе, испанскіе танцы,—проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Сси, сси... Ви хотите видѣть наши испански гитана... танцъ отъ гитана — качуча, танцъ фанданго—ви будетъ видѣть, экселенцъ! А теперь—Рубенсъ, Веласкецъ, Мурильо.

— Спасибо, спасибо. Картинъ-то и у насъ дома много, а вотъ испанскіе танцы эти... Но и картины посмотримъ. Посмотримъ, какой такой Рубенсъ бываетъ, — продолжалъ Николай Ивановичъ, взбираясь по каменной лѣстницѣ къ портику музея.—Посмотримъ. Про Рубенса этого самага я много слыхалъ, а видать не видалъ. У меня есть пріятель одинъ въ Петербургѣ—Василій Тихонычъ Заклепкинъ, богатый подрядчикъ по строительной части, такъ вотъ все Рубенсовъ-то этихъ самыхъ по мебельнымъ лавкамъ ищетъ, между старой мебелью. Нашелъ тутъ какъ-то въ Андреевскомъ рынкѣ, купилъ за пятнадцать рублей и въ восторгѣ. Вещь,

говорить, пятьсотъ рублей стоитъ. Да ты знаешь его, Глаша... Въ парикѣ онъ и съ орденомъ всегда.

— Ну, что ты врешь! Можно-ли Рубенса за пятнадцать рублей купить!—насмѣшливо отвѣчала супруга.

— Купилъ. Ну, не за пятнадцать рублей, такъ за двадцать пять. Вѣдь всякіе Рубенсы тоже есть. Да не всякій имъ и цѣну знаетъ. А тутъ продавалъ простой мебельщикъ, торгующій старьемъ.

Они поднялись на портикъ и остановились. Капитанъ обернулся и съ высоты указывалъ на растлавшійся передъ ними видъ.

— И еще слышалъ я про Рубенса... — продолжалъ Николай Ивановичъ. — Я знаю, что этимъ Рубенсамъ цѣна большая, но не всякій ихъ понимаетъ.

— Ты посмотри, видъ-то какой отсюда прелестный!—указала ему въ свою очередь супруга.

— Да что мнѣ видъ! Такъ вотъ про Рубенса-то. Въѣхалъ будто-бы одинъ художникъ къ хозяйкѣ на квартиру... Комнату снялъ... А у ней въ комнатѣ старинная картина... Глядь, а это Рубенсъ. Онъ къ хозяйкѣ.. „Не продадите-ли вы мнѣ эту картину?..“ — „Отчего-же, говоритъ“. „Цѣна?“ „Дадите, говоритъ, красненькую,—я и довольна буду“. Купилъ, а вещь-то потомъ за три тысячи продалъ, правда или нѣтъ—не знаю. А тотъ-то, кому онъ продалъ...

— Ну, пойдемъ, пойдемъ смотрѣть картины.

Капитану это вовсе не интересно, что ты рассказываешь,—перебила мужа Глафира Семеновна.

Они вошли въ полукруглый вестибюль, изъ котораго шли двѣ лѣстницы—направо и налево, а въ глубинѣ были три двери въ галлерей. Швейцаръ тотчасъ-же отобралъ у супруговъ палку и зонтикъ и взялъ даже кортикъ у офицера. За входъ бралось по одной пезетѣ съ персоны. Швейцаръ былъ въ тоже время и кассиромъ, продавъ имъ билеты.

Вотъ и галлерей картинъ, узкая, длинная, очень плохо освѣщенная, съ сильно спертымъ воздухомъ. Пахнетъ чѣмъ-то затхлымъ съ примѣсью запаха красокъ, которыми списываютъ здѣсь копіи многочисленные художники и художницы. Передъ нѣкоторыми полотнами расположились по двое, по трое копировальщиковъ со своими мольбертами, картинами и ящичками красокъ. Женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Есть мальчики и дѣвочки-подростки. И они копируютъ. Нѣсколько человѣкъ закусывали, когда супруги, въ сопровожденіи капитана, вошли въ галлерей. Одна дѣвушка, очень недурненькая блондинка, въ черной шерстяной юбкѣ и голубой клѣтчатой шелковой рубашкѣ, ѣла бѣлый хлѣбъ и приправляла его солеными оливками, доставая ихъ по штучкѣ изъ стакана. Мужчины большей частью въ легонькихъ шапочкахъ на головахъ, одинъ былъ повязанный по бабьи краснымъ фуляромъ, а одинъ въ турецкой фескѣ съ кистью.

Первое, къ чему капитанъ подвелъ супруговъ,

были столы удивительной по своей тонкой работѣ каменной мозаики. Капитанъ умилялся на каждую деталь, показывая ихъ. Глафира Семеновна, подражая ему, охала и восклицала:

— Ахъ, какъ это прелестно! Вѣдь это все изъ камешковъ выпилено и вставлено. Николай, смотри.

Но тотъ позѣвывалъ и отвѣчалъ:

— Я, матушка, ужасно пить хочу. Послѣ хереса это, что-ли? Капитанъ, а здѣсь нѣтъ буфета, чтобы выпить что-нибудь? — обратился онъ къ ихъ проводнику.

— Какой-же здѣсь можетъ быть буфетъ! Ну, чего ты бредишь! — отвѣчала супруга. — Вѣдь это-же картинная галлерей, все равно, что нашъ Эрмитажъ въ Петербургѣ. А развѣ у насъ въ Эрмитажѣ есть буфетъ!

— Однако, вотъ люди сидятъ, ѣдятъ и пьютъ. Вотъ какой-то франтикъ вино попиваетъ даже прямо изъ горлышка бутылки!

— Такъ вѣдь это они съ собой принесли. Они здѣсь работаютъ, списываютъ.

— А у публики аппетитъ раздражаютъ.

Начались картины.

— Рубенсъ! — воскликнулъ капитанъ, указывая на большую картину.

Николай Ивановичъ поднялъ голову. Передъ нимъ было изображеніе Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона. Онъ прищурился, посмотрѣлъ на картину въ кулакъ и произнесъ:

— Такъ вотъ какіе Рубенсы-то бываютъ! Что

же, развѣ для знатока... А то, откровенно сказать, ни красы, ни радости. Просто старая картина.

— Да, стара, очень стара картина, но вы посмотрите, какой экспресіонъ!—кивалъ на картину капитанъ.

— Я вижу, вижу, Иванъ Мартынычъ. А только о Рубенсѣ я больше иначе воображалъ, потому разговоръ ужъ очень большой о немъ.

Глафира Семеновна подошла къ мужу и шепнула:

— Брось. Что ты передъ капитаномъ сѣрое-то невѣжество разыгрываешь! Всѣ на Рубенса восторгаются, а ты Богъ знаетъ какія слова говоришь.

— Что-жъ, я это чувствую... — отвѣчалъ супругъ. — Я говорю только, что очень старыя картины. Старая, но хорошая, хорошая — поправился онъ.

— Рубенсъ жилъ въ шестнадцатый сѣклъ... — сообщилъ капитанъ.

— Боже мой, какъ давно! Въ шестнадцатомъ столѣтіи!—проговорила Глафира Семеновна.—Надо тоже удивляться и тому, какъ могла такъ сохраниться картина съ того времени.

Далѣе шли два портрета Тинторе, большая картина Рибалта — Святой Іоаннъ и святой Матеей, картина Жоанеса, изображающая Аарона.

— Удивительно, удивительно, какъ все сохранилось! повторяла Глафира Семеновна.

— Шестнадцати столѣ-ти...—разсказывалъ капитанъ.—Но есть и пятнадцати столѣти. Это Тиціанъ...

Онъ жилъ въ Венеціи въ пятнадцати столѣти... четыресто лѣтъ.

— Въ сухомъ мѣстѣ картины стояли—ну, и сохранились, — разсуждалъ Николай Ивановичъ. — Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. А вынеси-ка ихъ на чердакъ или въ подвалъ, ну и кончено...

Передъ портретами королевъ Бурбонскаго дома онъ, однако, удивлялся костюмамъ того времени, указывалъ женѣ и говорилъ:

— А вѣдь платья-то дамскія теперь ужъ, стало быть, на старинный фасонъ начали шить. Вонъ какіе стоячіе воротники тогда были, и теперь стоячіе пошли. И буффы на рукавахъ, стало быть, старомодный фасонъ. Вонъ какія буффы! А вѣдь это, поди, тоже шестнадцатаго вѣка. Капитанъ! Изъ котораго это столѣтія? — обратился онъ къ капитану, указывая на портретъ.

— Пятнадцати... Это Тиціанъ... — былъ отвѣтъ со стороны капитана. — Полю Веронезъ! — воскликнулъ онъ вдругъ восторженно и улыбаясь.

Начался рядъ женскихъ портретовъ Поля Веронеза. Далѣе капитанъ остановилъ вниманіе супруговъ на картинѣ того-же мастера „Венера и Адонисъ“.

LXXX.

ПРОШЛИ мимо цѣлаго ряда картинъ испанской школы. Капитанъ умилялся передъ потемнѣвшимъ „Прометеемъ“ Хозе Рибера, нѣсколько разъ перемѣнялъ мѣста, указывалъ Глафирѣ Семеновнѣ на достоинства картины, сбивался съ русскаго языка на испанскій и говорилъ безъ конца, забывая, что она не понимаетъ его рѣчи. Но она, желая угодить капитану и чтобы не показаться невѣжественной, дѣлала видъ, что понимаетъ его рѣчь и восклицала:

— Ахъ, какая прелесть! Ахъ, какъ это живо!

— Чего тутъ: прелесть! Краски вылиняли, закончено, а она: прелесть! — проговорилъ Николай Ивановичъ, зѣвая.

— Веласквецъ де Сильва! — торжественно поднялъ руку капитанъ передъ портретомъ короля Филиппа Четвертаго. — Вы посмотрите, мадамъ, какой экспресія!

— Да, да, да... — шептала Глафира Семеновна.

— Хозе Леонардо! — остановился капитанъ передъ военной картиной этого художника и даже схватилъ Глафиру Семеновну за руку выше кисти.

— Восторгъ! — прошептала та, закатывая глазки.

Но мужъ ея уже окончательно скучалъ, торопилъ спутниковъ и говорилъ:

— Не застѣивайтесь, не застѣивайтесь... хорошенькаго по немножку.

Подъ южными небесами.

Когда-же начались картины Мурильо, то онъ на нихъ ужъ и не смотрѣлъ, а сталъ наблюдать за работой какой-то молоденькой копировальщицы въ кокетливо надѣтой красной испанской фуражечкѣ, припиленной къ косѣ бронзовой шпагой.

Начались картины Итальянской школы. Капитанъ началъ читать Глафиръ Семеновъ чуть не лекцію объ этой школѣ.

— Итальянска школа имѣетъ много дѣлени, мадамъ Ивановъ,—говорилъ онъ, заглядывая въ каталогъ.—Схола отъ Венеція, схола отъ Флоренца, схола отъ Болонья, схола отъ Неаполи, схола отъ Парма и схола отъ Ромъ.

— Про какой такой ромъ вы ей рассказываете, капитанъ?—подвернулся къ нимъ Николай Ивановичъ.—Развѣ ромъ испанское вино? Вѣдь ромъ, кажется, ямайскій. Ямайка...

— Чего ты суешься? Чего ты ввязываешься въ разговоръ, не узнавъ въ чемъ дѣло!—накинулась на мужа Глафира Семеновна.—Развѣ у насъ о винѣ рѣчь! Только конфузишь меня передъ капитаномъ.

— Однако, я слышалъ, что капитанъ въ разговорѣ про ромъ упомянулъ.

— Капитанъ ошибся! Нужно было сказать порусски Римъ, а онъ сказалъ по-французски Ромъ.

— Да, да, да. Римъ-то вѣдь по-французски Ромомъ называется. Стало быть, я правильно слышалъ слово: ромъ. Ну, пardonъ, что не въ точку...

Пошли картины Тиціана, Леонарда ди Винчи.

— Рафаэль Санціо!—воскликнулъ капитанъ.

— Да, да... Рафаэль... Я много слышала...—подхватила Глафира Семеновна, смотря больше на самого капитана, чѣмъ на картины.

Къ двумъ картинамъ Рафаэля „Святое Семейство“ и подойти близко было невозможно. Ихъ пораживали цѣлыя городки художниковъ-копировальщиковъ съ ихъ мольбертами, табуретами, ящиками красокъ. Какъ пики мелькали муштабели, какъ военные щиты выставлялись палитры. Приходилось или протискиваться между художниками, или смотрѣть на картины издали. Николай Ивановичъ взглянулъ на одну изъ картинъ „Святое Семейство“ и сказалъ:

— Картина знакомая. Я ее сколько разъ у насъ въ Петербургѣ видѣлъ.

— Да вѣдь то въ снимкахъ, въ копіяхъ, а это настоящая, оригиналъ.

— Краски полиняли, — проговорилъ супругъ, чтобы что-нибудь сказать.

Капитанъ стоялъ около Глафиры Семеновны и, любуясь картиной, разъяснялъ:

— Нѣтъ цѣна на эта картина... Никакія деньги... Ни за каки деньги сдѣлать оцѣнка невозможно. Нѣтъ цѣна...

— Понимаю, понимаю. Конечно-же, это драгоценность.

Николай Ивановичъ подошелъ къ женѣ, подмигнулъ ей и произнесъ:

— Не довольно-ли? Не пора-ли на воздушнокъ?

— Какъ: пора! Надо все осмотрѣть! Все, все,—

возвысила она голосъ и умильно взглянула на капитана, какъ-бы ожидая отъ него одобренія своимъ словамъ.

— Нѣтъ, я къ тому, что вѣдь остальное можно осмотрѣть и завтра, а теперь лучше въ какой-нибудь капернаумъ прокатиться передъ обѣдомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы должны осмотрѣть все. Не правда-ли, капитанъ?

Тотъ пожалъ плечами.

— Ну, тогда вы смотрите, что вамъ интересно, а я присяду и отдохну,—сказалъ Николай Ивановичъ и опустился на триповый диванъ.

Кончилась картинами Луки Жіордана Итальянская школа и начались Голландская съ Рембрандомъ и наконецъ Фламандская. Пошли картины Рубенса, Ванъ-Дика. Капитанъ, оставшись одинъ съ Глафирой Семеновной, бросилъ на нее свой томный взглядъ и прошепталъ:

— Вашъ мужъ, господинъ Ивановъ, есть большой прозаикъ.

— Да... Онъ немножко того... Онъ философъ... Нѣтъ, не то... Какъ-бы вамъ сказать... Онъ, онъ... Онъ материалистъ—вотъ, что онъ.

— Сси, сси... Материалистъ, прозаикъ... Но ви... ви, мадамъ Ивановъ...

— У насъ характеры разные... Мы часто не сходимся характерами.

— Ви другой женщина, мадамъ.

Капитанъ бросилъ на нее второй томный взглядъ. Она вспыхнула и отвѣчала:

— Я люблю поэзію, я люблю художества.

— Сси... сси... сеньора. Ви имѣете много сентиментъ, много... Какъ это?..

— Вы хотите сказать: чувствъ. Я женщина, а онъ мужчина.

— Чувствъ, чувствъ... Сси, сеньора. Много, много чувствъ!..

Капитанъ схватилъ ее за руку и крѣпко пожалъ ее руку. Она уже пылала, какъ маковъ цвѣтъ и говорила:

— Полноте, полноте... Что вы!

— Я лублю такой дамъ... Но вашъ мужъ...

— Мой мужъ хорошій человѣкъ, но онъ именно прозаикъ и бываетъ иногда грубоватъ, —начала выгораживать Глафира Семеновна мужа, а сама думала: „Нѣтъ сомнѣнія, что капитанъ начинаетъ ухаживать за мною. Но неужели я могу нравиться ему... съ этой несчастной укушенной губой?“

Шли Рембранды, Ванъ-Дики, Теньеры... Но Глафира Семеновна хоть и смотрѣла на произведенія ихъ кистей, но мало что видѣла... Она думала о капитанѣ, о своей губѣ. Мысли путались.

„Впрочемъ, что-жъ губа? Губа вѣдь это временно...“ мелькало у ней въ головѣ. „Завтра опухоль будетъ меньше, а послѣзавтра и совсѣмъ исчезнетъ. Капитанъ все это очень хорошо понимаетъ. Онъ бывалъ въ Японіи, въ Китаѣ. Но какой прекрасный человѣкъ! Какой у него нѣжный голосъ... А глаза, глаза... Прямо, можно сказать, огненные... И брjunеть, брjunеть, какъ вороново крыло!“

Она прикрыла свою губу носовымъ платкомъ и съ восторгомъ посмотрѣла на капитана.

„Прелестъ, что за мужчина!“ сказала она себѣ мысленно и тяжело вздохнула.

Вздохнулъ и капитанъ. Фламандская школа кончилась. Начались картины старинныхъ нѣмецкихъ художниковъ и французскихъ.

— Нѣмецки схова, а тамъ французски...—сказалъ капитанъ.

— Слишкомъ много впечатлѣній, слишкомъ,—говорила Глафира Семеновна.—Я устала и многое у меня какъ-то мелькаетъ...

Она сдѣлала жестъ передъ глазами.

— Тамъ еще скульптуръ...—произнесъ капитанъ, указывая въ пространство.

— Нѣтъ, скульптуры ужъ можно посмотрѣть завтра, а теперь осмотримъ наскоро картины и поѣдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Видите, какой у меня мужъ! Ему скучно.

— О, мужъ! Вашъ мужъ...

Капитанъ покачалъ головой.

Они осмотрѣли наскоро картины и подошли къ Николаю Ивановичу. Тотъ сидѣлъ на диванѣ съ открытымъ ртомъ и посапывалъ. Онъ спалъ.

— Боже мой! Вотъ варваръ-то! — проговорила Глафира Семеновна, разбудила его и сказала:— Какъ тебѣ не стыдно спать въ такомъ мѣстѣ. Срамникъ. Вставай... Мы все осмотрѣли... Кончили... Поѣдемъ куда-нибудь... Куда ты хотѣлъ?

Супругъ поднялся съ дивана и, щурясь на свѣтъ, произнесъ:

— Стоило маленько... Ужъ вы извините, капитанъ... Сегодня рано встали... Ъздили въ вашъ соборъ... въ катедраль...

Они направились къ выходу. Капитанъ подалъ Глафирѣ Семеновнѣ руку. Николай Ивановичъ шелъ сзади ихъ и позѣвывалъ.

LXXXI.

Въ музеѣ супруги Ивановы пробыли не болѣе двухъ часовъ. Выходя изъ музея, Николай Ивановичъ бранилъ въ душѣ капитана, что онъ долго задержалъ ихъ въ одномъ мѣстѣ, но все-таки разстаться сейчасъ съ капитаномъ не хотѣлъ. Присутствіе капитана ему нравилось. Онъ ему все-таки служилъ компаньономъ для выпивки за завтракомъ. Могъ служить такимъ-же компаньономъ и за обѣдомъ, и вечеромъ, тѣмъ болѣе, что и Глафира Семеновна будетъ смотрѣть на него, Николая Ивановича, снисходительнѣе, если онъ будетъ пить съ гостемъ, т. е. съ капитаномъ.

— Никуда сегодня васъ, Иванъ Мартынычъ, отъ насъ не отпустимъ, никуда!—проговорилъ Николай Ивановичъ капитану, когда они очутились на улицѣ.—Весь день должны быть съ нами. Въ мѣстѣ

пообѣдаемъ, вмѣстѣ и поужинаемъ. Пообѣдать-то нельзя-ли куда-нибудь за-городъ отправиться? Глафира Семеновна, ты согласна?

— Да я съ удовольствіемъ, если только мы не противны капитану, — отвѣчала супруга, бросая вопросительно-кокетливый взглядъ на капитана.

Тотъ, дрогнувъ по военному плечами, приложился подъ козырекъ и поклонился.

— Я имѣю большое честь и большой счастье... — сказалъ онъ. — Но у Мадридъ нѣтъ хороши анви-ронъ... Нѣтъ хороши ресторанъ за городъ...

— Ну, куда-нибудь, только-бы это было въ саду, въ зелени.

Капитанъ задумался.

— Въ паркъ... — проговорилъ онъ.

— Ыдемъ въ паркъ, хотя тамъ мы вчера и были, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Взять хорошій экипажъ, запряженный парой лошадей. Николай Ивановичъ долго уговаривалъ капитана сѣсть рядомъ съ Глафирой Семеновной, лицомъ къ лошадямъ, но капитанъ не согласился, сѣлъ спиной къ лошадямъ противъ супруговъ, и они поѣхали.

— У Мадридъ одинъ мѣсто, гдѣ можно быть въ садъ — это есть паркъ, — говорилъ капитанъ. — Одинъ и больше нѣтъ.

Въ поясненіе своихъ словъ онъ показалъ одинъ палецъ и отрицательно потрясъ рукой. Глафира Семеновна сидѣла передъ капитаномъ и придержи-

вала платокъ около укушенной губы. Капитанъ видѣлъ это и тотчасъ-же произнесъ:

— Надо вамъ медицинъ... Вы будете здорова.

Онъ остановилъ экипажъ около аптеки, побѣжалъ туда и вернулся съ баночкой мази.

— Вотъ. Эта камфоръ... Это хорошо!.. Въ ресторанъ ви...

Капитанъ показалъ жестомъ, что надо помазать губу.

— Понимаю, понимаю. Какъ вы любезны, капитанъ! Какъ мнѣ благодарить васъ,—говорила Глафира Семеновна.

Въ паркѣ, по случаю воскресенья, сегодня было еще многолюднѣе, чѣмъ вчера, но зато, вслѣдствіе праздника, и посѣрѣе по части публики. Казалось, что весь Мадридъ высыпалъ сюда. Играла военная музыка.

— Ходить въ садъ зоологій?—предложилъ капитанъ.—Это недалеко.

— Въ зоологическій садъ?—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Богъ съ нимъ! Что мы тамъ забыли? Львовъ да крокодиловъ можно и у насъ дома, въ нашей зоологій видѣть.

— Есть хороши экземпляръ павіанъ. Сянжъ, сянжъ... Какъ это русски?..

— Обезьяна. Ну, ее къ лѣшему! Лучше-же мы въ ресторанъ малаги выпьемъ. Я еще не пилъ настоящей испанской малаги.

— Малага? Сси, сси... Это хорошо.

Капитанъ прищелкнулъ языкомъ и подмигнулъ. Николай Ивановичъ протянулъ ему руку.

— Мерси. Наши симпатіи сходятся. Я тоже люблю выпить хорошаго винца.

Вотъ и одноэтажный ресторанъ съ громадной верандой, пріютившійся въ паркѣ въ тѣнистомъ мѣстѣ. Вѣковыя деревья протянули свои вѣтви надъ крышей ресторана и образовали какъ-бы куполь. Почти всѣ столики на верандѣ были заняты, и супругамъ Ивановымъ и капитану стоило большого труда найти себѣ мѣсто. Много было англійскихъ семействъ. Слышалась англійская рѣчь. Николай Ивановичъ усадилъ жену рядомъ съ капитаномъ, а самъ сѣлъ напротивъ ихъ.

— Капитанъ! Нельзя-ли чего-нибудь испанистаго поѣсть за обѣдомъ?—сказалъ Николай Ивановичъ.— Испанистаго суну, испанистаго жаркаго, испанистаго сладкаго.

Капитанъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Ресторанъ этотъ есть французски.

— Фу, ты пропасть! Да гдѣ-же ваша Испанія-то? Національныхъ кушаній нѣтъ, національныхъ костюмовъ нѣтъ. Давайте тогда ужъ хоть національныя вина пить! Омбрэ!—поманилъ Николай Ивановичъ официанта и сталъ ему заказывать, пригибая пальцы:— Три обѣда... Трез-комидасъ, ботеля хересъ де ля Фронтера, ботеля Аликанте, ботеля Малага...

Глафиру Семеновну отъ такого заказа вина всю передернуло и она хотѣла уже поставить мужу какое-либо препятствіе, но вдругъ почувствовала

подъ столомъ, что капитанъ дотронулся своей ногой до ея ноги и пожимаетъ ее. Она вся вспыхнула и тотчасъ-же отдернула ногу, но языкъ ея отказался прекословить Николаю Ивановичу.

„Ухаживаетъ за мной капитанъ, действительно ухаживаетъ“, рѣшила она про себя и улыбнулась. „А мужъ ничего не замѣчаетъ. Что если-бы онъ замѣтилъ? Впрочемъ, если-бы онъ что-нибудь замѣтилъ, то ему можно сказать, что въ Испаніи это такъ принято, что здѣсь легкія вольности допускаются, такъ какъ мужчины здѣсь всѣ пылкіе... Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, здѣсь такъ принято. Южный темпераментъ. И наконецъ, что-жъ тутъ такого пожать женщинѣ ножку? Къ тому-же сдѣлалъ онъ это какъ-бы невзначай. Обо мнѣ капитанъ судить по своимъ испанскимъ женщинамъ. А испанки всѣ кокетки. Ну, что-жъ, пококетничаю и я съ нимъ немножко. Это и передъ мужемъ не будетъ грѣшно. Не пойдетъ-же у насъ дѣло въ серьезъ“.

Начался обѣдъ. Мужчины пили усердно. Для храбрости передъ капитаномъ Глафира Семеновна и сама не отказалась отъ рюмки аликанте и рюмки малаги. За жаркимъ капитанъ, разгоряченный виномъ, снова пожалъ ей ножку. На этотъ разъ она уже смутилась меньше и не отняла своей ноги.

Николай Ивановичъ то и дѣло чокался съ капитаномъ и ужъ изрядно захмелѣлъ. За обѣдомъ онъ увѣрялъ капитана, что поѣдетъ провожать его въ Барселону и побываетъ у него на суднѣ.

— Также навѣстимъ и старика Хозе! Хорошій старикъ падре Хозе! — хвалилъ онъ капитану монаха. — Гдѣ онъ тамъ у васъ въ Барселонѣ живетъ? Въ монастырѣ что-ли?

— Падре Хозе? — спросилъ капитанъ. — Падре Хозе есть священникъ отъ флотъ.

— Флотскій священникъ? Священникъ на кораблѣ? Боже мой, да это прелесть что такое! Это значить совсѣмъ, что называется, ходовой монахъ. Я знаю монаховъ на судахъ. Совсѣмъ свѣтскіе люди! Ну, и выпьемъ тамъ у васъ въ вашей Барселонѣ всѣ трое вкупѣ, — закончилъ Николай Ивановичъ. — Онъ теперь гдѣ-же, самъ старикъ падре Хозе?

— Сегодня вечеръ онъ ѣдетъ на Барселона, — былъ отвѣтъ.

— Ну, вотъ и отлично. За здоровье падре Хозе.

Всѣ чокнулись и выпили. Не отказалась и Глафира Семеновна отъ вина, пригубила, опустила руку подъ столъ, чтобы отереть ее о салфетку, и вдругъ почувствовала подъ столомъ прикосновеніе къ своей рукѣ руки капитана. Она вспыхнула, хотѣла отдернуть свою руку, но капитанъ уже держалъ ея руку и крѣпко жалъ. Она хотѣла высвободить руку, но боялась рѣзкаго движенія, боялась, что мужъ замѣтитъ это движеніе, и сидѣла, не шевелясь. А капитанъ продолжалъ жать руку. Темнѣло. Наступалъ вечеръ. Глафира Семеновна сообразила это и, пользуясь сумракомъ, сдѣлала сама отвѣтное рукопожатіе капитану.

Совѣсть немного упрекнула ее, но она тотчасъ

же успокоила себя, сказавъ себѣ мысленно: „что-жъ, вѣдь это только шалость, простая невинная шалость, а отчего-же мнѣ и не пошалить немного за границей? Такъ-ли еще шалятъ наши дамы за границей!“

На верандѣ зажглись огни. Заблистало электричество. Глафира Семеновна старалась ужъ не опускать руки подъ столъ.

LXXXII.

ВЕЧЕРЪ супруги Ивановы окончили въ кафешантанѣ, куда капитанъ отвезъ ихъ послѣ обѣда, чтобы показать, какъ танцуютъ гондаго и качучу. Хересъ, аликанте и малага сдѣлали свое дѣло: Николай Ивановичъ и капитанъ были совсѣмъ пьяны. Подгуляла и Глафира Семеновна, чтобы быть смѣлѣе съ капитаномъ, и въ концѣ обѣда, когда капитанъ поднесъ ей букетъ изъ розъ, купивъ его у дѣвочки-цвѣточницы, шнырявшей мимо столовъ, начала жаловаться на супруга.

— Только отъ постороннихъ и получаешь букеты, а вотъ мужъ, родной мужъ, во все путешествіе ни разу не вспомнилъ обо мнѣ и не поднесъ даже одного цвѣточка,—говорила она.—Понимаете, капитанъ, ни одного цвѣточка. Въ Біаррицѣ рай насчетъ цвѣтовъ, а онъ ни-ни...

— За то три или четыре купальных костюма... — попробовалъ замѣтить Николай Ивановичъ.

— Сама себѣ купила костюмы, а вовсе не ты...

— Да вѣдь деньги-то изъ одного кармана. Другія дамы весь сезонъ купаются въ одномъ и томъ же костюмѣ, а ты три-четыре... А сколько шляпъ въ Парижѣ! Сколько...

— Смотрите, капитанъ, онъ уже упрекаетъ. Вы понимаете: упрекаетъ...

— Сси, сси, сеньора... — отвѣчалъ капитанъ, пуская струйки табачнаго дыма отъ папиросы.

— Спрашивается, развѣ это мужъ? Развѣ это любящій мужъ? — продолжала Глафира Семеновна. — Увѣряю васъ, онъ иногда бываетъ хуже дерева... Какъ камень какой-то... Ни поэзіи, ни-ни... Ничего такого...

— Какая-же, мать моя, поэзія, если мы пятнадцать лѣтъ въ замужествѣ! Поэзія — это у новоженовъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Языкъ его заплетался.

— Слышите, слышите, капитанъ, что онъ говоритъ! — воскликнула супруга. — Нѣтъ, небось ты вчера доискивался поэзіи, блуждая по темнымъ улицамъ и отыскивая испанокъ по балконамъ, передъ которыми будутъ распѣвать серенады. Что? Поймала? Въ лучшемъ видѣ поймала. А про жену ты говоришь: какая-же поэзія!

— Да я вовсе не про жену... А что насчетъ испанокъ... — оправдывался супругъ.

— Молчи. Оправданья тебѣ нѣтъ.

Выходило нѣчто въ родѣ ссоры. Капитанъ видѣлъ, что это надо прекратить. Онъ поднялъ рюмку съ остатками малаги и произнесъ:

— Будь здоровъ русски женщины!

Супруги чокнулись съ нимъ и допили остатки вина. За обѣдъ было уже уплачено. Они стали собираться уѣзжать. Николай Ивановичъ поднялся изъ-за стола и покачнулся.

— Однако, мы изрядно наиспанились,—сказалъ онъ.

— Только ты, только одинъ ты, потому что ты пьешь двойную порцію противъ другихъ,—замѣтила ему супруга и крѣпко пожала руку капитана, который благодарилъ ее за обѣдъ.

Они тотчасъ-же отправились въ кафе-шантанъ. Кафе-шантанъ былъ гдѣ-то далеко. Они долго ѣхали по темнымъ улицамъ Мадрида. Было воскресенье, магазины въ домахъ стояли запертыми, окна ихъ не блестѣли газомъ и электричествомъ, и городъ освѣщался только своими муниципальными средствами. Въ экипажѣ капитанъ по прежнему сидѣлъ противъ Глафиры Семеновны и такъ какъ колѣни его приходились какъ разъ противъ колѣнъ Глафиры Семеновны, то онъ ужъ пожималъ ея ножки не только носками своихъ сапогъ, но и колѣнями.

Глафира Семеновна млѣла.

Но вотъ показалось нѣсколько красныхъ и зеленыхъ фонарей. Экипажъ подъѣхалъ къ слабо освѣщенному кафе съ распахнутымъ широкимъ входомъ, около котораго за маленькими столиками, выстав-

ленными на тротуарѣ, сидѣла публика и пила вино, лимонадъ или кофе. Замѣчательно, что на каждомъ столикѣ, что-бы за нимъ ни пили, стоялъ графинъ воды безъ пробки. Столики съ публикой виднѣлись и въ открытыя двери кафе. Повсюду раздавался громкій говоръ. Публика была далеко не изъ числа аристократической. Изъ-подъ широкихъ полей сомбреро у мужчинъ выглядывали давно небритые подбородки. Цилиндровъ было совсѣмъ не видать. Испанскія мягкія фуражки почти у всѣхъ съѣхали на затылокъ. Виднѣлись и офицерскіе головные уборы. Два офицера играли въ шахматы. На двухъ-трехъ столикахъ шла игра въ карты. Всѣ дымили папиросами и сигарами. Женщинъ совсѣмъ было мало. За однимъ изъ столиковъ сидѣлъ весь клѣтчатый англичанинъ съ длинными рыжими бакенбардами и вся клѣтчатая англичанка съ лошадинымъ лицомъ и длинными зубами и пили хересъ со льдомъ, посасывая его изъ бокаловъ черезъ соломинки. Но и у нихъ на столикѣ стоялъ графинъ съ водой. Англичанинъ и англичанка были одѣты въ костюмы изъ одной и той-же сѣрой клѣтчатой матеріи и имѣли сумки и бинокли черезъ плечи. Кафе, какъ и всѣ въ Мадридѣ, освѣщенъ былъ слабо. Между столиками шныряли гарсоны, одѣтые на парижскій манеръ въ черныя куртки и бѣлые длинные передники, изъ подъ которыхъ виднѣлись ступни ногъ въ башмакахъ. Зало кафе было очень большое, съ колоннами, съ зеркалами въ стѣнахъ, а въ глубинѣ его виднѣлась эстрада, нѣсколько

ярче освѣщенная и на ней на стульяхъ также около столиковъ сидѣли, какъ оказалось впоследствии, исполнительницы и исполнители увеселительной программы. Они тоже что-то пили и ѣли и передъ ними также стояли графины съ водой. Они были въ костюмахъ. Три изъ женщинъ и двое мужчинъ были въ испанскихъ національных костюмахъ, двѣ женщины были въ фантастическихъ опереточныхъ костюмахъ съ короткими юбками и сильно декольтированны.

Капитанъ протискался съ супругами Ивановыми очень близко къ эстрадѣ, гдѣ какой-то молодой человѣкъ, поздоровавшись съ капитаномъ за руку, уступилъ имъ свой столикъ, пересѣвъ съ своимъ стаканомъ и графиномъ за столикъ къ какому-то старику въ соломенной шляпѣ и съ сѣдой бородой.

Помѣстившись за столикомъ, Николай Ивановичъ тотчасъ-же скомандовалъ, чтобы была подана бутылка шампанскаго. Имъ подали шампанское и графинъ воды.

— Иванъ Мартынычъ, нельзя-ли къ шампанскому-то хоть какой-нибудь сладкой закусочки испанской потребовать?—сказалъ онъ капитану.—Мы слышали, что господа испанцы охотники до сладости, а ничего еще не испробовали. Чтонибудь на манеръ конфектъ, пряниковъ или пастилы. У меня дама сладкое любитъ.

— Пожалуйста заботьтесь о себѣ, а не обо мнѣ,—почему-то огрызнулась на супруга Глафира Семеновна, не сводившая глазъ съ капитана.

Подъ южными небесами.

— Да я и о себѣ. Надо-же чего-нибудь испанистаго по части сладости отвѣдать.

— Сси, сси...—подхватилъ капитанъ. — Я вамъ дамъ сладки вещь.

Онъ ударилъ раза три въ ладоши и приказалъ явившемуся гарсону чего-то подать.

Явились пряники изъ размолотыхъ орѣховъ съ сахаромъ, тоненькіе, четырехугольные, явились такіе-же пряники изъ пресованныхъ засахаренныхъ ягодъ. Первые напоминали вкусомъ извѣстный марципанъ, вторые—наше сухое ягодное кievское варенье. Капитанъ отломилъ кусочекъ, отправилъ его къ себѣ въ ротъ и, указывая на пряники, сказалъ:

— Испаньольски кусанье... Испаньольски вещь... Наши дамъ лубятъ эта ѣда.

— Какъ называется? — спросила Глафира Семеновна.

Онъ назвалъ сласти по-испански. Она повторила названіе, но тутъ-же и забыла. Подражая капитану, который заѣдалъ пряниками шампанское, она принялась ихъ усердно кушать.

Представленіе на эстрадѣ все еще не начиналось, хотя у артистокъ за столиками изрѣдка звякалъ тамбуринъ, раздавались два-три удара кастаньетъ. Дамы доѣдали груши, запивая ихъ водой. Мужчинамъ гарсонъ подалъ вторую бутылку вина, и одинъ изъ нихъ въ бѣлыхъ чулкахъ, въ длинныхъ серьгахъ и повязанный краснымъ платкомъ, быстро началъ разливать вино по стаканамъ, плеснувъ и

одной дамѣ вина въ протянутый ею стаканъ съ водой.

— Что-жъ представленіе-то не начинается?— спросилъ Николай Ивановичъ, кивнувъ на эстраду.

— Антрактъ,—отвѣчалъ капитанъ, прожевывая пряникъ, и видя, что все вниманіе Николая Ивановича было устремлено на женщинъ, находящихся на эстрадѣ, обнялъ слегка Глафиру Семеновну за талию.

Она вспыхнула, но не отъ гнѣва, а отъ удовольствія и тихонько отвела его руку.

На эстрадѣ одинъ изъ мужчинъ настраивалъ гитару. Офиціанты убрали два маленькихъ стола и поставили только одинъ большой. Одна изъ дамъ въ желтомъ короткомъ платьѣ напяливала на руки черныя перчатки до локтей.

LXXXIII.

РАЗДАЛИСЬ звуки піанино На. эстрадѣ встрепенулась, оправляя на себѣ коротенькую голубую юбку, полная женщина среднихъ лѣтъ, съ необычайно развитыми икрами и въ бѣлокурое парикѣ. Довольно грузно подошла она къ краю эстрады, поклонилась, ухарски подбоченилась и изрядно силоватымъ голосомъ запѣла французскіе куплеты.

— Француженка? — воскликнул Николай Ивановичъ.— Ну, этого добра-то мы и у насъ въ Петербургѣ каждый день въ десяти мѣстахъ видѣть можемъ. Мы поѣхали и думали, что будутъ испанскіе танцы.

— Сси, сси... — подхватилъ капитанъ. — Танцъ будетъ. Въ этомъ кафе перві дамы отъ танцъ.

Голубая француженка пѣла самые заурядные куплеты, жестикулируя и руками, и ногами, посылая направо и налево летучіе поцѣлуи публикѣ. Полнота ея, очевидно, нисколько ей не мѣшала: она подпрыгивала и исправно поднимала ноги почти подъ прямымъ угломъ. Когда она кончила пѣть, публика проводила ее сдержанными аплодисментами.

На смѣну голубой француженки выступила тоже француженка, брюнетка въ желтой юбкѣ съ черными кружевами. Эта была помоложе. Опять подобныя-же французскіе куплеты, при чемъ вмѣсто припѣва желтая француженка трубила на губахъ и маршировала по военному. Куплеты ея больше понравились, чѣмъ первой француженки. Когда она трубила на губахъ, то публика ей подтрубливала, но по окончаніи проводила и ее очень сдержанными хлопками.

— Патріотизмъ... Ми не любимъ французи... — замѣтилъ капитанъ.

— Видѣли ужъ мы этотъ вашъ патріотизмъ въ магазинахъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Отъ

насъ отворачивались, когда мы только спрашивали испанскихъ приказчиковъ: парле ву франсе.

— И никто не хотить учить французска языка.

— Какъ вы-то, Иванъ Мартынычъ, выучились по-русски? Почему вамъ захотѣлось учиться нашему языку?—спросила Глафира Семеновна.

— О, я, какъ офисье отъ моря, получилъ за это капитанъ.

Капитанъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь и показалъ на свои мишурныя бляшки на плечахъ.

На эстрадѣ, между тѣмъ, испанскіе танцоры приготовлялись къ танцамъ. Одинъ изъ нихъ перебиралъ струны гитары, другой позвякивалъ кастаньетами. Позвякивала тамбуриномъ и одна изъ танцовщицъ. Всѣ три танцовщицы были также не молодыя женщины, очень тощія, съ длинными лицами, но не набѣленные и не нарумяненные и своею природной смуглостью рѣзко отдѣлялись отъ раскрашенныхъ француженокъ.

— Почти ужъ старушки Божіи,—замѣтилъ капитану Николай Ивановичъ.

— Хороши, добри танцовка не можетъ бить молода женщинъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Отчего?

— Практикъ надо имѣть, большой практикъ.

Но вотъ зазвучала гитара. Игралась старинная качуча. Одна изъ танцорокъ, полузакутанная въ черный кружевной шарфъ, выступила впередъ и стала въ тактъ звякать кастаньетами. Немного погоди, не оставляя кастаньеть, она начала раска-

чиваться, затѣмъ, выдѣлывая па, прошла по эстрадѣ и стала подпрыгивать и бросаться то въ одну сторону, то въ другую. Къ ней пристала другая танцовщица и, наконецъ, танцоръ. Одна танцовщица оставалась въ запасѣ и даже сѣла на стулъ въ глубинѣ эстрады, гдѣ сидѣли также и французенки-куплетистки.

У танцующихъ, между тѣмъ, танецъ дѣлался все бѣшенѣе и бѣшенѣе. Дамы то вытягивались во весь ростъ, поднимая кверху длинныя, работающія кастанъетами руки, то почти совсѣмъ пригибались къ полу. Мужчина-танцоръ между ними только дѣлалъ позы и билъ въ тамбурины. Кастанъетамъ и тамбуринау начала помогать публика, ударяя въ ладоши, и ужъ совсѣмъ заглушила гитару.

Танецъ тріо, наконецъ, кончился. Громъ рукоплесканій. Капитанъ, тоже аплодировавшій, торжественно взглянулъ на супруговъ, какъ-бы спрашивая ихъ:— „каково?“ и при этомъ прибавилъ:

— Перви національни танцовки!

Николай Ивановичъ былъ разочарованъ и сказалъ женѣ:

— Я думалъ, не вѣдь что будетъ. А такіе-то испанскіе танцы мы и въ Петербургѣ по „Аркадіямъ“ видѣли.

— На тебя не угодишь...—огрызнулась супруга.

Но вотъ поднялась со стула третья танцовщица и выдвинулась на край эстрады передъ публикой. Постукивая подъ тактъ гитары кастанъетами и сдѣлавъ нѣсколько позъ, она заметалась въ бѣше-

номъ вихрѣ и, сдѣлавъ круга три по эстрадѣ, быстро вскочила на большой столъ и уже продолжала танцовать на немъ. Позы ея дѣйствительно были полны пластики. Трудно было оторвать взоръ отъ этой граціозной женщины. Вдругъ Николай Ивановичъ воскликнулъ:

— Падре Хозе! Какими это судьбами?

Капитанъ и Глафира Семеновна обернулись и дѣйствительно увидѣли добродушное лицо старика-монаха. Онъ былъ, однако, не въ монашескомъ платьѣ, а въ черномъ сюртукѣ и въ шляпѣ сомбреро съ большими полями.

На восклицаніе Николая Ивановича старикъ-монахъ таинственно погрозилъ ему и прошепталъ:

— Тсъ, сеньоръ Ивановъ. На эти мѣста я не падре, а Алварецъ—и все... Ни-ни—падре...

— Понимаю, понимаю. Вы здѣсь переодѣвшись. Такъ, такъ... Ну, будемъ васъ за свѣтскаго считать,—сказалъ Николай Ивановичъ.—Садитесь, пожалуйста... Винца?

— А намъ сказали, что вы ужъ сегодня уѣхали въ Барселону,—проговорила Глафира Семеновна.—Намъ капитанъ сказалъ.

— Я есмь ѣдитъ у Барселона завтра десять часи. Но я хотѣлъ ѣхать сегодня, — отвѣчалъ монахъ.—Но вечеръ я хотѣлъ сдѣлать минѣ маленько удовольстви—и вотъ...

Старикъ былъ какъ будто сконфуженъ за свое появленіе.

— Ничего, ничего, кабалеро Хозе. Всѣ мы люди, и всѣ мы человѣки...

Николай Ивановичъ хлопнулъ монаха по коленѣмъ.

Капитанъ разговаривалъ съ монахомъ по-испански и, наконецъ, обратился къ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Ахъ, мадамъ, и я должна ѣхать завтра въ Барселоне.

— Такъ что-жъ, и мы поѣдемъ. Что намъ здѣсь въ Мадридѣ дѣлать? Ужъ все пересмотрѣли. Достаточно съ насъ, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Мужъ вѣдь общался къ вамъ ѣхать, въ Барселону—вотъ мы и поѣдемъ къ вамъ. Падре... Пардонъ, мосье Алварецъ, вѣдь къ вамъ въ Барселону собираемся,—обратилась она къ монаху.

Тотъ приложилъ руку къ сердцу и поклонился.

— Я будетъ очень счастливъ, мадамъ,—сказалъ онъ.

— Николай Ивановичъ, такъ завтра... — лебезила Глафира Семеновна передъ мужемъ.—Если завтра, то и намъ пора уѣзжать отсюда. Вы говорите, что завтра надо ѣхать въ десять часовъ утра, капитанъ?

— Да, да... У меня служба на... на корабль... Мой стари другъ говоритъ: есть телеграмъ для меня.

— Такъ ѣдемъ, супругъ любезный?

— Хорошо, хорошо. Признаться, мнѣ здѣсь понадоѣло,—былъ отвѣтъ супруга.—Вотъ хоть-бы и эти танцы... Ничего особеннаго... Все это мы видѣли въ Петербургѣ, въ увеселительныхъ садахъ,

когда къ намъ испанскія танцорки прїѣзжали. Но какъ падре Хозе здѣсь появился—это меня просто удивляетъ,—обратился Николай Ивановичъ къ старику-монаху.—Какъ изъ земли выросъ.

— Тсъ...—прошепталъ опять старикъ, наклонясь къ нему.—Падре въ кафе—нѣтъ. Я купецъ... Купецъ отъ оливкова масло.

— Купецъ? Понимаю, понимаю. Какъ вы здѣсь появились-то?

— Вечеръ дѣло нѣтъ. Я повелъ себя погулять... дѣлалъ променады — и здѣсь... Я лублу танцъ... лублу музыкъ. Смотрю—ви здѣсь.

— Ну, ради такого случая, надо выпить! Надо закупѣ выпить.

Николай Ивановичъ потребовалъ еще бутылку шампанскаго. Глафира Семеновна уже не возражала. Она была поглощена бесѣдой съ капитаномъ, нашептывающимъ ей что-то.

Изъ кафешантана выходили они всѣ совсѣмъ уже пьяные. Испанцы были крѣпче, но Николай Ивановичъ сильно покачивался. Онъ непременно хотѣлъ помѣняться съ капитаномъ шляпой и сиделся снять съ головы его треуголку, а ему надѣть свою сѣрую шляпу. Капитанъ отбивался и ограничился тѣмъ, что подарилъ прїятелю испанскій складной ножъ, который имѣлъ въ карманѣ. Садясь въ экипажъ, Николай Ивановичъ долго обнимался съ старикомъ-монахомъ и цѣловался съ нимъ троекратно, по-русски.

— Николай! Да когда-же это кончится? Поѣдешь

ты или не поѣдешь? Пора домой. Завтра надо рано вставать и ѣхать на желѣзную дорогу!—кричала супруга, давно уже сидѣвшая въ коляскѣ.

Капитанъ стоялъ около нея и говорилъ:

— Завтра въ десять часи на Сѣверній желѣз-ни дорога. Ви ѣдетъ къ намъ. Билети перви классъ перъ Барселона. Сси?

— Сси, сси, кабалеро,—отвѣчала она, пожимая ему руку.

Капитанъ поцѣловалъ ея руку.

Николай Ивановичъ влѣзъ въ коляску, и лошади помчались.

LXXXIV.

ТОЛЬКО что пробило девять часовъ утра, а ужъ супруги Ивановы были на вокзалѣ Сѣверной желѣзной дороги, той самой, по которой они пріѣхали изъ Біаррица въ Мадридъ и имѣющей отъ станціи Валядолидъ вѣтвь на Барселону. Какъ и всѣ русскіе за границей, они пріѣхали на желѣзную дорогу очень рано. Поѣздъ отходилъ только въ десять. Пассажировъ совсѣмъ еще не было на станціи. Билетная и багажная кассы были закрыты. Глафира Семеновна, затѣявшая флиртъ съ интереснымъ капитаномъ, стремилась теперь какъ можно скорѣе увидаться съ

нимъ, но ни капитана, ни старика-монаха въ вокзалѣ еще не было. Николай Ивановичъ тоже радъ былъ, что уѣзжаетъ изъ Мадрида. Мадридъ ему пришелся не по вкусу. Онъ стремился въ Мадридъ увидеть испанцевъ и испанокъ въ народныхъ костюмахъ, какъ ихъ выводятъ обыкновенно на сцену въ операхъ и классическихъ испанскихъ пьесахъ, жаждалъ видѣть испанокъ, скачущихъ по улицамъ и площадямъ съ кастанъетами, жаждалъ серенадъ съ гитарами, чаялъ видѣть дерущихся на перекресткахъ на ножахъ испанцевъ, но ничего этого не встрѣтилъ и разочаровался Мадридомъ и Испаніей вообще.

— Прощай, Мадридъ... И чтобъ тебя ужъ больше никогда не видать,—сказалъ онъ, входя въ вокзалъ желѣзной дороги.

— За что-жъ такая немилость?—заступилась супруга.—Мы все-таки провели въ Мадридъ время пріятно.

— Это полинялыя-то старыя картины смотрѣвши? У насъ ихъ, матушка, и въ Петербургѣ въ Александровскомъ рынкѣ въ жидовскихъ лавочкахъ непочатой край.

— Какое невѣжество! Понимаешь ты, вѣдь эти картины самыхъ старинныхъ художниковъ и имъ цѣны нѣтъ,—пожала плечами супруга.

— Это тебѣ капитанъ натоковалъ, а ты ужъ за его слова и распинаешься,—подмигнулъ ей Николай Ивановичъ.—Лебезишь ты очень передъ капитаномъ... глаза продаешь—вотъ что я тебѣ скажу.

Глафира Семеновна вспыхнула.

— Что мнѣ такое капитанъ! Какъ ты меня смѣешь попрекать капитаномъ!—вскрикнула она.— Капитанъ для меня такой-же знакомый, какъ и тебѣ.

— Ну, если-бы былъ такой-же, какъ мнѣ, то не бредила-бы имъ на яву и во снѣ.

— Я бредила имъ? Я? Это любопытно! Ну, можно-же такъ нагло врать!

— Бредила. Я просыпался сегодня ночью, чтобъ напиться воды, такъ ты цѣлую рацею какую-то разводила во снѣ о капитанѣ, а сегодня поутру такъ уже у тебя капитанъ съ языка не сходить. Вотъ пока мы ѣхали...

— Ахъ, ты дрянъ эдакая! Смотрите, какія слова! Да я только для тебя съ капитаномъ и любезничаю. Пусть, думаю, мужъ покутитъ съ нимъ немного. Онъ обманулся въ этомъ Мадридѣ, такъ пусть покутитъ. Ты замѣтилъ, я даже не останавливала тебя, когда ты съ нимъ винищемъ насвистывался,—гнѣво пояснила мужу супруга.

— Да... Только ты это для капитана дѣлала.

— Ну, послѣ этого ты неблагодарный человѣкъ, и я съ тобою разговаривать не хочу.

Глафира Семеновна надулась.

Они сидѣли и ждали приѣзда капитана Мантеки и монаха Хозе.

— Я даже помышляю и въ Барселону-то не ѣхать, а прямо во Францію,—проговорилъ мужъ.

— Ну, ужъ это вы — ахъ, оставьте! Если мы

даемъ слово нашимъ знакомымъ куда-нибудь ѣхать съ ними, то должны исполнять.

Супруга вскочила даже со скамейки и стала въ волненіи ходить по залѣ.

— Капитанъ для насъ потерялъ вчера цѣлый день,—продолжала она.—Съ утра до вечера былъ при насъ, показывалъ намъ все замѣчательное...

— Цѣлый день пилъ и ѣлъ на нашъ счетъ,—иронически прибавилъ Николай Ивановичъ.

— Какая гнусность! Какая черная неблагодарность говорить о какихъ-то пустякахъ! И про кого? Про человѣка, любезность котораго простиралась до невозможности!..

— Да чего ты за него распинаешься, то? Или ужъ втюриться успѣла?

— Дуракъ!

Въ это самое время показались монахъ и капитанъ. Носильщикъ несъ за ними ихъ багажъ. Глафира Семеновна такъ и ринулась къ капитану. Тотъ поцѣловалъ ея руку. Николай Ивановичъ почесалъ затылокъ. Онъ что-то соображалъ. Капитанъ и монахъ поздоровались съ нимъ.

— Вообразите, мужъ мой не хочетъ ѣхать въ Барселону, упрямится,—жаловалась капитану Глафира Семеновна на мужа.

— Но, но, но...—сказалъ капитанъ.—Я и падре Хозе—ми долженъ дать вамъ реваншъ отъ гостепріимства. И ви долженъ видѣть нашъ корабля... Мадамъ Ивановъ долженъ получить букетъ цвѣты отъ нашъ флагъ на Барселона.

— Видишь, значить ты обязанъ ѣхать,—сказала Николаю Ивановичу жена.—Онъ, видите, разочарованъ Испаніей, что не видитъ здѣсь испанскихъ костюмовъ, серенадъ... Вѣдь вы покажете ему тамъ въ Барселонѣ?—обратилась она къ капитану.

— Сси, сси, мадамъ,—откликнулся тотъ.

— Ну, бери билеты до Барцелоны. Что-жъ стоишь! Касса ужъ открыта,—кинула она мужу.

Билеты вызвался взять до Барцелоны падре Хозе

— Багажъ у насъ великъ... перегружаться... въ Барселонѣ тащиться въ гостиницу, потомъ обратно... А не извѣстно еще, найдемъ-ли тамъ что-нибудь интересное. Можетъ быть и Барцелона тотъ-же Мадридъ: тѣхъ-же щей да пожиже влей...—крихтѣль Николай Ивановичъ, доставая изъ бумажника испанскіе кредитные билеты.

— Тебѣ сказано, что капитанъ намъ свой корабль покажетъ,—утѣшала его супруга.—Вѣдь ты никогда не видалъ и русскихъ-то военныхъ кораблей.

„Ужъ не втюрилась-ли баба-то моя въ капитана“, мелькнуло въ головѣ у Николая Ивановича. „Надо держать ухо востро. И самое лучшее не ѣхать въ эту Барцелону. Ну ее къ лѣшему! Что намъ Барцелона? Провались она! Проводимъ старика падре Хозе до тѣхъ поръ, покуда имъ сворачивать на Барцелону—вотъ и все“... разсуждалъ онъ и тутъ-же рѣшилъ:—„Не поѣдемъ въ Барцелону! Довольно съ насъ и Мадрида. А то жена, пожалуй, еще больше разбалуется“.

Онъ побѣждалъ къ билетной кассѣ предупредить

падре Хозе, чтобы тотъ не бралъ имъ билетовъ до Барселоны, но старикъ отходилъ ужъ отъ кассы съ купленными билетами.

— До Барселоны взяли?

— Барселона... — потрясъ старикъ-монахъ билетами. — Ви имѣеть большой багажъ. Отдавайте его до Барселона, а я хочу ходить на буфетъ и взять сыръ, хлѣбъ и бутеля хересъ.

— Э-эхъ! — крикнулъ досадливо Николай Ивановичъ и поплелся съ носильщикомъ сдавать багажъ.

Онъ предчувствовалъ что-то недоброе и мурлыкалъ себѣ подъ носъ:

— Разбаловалась баба, разбаловалась... Если что — надо подтянуть.

Возвращаясь съ квитанціей отъ багажа, онъ увидѣлъ, что жена его сидитъ съ капитаномъ рядомъ, и тотъ, наклонясь къ ней, что-то жарко ей рассказываетъ. Глафира Семеновна слушаетъ и улыбается во всю ширину лица.

„Вопъ какая дружба!“ подумалъ онъ. „Такъ другъ въ друга и впились глазами. Нѣтъ, тутъ что-то не ладно“.

На встрѣчу ему шелъ падре Хозе съ корзинкой, изъ которой торчали горлышки бутылокъ, что-то въ бумажныхъ сверткахъ, нѣсколько грушъ и извивалась большая колбаса.

Звонокъ. Сторожъ прокричалъ названіе станцій, куда отправляется поѣздъ, и распахнулъ двери. Всѣ отправились садиться въ купѣ. Капитанъ подхватилъ коробки Глафиры Семеновны и потащилъ

ихъ за ней. Носильщикъ тащилъ саквояжи. Николай Ивановичъ улыбнулся на капитана.

„Ну-ка, поработай за меня, почтеннѣйшій. Вѣдь это моя участь таскать женины-то коробки“, сказалъ онъ себѣ мысленно.

Монахъ шелъ съ нимъ рядомъ и говорилъ:

— Въ Сеговіа буфетъ и большой завтракъ, но мы должна сдѣлать маленьки завтракъ. Я есмь очень голодна и хочу ясти.

Вотъ они и въ купѣ вагона. Усѣвшись въ вагонъ, Николай Ивановичъ произнесъ:

— Слава Богу... Наконецъ-то мы уѣзжаемъ изъ этого Мадрида. Откровенно говоря, падре, ничего въ немъ нѣтъ хорошаго. Но буенось, но буенось Мадридъ.

А падре Хозе въ это время вытащилъ изъ корзинки аршинную колбасу и сдиралъ съ нея кожу.

Капитанъ и Глафира Семеновна сидѣли въ противоположномъ углу и шептались. Капитанъ держалъ передъ ней открытую коробку конфетъ, и она брала изъ нея щипчиками какую-то засахаренную ягодину.

„Голубки“... подумалъ Николай Ивановичъ.

LXXXV.

ПОБЗДЪ мчался. Въ купѣ сидѣли только Ивановы, капитанъ и монахъ. Падре Хозе, разложившись съ своими закусками и винами, самымъ усерднымъ образомъ уписывалъ жирную колбасу съ бѣлымъ хлѣбомъ, запивая виномъ. Тутъ-же лежали и сваренныя въ крутую яйца, отъ которыхъ монахъ также время отъ времени прикусывалъ. Это онъ называлъ „маленки заутракъ“ и при этомъ говорилъ объ ожидающемъ ихъ на станціи Сеговіа большомъ завтракѣ. Надо было удивляться такому аппетиту старика, которые вообще мало ѣдятъ, а на югѣ еще меньше. Падре Хозе предлагалъ свою провизію и окружающимъ его, но за раннимъ временемъ всѣ отказались. Чтобы придратъся къ выпивкѣ, Николай Ивановичъ попробовалъ съѣсть крутое яйцо, но половину его, не доѣвъ, сейчасъ-же выбросилъ за окно, но выпивалъ усердно. Отъ вчерашняго кутежа съ капитаномъ у него болѣла голова и желудокъ былъ не въ порядкѣ, чувствовался какъ-бы суконный языкъ. Виномъ-же Николай Ивановичъ опохмелялъ больную голову. Вино сдѣлало свое дѣло. Мало-по-малу мрачное настроеніе Николая Ивановича исчезло и онъ уже спокойно смотрѣлъ на любезничавшую съ капитаномъ въ противоположномъ углу купѣ супругу. Они сидѣли такъ: Николай Ивановичъ и падре Хозе у

одного огня другъ противъ друга, а Глафира Семеновна и капитанъ у другого. Глафира Семеновна самымъ фамиллярнымъ образомъ вынула у капитана изъ ноженъ кортикъ и разсматривала его и даже очистила имъ грушу, которую ей предложилъ монахъ. Капитанъ былъ съ красными глазами и помятымъ лицомъ отъ вчерашней выпивки, отъ него несло смѣсью виннаго перегара и табака, но она, отвертывающаяся всегда отъ мужа въ этихъ случаяхъ, не обращала на это вниманія. Разговаривали они полушопотомъ, бросая другъ на друга масляные взоры, но Николай Ивановичъ, выпивъ натошакъ вина, и съ этимъ примирился. Онъ даже ужъ разсуждалъ такъ:

„Пущай баба слегка побалуется. По крайности, хоть меня не точить въ это время. А вѣдь серьезнаго тутъ ничего не можетъ быть. Она все время будетъ при мнѣ неотлучно, все время на моихъ глазахъ. Завтра утромъ приѣдемъ въ Барцелону. День въ Барцелонѣ, а тамъ адье сеньоръ капитанъ — и аминь“.

А Глафира Семеновна, видя, что мужъ не бросаегъ уже болѣе на нее молніеносныхъ взглядовъ, въ свою очередь не обрывала его, когда онъ брался за стаканъ, въ который падре Хозе подливалъ ему вина, и думала:

„Пускай напьется... Пускай оба напьются — монахъ и онъ — и уснутъ. Тогда намъ съ капитаномъ свободнѣе будетъ“.

Опухоль на губѣ ея отъ укуса москита почти

совсѣмъ уже опала, но она, по совѣту капитана, все-таки, смазала ее камфарной мазью, стерла мазь платкомъ и припудрила, при чемъ капитанъ держалъ передъ ней ея дорожное зеркальце.

— Какія нѣжности!—вырвалось у Николая Ивановича.

— А что-жъ изъ этого? — отвѣчала супруга. — По настоящему мужъ долженъ-бы услуживать женѣ, но что-жъ подѣлаешь, если онъ предпочитаетъ любезничать съ бутылками. За тобой ухаживаетъ падре Хозе, а за мной капитанъ—вотъ мы и квитъ. Вонъ онъ какъ вино-то тебѣ усердно подливаетъ!

Падре Хозе улыбнулся на это масляными глазами и сказалъ:

— Сси, сеньора. Сей кабалеро есте мой другъ... добри другъ...

И потрепавъ при этомъ Николая Ивановича по плечу, онъ сталъ убирать остатки провизіи въ корзинку, оставивъ только бутылку съ виномъ.

Вскорѣ падре Хозе, какъ и ожидала Глафира Семеновна, сталъ клевать носомъ и уснулъ самымъ блаженнымъ образомъ, откинувшись въ уголокъ и сложивъ на животѣ свои руки съ жирными пальцами. Но Николай Ивановичъ не спалъ. Онъ глядѣлъ въ окошко на копошащихся на поляхъ и огородахъ испанцевъ и испанокъ, согбенныхъ и невзрачныхъ, въ самыхъ заурядныхъ пиджакахъ, блузахъ, ситцевыхъ платьяхъ и въ голову ему лѣзли стихи Всеволода Крестовскаго про испанскаго нищаго:

«Быль красивъ онъ, быль онъ статенъ,
Синій плащъ поблекъ отъ пятенъ».

„Гмъ... Все это наврано“, сказалъ онъ себѣ мысленно. „Отчего-же это я-то нигдѣ не вижу красивыхъ испанцевъ? Да и испанки... Три-четыре попались хорошенькія, а въ большинствѣ самыя обыкновенныя. Но вѣдь и чухонки попадаются хорошенькія, однако объ нихъ поэты стиховъ не пишутъ. А про испанокъ—сколько угодно... И въ стихахъ у нихъ, коли ужъ испанка, то непременно необычайной красоты. А гдѣ она эта красота-то? Гдѣ?“ разсуждалъ онъ про себя.

— Ты что-же это не спишь? — обратилась къ нему Глафира Семеновна. — Вонъ твой товарищъ надре давно ужъ въ объятіяхъ Морфея.

Николай Ивановичъ вспыхнулъ. Въ немъ опять заговорила ревность.

— А тебѣ хочется, чтобы я непременно спалъ? — быстро спросилъ онъ. — Кажется, ужъ я тебѣ и такъ не мѣшаю любезничать съ капитаномъ. Око въ око сидите.

Капитанъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ его словъ, а супруга покачала головой и сказала:

— Какъ это глупо! Что-же намъ отвернувшись другъ отъ друга сидѣть, что-ли? Ты забываешь, что мы ѣдемъ къ нему въ гости.

— Ничего я не забываю... Все я помню очень чудесно и только сожалью, что въ этомъ дѣлѣ дурака сломалъ. Очень сожалью.

Онъ отвернулся. Капитанъ, видя, что изъ-за

него между супругами пробѣжала черная кошка, подскѣлъ къ нему, вынулъ изъ кармана карты и сказалъ:

— Ви скучно... хотите парти пикетъ?

— Мерси. Не играю,—сухо отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Тогда я съ ваша жена... Хотите, мадамъ?

Онъ подвинулся опять къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и я не играю въ карты, — поспѣшно проговорила та.

Проѣхали ужъ три какія-то станціи. Падре Хозе продолжалъ спать.

„А что, не попробовать-ли мнѣ притвориться спящимъ и посмотрѣть, какъ будетъ вести себя съ капитаномъ моя благовѣрная, если видить, что я заснулъ?“ подумалъ Николай Ивановичъ и тутъ-же рѣшилъ привести свой планъ въ исполненіе.

Усѣвшись въ самый уголокъ купе, онъ полузакрывъ глаза и черезъ нѣсколько времени сталъ сопѣть носомъ, а между тѣмъ самъ сквозь прищуренныя вѣки наблюдалъ за женой и капитаномъ.

Сначала капитанъ показывалъ ей какіе-то фокусы на картахъ, но когда раздалось сопѣнье Николая Ивановича, онъ улыбнулся, кивнулъ въ его сторону и проговорилъ:

— Спитъ вашъ мужъ.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то...—прошептала она и перекрестилась.—Видите, крещусь—вотъ какъ я рада,—прибавила она.

Капитанъ взялъ ее за руку, пожалъ ей руку и, глядя ей прямо въ глаза, проговорилъ:

— Мой бѣдный другъ... Онъ тиранъ.

— Охъ!—вздыхнула Глафира Семеновна.

Капитанъ, сидѣвшій противъ нея, пересѣлъ рядомъ съ ней, взялъ ее за талию. Она тихо отвела его руку, улыбаясь погрозила ему и указала глазами на мужа. Капитанъ покосился на Николая Ивановича, махнулъ рукой и тихо поцѣловалъ Глафиру Семеновну въ щеку.

Николай Ивановичъ вздрогнулъ, хотѣлъ крикнуть, но удержался и, не открывая глазъ, сталъ зѣвать и потягиваться, дѣлая видъ, что просыпается.

Капитанъ быстро отодвинулся отъ Глафиры Семеновны. Та взяла съ дивана карты и разсматривала ихъ.

„Нѣтъ, какъ я тутъ къ чорту Барселона! Ну, ее къ лѣшему!“ сумалъ Николай Ивановичъ. „Если ужъ въ вагонѣ цѣловать себя позволяетъ, то что же въ Барселонѣ-то будетъ! Тамъ она такъ на-барселонитъ, что бѣда! Надо прекратить все это“, рѣшилъ онъ.

LXXXVI.

ПРОѢХАЛИ еще одну станцію. Николай Ивановичъ и намека не сдѣлалъ, что онъ видѣлъ, какъ капитанъ поцѣловалъ его жену. Но онъ злился. Злоба душила его. Онъ сидѣлъ,

кусаль губы и соображалъ, что ему дѣлать. Въ Барселону онъ уже окончательно рѣшилъ не ѣхать, но онъ придумывалъ, какъ ему лучше поступить, чтобъ провезти жену прямо на французскую границу. Билеты у него были взяты до Барселоны, багажъ былъ сданъ на станціи туда-же. Онъ зналъ, что сворачивать съ пути на Барселону и пересаживаться въ другой вагонъ надо на станціи Валядолидъ, но ему не было извѣстно, когда ихъ поѣздъ придетъ въ Валядолидъ. Разумѣется, плата за проѣздъ отъ Валядолида до Барселоны должна уже пропасть. Про нее онъ говорилъ: „чортъ съ ней, гдѣ наше не пропадало!“ Онъ рѣшилъ, что отъ Валядолида до французской границы онъ возьметъ другіе проѣздные билеты, но онъ становился втупикъ, какъ онъ при совершенномъ незнаніи языка переведетъ направленіе своего багажа вмѣсто Барселоны къ французской границѣ. О времени прихода поѣзда въ Валядолидъ онъ хотѣлъ тотчасъ-же спросить у падре Хозе, но монахъ спалъ самымъ блаженнымъ образомъ, съ капитаномъ-же въ данную минуту ему было даже противно разговаривать. Николай Ивановичъ и такъ еле отвѣчалъ на вопросы капитана и сейчасъ-же отъ него отворачивался.

„Черномазый мерзавецъ!“ говорилъ онъ про капитана мысленно.

Онъ хотѣлъ разбудить монаха, чтобъ выпытать у него кое-какія свѣдѣнія объ остановкѣ на станціи Валядолидъ, но пожалѣлъ.

„Когда проснется, спрошу. Зачѣмъ его будить?“

Онъ добрый, радушный, безхитростный человѣкъ и, кромѣ хорошаго, я отъ него ничего не видалъ. Вѣдь вотъ угощаетъ виномъ, закусками, а капитанъ этотъ черномазый словно акула какая-то. Весь вчерашній день пилъ, ѣлъ на мой счетъ, а сегодня ужъ, извольте видѣть, цѣловать жену вздумалъ! И это за мое-же гостепріимство! Мерзавецъ! „разсуждалъ Николай Ивановичъ и при этомъ мысленно прибавилъ: „Да и женушка тоже хороша!“

Онъ метнулъ въ ея сторону косою взглядъ и стиснулъ зубы. Она въ это время раскладывала гранпасьянсъ на капитанскомъ шагреновомъ саквояжѣ, который тотъ поставилъ между собой и ей.

Черезъ полчаса монахъ проснулся, выпрямился, зѣвнулъ и протеръ кулаками глаза.

— Статіонъ Сеговья билъ?—спросилъ онъ у Николая Ивановича.—На Сеговья ми долженъ имѣть добри заутракъ.

„Обжора, а прекрасный человѣкъ“, подумалъ про него Николай Ивановичъ, и тутъ у него мелькнуло въ головѣ объявить монаху по секрету свое рѣшеніе не ѣхать въ Барселону, а также и причину, по которой онъ сдѣлалъ это рѣшеніе. „Онъ человѣкъ простой, добрый, онъ взвѣситъ, что такое мужъ, и пойметъ, что я долженъ это сдѣлать. А пойметъ, такъ я увѣренъ, что и поможетъ мнѣ устроить это дѣло“, разсуждалъ онъ. „Переведетъ багажъ вмѣсто Барселоны на французскую границу и все эдакое“.

Взглядываясь въ добродушное лицо падре Хозе,

Николай Ивановичъ былъ убѣжденъ, что монахъ ему поможетъ.

„За завтракомъ откроюсь ему“, рѣшилъ онъ, и сейчасъ-же сталъ разспрашивать его, когда они пріѣдутъ въ Сеговію и когда будутъ въ Валядолидѣ.

Оказалось, что въ Сеговіи поѣздъ останавливается для завтрака въ началѣ второго часа, а въ Валядолидѣ, гдѣ вѣтвь на Барселону, приходитъ въ четвертомъ часу дня. Было съ небольшимъ двѣнадцать часовъ. До Сеговіи оставалось еще больше часа пути. Дабы повабратъ храбрости къ этому времени, Николай Ивановичъ попросилъ у падре Хозе вина. Тотъ съ полнымъ радушіемъ тотчасъ-же вытащилъ изъ корзины непочатую еще бутылку, откупорилъ ее и принялся распивать вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

„Постой... Преподнесу я сюрпризъ супругѣ любезной, когда узнаетъ, что мы ѣдемъ не въ Барселону, а совсѣмъ въ другую сторону“, говорилъ онъ себѣ мысленно. „Тогда объявлю ей и то, почему мы Барселону эту самую по боку. То-то взбѣсится и закричитъ! Нѣтъ, я думаю, не закричитъ, а зареветъ. Ревѣть начнетъ отъ злости. А потомъ нервы и истерика. Это ужъ порядокъ извѣстный“.

Вотъ и Сеговія. Стоянка на станціи двѣнадцать пять минутъ для завтрака. Всѣ выбрались изъ вагона и направились къ выѣскѣ „Посада“, то-есть буфетъ. Падре Хозе еще на ходу облизывался, гладилъ себя рукой по желудку и всасось говорилъ:

— Здѣсь мы будемъ кусать овечьи фаршъ и фасоль и... и... съ этого...

Онъ не договорилъ, съ чѣмъ еще, и прищелкнулъ языкомъ.

Завтракъ за три пезеты былъ обильный. Падре Хозе не ѣлъ, а пожиралъ его. Николай Ивановичъ ѣлъ мало, но пилъ много. Капитанъ сидѣлъ рядомъ съ Глафирой Семеновной и накладывалъ ей на тарелки кушанья. Она, какъ всегда, брезгливо ковыряла все вилкой, пробовала, морщилась, отодвигая отъ себя тарелки и, въ концѣ концовъ, выпила только бокалъ кофе съ булкой и поѣла фруктовъ. Николай Ивановичъ собирался повѣдать свою тайну монаху и все не могъ этого сдѣлать: жена и капитанъ сидѣли за столомъ противъ него и монаха и мѣшали. Наконецъ, Глафира Семеновна поднялась изъ-за стола и сказала мужу:

— Ну, вы будете тутъ долго еще пить, а мы пойдемъ и походимъ около вагоновъ. Ты, Николай, заплатишь. Плати ужъ и за капитана. До Барцелоны онъ нашъ гость, а въ Барцелонѣ мы его гости. Пойдемте, капитанъ.

И она ужъ сама подхватила его подъ руку.

Николай Ивановичъ остался расплачиваться за съѣденное и выпитое. Онъ не позволилъ и монаху, чтобы тотъ платилъ за свой завтракъ. Наконецъ, расплатившись съ слугой, онъ взялъ монаха обѣими руками за руку и чуть не со слезами на глазахъ, немного заплетающимся отъ выпитаго вина языкомъ произнесъ:

— Падре Хозе, вы человекъ добрый и благородный... Совсѣмъ благородный... И я вижу, что вы мнѣ истинный другъ... Понимаете, отче, истинный другъ...

— Сси... сси... — киваль монахъ, ожидая, что будетъ дальше.

— Да, я считаю васъ за истиннаго друга...— продолжалъ Николай Ивановичъ.—И называю васъ отъ души нашимъ славянскимъ словомъ „отче“, такъ какъ считаю васъ въ самомъ дѣлѣ какъ-бы отцомъ для себя... Да... прямо: отецъ, отче. И вотъ, отче, я вамъ хочу повѣдать... то-есть сказать одну тайну...

— Тайну?..—повторилъ монахъ, недоумѣвая.

— Да, тайну. Вы понимаете, падре, что такое слово „тайна“?—спрашивалъ его Николай Ивановичъ, продолжая жать ему руку.

— Сси, сси... Я понимаю, что есте тайна...

И монахъ тотчасъ-же перевелъ это слово по-испански.

Николай Ивановичъ продолжалъ:

— Да... тайну—и сообщаю ее вамъ, падре... какъ священнику на духу... Какъ на исповѣди... Понимаете, падре? Сейчасъ вамъ ее сообщу и буду просить вашего совѣта и содѣйствія. Вы понимаете, что такое исповѣдь? Я хочу все-равно, что исповѣдаться вамъ.

— Сси, сси...—опять закивалъ монахъ.—Исповѣдь... Сси... Но вы ортодоксъ есте, православна есте, а я есмь...

— Что тутъ ортодоксъ! Мнѣ душу свою надо освободить вамъ насчетъ жены и просить у васъ совѣта и содѣйствія!—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Помогите, падре...

— Говорите, сынъ мой, говорите... Я слушаю...

Падре Хозе наклонилъ голову на бокъ и приготовился слушать, сложа руки на груди, но тутъ раздался звонокъ. Завтракавшіе пассажиры бросились вонъ изъ буфетной комнаты. Пришлось уходить и Николаю Ивановичу съ падре Хозе къ своему вагону. Николай Ивановичъ шелъ и бормоталъ:

— Это еще только второй звонокъ. Я вамъ, падре, сейчасъ-же около вагона все объясню...

LXXXVІІ.

ОНИ подбѣжали къ своему вагону. Толстякъ монахъ тяжело переводилъ духъ и отиралъ выступившій на лбу потъ краснымъ фуляромъ. Николай Ивановичъ отыскивалъ глазами жену и капитана, но на платформѣ передъ вагонами ихъ не было. Двери купэ были распахнуты. Кондукторы еще не затворяли ихъ, стало быть и поѣздъ еще нѣкоторое время простоятъ на станціи.

— Ви хотѣлъ мнѣ сказать тайна...—напомнилъ монахъ Николаю Ивановичу.

— Да, да... Мнѣ нужны вашъ совѣтъ и ваша помощь, падре. Сейчасъ скажу...—отвѣчалъ тотъ.— Тѣмъ болѣе, что это я долженъ вамъ сказать безъ жены, глазъ на глазъ, такъ какъ это дѣло прямо ея касающееся. Кромѣ того, тутъ и вашъ капитанъ... И онъ замѣшанъ. Но я долженъ узнать, гдѣ моя жена... Она ушла изъ буфета вмѣстѣ съ капитаномъ... Посмотримъ, нѣтъ-ли ихъ уже въ нашемъ купѣ.

Николай Ивановичъ суетился. Онъ схватилъ падре Хозе за руку и подтащилъ его къ своему купѣ. Они заглянули въ отворенныя двери и на мгновеніе остолебенѣли. Капитанъ прижималъ Глафиру Семеновну къ своей груди и цѣловалъ ее. Завидя мужа и монаха, Глафира Семеновна тотчасъ-же вырвалась изъ объятій капитана.

— Вотъ она моя тайна... вотъ... Вы ее сейчасъ сами видѣли, и теперь ужъ мнѣ нечего вамъ исповѣдываться, падре...—проговорилъ Николай Ивановичъ монаху.

Они отошли отъ дверей купѣ. Смущенный падре Хозе вытащилъ изъ кармана табакерку и нюхалъ табакъ.

— Что мнѣ дѣлать, падре?—приставалъ къ монаху Николай Ивановичъ.—Ѣхать къ вамъ въ гости въ Барселону я теперь не могу.

— Сси, сси, сси...—кивалъ въ отвѣтъ монахъ, потомъ покачалъ головой и произнесъ протяжно:— А-а-ахъ!

— Если поѣхать въ Барселону, что-же тамъ-то

будеть! Судите сами...—продолжалъ Николай Ивановичъ.—И наконецъ, я за себя не ручаюсь. Человѣкъ я не военный, но я мужъ и могу дать такую встряску вашему другу капитану, что чертямъ будетъ тошно.

— Сси, сси, сси... Ви не долженъ ѣхать въ Барселона. Ви отъ Валядолидъ долженъ ѣхать прямо до Ирунъ, вѣа Бургось... Понимай... Ви остани... Ви остани... Ви останьте въ Валядолидъ, а ми, азъ и капитанъ, ѣдемъ на Барселона.

— Но, голубчикъ падре, у насъ билеты до Барцелоны и багажъ нашъ до Барцелоны ѣдетъ. Прѣздные билеты — чортъ съ ними... А багажъ, багажъ... Вы мнѣ помогите багажъ вмѣсто Барцелоны до французской границы перевести. Вѣдь я, падре, безъ языка, по-испански пикнуть не умѣю. Вотъ я въ чемъ, другъ мой, прошу вашего содѣйствія и кланяюсь. Помогите...

И Николай Ивановичъ сначала въ поясъ поклонился монаху, потомъ обнялъ его и поцѣловалъ въ жирную щеку.

— Ми эти сдѣлаемъ на станіонъ Медина. Дай ваши билета, дай вашъ билетъ отъ багажъ,—проговорилъ монахъ.

— Голубчикъ, вотъ вамъ все...

Николай Ивановичъ тотчасъ-же сунулъ въ руки падре Хозе билеты.

Но вотъ кондукторы закричали, чтобы публика садилась въ вагоны. Николай Ивановичъ и монахъ полѣзли въ свое купѣ.

— Только вы безъ скандалъ, пожалуйста... За-
чѣмъ?— обернулся падре къ своему спутнику.

— Тише воды, ниже травы,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна была очень смущена, когда мужъ и монахъ сѣли въ купэ, капитанъ—тоже. Она избѣгала взгляда мужа. Капитанъ обтиралъ носовымъ платкомъ лезвіе кортика, заржавѣвшаго отъ чистки имъ груши.

Поѣздъ тронулся. Всѣ молчали. Падре Хозе, еще разъ понюхавъ табаку и, управившись съ краснымъ носовымъ платкомъ около своего носа, приготовился подремать, для чего поудобнѣе приткнулся въ уголокъ и сложилъ на груди руки. Николай Ивановичъ тоже сдѣлалъ видъ, что готовится соснуть, досталъ маленькую подушку и, поджавъ подъ себя ноги, сталъ укладываться на диванѣ.

— Хочешь, можетъ быть, пледъ, чтобы ноги укрыть?—заискивающе предложила ему жена.

— Ничего мнѣ не надо. Оставь, пожалуйста,—огрызнулся онъ.

Онъ улегся, закрылъ глаза, но, разумѣется, заснуть не могъ. Время отъ времени онъ открывалъ глаза и взглядывалъ на жену и капитана. Жена глядѣла въ путеводитель, капитанъ сидѣлъ въ своемъ углу, закрывши глаза.

Проѣхали двѣ станціи. Монахъ спалъ. При остановкѣ на третьей—Николай Ивановичъ, безпокоясь, что падре Хозе проспять станцію, гдѣ нужно заявить

о перемѣнѣ направленія багажа, разбудилъ монаха и шепнулъ ему:

— Падре Хозе, не пора-ли насчетъ багажа-то?..

Тотъ выглянулъ въ окошко, посмотрѣлъ на станціонномъ домѣ названіе станціи и проговорилъ:

— Но... Еще одинъ станіонъ—и Медина. Мы будемъ ходить—ви и я. Тамъ есте добри кафе и мы можемъ пить.

Николай Ивановичъ опять посмотрѣлъ на жену. Та, закрывши носовымъ платкомъ лицо, полулежала спала или дѣлала видъ, что спитъ. Капитанъ читалъ газету.

Вотъ и Медина.

— Сси...—сказалъ монахъ, тяжело вздохнувъ, помянулъ пальцемъ Николая Ивановича и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ купѣ.

Здѣсь было заявлено монахомъ начальнику станціи о перемѣнѣ мѣста назначенія багажа, сдѣлана доплата, перемѣнена квитанція. У Николая Ивановича какъ гора свалилась съ плечъ, когда онъ получилъ отъ падре Хозе новую квитанцію. Онъ съ наслажденіемъ выпилъ съ нимъ по большой чашкѣ кофе, обильно приправленнаго коньякомъ, и вернулся въ вагонъ даже повеселѣвшій. Жена стояла въ открытых дверяхъ и старалась улыбнуться мужу.

— Прохладиться съ своимъ другомъ ходилъ?—спросила она его.

— Не твое дѣло,—отвѣчалъ тотъ.—Да коварныя-то улыбки прошу не строить. Срама ими не прикроешь.

Она вспыхнула и молча отошла отъ дверей.

Быль четвертый часъ дня. Поѣздъ приближался къ станціи Валядолидъ. Глафира Семеновна полулежала на диванѣ, отвернувшись къ стѣнѣ. Николай Ивановичъ то и дѣло взглядывалъ на нее и съ злорадствомъ шепталъ:

— Въ Барселону ѣдешь, милая? Погоди, голубушка... Удружу я тебѣ.

Онъ до послѣдняго момента держалъ отъ жены въ тайнѣ, что въ Барселону они не свернутъ.

Минутъ черезъ десять капитанъ и падре Хозе стали приготовляться къ пересадкѣ въ Валядолидъ въ другой поѣздъ и связывали свои вещи. Капитанъ сказалъ супругамъ Ивановымъ, чтобы и они приготовлялись къ пересадкѣ. Николай Ивановичъ улыбнулся угломъ рта и ничего не отвѣтилъ. Глафира Семеновна быстро схватила подушку и пледъ и стала ихъ увязывать въ ремни.

— Надѣвай пальто-то. Приготовляйся... Валядолидъ сейчасъ. Здѣсь сходить,—сказала она мужу.

— Не требуется...—лаконически отвѣчалъ тотъ.

Вотъ и Валядолидъ. Кондукторъ объявилъ, что поѣздъ простоятъ пятнадцать минутъ. Падре Хозе кликнулъ носильщика для своихъ вещей и сталъ прощаться съ Николаемъ Ивановичемъ. Тотъ обнялъ его и цѣловалъ въ жирныя щеки, говоря:

— Спасибо, падре Хозе, спасибо! Прощайте... Всю жизнь буду помнить о васъ и рассказывать всѣмъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ. Вы истинно

добрый, благородный и честный человек! Дай вамъ Богъ здоровья и долго, долго жить.

Цѣловаль его и падре Хозе, пожимая ему руки. На глазахъ у старика были слезы, и онъ шепталъ:

— А жена своя не тронь, не тронь... Безъ скандаль... Надо прочь изъ свой умъ...

Глафира Семеновна недоумѣвала, что они прощаются, и стояла съ открытымъ ртомъ. Но монахъ подошелъ къ ней.

— Прощайте, мадамъ Ивановъ... Будь здоровъ!— произнесъ онъ.

— Какъ? Вѣдь и мы съ вами!...—воскликнула Глафира Семеновна, вопросительно взглянувъ на мужа.—Развѣ мы не ѣдемъ въ Барселону?

— Нѣтъ, матушка. Довольно, ужъ и такъ на-барселонила. Мы ѣдемъ на французскую границу, а оттуда въ Россію.

— Но какъ-же это такъ? Вѣдь ты хотѣлъ...

Въ голосѣ Глафиры Семеновны слышались слезы.

Николай Ивановичъ отвернулся отъ нея, ничего не отвѣтивъ. Передъ нимъ стоялъ капитанъ.

— Ви не ѣдетъ на Барселона? Это очень жаль. Прощайте...—сказалъ онъ и протянулъ руку.

— Пошелъ прочь, выжига!—закричалъ на него Николай Ивановичъ, весь побагровѣвъ и пряча свои руки за спину.—Нахаль!—прибавилъ онъ.

Капитанъ выскочилъ изъ купэ.

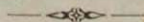
* * *

Черезъ четверть часа поѣздъ отходилъ отъ станціи Валядолидъ, направляясь къ французской гра-

ницѣ. Въ купѣ были только супруги Ивановы. Они помѣщались на противоположныхъ концахъ купѣ. У одного окна сидѣлъ Николай Ивановичъ и разсматривалъ только что купленные билеты для продолженія пути. У другого окна, на противоположномъ диванѣ, уткнувшись въ подушку, лежала Глафира Семеновна и плакала.

КОНЕЦЪ.

- ◆ ПУХЪ И ПЕРЬЯ, юморист. рассказы въ 54 рисунками художника Лебедева. Изд. 2-е. 138 стр. Цѣна 2 р.
- ◆ РЕВЯТИШКИ. Рассказы. Изд. 3-е. 326 стр. Цѣна 1 р.
- ◆ АПРАКСИНЦЫ И ВИРЖЕВЫЕ АРТЕЛЬЩИКИ. Очерки. 3-е изд. 310 стр. Цѣна 1 р.
- ◆ ДЕРЕВЕНСКАЯ АРИСТОКРАТІЯ. Очерки сельской жизни. 211 стр. Цѣна 1 р.
- ◆ ЦВѢТЫ ЛАЗОРЕВЫЕ, рассказы. 346 стр. Цѣна 1 р. 50 к.
- ◆ ХРИСТОВА НЕВѢСТА.—Кусокъ хлѣба, романъ и повѣсть. 3-е изд. 285 стр. Цѣна 1 р. 50 к.
- ◆ КАРАСИ И ЩУКИ, рассказы. 323 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.
- ◆ ТЕПЛЫЯ РЕВЯТА, рассказы. 216 стр. Цѣна 1 р. 50 к.
- ◆ НАШИ ЗАБАВНИКИ, рассказы. Изд. 2-е. 312 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССИЯНЕ, рассказы. Изд. 2-е. 287 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ. Рассказы. 319 стр. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ ГУСИ ЛАПЧИТЫЕ. Рассказы. 300 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- ◆ МУЧЕНИКИ ОХОТЫ. Рассказы. 263 стр. Цѣна 1 р. 50 к.
- ◆ РУКОВИТІЕ, РЯЖЕННЫЯ. Картины изъ купеческаго быта въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 30 к.
- ◆ РАДИ ПОТѢХИ. ШАЛОСТИ ПЕРА. Изд. 3-е. 384 стр. Ц. 1 р.
- ◆ МЕДАЛЬ, шуточные сцены, въ 1 дѣйствіи. Ц. 25 к.
- ◆ КУМЪ ПОЖАРНЫЙ, шуточные сцены, въ 1 дѣйствіи. Ц. 25 к.
- ◆ ТЩЕСЛАВІЕ И ЖАДНОСТЬ, 2 повѣсти. Изд. 2-е. 384 стр. Ц. 1 р.
- ◆ ХЛѢБНЫЙ ВОПРОСЪ, 7 юморис. рассказовъ. Изд. 2-е. 338 стр. Ц. 1 р.
- ◆ СВАТОВСТВО ПРОФЕССОРА, романъ. изд. 3-е. 303 стр., Ц. 1 р.
- ◆ СРЕДИ ПРИЧТА. Романъ. Изд. 2-е. 312 стр. Ц. 1 р.
- ◆ ЗАПИСКИ ПОЛКАНА. Повѣсть изъ собачьей жизни. Изд. 2-е. 216 стр. Ц. 60 к.
- ◆ ДАЧНЫЕ СТРАДАЛЬЦЫ. 5 юмористическихъ рассказовъ. Изд. 2-е. 244 стр. Ц. 60 к.
- ◆ СУСАЛЬНЫЯ ЗВѢЗДЫ. Романъ. изд. 2-е. 423 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Выписывающіе отъ автора, изъ редакціи журнала «Осколки» (С.-Петербургъ, Спасская ул., № 17), за пересылку не платятъ.

ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

